

Михаил Любимов закончил в 1958 году московский институт международных отношений, кандидат исторических наук, полковник. До 1980 года служил в советской разведке, работал в Великобритании, Дании, Финляндии и других странах, прошел путь от рядового оперативника до резидента и начальника отдела. После отставки окупился в журналистику (газета «Совершенно секретно», журнал «Огонек»), написал несколько пьес и романы «И ад следовал за ним», «Записки непутевого резидента», «Гуляния с Чеширским котом» и другие. «Декамерон шпионов» — это острая сатира на перестройку, доведенная до настоящего времени, она переложена веселыми и грустными повествованиями из жизни наших и иностранных спецслужб. Этот роман полон юмора и подобен плаванью, изображенному на «Корабле дураков» великого Иеронима Босха, фантастическому путешествию по бурным водам в царство абсурда.

«Как писатель М.Любимов открывает читателю много больше, чем хочет и планирует, — это особенность литературной стереофонии, эффект исповедальности, пластика талантливой руки, обрисовывающей контур так, что объем проступает как бы сам собой».

Лев Аннинский, литератор и философ

«Любимов это не только бывший полковник КГБ, это аппетитно шутящий романист и мастер саморекламы».

Джон Ле Карре, английский писатель

«Веселый тон Михаила Любимова не должен заслонять его смертельно серьезную роль в англо-советской холодной войне».

Санди Телеграф», Англия.

«Такую книгу никто кроме Михаила Любимова, с его причудливой «шпионской» биографией советского человека, любовью к виски и Родине, сочинить не смог бы.

Роман прочитал с великим удовольствием и веселием, переслал некоторым товарищам, друзьям, которых до сих пор уважаю и люблю.»

Евгений Попов, писатель, президент Русского ПЕН-центра

ISBN 978-5-6042363-5-2

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ
www.argumenti.ru • выходит по четвергам

18+

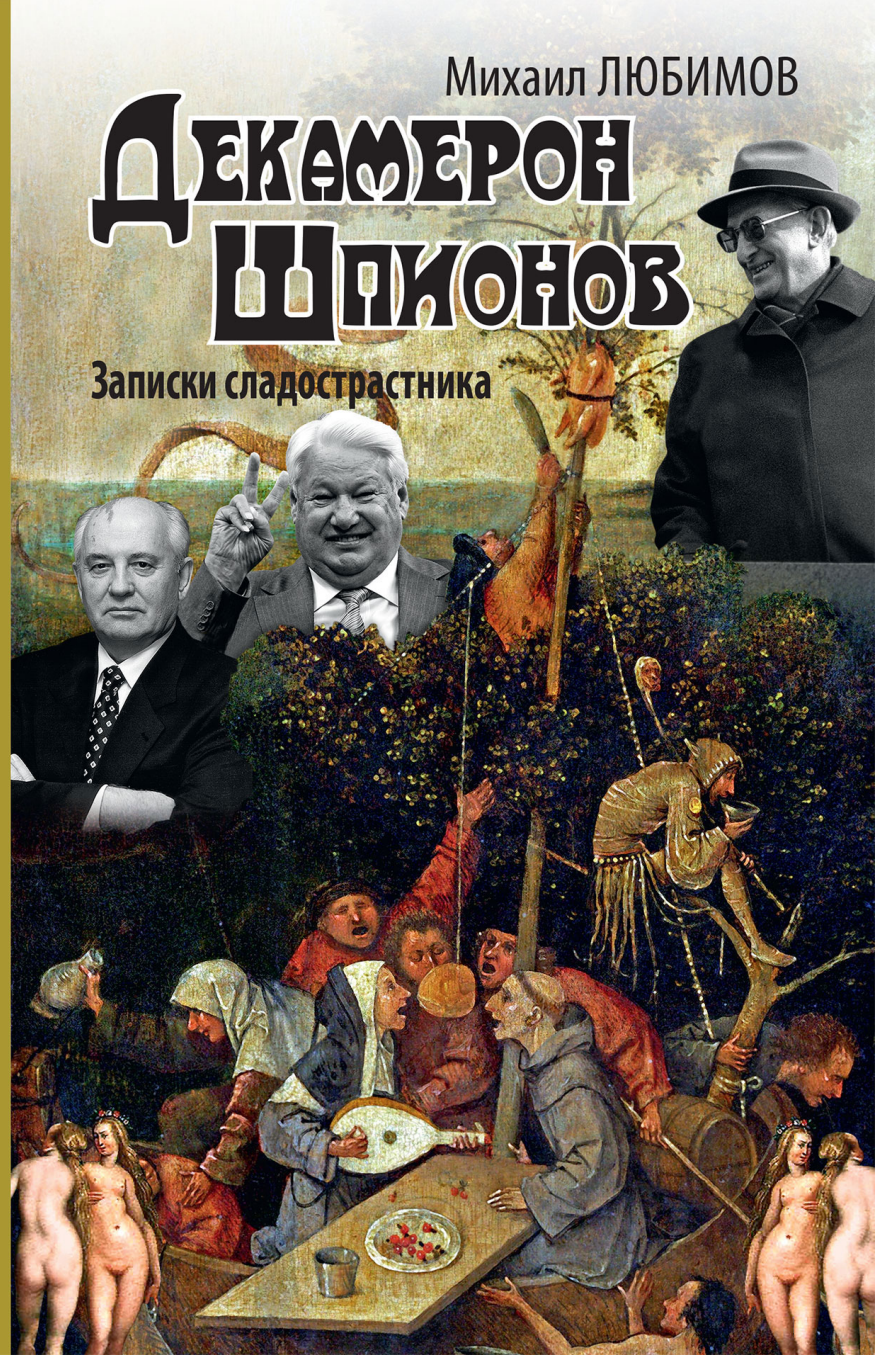
ДЕКАМЕРОН ШПИОНОВ

Михаил
ЛЮБИМОВ

Михаил ЛЮБИМОВ

ДЕКАМЕРОН ШПИОНОВ

Записки сладострастника

УДК
ББК
Л

18+

Л **Любимов М.** Декамерон шпионов. *Записки страстотерпца*. Сатирический роман. – М.: АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2020. – с.

ISBN

В книге

ISBN

*Что жизнь? Мистерия людских страстей.
Любой из нас – природный лицедей...
Все в нас – актерство, до последних поз:
И только умираем мы всерьез.*

**Уолтер Рэли, английский поэт,
государственный муж, пират**

*Мы бренны в этом мире под луной.
Жизнь? только миг, небытие – навеки.
Кружится по Вселенной шар земной,
Живут и исчезают человеки.*

Ю.В. Андропов, председатель КГБ

*Сатиры мы на органы не пишем?
Ведь органами мы живем и дышим.*

Вольтер, французский философ

© Любимов М., 2020

© АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

7 ПРЕДИСЛОВИЕ

II PRELUDIO

57 ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

НОВЕЛЛА О НЕИСТОВОЙ СТРАСТИ, КОТОРАЯ ПОСТОЯННО В КОНФЛИКТЕ С РАЗУМОМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ЗАДАЧАМИ, О ВНЕБРАЧНЫХ ДЕТЯХ, УПРЯМЫХ ШОТЛАНДКАХ, ВЕЛИКОМ РОБЕРТЕ БЕРНСЕ, О СКУКЕ ЖИЗНИ И ПРЕИМУЩЕСТВАХ ВОЛГИ ПЕРЕД ПЕТЛЕЙ

125 ДЕНЬ ВТОРОЙ

НОВЕЛЛА О ТОМ, КАК ВРЕДНО ТРАХАТЬ МАЛЬЧИКОВ, А НЕ ДЕВОЧЕК, И КАК УЖАСНО ЛЮБИТЬ ПОЖИЛЫХ СКРИПАЧЕЙ, ЕСЛИ В СТРАНЕ ТОТАЛИТАРНЫЙ РЕЖИМ

НОВЕЛЛА О ТОМ, КАК ПРИЯТНО ВЫЕЗЖАТЬ В ЗАГРАНКОМАНДИРОВКИ, ЗАПРЯТАВ В ШТАНЫ «ВАЛЬТЕР», АМПУЛУ С ЯДОМ, ДЮЖИНУ ПРЕЗЕРОВ И ФОТО ЛЮБИМОЙ

184 ДЕНЬ ТРЕТИЙ

НОВЕЛЛА О ТОМ, КАК ТРУДНО БЫТЬ ЯПОНЦЕМ, ЕСЛИ НЕ ОТЛИЧАЕШЬСЯ ОТ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ

214 ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

НОВЕЛЛА О ТОМ, СКОЛЬКО ТЕЛЕСНЫХ РАДОСТЕЙ ПРИНОСИТ УМЕРЩВЕЛЕНИЕ КЛАССОВЫХ ВРАГОВ, ПОБОЛЬШЕ, ЧЕМ COITUS, ХОТЯ ЛЮДЕЙ ОТ ЭТОГО СТАНОВИТСЯ МЕНЬШЕ, А НЕ БОЛЬШЕ

256 ДЕНЬ ПЯТЫЙ

НОВЕЛЛА О ЗАГАДКАХ РУССКОЙ ДУШИ, ДОСТОИНСТВАХ ВОДКИ, ОСТРОТЕ АГЕНТУРНОЙ РАБОТЫ И ПУЛЕ В ЗАТЫЛОК

301 ДЕНЬ ШЕСТОЙ

НОВЕЛЛА О ГЛУПОЙ ДАШЕ И О БЕЗУМНОМ КРИСЕ, О НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ ЛЮБВИ И О ШПИОНАХ, КОТОРЫМ ЭТО НЕВЕДОМО

333 ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

НОВЕЛЛА О ТОМ, ЧТО ДАТСКИЕ ДОГИ ВЕЛИКОЛЕПНЫ, ЕСЛИ НЕ ОТДАВАТЬ ИМ НА СЪЕДЕНИЕ ЖЕНСКИЕ СЕРДЦА

384 ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

НОВЕЛЛА О ТОМ, ЧТО ПОСЛАМ СЛЕДУЕТ ВРУЧАТЬ ВЕРИТЕЛЬНЫЕ ГРАМОТЫ, А НЕ БЕГАТЬ ПО СТОЛИЦЕ С ДЫМЯЩИМСЯ НАПЕРЕВЕС

428 ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

457 ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ И ВЕЧНОСТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отрывок из «Декамерона шпионов», опубликованный в 1995 году под названием «Операция «Голгофа» в газете «Совершенно секретно», поверг нашу страну в смятение и произвел сенсацию во всем мире. Легковерные граждане, еще не отравленные фейками, дивились жуткому «плану Андропова» провести страну через «дикий капитализм» с тем, чтобы она добровольно вернулась на сияющую стезю коммунизма. Посыпались протесты и, наоборот, слова поддержки, всколыхнулась Дума, даже обсудила статью в одном из комитетов и запросила комментарии от органов безопасности, кое-кто угрожал судом и возмущался газетой. До сих пор фанатичные индивиды, мечтающие о возвращении на рельсы «реального социализма», используют публикацию, как истинный план руководства КГБ.

Заметим, что статью публиковали со смонтированными фотографиями, где автор идет по Петрозаводску вместе с Юрием Андроповым (заменяли голову секретаря обкома на голову автора, о великое прегрешение!), и для пущего неправдоподобия снабдили старинными гравюрами средневековых пыток якобы в «подвалах КГБ». Однако это не помогло, народ верит печатному слову! Слышались тем не менее и трезвые голоса, присвоившие публикации загадочное слово апокриф, которого не чуждалась русская литература. Вот, например, суждения из статьи видного литератора и историка Вадим Кожина «Кто и зачем придумал «перестройку»?»:

«...Читатели называют этот казус «подлостью», а между тем в теории сатиры такой довольно типичный прием (присоединение к телу не принадлежащей ему головы)

с давних времен носит название «гротеск». Впрочем, было бы заведомо несправедливо предъявлять какие-либо упреки петрозаводцам, ибо сочинение М. Любимова вызвало, увы, возмущение или хотя бы глубокое недоумение у очень и очень большого количества людей. И в этом следует разобраться. В «Операции «Голгофа» повествуется о действиях известнейших политических и идеологических фигур 1980–1990 годов – от Андропова до Ельцина, от Аганбегяна до Митковой... И тем не менее сочинение М. Любимова чуть ли не большинство читателей воспринимало, как говорится, на полном серьезе. Чем это обусловлено? Думаю, прежде всего тем, что российские читатели не привыкли к такой сатире, где «руководящие» деятели предстают под своими собственными именами... Но суть дела не в этом. На мой взгляд, сей сатирический «мемуар-роман» – явление яркое и примечательное. Преподнесенное в романе как реализация замысла Андропова беспощадное внедрение в Россию капитализма ради того, чтобы затем народ уже окончательно избрал социализм, – это, разумеется, чисто сатирическое, во многом гротескное изображение того, что происходило в стране за последнее десятилетие. Но с полным основанием можно утверждать, что именно такова – в основе своей – воля самой истории. Ведь именно так шло дело и после великих революций в Англии и Франции: самый решительный ход назад, восстановление монархии и феодальных привилегий, безоговорочные проклятия по адресу революции и всех ее последствий, а затем все же – окончательное утверждение нового экономического и политического строя, основы которого заложила революция. И те, кто сегодня особенно активно и «радикально» пытается «строить» в стране капитализм, в будущем так или иначе будут вынуждены признать, что на деле-то они «поработали» на окончательное торжество социализма, то есть являлись деятелями, вполне подобными героям сочинения Михаила Любимова. Да, герои «освобождения цен», «приватизации» и прочего в конечном счете поймут, что – несмотря на весь драматизм или прямую трагичность нашего вре-

мени – они-то были – подобно английским и французским «реставраторам» – прежде всего комическими фигурами, полностью готовыми стать прототипами героев самой язвительной сатиры. А «Операция «Голгофа» изобразила их таковыми уже сегодня».

Перед вами, дорогие читатели, несколько модернизированное переиздание романа, который оказался в известной степени пророческим. Неожиданные лавры Нострадамуса меня умиляют, хотя я совершенно не ожидал, что мы войдем в 2020 год с руководителем из КГБ и с его коллегами, освоившими важные государственные должности. Более того, издание «Декамерона» приурочено к мировому разгулу коронавируса – а разве ренессансная Флоренция не была объята страшной чумой? Разве не бежали из нее прекрасные юноши и девушки, как мои несчастные шпики?

Этот роман, хотя и сатирический, но без злости, автор склонен к улыбкам и животному хохоту и потому очень боится читателей, вгрызающихся в подобные произведения с паучьей серьезностью. Тут много легкого философствования, причем даже о самых высоких сферах. Но, клянусь, я не иностранный агент (опытный чекист заметил бы: «Это еще нужно доказать!»). И я очень боюсь, что меня посодуют под одобрительный свист системных и бессистемных партий. В подражание Джованни Боккаччо в сей философский роман вплетены шпионские новеллы, дабы развеять увязшего в политике читателя. В свое время интеллектуальный мэтр моего поколения, критик и философ Лев Аннинский упрекал меня в том, что я не раскрываю «технологии» работы секретных служб. Исправляюсь, в романе эта «технология» представлена в изобилии картинками из операций разведки и контрразведки КГБ, картинками драматическими и юмористическими. Пусть не пугают читателя мудрые беседы с самим ренессансным Джованни Боккаччо, ведь мысли из прошлого освещают будущее. В романе политическая сатира смешана с пародией на эротический роман и даже с пародией (простите меня, грешного!) на столь любимый нами секс – разве со

стороны не выглядит весь этот серьезный процесс уморительно комическим?

Так хватай и впивайся в книгу, дорогой читатель, возмущайся, трепещи, плачь и хохочи, как паяц над разбитой любовью! А по прочтении на всякий случай сожги! Вместе с коронавирусом.

Автор

PRELUDIO

О, Джованни Боккаччо, незаконный сын флорентийского купца Боккаччо де Келино и одной шибко легкомысленной француженки! Ищущий юноша со взором целеустремленным, объевшийся утонченными знаниями неаполитанского двора при короле Роберте Анжуйском. Зачем ты возвратился оттуда к папаше во Флоренцию, скучную республику холодноголовых купцов? Бросить Марию Фьяметту, дочку короля Роберта, которую любил пятнадцать лет и воспел в сонетах! Не возмущайся, что заимствую название «Декамерон», не обнажай кинжал, если нам доведется встретиться в райских кущах, где на извилистых аллеях денно и ночью поют милovidные ангелы, подпаивая путников терпким вином.

Увы, родители не дали мне истинно классического образования и после десятилетки, послужив Родине, я попал в летнюю школу в Сызрани. Слезы встают в глазах и дрожит от волнения голос:

*Нас ждут гарнизоны Отчизны
с волнующей явной новью,
Но милая с воздуха Сызрань
останется вечной любовью!*

Счастлирое время казармы, портянок и местных красавиц, потом народивших эскадрильи летчиков, ничуть не хуже потомков неаполитанского двора. Затем, Джованни, встал я на терновую стезю секретной службы, именуемой КГБ, и, осознавая свою избранность, попал в разведывательную школу, где учили нас разным премудрым штучкам и черт знает чему. Отсюда провалы в образовании, стыдно признаться, но я попросту считал, что «Декамерон» означает

нечто вроде Содомы или Гоморры, этих суперсексуальных местечек, что у Мертвого моря, где я совсем недавно разминал и усаливал свои радикулиты и остеохондрозы. Ужасное дело: компания жизнелюбивых юношей и девиц вырвалась из объятий чумы, полуопустевшей Флоренции и провела ДЕСЯТЬ бурных дней и ночей на пригородной вилле, рассказывая друг другу скабрзные истории и покатываясь со смеху. ДЕСЯТИДНЕВКА и означает ДЕКАМЕРОН – все простенько, как в аптеке.

И чумное время, и пиры нам не в новинку, что может быть прекраснее, если рядом грязь и вонь, кровь и смерть? Солидные дяди и тети, копающиеся в помоечном дерьме, на фоне холеного служителя собачьего борделя, надевающего презерватив бульдогу, доставленному на «мерседесе» на столь желанную случку. Все это не мешает славно поболтать за бутылкой кьянти или не менее прекрасного, но, увы, ставшего раритетом «Солнцедара», на котором я произрастал в Сызрани. Правда, в наших морозных краях, которые любимые и досточтимые предки явно заселили спьяну (кому бы пришло на трезвую голову занимать такие неблагоприятные для жизни огромные пространства в самых северных широтах мира?!), изысканные вина не в чести, пьем крепчайшее, и не без успеха для самоуничтожения. Да ты и не слышал о моей стране, о Джованни, хотя, между прочим, Господин Великий Новгород был демократической республикой еще до твоей Флоренции! Холодно у нас, холодно! Многие мечтают, что с потеплением Земли от изрыганий разной дряни в атмосферу наша страна превратится в цветущий субтропический рай. Но пока...

Как писал патриот и разведчик князь Петр Вяземский:

*Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций – тараканьих штабов,
Вот он, вот он, русский бог.*

В наши дни, когда мы вроде бы породнились с Западом, появился шанс заменить грубые зелья изысканными напитками, вот и сейчас я пишу, прихлебывая шотландский виски,

истинный молт «Singleton of Auchroisk», сия деревушка залегла в долине реки Спрей, около местечка Малбен. Боюсь, что ты ее не визитировал, но если случится посетить после Воскрешения Мертвых те края, не упущи случая, попробуй ключевой воды из ручья «Колодец Дори», на ней и изготовляют этот дьявольски вкусный напиток из Очройска, что на древнегэльском (язык шотландских кельтов, на котором, сильно поддав, говорят и в Сызрани) означает «Брод через поток» – так пойдем же по этому броду наперекор бурному потоку Судьбы, наперекор всему, смакуя вместе с молтом модных у нас куртуазных маньеристов:

*О Ельцине, Зюганове, Попове.
Неудержимо говорили вы.
Я слушал вас, прилежно сдвинув брови,
С внимательным наклоном головы...*

Я медленно пытаюсь ввести тебя в курс дел, Джованни, дабы подвести тебя к своим десяти дням, исполненным страсти и муки. Хотя порой мне кажется, что смерти нет, и все мы просто странно и необъяснимо перемещаемся во времени и пространстве, в своих Флоренциях, Италиях и Московиях, если они существуют. Не загадочными ли друзьями мы пировали вместе, Джованни? В компании с Данте Алигьери и Александром Пушкиным, который читал: «Мы пили – и Венера с нами сидела, преля за столом. Когда ж вновь сядем вчетвером с бля..., вином и чубуками?» Нет, тут еще не чума, но воздух колыхается от дурных предчувствий: несчастны не только обнищавшие, жадно поглядывающие на гусиные паштеты в недоступных магазинах, но и богатеи, которые отстреливают друг друга, как бешеных собак, бросаются в бега и совсем не испытывают радости жизни – *joî de vivre*. А что важнее *joî de vivre*? Несчастны все человеки, даже олигархи – разве можно быть счастливым одному, когда до безумия тошно всем остальным? И не только в этом дело, Джованни, а в том, что мир вещей – это не пир души. Ведь душа тянется к прекрасному, к высокому стилю поэзии, к игре кисти Рафаэля и Босха, к путешествиям вокруг света и любованию несравнимой природой. Но нет времени

на наслаждение (лишь иногда – лепестки любви), все закручено и выкручено бешеным темпом работы, нежные бифштексы застревают в глотке, небывало прекрасные плечи и блестящие глазки лишь пролетают мимо губ.

Увы.

Спешим и спешим... куда? Возможно, я заблуждаюсь, Джованни, сверху тебе виднее, впрочем, и для меня Сызрань с воздуха казалась милой. Но я все хожу вокруг да около, как блудливый кот вокруг раскаленной сковородки с завлекательной мышью, хотя, будучи пронизательным, ты, конечно, усек, что имеешь дело с авантюристом, а точнее, с прожженным и хитроумнейшим шпионом. Посему, пока мы еще не встретились в райских кущах или на пути к ним, видимо, стоит чуть-чуть расширить монолог о себе, не слишком усердно вешая лапшу на уши, но и не умаляя собственных заслуг перед человечеством.

Немного истории, ибо на ее фоне жизнь всех нас, блуждающих огоньков, становится более ощутимой. Ах, извини, я вполне допускаю, что то, что представляется мне уникальным и значительным, покажется тебе мелочью, посему пробеги быстренько вперед к 1917 году, когда у нас произошла революция, нечто вроде того, что свершилось во Флоренции при тебе. Тогда народ одолел грандов и даже расселил многие их семейства среди пополанского мелкого люда, впрочем, тебе хорошо знакома это бессмысленная и непрерывная борьба между нобилиями, гонфальонерами, гвельфами и гибеллинами, черт бы их всех подрал!

В октябре 1917-го у нас воцарился Владимир Неистовый, между прочим, человек достаточно просвещенный, затем страна сотряслась и облилась кровью от кровавых войн и от топора Иосифа Грозного, которого сменил Никита Беспокойный. Правил он упрямо и непредсказуемо, но был свергнут Леонидом Стабильным, который вдул в страну так много стабильности, что она распухла от самодовольства и показухи, как пузырь, дабы потом разорваться на части – точно так же взлетела и рухнула Римская империя. В наше время принято преуменьшать деяния Леонида, однако, народ его воспел: «Если женщина красива и в постели го-

ряча, это личная заслуга Леонида Ильича». При Леониде на должность шефа КГБ был назначен Юрий Премудрейший, который бросил на это святое дело и весь свой ум, и неистощимую энергию, порешив спасти державу и восстановить былое величие.

Юрий Премудрейший – мой Учитель, мой царь и бог. Я знал этого кристально чистого человека в очках, дорогой Джованни, я служил под его началом, я верил ему, как самому себе, это был пылкий романтик с холодным обручем трезвомыслия, сжимавшим его душу. По одержимости его можно сравнить с монахом Джироламо Савонаролой, а по хитроумию – с философом Никколо Макиавелли. Вряд ли Юрий Владимирович войдет в историю – она беззвучно смолотила тысячи подобных доблестных мужей, но позволь мне, досточтимый Джованни, открыть тебе одну тайную страницу, ставшую роковой для моей слишком просторной родины.

Начнем ab ovo, от яиц Леды.

В тот мрачноватый февральский вечер 1983 года (представляешь, сколько временных верст нас разделяет? Как написала гениальный поэт: «Целую вас через версты разъединяющих лет!») через год после смерти Леонида и восхождения на его пост Юрия, я, будучи уже на преждевременной пенсии, сидел в своей двухкомнатной квартире, что в нomenclатурном доме близ Миусской площади, и безучастно смотрел телевизор. Не завидуй мне, дорогой мессер, поверь, что твои кукольные театры, серенады на улицах, публичные бани, масленичные игры, чувственные танцы, когда дам опрокидывали прямо на землю, хороводы и маскарады гораздо больше дают душе, чем этот безмозглый ящик, в котором изгаляются политики и актеры. Итак, телефонный звонок. Я снял трубку.

– Добрый вечер, Мисаил, не узнаете? – раздалось в трубке. Боже, как знаком этот голос, эти суховато-вежливые интонации, неужели... неужели?

– Извините, не узнаю, – ответил я сухо (не терплю, когда не представляются), хотя узнал ведь, узнал, но не поверил, не мог такого представить!..

– Неужели вы не помните свои прогнозы? – собеседник чуть хохотнул, дав мне счастливый шанс пережить шок.

– Юрий Владимирович? Вы?!

Конечно, я узнал его, Джованни, а и кто еще в этом мире мягко – иронически называл меня Мисаилом? Еще бы мне не помнить эти злосчастные прогнозы, с них все и началось...

Тут я вынужден совершить небольшую ретроспекцию в 1980 год, когда под началом Юрия Владимировича, тогда Председателя КГБ, я служил в отделе, занимавшимся прогнозами будущего иностранных государств и нашей великой державы. Оракульствовали мы всевозможными методами, но в чести был простейший обмен суждениями, как в древнегреческих Дельфах, где авгуры чувствовали будущее умом и кожей, хотя к нашим услугам были электронно-вычислительные машины новейшей генерации.

Не буду забивать тебе голову, Джованни, изысками экстраполяции и прочими математическими играми, скажу лишь одно: наши сводки и прогнозы были не лучше и не хуже донесений флорентийских шпионов Карлу, герцогу Калабрийскому. Добавлю, что, получив прогноз с помощью всевозможных модулей и программ ЭВМ, я доставал из потаенного места потертый кристалл и, подобно средневековому магу, перепроверял все на нем, напряженно всматриваясь в его таинственные глубины, откуда постепенно вырастали картины будущего.

Однажды по личному поручению Председателя КГБ (в то время мы почтительно обозначали этот титул и аббревиатуру с большой буквы) я составил разномножественные прогнозы Советского Союза – так тогда называлась моя страна, Джованни, хотя сверху все это кажется историческим пустяком: все в мире соединяется и распадается на куски, а потом соединяется в другом формате, при этом вокруг все рыдают и визжат сначала от горя, потом от счастья и снова от горя. После усушки и утряски вариантов будущего моей страны осталось всего двадцать и во всех случаях оно, прекрасное будущее, выглядело печально катастрофически.

Прямым начальником моим был хитрован по кличке Бухгалтер, человек усердный и весьма напоминавший по повед-

кам маэстро Симоне из твоей, Джованни, третьей новеллы, который уверил Каландрино, что он забеременел и получил с него в оплату за лекарство каплунов и флорины. Тем не менее для начальника шпионской службы человек вполне приличный и даже посещавший драматические театры, что само по себе уже признак неординарности. Бухгалтеру я и передал прогнозы для доклада Председателю, держал он их целых две недели, а потом со вздохом вернул мне.

– Докладывайте лично! – молвил он строго, и я понял, что он хорошо усвоил древнюю истину: на Руси гонцам с дурной вестью всегда рубят головы.

Уже на следующий день я выехал на Лубянку – нечто вроде alberghettino, где содержали в заключении Козимо Медичи, надстроенный и перестроенный коммерческий комплекс, там живо и благотворно трудилась тайная полиция. Водитель промчал меня по кольцевой дороге с колдобинами из нашей штаб-квартиры в Ясенево (живописное это местечко отличается от шотландского Очройска только тем, что виски там завозной). Летели через всю Москву, обгоняя машины и проезжая на красный свет, ибо наша «татра» была оснащена специальной сигнализацией, приводящей в трепет милицию.

Вскоре я предстал перед Председателем. Он начал читать бумаги, его бесстрастное лицо становилось все мрачнее и мрачнее. Ах, как бы я был счастлив, если бы умные машины предсказали и молочные реки, и кисельные берега, крестьян на пашне, попутно пописывавших стишки, и трудолюбивых рабочих и служащих, запускавших в космос машину за машиной, и наших коллег, воспевавших от души весь этот апофеоз! Но, увы, врать я не умел (хотя кто-то писал, что «правда, сказанная злобно, лжи отвратнейшей подобна!»).

– Ангидрит твою мать! – вдруг промолвил Юрий Владимирович, встал, вполне дружелюбно попрощался со мною за руку и отпустил с миром.

Тут я вынужден объяснить и с тобой, Джованни, и с любимым читателем по поводу председательского «ангидрит твою мать» и прочих непристойных, вряд ли переводимых на итальянский словечек, которые иногда пестрят в моем

тексте. Пойми, Джованни, что в моей стране мат – это единственный язык, на котором можно передать истинные чувства нации. Жизнь наша проникнута матом насквозь, как свиная нога – жиром. Причина этого и в уже отмеченном мерзком климате, заставляющем утонуть в грязи, трудясь на пашне, или застревать в лужах по дороге на работу, или страдать из-за разорванной морозом канализационной трубы, ядрена мать! Впрочем, в этом есть и позитив. Как писал канцлер Бисмарк: «Нельзя победить народ, который зимою ест мороженое», а русский человек мыслит проще: «Холодно зимою маленькой макаке, примерзают рученьки к волосатой ср...» Но климат – это мелочь, главное другое: тебя постоянно обводят вокруг пальца, тычут носом, мягко говоря, в грязь, обжуливают все и везде, обсчитывают в ЖКХ, вышвыривают в старости из квартиры, дерут деньги за строительство жилья и дают деру за кордон. А в Интернете царит изощренный криминал, непрерывно втягивающий честного гражданина в темные аферы, каждый норовит выведать у тебя номер кредитной карты и ободрать как липку. Унижают и обштопывают абсолютно все: и президент, и правительство, и чиновники всех рангов, и торгаши, и дворники. Абсолютно все. И друзья, и враги. Ну на каком языке, кроме матерного, можно еще говорить? Как еще выразить себя и свое отношение к НИМ? Как успокоить душу? Иногда хочется просто выть, смотря волком на луну и складывая звуки в одно единое трехзначное или пятизначное слово.

Но вернемся к нашим баранам, мессер. Я мирно отбыл с Лубянки в свой Очройск... тьфу, Ясенево, и даже доложил педантичному Бухгалтеру, что наши прогнозы произвели вполне нормальное впечатление на Председателя. Через неделю мне неожиданное позвонили из управления кадров и попросили зайти по делу. Не удивляйся, Джованни, что я употребляю слово «cadre», принятое лишь при комплектовании армии: наша страна после революции 1917 года воевала со всем миром за торжество Идеи с неистовством, не уступающим крестоносцам, воевала за новую цивилизацию, за нового человека! В кадрах мне спокойно сообщили об увольнении по выслуге лет и показали приказ, под кото-

рым стояла подпись любимейшего Юрия Владимировича (как мило он улыбался, пожимая мне руку в последний раз!). Причем меня лишили даже ведомственной поликлиники – жестокость необыкновенная, если учесть скудость пенсии и болезни, которые дарит нам старость с гораздо большей щедростью, чем радости.

Выброшенный с любимой службы, как изношенный носок, я был в отчаяние и даже подумывал наложить на себя руки. Неужели разведка должна докладывать только то, что нравится начальству? История наша в этом смысле печальна, всем известно возмущение Иосифа Грозного шифровкой о грядущем нападении Гитлера, он считал это английской провокацией, а цветок душистый прерий Лаврентий Палыч Берий даже грозил стереть источников в лагерную пыль. Мудрый Мао Дзэдун заметил однажды, что разведка смотрит ему в рот и затем в своих докладах лишь доносит его мысли. Неужели история повторяется? Страданиям моим не было конца, не утешали ни «солнцедар», вполне доступный при моей пенсии, ни цветы любви, которые я иногда срывал в порывах на наших подмороженных асфальтах. Вскоре почил Леонид Стабильный, и его корона перешла к Юрию Премудрейшему, ставшему Генеральным секретарем партии, пост, Джованни, дающий власти больше, чем было у Лоренцо Медичи, которого вечно обвиняли в тирании.

Вот почему затрепетал, услышав голос Юрия Владимировича.

– Мисаил, сейчас время позднее, но не могли бы вы ко мне заехать? – мягко спросил он, чуть-чуть покашливая.

– Конечно, Юрий Владимирович! Конечно!

Сердце мое бешено забилося – как еще может чувствовать себя пенсионер, выброшенный на свалку и вдруг внезапно востребованный на самом вершине?!

– Ехать прямо на Лубянку? – грудь распирало от радости.

– Нет, – отрезал Главный. – В Колпачный переулок. Машину за вами я высылать не буду в целях конспирации. Примите все меры, проверьте, нет ли за вами «хвоста»? Хорошо?

Долгая служба в разведке отучила меня от лишних вопросов, особенно по телефону. О том, что такое «хвост», ты,

по-видимому, не догадался, но это не хвост дракона, которым во Флоренции запугивали детишек, и не мрачные типы в длинных плащах с кинжалами за поясом. Это невидимые автомобили, это нежные мужчины и женщины, часто шикарно одетые, которых никогда не заподозришь в слежке. Поэтому я взял такси, доехал до метро, посматривая вокруг, сменил несколько поездов, выскочил на площади Ногина, вышел на Богдана Хмельницкого (потом эти места в революционном порыве переименовали) и, петляя по переулкам, добрался до особняка на Колпачном, когда-то местожительства бывшего грозного шефа военной контрразведки Смерш («Смерть шпионам») Виктора Абакумова, совершенно напрасно расстрелянного Никитой после кончины Иосифа Грозного. С тех пор сиятельные особы из суеверия воздерживались туда вселяться и использовали помещение в представительских целях.

Фасад дома выглядел серо и опрятно, я с понятным трепетом нажал на кнопку звонка. К моему величайшему изумлению дверь мне открыл сам Юрий Владимирович, одетый весьма по-домашнему: в тренировочных штанах из байки с начесом (такие выдавали в подведомственном ему спортивном обществе «Динамо»), войлочных тапочках и просторном палевом кардигане с железными пуговицами, наброшенном на белую рубашку с галстуком в крапинку.

– Не замерзли? – он ласково улыбался. – В помещении никого нет. Имейте в виду, что все происходит сугубо tete-a-tete сегодня, и завтра, и всегда! Впрочем, у вас и так превосходно развито чувство бдительности и конспирации...

Такое предисловие вселило в меня чувство особой ответственности. Мы вошли в кабинет орехового дерева на втором этаже и расположились в креслах рядом со стеллажами, уставленными книгами, там стояли полные собрания Ленина и Сталина, все сборники решений съездов партии. Юрий Владимирович включил электрический самовар и вынул из буфета сушки. Его аскетизм в личной жизни был общеизвестен, алкоголь он не жаловал, пищу потреблял незамысловатую и не переносил обильных угощений и возлияний, к которым был расположен Леонид Стабильный со товарищи.

– Ну, как вам на пенсии?

– Как вам сказать... Вот из поликлиники выперли, – пожаловался я и почувствовал, что краска залила мне щеки: вот уж мелкая душонка! Тебя призвали для серьезного разговора, а ты со своей поликлиникой!

– Я сознательно сразу же постарался изолировать вас от чекистской среды, – улыбнулся Главный. – Вы не очень на меня обиделись?

Я промолчал, врать не хотелось, да и вообще все происходящее настолько захлестнуло меня, что казалось полной фантастикой. Обиделся ли я? Еще бы! Выгнать на мизерную пенсию и лишиться всех привилегий! И именно в тот момент, когда я собирался серьезно заняться своими зубами, съеденными проклятым кариесом. Но выкладывать все своему хозяину я не решился.

– Ну тогда уж извините меня! Вы поняли, почему мы вас уволили?

(Ох уж это «мы» !)

– Думаю, из-за моих прогнозов, – прямо ответил я, считая ниже своего достоинства разыгрывать простака.

– Ваших великолепных прогнозов, – поправил шеф, повергнув меня в изумление. – Ничего ужаснее я не читал... Помнится такое же впечатление произвели на меня откровения Иоанна Богослова в Новом Завете и его описание Апокалипсиса. Честно говоря, после вашей работы я не спал несколько ночей. Однако, она положила конец моим сомнениям. Выхода нет.

Юрий Премудрейший встал и прошелся по комнате, шурша войлочными тапочками по отполированному паркету. Я был настолько поражен, что даже вынул изо рта сушку (простую, ванильные и прочие он не жаловал) и отставил в сторону чашку с китайским чаем, который ему обычно присылали заграничные резиденты КГБ.

– Вы готовы выполнить мое задание особой важности?

– Так точно! – ответил я и привстал, но Юрий Владимирович жестом усадил меня обратно.

Ты не представляешь, дражайший Джованни, что творилось в моей груди! Я боготворил Главного не меньше, чем ты

восторгался Данте Алигьери, хотя в тот момент еще не считал его своим Учителем. Это чувство возникло позже.

– Я не сомневался в вашей преданности, Мисаил, ибо знаю вас давно, да и не забывал о вас...

В последнем я и не сомневался: после ухода на пенсию я явственно почувствовал на себе око бывших коллег, телефон прослушивался (с моим опытом установить это было нетрудно), стояли «жучки» и в спальне, и даже в уборной, я их обнаружил, но не стал выдирать... Зачем? Все равно воткнут новые! Ну а выявить «хвост» для профессионала – сущее удовольствие, иногда я даже специально заходил в ЦУМ или ГУМ и хихикал, наблюдая, как мои призраки носились по лестницам, меняли кепки на шапки, выворачивали наизнанку и напяливали на себя пальто, специально сделанные в двух цветах, думая таким образом обвести меня вокруг пальца, ха-ха!

– Ваши выводы в прогнозах – ужасная правда, – продолжал генсек. – Этот процесс необратим, еще Левушка Троцкий предвидел разложение партии и термидор. А без партии нет и Советского Союза. Наша задача – восстановить истинный социализм, избавив его от наслоений прошлого.

– А вы уверены, что он нужен нашему народу, Юрий Владимирович? – позволил я себе некоторую идеологическую ересь.

– Я убежден в том, что страна создана для коллективного общежития. Большинство народа может жить не иначе, как за счет хотя и мерзостного, но энергичного и талантливого меньшинства. Все спились, изжупльничались, дегенерировали, генофонд безнадежно подорван – одни дебилы и олигофрены. Их невозможно заставить работать, они не умеют и не хотят. Каков выход? Уничтожить почти весь народ? Пересажать? Но это сталинщина! Остается единственное: создать новое общество из этого, весьма несовершенного материала.

Не могу сказать, что я возликовал от этих слов, Джованни: всю мою жизнь любимая партия только создавала и создавала нового человека и новое общество, старались из всех сил, от трезвона головы лопались, ну и что? Построили? Так

почему же такой зуд умчаться за границу? Как поется: «Ехал Федя на Урал, в Калифорнию попал. Ах, какой рассеянный, зять Сары Моисеевны!»

– Извините меня за откровенность, Юрий Владимирович, но ваши первые шаги на ниве генерального секретаря, на мой взгляд, лишь повторяют печальные уроки прошлого. Неужели вы думаете, что, ловя на улице бездельников и строго учитывая время прихода на работу, мы подвигаем народ на строительство социализма? А как понять ваше решение – очень, напоминающее страшные царские времена! – о снижении цены на водку? Разве это не популизм?

– Это хуже, чем популизм, это цинизм, правда? – совсем не обиделся шеф.

– Да! – сказал я с таким пафосом, что даже испугался.

Он промолчал, присел к столу, забросив ногу на ногу и поигрывая клетчатыми войлочными тапочками, и посмотрел куда-то поверх меня.

– Вы уяснили стратегическую задачу, но не полностью. Повторю: система умерла, мертвую лошадь не поднять даже кнутом, можно, конечно, вспрыскивать допинги, но кому нужен живой труп? Нам нужен истинный социализм, подержанный народом на свободных выборах. На свободных, с альтернативными кандидатурами, без всяких подлогов!

«Боже мой, неужели он в это верит? – подумал я в ужасе. – Ну кто же будет голосовать за этот социализм? Ну, несколько слабоумных старушек из деревни, один-два романтика-патриота из Союза писателей...»

– Не будет ли это опасной маниловщиной – поверить в социалистический энтузиазм народа? – я не мог лгать.

Юрий Владимирович довольно хохотнул, даже очки у него съехали на кончик носа, и доверительно похлопал меня по плечу.

– Вот тут мы и переходим, Мисаил, к сути операции. Любовь к социализму вырастет у нас из ненависти к капитализму, через который мы должны провести народ. Поэтому вам поручается составить план внедрения капитализма в СССР, причем не мягкого социал-демократического типа, как, допустим, в Швеции. Мы должны свергнуть страну в дикий,

необузданный капитализм, где царит закон джунглей и все врвут друг другу глотки. Вот так!

Он взволнованно встал, расстегнул рубашку, чуть распустил галстук и несколько раз пересек комнату. Спортивные шаровары совершенно не вязались с моднейшим кардиганом, словно низ туловища принадлежал забулдыжному тренеру «Динамо», а верх – выпускнику Кембриджа и академику.

Так вот что он имел в виду! Это же не просто нестандартное решение (так в наше время, Джованни, называют все, что выглядит не так глупо, по-черномырдински, как всегда), это конгениально! Боже, вот это идея!

– Юрий Владимирович, – сказал я, запинаясь от волнения. – Все, что вы сейчас рассказали, по своим масштабам, превосходит, уж простите меня, даже план Октябрьского переворота! Чувства переполняют меня, позвольте пожать вам руку, надеюсь, вы не сомневаетесь в моей искренности!

Я двумя руками ухватил его руку и затряс в благодарном порыве, даже слезы выступили у меня на глазах. Далее пошел чисто профессиональный разговор, затянувшийся далеко за полночь. Выпили не один стакан чаю, съели все сушки. Учитель (с этого момента иначе я мыслить о нем не мог) передал в мое распоряжение свои личные шифры, специальное подразделение для ведения наблюдения и подслушивания, счета в наших и западных банках. Но, конечно, самым большим богатством была агентура, способная перевернуть не только все в стране, но и во всем мире.

– Через месяц ровно в девять я буду ожидать вас здесь, Мисаил, с первым вариантом плана операции. Назовём ее «Голгофа», – уставшим голосом сказал Учитель и поежился в своем кардигане, видимо, его необыкновенное чутье подсказывало исполненный мук иерусалимский Via Dolorosa, по которому провели Христа, осужденного на распятие. Он обнял меня за плечи (такого не бывало никогда!), свел вниз по лестнице, приоткрыл дверь и оглядел окрестности. Стояла глухая ночь, яркие звезды, подобные Вифлеемской, зажглись на небе, словно праздная старт нашей беспрецедентной операции. Убедившись, что все тихо и спокойно, Учитель осторожно выпустил меня на улицу.

Я задумчиво шагал по любимой Москве, в то время по ночам еще редко убивали, наоборот, порой подходили добродушные пьяные, просили закурить и объяснялись в любви. Внимательно поглядывал по сторонам, наконец, мне попалось случайное такси, на нем я добрался до Пушкинской площади, а оттуда, проверяясь в переулках и дворах, добрал до дома.

План операции «Голгофа» был представлен Юрию Премудрейшему ровно через месяц, он распался на четыре этапа:

1. Системный развал существовавшего политико-экономического устройства страны.

2. Переворот и форсированное внедрение «дикого» капитализма.

3. Углубление хаоса и неразберихи в целях мобилизации озверевших масс на борьбу с властью под социалистическими лозунгами.

4. Свободные выборы и создание истинно социалистического (коммунистического) правительства.

5. Вся операция проводится под контролем КГБ.

Прости мой канцелярит, Джованни, бурный XX век полностью загубил живой язык: если вдуматься, что означает «системный», «форсированное», «мобилизация»? И загадочное слово «хаос» одинаково ассоциируется и с непознаваемым космосом, и с обыкновенным бардаком, где безумствует коллективный секс.

Мы на ходу корректировали этот общий план, сухой скелет все больше обрастал мясом, и проблемы, как обычно, упирались в людей с широким складом ума, их не хватало, тем более что в политбюро (нечто вроде вашей Синьории, Джованни) преобладали вельможи весьма почтенного возраста. Правда, Учитель подталкивал вперед Михаила Рулевого – прозвище это он получил, благодаря своему умению рулить в любую сторону с одинаковым старанием и добрыми намерениями. Как поют у нас наши менестрели: «Пароход уперся в берег. Капитан кричит: «Вперед!» Как такому раз...гильдю доверяют пароход?»

– Конечно, я мог бы уже сейчас раскидать всех уважаемых динозавров: и Черненко, и Гришина, и Соломенцева,

и Щербицкого с Кунаевым, – говорил Юрий Премудрейший, – однако наш план должен иметь заряд, так сказать, притягательного идиотизма. В любом случае следует сохранить в руководстве этих милых ретроградов-старичков, это разожжет в народе страсть к реформам... Это все равно что поддержать человека в клозете, где кто-то уже порядком постарался. На первом этапе нужно пробудить силы, загнанные в подполье. По сути дела: чем социализм отличается от капитализма? Капитализм, провозглашая свободу и демократию, дает волю всем самым темным человеческим инстинктам. В нынешней системе мы жестко и крайне неумело зажали в тисках мерзкую душонку человека, поэтому, поверьте, стоит нам лишь немного открыть шлюзы, как все дерьмо тут же вырвется на самый верх! Рынок, свобода, болтовня, и к черту государственную монополию на водяру, пусть пьют на полную катушку! Но не сразу, конечно, в начале, наоборот, надо поприжать, подзаломить ручки.

Так рёк Учитель.

Вдумайся в эту простую мысль, Джованни, и скажи мне: читал ли ты или видел лично политика такого масштаба? Разве не похожи на ненужный хлам герои твоих непревзойденных новелл – и короли, и вельможи, и пираты, и синьоры, и крестьяне, и ростовщики, и ремесленники, и купцы, и монахи, и слуги, и артисты, и врачи, и бродяги, и некроманты, и куртизанки? Учитель не беспокоился о первом этапе плана: в стране, где десятилетия угрюмо преподавалась политекономия социализма (загадочная наука о загадочной системе), естественно, отсутствовали истинно образованные экономисты, понимавшие толк в рынке, к этому хлебному делу присосалась еще масса полных идиотов – так что экономический развал страны при введении свободного рынка был неизбежен.

Обсуждали мы, как говорится, кадровые проблемы. Много звучных имен прошло через нас, и большинство заняли свою нишу в операции. Смешно, Джованни, но те имена, которые пробуждали народ, словно звук горна (вроде Попова, Станкевича или Артема Тарасова), ныне забыты или почти забыты. Многих уже прикончили, остальных прикончит ис-

тория. Забвение поглотит всех. Впрочем, так бывало во все века. Разве во Флоренции кто-нибудь ныне помнит грозного в твои времена Угуччоне делла Фаджола, сперва завладевшего Пизой, а затем Луккой, куда его впустила гиббелинская партия? А кто знает имя Готье, герцога Афинского, деяния которого ты переживал в своем родном городе, или поддерживающие его пополанские семьи Перуцци, Аччаюоли, Антеллези и Буонакроси? Все мы, даже самые великие из нас, – лишь факиры на час, Джованни, и не надо обольщаться ни своим могуществом, ни гениальностью, время все превращает в прах, и нет ничего слаще сиюминутной жизни.

Прости мне это грустное отступление, но оно вызвано воспоминаниями о поисках кандидатуры на место лидера первого этапа (Учитель уже предчувствовал свою кончину). Ищущий взор его остановился тогда на единственном члене политбюро, еще не растерявшем мозги и не выпавшем в осадок от недугов, – на Михаиле Рулевым, прошедшем славный путь в Ставропольском крае: от трактора до сановного кабинета. Заметь, Джованни, что в моей стране существует пристрастие столицы к провинции, причем самой захолустной: Владимир Неистовый – из затрапезного Симбирска, Иосиф Грозный – из беднейшего села Гори на Кавказе, Никита Беспокойный – из загаженной деревни на Украине, Леонид Стабильный – из весьма занюханного Днепропетровска... Правда, нынешний ВВ из Питера, но это как бы намек на империю Петра Великого. Чем объяснить этот феномен? Почему? Нет ответа.

Михаил Сергеевич считался мастером закулисья, хотя многим он казался излишне многоречивым и несколько нерешительным, о чем я не преминул заметить Юрию Владимировичу.

– А разве многоречивость мешала Цицерону? – возразил Учитель. – Разве она не укрепляла его политическую популярность? Да что Цицерон, возьмите нашего Ильича (так трудящиеся называли Владимира Неистового, они, дураки, не читали его записочки своим комиссарам, где только «повесить!» и «расстрелять!»). За свои недолгие годы он наговорил и написал с три короба, куда Цицерону до него! Так

что все это только на пользу. Правда, Михаил иногда любит блеснуть эрудицией, и один раз на политбюро даже спутал consensus с coitus, но ведь это мелочи! Верно: он не отличается решительностью, но для первого этапа это то, что надо: корабль помчится без руля и без ветрил прямо к рифам! К тому же он всегда прекрасно одет, у него превосходные манеры, хотя он любит «тыкать». Но у нас к этому привыкли и даже обижаются, когда генсеки излишне вежливы. В международных делах это не повредит – ведь в английском языке «ты» попросту не существует, так что эта бесспорная слабость никак не скажется на наших отношениях с главными партнерами.

– Жена у него слишком хорошо одевается... – вставил я.

Признаться, Джованни, я вообще недолюбливаю чужих жен (если, конечно... но не будем об этом). И все потому, что на секретной службе женщины постоянно нас подводят: то ляпнет соседке, что муж-дворник в посольстве на самом деле генерал КГБ. Или, найдя в боковом кармане шифровальную таблицу, сочтет ее закамуфлированной любовной запиской и грохнет по голове скалкой, или удерживает тебя за кальсоны, когда в пять утра тебе надо мчаться на тайную встречу с агентом. Женщины амбициознее мужчин, их и близко нельзя подпускать к власти.

– Ну что вы пристали к его жене? – возразил Учитель. – Иногда мне кажется, что вы не понимаете всей сути моего плана. Первый этап означает полный развал и деструкцию, в том числе и самого лидера. Да, Раиса Максимовна элегантна и обладает вкусом – именно это и погубит нашего Рулевого, ведь народ не выносит красиво одетых жен руководителей, он воспитан на Анке-пулеметчице в кожанке, на похожей на домработницу толстой и добродушной супруге Никиты (в реальности образованная дворянка). При Иосифе вообще жен не выпускали на публику, Старик прекрасно знал, что они подмочат любую политическую репутацию. Это нам и надо. Для компрометации коммунистической партии и самого себя Михаил должен провести антиалкогольную кампанию – самое идиотское начинание для России. Сделать это надо не формально, не на бумаге, как принято у нас

в партии, наоборот, вырубать виноградники, демонтировать винно-водочные заводы, исключать за пьянство из партии, судить и сажать за появление на улице в пьяном виде! Начало «Голгофы» должно быть отмечено крайним идиотизмом...

Ты не представляешь, Джованни, сколько мудрости мне дали беседы с Учителем! Я возродился из пепла, словно Феникс, я вылез из депрессии, которую испытал и ты после смерти от чумы отца и написания измотавших тебя шедевров!

Работа над «Голгофой» кипела. Мы продолжали тайно встречаться на Колпачном в кабинете вождя «СМЕРШа» Виктора Абакумова, Учитель задумчиво листал труд Иосифа Грозного «Вопросы ленинизма».

– Тут есть пометки на полях Виктора Семеновича, – говорил он, улыбаясь чему-то своему, возможно, незримой тени Абакумова (Учитель мыслил нестандартно и тайно уважал палачей). – Иосиф – это еще один парадокс истории. Сын алкоголика-сапожника, недоучившийся семинарист, ставший политиком высокой пробы, могучим диктатором и колоссальным интриганом, перед которым меркнут и Макиавелли, и Меттерних, и Бисмарк, не говоря уж о таких сосунках в политике, как Рузвельт или Черчилль, несмотря на их Оксфорды и Гарварды. Человек с огромным геополитическим чутьем. Актер почище, чем Кин или Щепкин. Единственная его ошибка, что он не создал социалистическую монархию с опорой на органы безопасности.

Дети у него, конечно, были никомудышнее, а вот монархия, в которой преемника готовят силовики, изначально имеет стабильность. Грузин? Ну и что? Можно подумать, что после Петра существовали императоры с русской кровью! Немцы, голштинцы, датчане, прочая шваль! А ведь о восстановлении монархии завоюют уже на первом этапе, мой дорогой Мисаил, царей начнут идеализировать, будто они были манной небесной для народа, и помещики не драли три шкуры с крестьян, и купцы не обворовывали, и капиталисты-кровососы были благодетелями... Прогнивший был режим – вот и рухнул!

Беда в том, что замены не было. Повалили из тюрем все эти борцы за счастье народное, среди них недоумки и бродяги, зато на трибуне, словно рыба в воде. Все это надо учесть

и в нашей «Голгофе», мы еще больше прогнили и застоялись, не надо отбрасывать всю дрянь, там будут и жемчужные зерна, которые следует пестовать. Неудачливые лаборанты, бездари-писатели, считающие себя гениями и в подтверждение этого работающие истопниками, младшие научные сотрудники и кандидаты наук – полные невежды, жаждущие самоутверждения, фарцовщики и спекулянты, все эти шалопаи в таких темпах начнут накапливать капитал, что вздрогнут в гробу Морганы и Рокфеллеры. Торгаши станут отцами нации, все жулье ринется в политику и начнет оттеснять нашу партноменклатуру, точнее, ту часть, которая не успеет перестроиться, те есть провороваться.

Вот, кстати, и хорошее название для первого этапа, мутное и обтекаемое – ПЕРЕСТРОЙКА. (Потом разная шпана распевала: «Лежит милая в постели, я лежу под койкою. Как же мы достигнем цели с этой перестройкою?») Никто не знает, что и зачем перестраивать, но звучит! Наш народ обожает лозунги, свыклись же мы с такими идиотизмами, как «Партия – наш рулевой» или «Экономика должна быть экономной!» Однако нужны иные лозунги и понятия, интригующие и еще более мутные: «Новое мышление» (а бывает ли старое?), «общечеловеческие ценности» (можно подумать, что человечество – это одна семья!), побольше редких слов вроде «судьбоносный» или «плюрализм». Все это должно ошарашивать. А вот на втором этапе побольше знакомых и вроде бы понятных терминов: «свобода», «демократия», «частная собственность», «социальная справедливость», «суверенитет». Вы любите Сашу Черного? – вдруг спросил Юрий Владимирович.

– Признаться, почти не читал... – смутился я.

Учитель улыбнулся и прочитал наизусть. Поэзию он знал великолепно, а его собственные стихи по силе не уступали Мао Дзедуну, недооцененному великому поэту.

*Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится.
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.*

*Не топись, охранный воин, –
Воля улыбнется.
Полицейский! Будь спокоен:
Старый гнет вернется.*

– Саша Черный написал это 16 февраля 1906 года (какая память на даты, Джованни!). Все точно. Только у нас будет гнет социалистический и приятный – ведь общества без гнета не бывает, просто одни называют это свободой, а другие – рабством.

Конечно, дорогой Джованни, не все провидел великий Учитель – боюсь, что вовсе незнакомы были ему такие слова, как «ваучер» или «пирамида», не говоря уже о «секвестре» или «транше», весьма неопределенно представлял Юрий Владимирович и третий этап, все ему казалось, что уже на втором этапе под тяжестью реформ народ взбунтуется и преждевременно потащит правителей на виселицу, а кадры для замены еще не созреют. Не знаем мы свой народ, его долготерпение.

Но я обгоняю время, Джованни, а тогда мы вдвоем уже искали лидера для второго, постмихаиловского этапа, буквально обсасывали каждую кандидатуру.

– М-да, существует множество блестящих умов в международном отделе ЦК, но все они обинтеллигентились и не годятся на роль народного лидера, – говорил Юрий Владимирович. – Черняев, Загладин, Бурлацкий. От них так и пахивает академией наук, нафталином и ученостью, а наш народ этого на дух не выносит. России нужен истинно русский характер, эдакий Илья Муромец с разухабистостью и широтой, выпивоха и балагур, который может и сплясать под гармошку, и сигануть на спор с моста, и дать в нос, если ему так захочется...

Так мы вышли, Джованни, на другого великого человека из глубинки – Бориса Властолюбивого, большого партийца из города Свердловска, места убиения романовской династии, возможно, и появления династии новой (ты понял намек?). По своей идеологии и партийной закваске он почти не отличался от Михаила, но был гораздо бездумнее и тверже,

ибо власть он не просто любил, власть для него заслоняла все на свете. Для Бориса мне предстояло создать имидж и за рубежом, и в стране, отучить от авторитарных замашек и вылепить подобие демократа вроде Рузвельта, но в русской упаковке. Движущей силой второго этапа мы избрали самую крикливую часть интеллигенции, Учитель относился к ней со снисхождением, но любовно.

– Помните, вы приносили мне анализы их разговоров на кухнях, Мисаил? Больше всего меня поразила не суть – я и так прекрасно знал, что они держат фигу в кармане, – а то, что они во время бесед включают воду, исходя из нелепой предпосылки, что КГБ не в состоянии фильтровать шумы. Им бы у большевиков поучиться конспирации! Публика эта ненадежная, каждый будет дуть в свою дуду, потом все передерутся, но по невежеству, конечно же, грудью встанут на защиту свободы и рыночных реформ. Что они знают о рынке и границе? Мы выпускаем их порой туда в командировки за счет государства, и все впечатления у них складываются на основе витрин, никто толком не знает, как живут и как зарабатывают деньги на Западе. Вообще вопросы денег нашу интеллектуальную элиту не волнуют: у них масса и санаториев, и дачи в Переделкино и прочих оазисах, и дикие тиражи книг, которые никто не читает, и государственные премии, и бесплатные квартиры, которые они, дураки, совершенно не ценят. Где еще в мире государство содержит 10 тысяч писак, из которых сносно писать могут человек пять-шесть? Где еще есть рестораны актеров, дома ученых, журналистов или архитекторов опять же за государственный счет? Попробуйте отыскать в Нью-Йорке центральный дом американских литераторов! Но рынок эти обалдуи поддержат, ибо каждый считает себя гением, на которого будет спрос, а потом все пойдут по миру с голой задницей!

Юрий Владимирович хохотнул и потер руки.

– Вы не представляете, Мисаил, в какую ажитацию они придут, когда обнаружится, что свиное корытце пусто, как поскачут они, расталкивая друг друга, за разными литературными и прочими премиями, учрежденными жульем, дабы прикрыть себя благотворительностью, как заискива-

юще начнут заглядывать в глаза бывшим барменам, а ныне хозяевам мира, владельцам бензоколонок, проституткам, ставшим женами разбогатевших мясников. Как они начнут лизать задницы всем заграничным благотворителям! Вот тогда они вспомнят советскую власть, вот тогда они заскулят...

Что и говорить, Джованни, тебе, Петрарке или Данте и не снились те привилегии, которые имела наша творческая интеллигенция! Когда изгнали из страны Данте, он бедствовал, скитаясь за границей, наши же редкие изгнанники купались в западном золоте, лишь немногие потом вернулись назад. «Голгофа» уже была утверждена Учителем и полностью готова к реализации, когда Судьба сыграла с нами злую шутку: в феврале 1984 года Юрий Владимирович почил. Болел он не очень долго, но тяжело, ухитряясь в минуты облегчения корректировать свой план. Беда в том, что в больницу являться он мне запретил, не хотел, чтобы я засветился перед осаждавшими его там членами политбюро, они все подхалимствовали, и каждый мечтал, что его назначат преемником. Контакт мы поддерживали через специальный телефон с автоматическим шифровальным устройством, уже на смертном одре он попросил меня не форсировать приход к власти Михаила Рулевого, а поддержать общество в состоянии нервного ожидания: «Чем темнее ночь, тем ярче звезды». Согласно этому указанию, используя мощные агентурные возможности, у власти я поставил совершенно больного Константина, друга Леонида Стабильного, пугая общество тем, что после него вожди возьмут еще более старые и больные люди. Это напугало даже самих динозавров в политбюро, и, когда Константин испустил дух, ЦК партии на апрельском пленуме 1985 года выбрал в вожди фаворита «Голгофы» Михаила Рулевого. Согласно плану, Михаил сразу развернул мощнейшую антиалкогольную кампанию, боролся, как говорят, железом и кровью, такого ужаса в России никогда не бывало, однако алкогольный дух сломить, естественно, не удалось, народ предпочитал травиться самогоном из козьего дерьма, политурой, одеколоном и разбавленным водой гуталином. Травились, но не сдавались. Этого тебе, истинному флорентинцу, избалованному вином «соаве» и «пино гри», уж точно не понять.

Пил ли ты когда-нибудь, Джованни, вонючую воду из застоявшегося венецианского канала? Так вот: это – восхитительнейшее питание по сравнению с тем, что вошло в народный быт у нас! Причем над пьющими постоянно издевались: дефицит, талоны, длиннющие очереди, только по бутылке в одни руки, только при наличии пустой тары, причём вымытой до блеска и с содранной наклейкой. Представляешь, как унижительно чувствовали себя некоторые гранды, оттирая ногтями и слюной бутылочные наклейки? В каждом магазине устанавливался свой непредсказуемый порядок, средние классы, пренебрегающие политурой, для страховки носили с собой портфели, набитые пустыми бутылками, они звенели на ходу, как колокол, и звали на бой.

Конечно же, это придавало особо дегенеративный характер последующим лозунгам 1986 года – ГЛАСНОСТИ (тогда пошел в ход запущенный мною тезис: «Мы все живем в эпоху гласности. Товарищ, верь! Пройдет она. И Комитет госбезопасности запишет наши имена»), УСКОРЕНИЯ (ускоряли всё: и набивание карманов, и автомобильное движение, и даже коитус) и ДЕМОКРАТИЗАЦИИ (у одних замки и яхты, у других – дырка в бублике). В 1987-м мы славненько вылили помои на лиц старшего поколения, обозвав период Леонида Стабильного ЗАСТОЕМ, (представляешь, как возненавидели Михаила массы ветеранов, и не только они?!), на июньском пленуме ЦК КПСС были посеяны ростки новой экономики, основанной на ХОЗРАСЧЕТЕ и КООПЕРАЦИИ (якобы об этом только и мечтал Владимир Неистовый в свои последние трагические годы!).

В том же году я уже начал осторожно натравливать Бориса на Михаила. Первый оказался слишком совестливым и робким, и все боялся, что его укут в больницу и впрыснут смертельные уколы. Но Михаил был чувствителен даже к самой легкой критике, поэтому мои люди довели до него сплетни о его супруге, якобы распространенные Борисом, – самый простой и эффективный способ, и не надо тут никакой агентуры влияния: великие дела вершатся на уровне кухни. Михаил был вне себя и с треском вышиб Бориса из политбюро. Ситуация обострилась, но все равно мы никак не могли выйти на намеченные рубежи.

Ах, как все затянулось! Рулевой все раскачивал и раскачивал лодку, продвигая ее ко второму этапу, и никак не мог ее перевернуть, хотя уже в 1988 году на XIX партконференции страсти бушевали. И не столько был виноват нерешительный Михаил, сколько партийная номенклатура, за исключением некоторых ярких единиц, особенно среди комсомольцев, которые сразу почувствовали, куда дует ветер, и начали хапать по мере сил.

Увы, но большая часть партии оказалась тупее ослов (не подумай, что я не уважаю Апулеева Луция в шкуре жизнелюбивого золотого осла, дорогой Джованни, просто наши ослы принадлежат к особой, уникально тупой породе), все держались за стулья и не желали никаких перемен. Удивительно трусливая и нерешительная публика! Не мог же Михаил Рулевой с высокой трибуны заявить: товарищи, давайте строить капитализм, рвите на части народную собственность, превращайтесь в банкиров и предпринимателей! А они, дураки, ничего не понимали, особенно в обкомах, им все казалось, что предел мечтаний homo sapiens – это госдача, спецпаек, спецмедицина и поездка с санкции ЦК раз в год за границу на съезд какой-нибудь партии племени мумбюмбо с командировочными аж 30 долларов в сутки!

Не призывать же тогда Михаилу: товарищи, вы будете иметь миллионные счета в швейцарских банках, вы построите себе шикарные виллы и даже замки в Испании и Франции, не говоря уже о Николиной горе или Архангельском! Вы будете направлять своих деток на учебу в закрытые аристократические школы наподобие английского Итона, и они закончат Сорбонну, Кембридж или Беркли! Не убеждать же ему: ваши жены будут бродить по Цюриху с кредитными карточками, и отдыхать вы будете не с семьями в безвкусных цековских санаториях (где всегда глаз КГБ и завистливых коллег), а с юными любовницами на Канарских островах, в суперлюксах с сауной и джакузи! Не мог заявить этого товарищ Михаил Сергеевич по естественным политическим причинам, а партийная публика не ухватывала подтексты и намеки.

«Голгофа» буквовала, что оставалось мне делать, Джованни, дабы претворить в жизнь предначертания Учителя?

Во-первых, рыть яму под Михаила с помощью активных мероприятий (в твоё время их называли интригами и сплетнями), внедрять агентуру влияния в средства массовой информации, особенно в электронные, она обрабатывала население, рисуя прелести свободного рынка. Во-вторых, создавать имидж Борису, что было невероятно трудно, ибо он был упрям, как тот самый Луций. Ах, если бы он пил не по праздникам и прелюбодействовал, как все нормальные цари во все века! Любовь народа упала бы на него сразу! Ан нет! Скрывал свой грех, иногда делал вид, что выпил рюмку, но тут же выпускал спиртное в бокал с водой.

Сколько слухов мы распространяли о его пьянстве, я лично монтировал киноленту с его выступлением в институте имени Джонса Гопкинса в США, делал это в замедленном темпе, дабы он еле шевелил языком. Если бы не Михаил Рулевой, никогда не создать бы нам имидж Бориса – народного героя, пьянчуги и рубахи-парня! Из искренней ненависти к своему конкуренту Михаил был счастлив приписывать ему все человеческие грехи и яростно взял на вооружение тезис о пьянстве своего соперника, быстро внедрив этот образ в народное сознание. А тут и я постарался, помог его лепке: пригласил Бориса на берег Москва-реки, познакомил там его с одной красоткой с дивными ножками, упоил его в доску, втащил на своем горбу на мост и сбросил в речку. Операция была разработана четко: девица орала, будто ее насиловали, на крики прибежала милиция, вытащили из воды очень веселого Бориса, тут же появилась пресса. Шум поднялся невероятный, и репутация Бориса Безрассудного взлетела до звезд.

Покойный Юрий Владимирович считал, что уже в 1988 году Борис сметет Михаила, однако – поразительное дело! – на конфронтацию они не шли, все норовили закончить миром. Но как же тогда резко перейти к новому курсу дикого капитализма? Без катаклизмов такого не сделаешь, поэтому пришлось обратиться к помощи Бухгалтера, с которым я трудился до своего возвышения, тот и начал готовить тайный комплот, который под названием ГКЧП и был осуществлен в августе 1991 года, когда Михаил нежилась в бархатном

Крыму. Естественно, осуществлен нелепо и неумело, ибо Бухгалтер и его соратники нюхали мятежи лишь в учебниках и умели лишь жарко шептаться в цеховских коридорах или в банях.

Народ окрестил ГКЧП «Государственным Комитетом Чрезвычайных Придурков» и распевал на улицах:

*Путь наш хунтою начертан.
Комитет нам друг и брат.
Он немного пиночетен
И слегка хусейноват.*

Ах, какое было время! Какие ожидания! История навсегда запомнит Михаила в бабушкиной кофте, сходявшего вместе с похудевшей и прекрасно бледной супругой с трапа самолета. А как восхитителен был полковник Руцкой, рассказывавший по телевидению об аресте «Бухгалтера», словно об аресте самого Гитлера! Заговорщиков с позором препроводили в тюрьму, но через некоторое время всех выпустили: этим актом Борис и окружение намекнули, чтобы и с ними в случае чего поступали точно так же! Правда, всю песню испортил непредсказуемый латыш, милицейский министр Пуго, он принял этот фарс всерьез и пустил себе пулю в лоб...

Свобода, демократия, новая счастливая жизнь. Энтузиазм был настолько велик, что даже я, организатор всей «Голгофы», вдруг во все поверил и, обливаясь слезами, аплодировал Борису на заседании Верховного Совета, когда он сгоряча запретил коммунистическую партию.

Михаил и не подозревал, что дни его сочтены, он жил иллюзиями и не понимал, что главной фигурой ГКЧП был Борис, добивавшийся его свержения. Человек порядочный и доверявший своему окружению, он продолжал править на пустом месте, и очень удивился, когда в приватной беседе я деликатно намекнул, что первый этап «Голгофы» пройден и на шахматной доске должны появиться новые фигуры. Как так? Что за новость? Михаил был искренне поражен.

Удивительная вещь – власть, дорогой Джованни! Она полностью меняет человека, и не только его суть, но даже

мимику, походку, манеру пожимать руку. Нет атрибутов власти – и человек бессильно мечется, как в супермаркете, наступая на ноги публике: ведь он уже забыл, как делать покупку, где брать корзинку для продуктов, он бессилён, как Самсон, которому отрезала волосы Далила, он рад бы призвать на помощь ближних, но не знает, как позвонить из телефона-автомата, куда сунуть монетку. Уходили ли добровольно из власти правители Флоренции? Никогда. Так что все повторяется, и нет ничего нового под солнцем. Но Борис уже подложил мину под самоуверенного Михаила: взорвать президентскую должность, развалив государство. Если нужно было бы ради власти уничтожить полмира, он легко пошел бы и на это.

Блестящие стратеги развала, вынырнувшие, словно из болота, Бурбулис, Козырев и Шахрай вывезли шефа в Беловежскую Пущу и там, в шикарнейшей бане с вениками, при хорошем поддатии вместе со средней руки белорусским профессором и заурядным украинским партайгеноссе Советский Союз гильотинировали и радостно начали новую капиталистическую жизнь.

Учитель никогда не одобрил бы этого, но он сам всегда просил не воспринимать его указания как догму. Поэтому я, скрепя сердце, поддержал развал, понимая, что он станет незаживающей раной, полезной для разжигания народного гнева на последнем этапе «Голгофы». Вспоминаю Юрия Владимировича:

– Лет через двадцать (как он ошибся!) Советский Союз распадется по национальному признаку, затем дробление будет углубляться, и это неудивительно. Как капитализм сам готовит себе могильщика в лице пролетариата, так и мы, вырвав после революции отсталые нации из феодализма и обучив новые кадры, сами готовим себе конец. Дело в том, что нет ничего отвратительнее нацмена – полуинтеллигента в Средней Азии, на Кавказе или на Украине, какого-нибудь недоучившегося учителя или, не дай Бог, поэта! (Актёров ЮВ ценил, дочка его была замужем за актёром). Работать он не хочет и не может, ему подавай национальную независимость, которую он оседлает на все сто. Как было славно на

национальных окраинах при отсутствии грамотности! Впрочем, это не только наша беда – Британская империя отстроила свои колонии и обучила в Оксфорде и Кембридже тысячи и тысячи туземцев. Кем они стали впоследствии? Могильщиками империи и сторонниками независимости. Что стало потом? Ничего хорошего – достаточно побывать в бывшей английской Африке или в Пакистане. Чем кончится у нас? Тем же. Добьются независимости, все развалят к ангидрит его матери, а потом все эти недоучки вместе с возвращенными ими жульем сбегут в Европу или в ту же Россию, оставив все расхлебывать нам. Поэтому интеграция неизбежна, она придет через дезинтеграцию, просто нужно терпение...

Говоря о развале Советского Союза, дорогой Джованни, мне хочется натянуть на себя шутовской колпак и спеть из шекспировского «Короля Лира»:

*Тот, кто решился по кускам
Страну свою раздать,
Пусть приобщится к дуракам –
Он будет мне подстать.
Мы станем с ним, рука к руке,
Два круглых дурака:
Один – в дурацком колпаке,
Другой – без колпака!*

Путь для реформ был расчищен, требовалась поддержка народа. К счастью, в тот момент массы боготворили Бориса, да и сам он вел себя весьма искусно. Чего только он не обещал народу, как только он не играл на его чувствах, развернув шумную борьбу с привилегиями (впоследствии при нем они возросли в десятки раз!), и даже покинул знаменитую кремлевскую поликлинику, поменяв ее на скучную районную, – если бы гранды шли на такие трюки во Флоренции, мой дорогой мессер, они правили бы вечно! Непревзойденный мистификатор Борис раскатывал на дешевой «Ладе», намекая, что в будущем «членовозы» исчезнут (действительно, эти огромные катафалки исчезли, и их в огромном количестве заменили «мерседесы»). Однажды для обострения чувствительности населения я лично осторожненько задел его

легковушку бампером своей машины, пресса была наготове, ей все подали как покушение на драгоценную жизнь народного заступника. Его рейтинг тут же взлетел к небесам – ведь у нас обожают обиженных, униженных и юродивых!

Не знаю почему, милейший Джованни, но мне приходит на ум твоя четвертая новелла о Бруно и Буффальмако, укравших у Каландрино свинью и убедивших его найти ее при помощи имбирных пилюль и вина верначчи. Эти прохиндеи внушили ему, что похититель – он сам, и заставили откупиться под угрозой рассказать об этом жене. Наш народ весьма напоминает Каландрино. Забавно, правда?

«Открыть все шлюзы!» – вот лозунг второго этапа. Если человек по своей природе суть смесь волка с мелким жуликом, то нужно лишь выпустить его из клетки в лес – там он утвердит себя.

– Мне совершенно ясно, – говорил Юрий Владимирович за месяц до своей кончины, – что проведение реформ следует возложить на интеллигента, желательнее на «лицо еврейской национальности» (слово «еврей» Учитель не употреблял, считая, что оно не соответствует духу пролетарского интернационализма), хотя и не обязательно. Особенно важно, чтобы у него была разъезжая морда, дурная фамилия, неплохо, чтобы он шепелявил или ронял вставную челюсть, обязательно лысый или серьезно облезший. Такого найдете без труда в любом НИИ, там распивающих чай теоретиков пруд пруди, все они только рвутся во власть и на полном серьезе затеют какую-нибудь ерунду по Хайеку или даже по основателю либерализма Джону Стюарту Миллю, которых они просматривали после пьянок.

Реформы должны быть жестокими и радикальными, люди должны буквально взвыть от отчаяния, нужно сразу же обобрать всех, введя свободные цены. Зачем на старте нужен интеллигент профессорского вида? Дабы затем легче было обратить против него гнев народа, который до сих пор не выносит людей в шляпах и очках. Необходимо углубить этот бурлящий гнев, довести его до белого каления, и именно поэтому, не дожидаясь свержения интеллигента, следует заменить его на хронического троечника, не вызывающего

подозрений, такой образ близок народу, который сам звезд с неба не хватает и тонко чувствует родственную душу. Не плохо, чтобы он был из бедных крестьян и играл на балалайке или на гармонии, как нарком Ежов. Представляете, какое будет разочарование потом?!

Разве не гениально, дорогой Джованни? Разве не изощренно хитроумно? Но не буду опережать события. Реформы запустили с помощью весьма милого Егора Гайдара, внука детского писателя, интеллигента до мозга костей, знавшего прекрасно жизнь по рассказам своей домработницы и по книжкам Корнея Чуковского. Добрейший человек, но ради полета мысли мог уничтожить все что угодно. В нашей стране премьер-министры, увы, непопулярны, еще непревзойденный Пушкин писал: «Когда смотрюсь я в зеркала, то вижу, кажется, Эзопа, но стань премьер наш у стекла, как вдруг покажется мне попа».

Рычали, грызлись, рвали, отпустили цены, создали биржи, установили свободный валютный курс и бешеную инфляцию, разорили почти все население, присвоили государственное имущество, но никак не могли его поделить. Большинство завыло, но уже закручивало гайки деятельное меньшинство – оно не с неба свалилось: наиболее крутые дельцы готовились, по плану Учителя, в спецшколах КГБ. С расчетом быстрого проникновения в среду западной мафии, мы обучали их иностранным языкам (кстати, приходилось шлифовать и русский), навыкам снайперской стрельбы, умению носить смокинг и галстук-бабочку, не вытирать руки о скатерть и не есть с ножа омара.

Вой и визг постепенно нарастали – последовал новый тонкий ход: заменили мягкогубого еврейского профессора на толстощекого богатея, бывшего советского вельможу (подбирали по антибуржуазным плакатам РОСТА в исполнении В. Маяковского), вроде бы простака. В лозунгах и обещаниях он тоже поднаторел, правда, был до крайности косноязычен, хотя и компенсировал это утробным хохотом и игрой на аккордеоне (увы, не на гармошке, как нарком Ежов!). Косноязычие и простецкая внешность – ключ к сердцу избирателей, мысли и чувства населения обратились

в ненависть к ушедшему профессору, зато нового премьер-министра Черномырдина приняли с любовью, почувствовав в нем своего парня, заревели от восторга, и даже коммунистическая оппозиция бросилась ему в ноги.

Нажали на все рычаги, у некоторых аж кишки вылезли изо рта, бедствовали целые регионы, все обворовывали друг друга, а тех, кто роптал, убивали преступники, росла безработица, и без того голоштанное население клевало на призывы бандюг и сдавало свои деньги в липовые банки под огромные проценты (естественно, все они лопнули, а хозяева слиняли за кордон), взяточничество стало нормой, об этом много шумели, но никого, естественно, не посадили. И все же накал горения толпы для нашей страны был слаб (во Флоренции за такие проделки уже, наверное, утопили бы всех правителей в Арно!), поэтому требовалось подогреть страсти политически, и тут мы сделали ставку на телевидение.

Последнее, Джованни, это небольшой ящик, который можно смотреть дома круглые сутки (что еще делать безработным и пенсионерам?), рассчитан он на идиотов и весьма уступает бродячим кукольным театрам, которыми и поныне славится Флоренция. Теперь поразмысли: нищенствующий гражданин в полотняных трусах, пожирая вареную картошку с сельдью, наблюдает сериалы из жизни богатых и – last not least – рекламу продуктов и вещей, цену которых он даже представить не в состоянии. Звучат красивые названия, мелькают обольстительные девицы и холеные джентльмены, а рядом презентации, обожравшиеся хари во фраках и с коньяком Remy Martin в жирных руках, вертлявые проститутки в муаровых платьях декольте – нынешние хозяйки и хозяйки страны. Ловко придумано? Разве нормальный человек не испытывает потребность схватиться за кинжал?

К осени 1993 года настало время сменить Бориса Властолюбивого и перейти к третьему этапу: полному хаосу и абсолютной потере властью рычагов управления. Тут я и призвал Бориса к себе в кабинет, расположенный в подземном бункере в метро «Охотный Ряд», построенном во время войны по указанию Иосифа Грозного. Туда в 1942 году во время

немецкой бомбежки ходили продолжать ланч прямо из обеденного зала отеля «Националь» лорд Бивербрук и американский посол Гарриман – официанты шли сзади и несли на подносах стерлядь, семгу, расстегаи и виски.

– Пора выходить на третий этап, батенька... – сказал я мягко.

– Не хочу! – вдруг отрезал он, и глаза его загорелись воистину дьявольским огнем.

– Разве вы забыли свои обещания Юрию Владимировичу? – попытался урезонить я его. – Низы уже не могут, а верхи не хотят, голубчик. Пора, брат, пора... покоя сердцу просит.

– Я и сам смогу провести третий этап «Голгофы!» – отрезал он, глядя на меня чистыми, как у ребенка, глазами. (Я вспомнил великого Бернса: «Нет, у него не лживый взгляд, его глаза не лгут. Они правдиво говорят, что их владелец – плут».)

Я сдержал гнев: в истории даже самые верные агенты проделывают сальто-мортале и перечат своим хозяевам. Будем философами. Разве Владимир Неистовый, славно использовав денежки германского кайзера, не уничтожил его, поддержав потом революцию в Германии? Разве Иосиф Грозный не перестрелял почти всех своих соратников, которым обязан властью? Разве не сверг Никиту Беспokoйного его выдвигенец Леонид? Разве Михаил Рулевой не стал ворошить прах своего наставника Леонида Стабильного? Черт побери, даже ученик Христа, апостол Петр, предал своего Учителя сразу же после его ареста! Воистину власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Так почему бы не нарушить свои обещания Борису, если еще его духовный учитель Владимир Неистовый считал их коркой от пирога, которую обязательно нужно сломать, если хочешь съест пирог?

Но я отвлекся на сухую дидактику. Борис не уступал. Как известно, Джованни, «Голгофа» не предусматривала мятежей и революций, все решалось бескровно – так повелел Учитель. Но что делать, если история не обходится без повивальной бабки – насилия? Не ношусь ли я с этими свободными выборами, как с писаной торбой? Так бы и пришла

французская буржуазия к власти, если бы не поработала гильотина! И неужели США вышли бы из Британской империи, если бы не война за независимость?

Частенько, Джованни, я вспоминал пассаж из твоей новеллы, где две монашки обхаживали якобы немого Мазетто, одна предложила его соблазнить, а другая воскликнула: «Ахти мне! Разве ты не знаешь, что мы дали Богу обет в своей девственности?», на что получила достойный ответ: «Эх, сколько вещей обещают Ему за день, и ни одной не исполняют. Коли мы обещали ее Ему, найдётся другая или другой, которые этот обет исполнят». Уже к осени 1993 года при моей тайной поддержке был развернут против Бориса первый мятеж. Толпы сооружали баррикады, штурмовали и запылали правительственные здания, Верховный Совет – так именовался парламент – с гневом низложил Бориса. Казалось бы, все созрело для того, чтобы он уехал на санях, подобно легендарной у нас боярыне Морозовой, в свою уральскую деревню, но опять осечка: народ настолько измаялся от реформ, что не поддержал ни ту, ни другую сторону, а Борис дал приказ обстреливать парламент из танков. Парламент у нас никогда не уважали, один поэт еще при царе писал: «Как на рубище заплата, вдруг явились две палаты. Торжествуй же, храбрый росс! Только ведь один вопрос: будет ли ума палата? Это, кажется, сверх штата». Хотя танки вызывали нездоровые ассоциации, мятеж задохнулся, Борис остался на месте. Чем больше я размышляю о значении событий октября 1993 года, согревая ладонями стакан «солнцедара», тем очевиднее для меня важность кровопускания в малых и больших масштабах: выпускание пара из котла воздействует не только на современников, но и на потомков, укрепляет гены страха, столь необходимые для вершения политики. Президент воспользовался растерянностью и быстро ввел конституцию, по сути дела, даровавшую ему корону. Разогнанный парламент быстренько заменили на новый и послушный, назвали Думой, хотя Юрию Премудрейшему больше нравилось слово «вече», ближе к народу и демократичнее. К тому времени развелось множество партий, своего рода огромный конфетный набор с различ-

ными цветными обертками и одинаковой начинкой, короче, создалась совершенно новая политическая ситуация, которая, как ни парадоксально, не приблизила, а отодвинула претворение в жизнь решающего этапа «Голгофы». Как тут не припомнить слова Юрия Владимировича!

– Мне совершенно ясно, что в новом обществе решающую роль будет играть чиновничество. Ильич в свое время совершил ошибку, придумав «слом государственной машины», он просто не понимал природы бюрократии, готовой всегда служить любому строю. Поэтому следует исходить из того, что чиновничество почувствует вкус взяточничества и встанет над политическими партиями.

Я тогда еще задал вопрос:

– А нужны ли политические партии в новом государстве? Мы так удачно отучили народ от политики в СССР, что стоит ли возрождать этот говорливый и беспомощный институт? Да и парламент... Помните, ещё Маркс писал о «собрании старых баб»?

Учитель лишь грустно покачал головой.

– Целиком согласен, однако мы должны прилично взглянуть перед Западом. По крайней мере, на первых порах, когда весь наш капитализм будет зависеть от его помощи. Видимость политики следует сохранить... неудобно как-то...

Деликатный и честный все-таки был человек! Да, мой друг, после кровопускания 1993-го наступил очень странный, но тихий период, даже самые яростные крикуны призывали к всеобщему согласию (при этом обозначали свое желание войти в коалиционное правительство), шторм превратился в штиль, и извергающие лаву вулканы исчезли под водой. Время лечит. Апатия. Что было делать мне, положившему жизнь исключительно на служение обществу, точнее, на его разогревание? Ах, Джованни, ты не можешь представить себе моего отчаяния, я хотел принять яд или пустить пулю в лоб, на дворе стояла сырая, безветренная, ничего не обещавшая погода, предпосылки для исполнения заветов Учителя улетучились, как запахи дешевого польского лосьона. Как писал наш поэт Лермонтов, «бл... не трогай, курв не щупай, ети их мать, тоска, тоска!»

Я не отвечал на телефонные звонки и пластом лежал на кровати, отказываясь от пищи и питья. Но однажды явился ко мне во сне Юрий Владимирович, одет он был в полосатую пижаму, выглядел по-домашнему, но глаза его горели неукротимым огнем. Он осторожно присел рядом на одеяло, боясь, как любой интеллигентный человек, замарать простыню.

– Что с вами, Мисаил? Откуда эта хандра? Почему вы опустили руки? Разве вы не знаете, что нет крепостей, которыми не могут овладеть большевики? вспомните, какое расстройство овладело Ильичом после провала революции пятого года! Но он взял себя в руки, Мисаил, и продолжал ковать общее дело, правда, за границей. Ну, а когда началась Первая империалистическая, разве не страшная тоска овладела им? Казалось, что все проиграно, ни одной свежей идеи не посетило его тогда, но свершилась Февральская, и он нашел в себе силы промчаться в вагоне через Германию на родину и выступить с Апрельскими тезисами! А как он добирался из Разлива в бушующий Петроград! Запомните, Мисаил, нас не сломит ничто: ни видимость народного счастья, ни тюрьмы, ни ссылки, ни болезни, ни смерть – извините меня! – всего человечества! За работу, товарищ, за работу!

– Но Юрий Владимирович, нарушены все сроки, указанные Вами, все затянулось безмерно!

– Ждите и терпите. История сама подскажет время. Зато какое ощущение счастья посетит вас после ожидания... Эх, помнится, самым изнурительным для меня было ожидание троллейбуса. Ждешь, ждешь, проходит час, и вдруг... идет один, другой, третий... четвертый... радость наполняет грудь! Так и у вас!

Меня немного поразил этот экскурс к троллейбусам, ибо Учитель последние десятилетия пользовался в основном автомашинами, но сон есть сон, там могут быть и натяжки. И я снова взялся за работу, Джованни, нацелившись на президентские выборы летом 1996-го – парламентские меня не интересовали, этот орган после принятия новой Конституции обрел полную импотентность, а положение в стране можно обрисовать словами моего любимца князя Петра Вяземского: «Тут вор в звезде, монах в пиз.., осёл в суде, дурак везде».

Своим политическим щупом я сразу начал обмеривать потенциалы гнева. Первые рейтинги показали растерянность и равнодушие народа, уставшего от всей свистопляски, но уже к середине 1995-го ненависть масс обрела прежние масштабы, этому способствовало полное равнодушие правительства к собственной популярности, оно постоянно рубило сук, на котором сидело, и не заботилось о собственном имидже. Феномен этот, Джованни, очень русский и совершенно неизученный. Какой правитель во Флоренции не заботился о своей славе? Наши же рыцари почти до 1996-го, когда пошел вал предвыборных обещаний, с народом совсем не заигрывали, наоборот, делали все, чтобы его от себя отвратить, а нелепые попытки слиться с толпой на церковных службах и маячить там со скорбно-плаксивыми лицами и свечами в руках (это транслировалось телевидением) ничего не вызывали у населения, кроме дикого хохота и непомерного раздражения.

План подготовки к последнему решающему (но свободному!) бою проходил по трем направлениям с учетом исключительного долготерпения нации. Прежде всего экономическое: ликвидация производства, замораживание зарплаты, безработица, рост цен (все это при постоянной болтовне о благоприятных тенденциях в экономике и постепенном росте благосостояния), рост платы за квартиру, коммунальные услуги, телефон. Мои агенты взяли на вооружение изобретенную мною экономическую теорию: создать рынок для 2% населения, а остальные вполне могут сосать лапу. Питание и пища – только для 2% – разве это не гениально? Думаешь, это экономически невозможно, Джованни? Разве не могут 2% граждан обмениваться товарами и услугами, оставив за бортом остальных? Вспомни греков и римлян, создавших демократический строй, основанный на рабском труде, разве это не образец для подражания, друг мой? И я закрутил дальше экономические гайки, пытаюсь преодолеть долготерпение народа.

Второе направление – политическое, то есть скобление кинжалом таких болезненных ран, как потеря статуса великой державы, игра на постоянных оскорблениях со стороны

Запада, на вымаливании у него помощи, льющейся потоком в карманы упомянутых 2%, миллионы беженцев из бывших республик, вопли русских из нагло прихваченных Украиной Крыма и Севастополя, страдания соотечественников в Казахстане, в Прибалтике, на Кавказе. Я рассчитывал, что тут они начнут воздвигать баррикады, но оказался полным дураком: никого это не колыхало! А ведь римские женщины, только прослышав, что издан закон, запрещающий им носить украшения, тут же в возмущении сбежали на Капитолий!

Тогда я взвыл от ярости и пошел на крайнюю меру: я развязал войну, причем не где-нибудь на Кубе, а в Чечне. Я рассчитывал, что война перекинется на всю страну, я думал, что кровь убитых юношей возмутит народ, и тогда мы легко пойдем на президентские выборы и выиграем их с подавляющим большинством. Опять попутал меня Ильич со своим перерастанием империалистической войны в гражданскую! Чтобы совсем озверели, я инспирировал беспрецедентные террористические акты в Буденновске, Кизляре и других местах, кровь лилась рекой, ненависть к нашим правителям росла пропорционально смертям молодых солдат, шарик раздувался, и я ожидал, когда он лопнет.

Третье – психологическое – направление моего плана предусматривало постоянное воздействие на мозги нации наших газетенки и телевидения. Причем выбирал я то, что погаже. Трансляция мордобитий в парламенте, обливания друг друга соком (Жириновский – Немцов), публичное вынесение на всеобщее обсуждение всяческих мерзостей, вроде сожительства дочки с папашей или совокупления педерастов с детьми. Иногда эту мерзость разбавляли псевдопатетикой вроде оптимистических рассуждений толстухи диссидентки о прелестях нынешней жизни, это совершенно запутывало мозги, особенно, когда она специально выпускала из жирных щек крупные капли пота. Вручение дорогих призов, конечно же, умопомрачительная реклама дольче вита, чтобы еще не подохшая часть нации грызла губы от зависти и чувствовала себя полным дерьмом. Смакование разделанных на куски трупов, простреленных голов с мозгами, висевшими, как менструальная вата, на стенах. Нако-

нец, голые прыщавые задницы; грустные, словно коровье вымя, сиськи; дрожащие вымученные фаллосы... О, Джованни, это был достойный психологический букет! Казалось бы, тут народ и заорет классическое: а ху-ху не хо-хо? Ан нет, дружище, наш великий народ спокойно скулил, жаловался и плевался. Спокойно.

И тут за год до президентских выборов 1996-го меня осенила грандиозная идея: а что если не платить им, гадам, вообще? Зачем вам деньги, дорогие трудящиеся и пенсионеры? Разве нельзя жить только духовной пищей, разве не завещали нам, что «не хлебом единым», разве нельзя жить вообще без хлеба и разве это не облагораживает душу? Золото – это грязь и кровь, это презренный металл, неслучайно Ильич обещал делать из него унитаза.

Любая свежая идея вначале кажется экстраординарной, а потом превращается в банальность. Неплатежи зарплаты начались уже в 1995-м, плавно перешли в 1996-й, сопровождались пикетированием, забастовками, голодовками, самоубийствами – я ликовал, хотя кое-кто из советников подсказывал мне: бойтесь ПРИВЫКАНИЯ масс к неплатежам, это приведет к тому, что платежи будут восприниматься не как должное, а как БЛАГОДЕЯНИЕ.

Капрелю 1996 года все кипели от злобы, и рейтинг Бориса так упал, что в его победу не верили даже его ярые сторонники. Я чувствовал себя на коне, все приводные ремни были в моих твердых руках, и впереди была только виктория. И так, медленно и, возможно, назойливо мы подошли к кардинальному событию – президентским выборам в июне 1996 года. Но как хитер оказался лис-президент: взял и тяжело заболел. В другой стране его сразу бы отстранили от власти, но у нас народ добр и отзывчив, к больным относится с пониманием и любовью, прощает им все гадости, словно они уже покойники... Рейтинг Бориса сразу подскочил, некоторые избиратели даже начали посылать ему для усиленного питания кто вареную курицу, кто – килограмм яблок из собственного сада. Я призвал его на консквартиру и старался говорить доброжелательно, тщательно скрывая свое неудовольствие затыжкой «Голгофы» из-за его упрямства.

– Дорогой мой, я искренне вам сочувствую и желаю победы! – сказал я. – Однако, боюсь, что вы не выдержите гонки...

Он сразу встрепенулся, словно я кольнул его в одно место шпагой. И я продолжал, зная его дух противоречия:

– Однако, не вздумайте снимать свою кандидатуру, страна пойдет ко дну без вашего руководства! Пожалуйста, мобилизуйтесь, принимайте лекарства – и в бой!

Он заулыбался от счастья, не поняв моего тайного замысла: я был убежден, что эти лекарства уничтожат его физически уже через две недели. Увы, страсть к власти одержала победу над недугом: до самых выборов он держался, словно на теннисном корте лет десять назад, он даже коряво плясал перед избирателями! Для того чтобы развеять его имидж, я направил по стране несколько его двойников: они что-то мычали с трибуны, хватались за сердце, бледнели и белели, кашляли и стонали на трибуне. Пустое дело! Не помогло. И это при том, что большинство уже забыло о том, как выглядят деньги, медикам платили унитазами, учителям – кастрюлями, стучали касками недовольные шахтеры, объявляли голодовку целые регионы и заживо сжигали себя инвалиды. Неделю перед выборами я не спал: агенты с мест сообщали о неминуемом проигрыше Бориса, несмотря на его видимую активность вместе со всей семейкой, посылавшей счастливые улыбки в телевизор. Но – о судьба! – первый этап он выиграл, но физически так ослабел, что уже не мог появляться на публике. Я торжествовал, я завалил его противников миллионами долларов на избирательную компанию, я организовал провокацию и заставил шефа его личной охраны генерала Коржака накрыть с поличным организаторов его компании, он сделал это, и взял их под арест с миллионами долларов в коробках из-под ксерокса. Но деньги сыграли свою роль, а президент уволил генерала и иже с ним.

За день до выборов ко мне во сне явился Учитель, одет он был, как Владимир Неистовый, спикующий с броневичка: в тройку с галстуком, пальцы по привычке Ильича спрятаны подмышками под жилетом. В руке он держал помятую кепочку и улыбался.

– Вы молодец, Мисаил, – сказал Юрий Владимирович, – вы сделали все, что могли, вы сделали даже невозможное. Вы создали хаос, вы выгнали главного охранника президента и его сподвижников, одновременно скомпрометировав главных сторонников Бориса. Теперь я совершенно уверен, что он потерпит сокрушительный крах! Но меня беспокоит одно: коррупция в государстве стала обычным делом, как насморк. Это создаст трудности в будущем. Хотя... это детали. Главное – победа!

Я так устал от этой сумасшедшей работы, что тихо уснул в день выборов со счастливым ощущением человека, выполнившего свой долг и реализовавшего, наконец, план «Голгофы». Спал я несколько дней. Когда я проснулся и двинулся в туалет для совершения утреннего ритуала, то неожиданно услышал сообщение по радио о победе президента. В очах моих помутилось, и я рухнул на кафельный пол, закричав так громко, что, говорят, на Миусской площади упала с каменной лошади фигура комиссара Левинсона, героя гражданской войны, придуманного писателем Фадеевым.

«Скорая» срочно отвезла меня в знаменитую цековскую Центральную клиническую больницу, где лечились все сильные мира сего. Провалился я долго и даже написал в записке, чтобы на моей плите, разумеется, в Кремлевской стене, высекли слова Микеланджело в переводе нашего великого Тютчева: «Молчи, прошу не смей меня будить. Не жить, не чувствовать – удел завидный... Отрадней камнем быть». Если честно, Джованни, я предпочел бы нечто вроде Пушкина: «Ты просишь написать надгробную, Агафья? Ляг, ноги протяни, я буду эпитафья».

Победа Бориса обошлась ему дорого, и он слег на сложную операцию. Все это время правительство валяло дурака, изображая бурную деятельность, никто не верил, что он выживет, все спешили набивать карманы, прикидывая, в какую иностранную державу дать деру. К весне 1997 года почти безгласный президент неожиданно восстал из пепла и омолодил правительство, подставив под троечника премьера двух бойких молодцов: одного – рыжего, другого – кудрявого. Полились предложения и инициативы,

заявления о прогрессе и грядущем благосостоянии. Видимость бурной деятельности на благо народа. Больше всего меня поразило, что Властолюбивый самолично заполнил декларацию о доходах, показывавшую его как средней руки пополана, который еле-еле наскреб деньги на автомобиль «Лада». Тут я с ужасом отметил, что страна уже привыкла жить без пенсий и зарплат, самосожжения, голодные забастовки, самоубийства, не говоря о пикетах и демонстрациях, стали нормой, к которой все привыкли.

Учитель неоднократно говорил: «Власть всегда засасывает. Даже если захочешь вырваться на волю – не сможешь! Это причина всех революций». Ясно, что Бориса нужно было менять. Но на кого? Разумеется, всю операцию проводить под руководством КГБ (могут быть и другие названия), как повелось еще с тех пор, когда Феликс Эдмундович удачно организовал работу с беспризорниками.

– Органы безопасности, – неоднократно говорил Юрий Владимирович, – это мощный кулак, глаза и уши нашей партии, это истинные меченосцы, все остальные – буржуазная труха. Основная проблема в том, что руководители этой славной организации слишком рано отходят от дел по причине отстрела или преждевременной смерти. Однако я открыл закон, который внушает оптимизм: возраст отошедших в мир иной начальников нашей тайной полиции растет вместе с сознательностью населения. Дзержинский умер в 49, Менжинский – уже в 50, а я – аж в 70! Соответственно Ягоду расстреляли в 47, Ежова – в 45, Абакумова – в 48, а Берия аж в 54 года. Так что «мы живы, горит наша алая кровь огнем неистраченных сил!», этими словами американского поэта Уолтера Уитмена товарищ Сталин закончил свой доклад на съезде партии. Народ всегда обожал ЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ, – продолжал Учитель, – рвался в агенты, активно сигнализировал о врагах народа!

Этого, дорогой Джованни, никогда не могли понять недруги нашей великой Родины, иностранные агенты, вечно жаждущие обнародовать списки чужих «агентов» (естественно, с грязными комментариями) или провести тотальную люстрацию всех партийцев и кагэбистов. Разве случайно почти

все население голосовало подавляющим большинством за подполковника КГБ Владимира Путина? И не формально, а открытым сердцем и любящей душой! Не веришь, Джованни? Но я сам этому свидетель, и это не менее прекрасно, чем исполнение твоим любимым тенором Андреа Бочелли знаменитой «Аве Мария» над водами Арно во Флоренции!

Итак, Борис болел, но еще оставался при короне, но уже созрел ВВ, которого я пестовал с тех пор, как мой шеф Бухгалтер съездил в Дрезден, где бурно трудился ВВ. Как тонкий знаток живописи, он сопровождал своего тезку Владимира Александровича в Дрезденскую галерею и так красочно пояснил (и даже изобразил) картину Гвидо Рени «Пьющий Вахх», что мало потреблявший Бухгалтер ночью выпил две бутылки шнапса, сетуя на напрасно прожитые годы. С тех пор я двигал ВВ в президентскую администрацию и ФСБ, однако делать его преемником Борис не хотел. Пришлось пугнуть, что любой другой президент упечет его с семьей в тюрьму, и силой вытащить на телевидение, где он отрекся от престола и даже слезно покаялся в грехах. О том, как мы с Коржаком сжимали пассатижами некоторые чувствительные места Бориса вовремя выступления, я расскажу тебе, Джованни, в другой раз.

Итак, ПОБЕДА! Началось царствование ВВ. В этот день мои скромные «жигули» прямо на Рублевке внезапно поднялись в воздух, превратились в «чайку», прорезали серые тучи и вскоре остановились около помпезного здания, наминавшего Большой театр. У шикарного портала меня встретил приятный человек (в нем я не сразу узнал секретаря Сталина Поскребышева) и провел в ложу бенуара, где мне навстречу поднялся Юрий Владимирович. Сияющий многочисленными орденами, в форме генерала армии, которую он никогда не носил, и отнюдь не из присущей ему скромности. Просто старый партиец не терпел КГБ и первоначально считал свое назначение Председателем началом заката партийной карьеры.

– Поздравляю с победой! Наконец всю операцию будет возглавлять выдающийся чекист! А вас, дорогой Мисаил, награждаю шестью сотками в Барвихе. – Служу России,

товарищ Председатель! – я вытянулся в стойке. – Но я работаю во имя Идеи и личной преданности вам! (Сам подумал, что Барвиху уже так застроили и загадили новые русские, что не продохнуть и к Москва-реке не пробиться).

– Однако вы классно провели акцию по устранению Елкина (откуда он узнал эту народную кличку Бориса?). Особенно мне понравилось, что во время его речи вы с Коржаком умело сжимали пассатижами его... эти самые (как известно, ЮВ не выносил непристойностей и даже краснел, когда КГБ называли «органами»). Вот что значит любовь личного охранника!

– Но почему мы не в центральной ложе, Учитель? – удивился я. Он слегка скривился.

– Да там Сталин, Хрущев, Брежнев, все члены политбюро, интриги, склоки, пьянка, мордобой... разве там отдохнешь? Ведь сегодня в оркестре в музыкантах Бах, Верди, Шостакович и другие гении, а дирижирует всем мой любимый Петр Ильич! Впрочем, это не мешает отметить нашу победу тут в закутке, по-домашнему: вот советское шампанское и плавленые сырки «Дружба», их я позаимствовал у друга семьи, величайшего артиста Шурика Ширвиндта.

Мы выпили и закусили сырками.

– Сейчас неплохо бы ирисок или хотя бы крабовых консервов «Chatka» ... – вздохнул ЮВ, видимо, уже забывший о любимых сушках.

Я промолчал, не переться же за ирисками в Барвиху? Да и где их там найдешь среди торговых дворцов?

– Подведем итоги, – начал Учитель, – в общем и целом, наша «Голгофа» движется в правильном направлении. Мы умело и без особых потерь довели народ до ручки, и не вина марксистов-ленинцев в том, что он такой великий, такой непредсказуемый и такой выносливый. Где еще в мире так голодали, как в ленинградскую блокаду? Где еще в мире так бесстрашно бились с фашистами, под которых легла вся Европа? Да, народ у нас супертерпелив, французы в подобной критической ситуации уже раза три попытались бы вернуть к власти беспощадного Робеспьера, а немцы уже сделали бы президентом самого Маркса, а премьером – Розу Люксембург.

Наша удача – это раскрутка буржуазных свобод, тут на панель вылезли шлюхи, пошли в ход наркотики, телевидение превратилось в пошлый цирк, где достойных людей превращали в дерьмо, а последнее – в гордость нации. Копание в чужих трусах стало обыденностью, мораль превратилась в разменную монету. Все это усугубили дурацкая многопартийная система, коррумпированная Дума, превращение золотого тельца в фетиш и единственную цель в жизни. В общем, об этом много писали классики, особенно, Ильич.

Но вы, дорогой Мисаил, не уберегли наивного и неопытного Борисуку от увлечения Западом, и дело зашло слишком глубоко. Конечно, и Михаил вещал о так называемых общечеловеческих ценностях, где же это сраное единое человечество? Помните анекдот о еврее, который сделал себе обрезание и вернулся домой к Саре весьма обозленный? «В чем дело, Хаим? Недоволен обрезанием?» – «Ах, Сара, не говори... Обещали обрезать, но, чтобы так обкорнать?!»

Понимаете, Мисаил, многие призывают нас быстрее войти в Европу, а мне кажется, что уже давно Европа вошла в нас. И вообще непонятно, кто в кого вошел, это как, извините, в совокуплении мужчины и женщины (он закашлялся от смущения)... тоже ведь непонятно, кто в кого вошел. Россия забита иностранными товарами, русский язык превратился в полуграмотную смесь английского, кавказского, площадного и, конечно же, точек, значков @ и т.п. из Интернета, я чувствую себя звездным пришельцем на наших улицах и пугаюсь, когда мне мяукают «Вау!». По дорогам колятся иностранные машины, на Арбате почему-то празднуют День святого Патрика, на месте русских заведений – английские пабы или некие кофе-хаусы, вместо игры в городки или салочки – боулинги и гольф-площадки.

Но главное в том, что наши элиты так сплелись с Западом, что атомной бомбой не разорвать. Каждый по возможности подкупил квартиру, виллу, а то и замок на Лазурном берегу или на Сардинии, положил валюту в иностранные банки, для страховки взял иностранное гражданство или, на худой конец, вид на жительство, на что это похоже, Мисаил? (Тут

Председатель для успокоения сделал большой глоток лучшего в мире советского шампанского.)

– Даже в космополитическом Париже стараются избегать чужих языков! – вставил я.

– Ну, а детишки элиты разве собираются трудиться в России? Они почти все сматываются в Гарварды и Оксфорды на денешки своих пап. А наша несистемная оппозиция? Она целиком копирует нас, большевиков, правда, перенесла свои центры управления не в Женеву и на Капри, а в Вашингтон и Лондон. Если Ильич стыдился даже упоминания о германских деньгах, то оппозиция открыто вещает с Капитолийского холма, контролирует нашу науку с помощью агента ЦРУ Сороса, а внутри страны образовала своего рода «легальные центры» вроде «Эха Москвы» или «Дождя».

– Может быть, стоит использовать опыт наркома Ежова? – осторожно спросил я

– Это уже не поможет! Просто удивительно, как мы ухитрились уехать совсем в другую сторону, в корне исказив задачи плана «Голгофа»! Нет, Мисаил, тут нам поможет только Запад, а для этого мы должны изрядно ему нагадить... Запад должен вознегодовать и поддать нам жару, тогда народ живо осознает, что выход только в повороте к сияющим высотам коммунизма. Только не надо таких дешевых штук, как гитлеровский поджог рейхстага или убийство Левушки Троцкого и иже с ним.

Помнится, в детстве среди дворовых хулиганов самым успешным был один парень, который делал страшную морду и орал «я – психованный!», положите этот принцип в основу своих акций. Действуйте, батенька! Но сначала надо отметить нашу победу, значительное продвижение плана «Голгофа» и воцарение крепкого чекиста! Поэтому прошу вас хорошенько отдохнуть, порадоваться жизни, продумать заодно дальнейшие действия. Отдыхайте, друг мой, отдыхайте! А теперь, извините, у меня время стула. – Юрий Владимирович тяжело вздохнул и вылетел из ложи бенуара.

Мой уставший мозг подсказывал, что следует на время отвлечься от повседневных баталий, прийти в себя и продумать дальнейшие шаги. И тогда я вспомнил о твоём «Декамероне»,

друг Джованни. А что если исчезнуть на время, подобно твоим юношам и их спутницам, бежавшим из объятай чумой Флоренции? Но под каким прикрытием? В какой компании?

Признаюсь, что я обожаю своих шпионов и гетер, или, по-интеллигентному, разведчиков и путан, так почему же не предаться радости взаимного общения? *Utile dulci* – смешать полезное с приятным, как говаривал великий Гораций, создать искусную легенду, великолепный фасад, за которым монтировать окончательную развязку «Голгофы».

Так пришла в голову идея собрать славный шпионский народец (включая, естественно, соблазнительных агентесс) на волжском пароходе, прикрыв все каким-нибудь семинаром или симпозиумом.

Обожаю шпионов, мой друг! Деликатные шаги сыщиков, вынюхивающих дичь, комбинации и вербовки, пред которыми бледнеют все изыски на шахматной доске, пылкость соблазнительей и соблазнительниц, управляемую ледяной головой и чистыми руками, скупые фразы пароля, звучные, словно треск расколотого черепа, мягкость потертых купюр, сунутых в потную руку на черной лестнице, – как я люблю это, Джованни! Конечно, хватает насмешников, измывающихся над второй древнейшей профессией, вспомним Грэма Грина из Альбиона, гнусно написавшего, что разведка – это большое турагентство.

А путаны... о Боже! Хотя я и небольшого роста, но остальными достоинствами меня Господь не обидел. По своим данным я не меньше Чарли Чаплина, легко срывававшего цветки у нимфеток, и не одна моя дама повторяла слова великой певицы Марии Каллас о магнате Аристотеле Онасисе: «В постели он заставлял меня брать самые верхние «до»!» Нет у меня комплексов Гитлера или Наполеона, мучившихся из-за своих микроскопических орудий производства. Особенно обожаю изящных и нежных, с маленькими пипочками, доводящими до сумасшествия. Боготворю утопающих в оргазмах клиторальных, вагинальных, маточных, мышечных, тантрических и таоистских!

Мне ли тебе, мессер, рассказывать о превратностях любви! Вспомни свою Перонеллу, которая по приходе мужа

запрянула своего любовника в винную бочку и убедила супруга, что продала ее человеку, который влез в нее, чтобы проверить, крепка ли она, а потом любовник еще заставил мужа выскоблить бочку и отнести к нему домой! Или до кумы брата Ринальди, уверившей мужа, который застал их в одной постели, что монах заговаривал глисты у своего крестника!

О своих невероятных приключениях на корабле через несколько месяцев после президентских выборов я и хочу тебе поведать, и о том, как мы славно развлекались десять дней, рассказывая шпионско-любовные новеллы, венчая сладостные вечера несравненными балладами.

Прими же сей роман как мой скромный дар и, чтобы не быть слишком строгим в оценках, сверни головку у «Синглтона из Очройска» – уверен, что в райских куцах этот волшебный напиток до моего прибытия еще не стал дефицитным. В конце концов, все остальное – карьера, слава, деньги – лишь мусор и песок, песок и мусор, мой друг.

Кроме любви.

*В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль, и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.*

Шарль Бодлер

Провинциальные агенты хотя и простоваты, но намного эффективнее агентов столичных, избалованных слишком теплым обращением, обильными закусками и солидными подачками. Вот и Марфуша, старый агент еще Горьковского управления КГБ, работала в блеске и находчиво, не дисквалифицировалась, как многие после перестройки, не сдрейфила, когда в печати появились призывы вывести на чистую воду всех осведомителей режима, политика ей была до фени, и она с искренним усердием продолжала служить Отчизне. Марфуша обслуживала волжское судно гэдээровского производства, перевозившее иностранных туристов, которым не терпелось вырваться из своих кучных европейских мест на необъятные просторы и надорвать горло национальной песней «Вольга-Вольга, муттер Вольга».

Марфушенька функционировала в качестве уборщицы, совмещая этот пост с должностью кастаньяни, эта невысокая должность позволяла осуществлять за подопечными круглосуточный контроль. Одно время ей поручали даже такое ответственное дело, как соблазнение иностранцев, что она делала без особого удовольствия: скучны и одинаковы, как вся заграница, скованы в сексуальных играх, потенцией не блещут, к тому же до отвратительности чисты.

Эта жуткая стерильность шла резким контрастом по отношению к ее мужу Василию, продавцу гастронома, грозе гражданок всех возрастов города Горького, ныне Нижнего Новгорода, любившего после литра-двух сначала хорошенько наподдать Марфуше, а потом предаться любовным утехам, которым не было ни конца, ни края. К тому же брить волосатые подмышки он считал зазорным, и они воняли, как

в добротном хлеву, зубы он не чистил, и изо рта его всегда несло перегаром. Как истинно русская женщина, она любила своего алкоголика искренне и нежно, летом всегда сходила к нему на берег во время стоянок, а когда кончался сезон, притягивала домой столько обожаемой им черной икры и прочего дефицита, что хватало до следующего сезона.

Теплоход, арендованный мной для декамерона-десятидневки, именовался «ЛЕНИН», провинция у нас в отличие от столицы консервативна, Джованни, не успевает за политической модой, менять и меняться не любит, и одинаково чтит и святого Сергия Радонежского, и чекиста Нахимсона, утопившего в крови ярославский мятеж. Расположился я в люксе с просторной гостиной (мягкие кресла и бар, а что еще нужно на отдыхе?), там и телевизор, и радиоприемник – черт побери, не отрываться же полностью от быстротекущих дел политики! Прямо под моей нестандартно широкой койкой и таились портативный компьютер с банком данных и швейцарская шифровальная машина, обеспечившая срочную связь с ценной агентурой, информировавшей меня о всех тайных поворотах и даже мыслях некоторых ключевых лиц нашего и других государств. Вся эта техника была заделана в стальной сейф со сверхсложным шифровальным замком, его специально закамуфлировали под обогреватель и припаяли к полу. Пожалуй, Джованни, легче было бы снести колокольню Джотто во Флоренции, чем оторвать от пола эту хитрую штуку.

В день моего прибытия на судно, Марфуша вкрадчиво постучалась в мой люкс, для легенды на весь коридор занудным голосом попросила разрешения на уборку, протиснула сквозь двери свой необъятный зад – таких поп, Джованни, у вас в Италии не было и не будет. Такие вообще не могут родиться в стране макарон, тут, брат, главный фактор – это вековое пристрастие к картошке, салу и меду. Марфуша повернула за собою ключ и обстоятельно уселась напротив, сдвинув колени, словно я с первых же секунд вырву из ножен меч и вонжу шпоры в бока своего скакуна. С широкими татарскими скулами, без всяких макияжей, с бледноватым лицом, оттенявшим крупные полные губы, и глубокими, как

чертов омут, карими глазами. В джинсовой робе с лямками, перетянутыми крест накрест на груди, огромный улыбчивый мешок, волшебное соединение необъятной задницы, перераставшей в шею страуса, соседство муравья и солнца. Марфуша – главные ОКО и УХО на корабле, надежда и оплот.

Явление красавицы внесло в мою плоть мощный энергетический заряд, я даже вздрогнул, словно одним махом опустился на ежа. Сердце мое учащенно билось, и руки ходили ходуном, когда я вылезал из своих фильдеперсовых кальсон. Замечу, между прочим, что еще в Сызрани приучился носить их круглый год и не жалею: даже в жару от них исходит только свежесть. Первый оперативный контакт продолжался не более часа, потом я закурил сигарку (предпочитаю «Villiger» в серебряной фольге, они легки, как крылья бабочки) и продолжил работу.

Для начала, Джованни, позволь мне представить дам и кавалеров, составивших мне компанию на «ЛЕНИНЕ», сливки общества, так сказать, la creme de la creme, людей в высшей степени достойных и из разных стран, что для нас с тобой, граждан мира и интернационалистов, не играет ровно никакой роли. Конечно, печалит меня необходимость конспирации, иначе я не поскупился бы на краски и создал бы портреты, по сочности не уступающие твоим землякам, Джованни, – Чимабуэ или сыну цирюльника и хирурга Паоло Учелло, которого ты, увы, не застал из-за своей кончины. Поэтому я вынужден рисовать своих братьев и сестер по плащу и кинжалу туманным пунктиром, свойственным моей профессии (в твоё время за такую живопись били физиономии), словно я, прости меня, какой-нибудь импрессионист или, упаси Бог, пуантилист. Тем не менее каюты моей агентуры Марфуша обыскала весьма тщательно – «довырай, но провырай», как говаривал президент Рейган. Его у нас высмеивали: «Зачем ты прешься в Никарагуа и Кубу? Зачем ты в холод с нищеты сдираешь шубу? Войну жестокую затеял с коммунизмом? Уж лучше б занимался онанизмом!»

Итак, Сова, Дятел, Грач, Курица, Тетерев, Орел, Сорока и Гусь. Милые птички, мои Демосфены, услаждавшие слух. Штрихи биографий, curriculum vitae.

СОВА – бухгалтер в моем ведомстве, педантична и строга – круглые бесстрастные глаза и окаймляющие их черные брови, небольшие усики, общая неподвижность, не хватает пенсне, как у Берии, но характер покладистый и не вредный. Кстати, это женщина. На дне чемодана обнаружен один презерватив «Баковка» 1980 г. выпуска и четыре флакона жидкости для выведения волос.

ДЯТЕЛ – из наших, длинный красноватый нос, покатая спина, плавно переходящая в бугристый зад, если двигаться от толстых ляжек в обратную сторону к животу, то снизу это существо напоминает воздушный шарик с клапаном, перевязанным желтой ниточкой. Раньше трудился в нашем ведомстве, но был уволен, как ни смешно, за усердие: обожал всех закладывать, чем создавал неприятные проблемы для начальства. Кому нужны разоблачения, за которые жестоко стегали в инстанции? Однажды он залез в сейф своего начальника, который тот ему по глупости доверил, и увидел там целый клад ювелирных вещей. Начальника уволили, а вместе с ним и усердного Дятла. Меня он тоже закладывал много раз по разным мелочам, но я его не отметал от себя: уж лучше хорошо известный тебе подлец, чем terra incognita, которая окажется подлецом. Однако Дятел был человеком идейным, чтит золотого тельца и ненавидел изменников, в число которых зачислял всех. Полезное качество. Страдал геморроем (данные Марфуши, нюхавшей простыни) .

КУРИЦА – бывшая МХАТовица и потому неуловима в своих обликах и образах: то трясет задком, то нахальничает, то жеманничает, любвеобильна – и тогда вся в пухе и перьях, словно петух распорол ее клювом, как перину, задания выполняет пунктуально и пишет выразительные отчеты. Использовалась успешно по западным послам, одного дурака даже завербовала. Везла с собой целый чемодан обуви – единственная слабость, кроме бесконечных факировок на ходу и на лету. Страдала, бедняга, подагрой, аристократической болезнью, которой гордилась.

ГРАЧ – наш агент во французской разведке. Сама невзрачность и невидимость, живая инкарнация секретной службы, незаменим в наружном наблюдении, низкорослый, нечле-

нораздельный, узколобый, с черной прической, надвинутой через отсутствие лба прямо на брови, многоречив, и, слушая его, хочется удавиться и умчаться от этой инкарнации. Все время ощущение, что он прокручивает пленку о самом себе, но в замедленном до предела ритме, словно сознательно изматывает нервы. В чемодане – большой набор одеколонов и початая бутылка водки «Смирновская», искусственная вагина (дико боится СПИДа, кстати, от него потом и умрет). Рассказывая об этом, Марфуша чуть покраснела (актрисой она была бесподобной и запросто рыдала, особенно, когда выпрашивала повышенное денежное вознаграждение) и показала отклеенный от резиновой балды листочек бумаги со стихами: « Что стало с этим чистым лбом? Где медь волос? Где брови-стрелы? Где взгляд, который жег огнем, сражая насмерть самых смелых?» Загадочно, поскольку, по моим данным, Грач был полным импотентом.

ТЕТЕРЕВ – наш надежный агент у англичан, причём большая шишка в английской разведке СИС, оптимист, но не дурак (но не потому, что оптимист, а от рождения), постоянно радостен, обаятелен, болтлив и быстро засыпает, приняв стакан. Обычно прекрасно использовался в провокациях: добродушие внушает доверие. Везет с собой грелку и клизму. Покрывает охотно всех и вся, но страдает от мгновенного оргазма.

ОРЕЛ – наш человек в ЦРУ. Высок, худ, с огромной лысиной, которую укутывает остатками волос, словно любимое дитя, напоминает то ли графа, то ли актера, играющего графа, зато находчив и исполнительен, безумно популярен у женщин, иногда хорош в операциях по их привлечению к сотрудничеству. В чемодане около десяти видов бальзамов для волос. Иногда на него нападает артрит, как он считает, от умственной переработки.

СОРОКА – из наших, начитана, хотя понимает только половину и ничего не помнит, сумбурна, забывчива, легкомысленна, однако, в решающие минуты собрана и способна заклевать даже льва. Хороша для дезинформации, которую приносит на своем черно-белом трепещущем хвосте. Между прочим, прекрасная рассказчица, Джованни, не хуже

твоей Пампиней, которая ах, поиграв в шашки и шахматы, ах, предавшись музыке, ах, освежив лицо, ах, у фонтана, рассказывала ах, как томно о конюхе, спавшем с женой ах, короля Агилульфа. В чемодане обнаружен дилдо, тщательно замаскированный в белье. Марфуша так и не догадалась о назначении предмета, о святая простота! O sancta simplicitas!

ГУСЬ – наш агент у немцев. Старый пижон, хитрейший мужик, остриженный бобром, привержен к коньяку, куреву, перочинным ножам и кольтам не меньше, чем к длинноногим профурсеткам. Может днями болтаться в магазинах, примеривая пиджаки от Остин Рида и рубашки от Кардена, рассматривая итальянскую обувь и особенно галстуки, на коих помешан. Агент высокой надежности, совершенно не пьянеет и этим опасен. Везет с собой электромашинку для стрижки волос фирмы «Филипс», зачитанные порножурналы с неясными липкими пятнами. Наверное, мои характеристики слишком язвительны, но, поверь, в этой горчице больше любви, чем у Отелло, придушившего Дездемону с уверениями в страсти величиной в сорок тысяч братьев!

Выдавали мы себя за группу ученых-орнитологов (последнее словечко на судне никто не знал), собравшихся на небольшой международный симпозиум в целях прогресса в этой отрасли науки. Такая дивная шпионская компашка собралась на славном «ЛЕНИНЕ», название постоянно напоминало мне о необходимости трудиться во имя светлого будущего.

Взойдя начальственно на корабль, я первым делом посетовал бар, которым ведал бывший прыгун в длину, тощий и желтый, как осенний лист, бармен МИТЯ. К человечеству это дитя нарпита относилось с презрением («лишь открою бар, а они, как мартышки из вольера, мчатся к стойке»), с ценами на спиртное Митя обращался легко и варьировал ими в зависимости от своего настроения и степени надратости клиента. В репертуаре бара блистали коктейли «Агония перестройки», «Поцелуй Ельцина», модный «Черный русский» (то ли российский негр, то ли погрязший в темных делах соотечественник) и специально для нас, асов шпионажа, кок-

тейль «Мечта Джеймса Бонда» (половина водки, половина вустерского соуса – гремучая смесь!).

Но особой популярностью пользовался коктейль «Кровавый Петя, папа Мэри», названный так в честь некоего Питера, американца из Северной Каролины, который оказался хроническим алкоголиком и наркоманом, кутил ночами, любил писать на палубе, падал пару раз в воду и вынудил капитана создать специальную группу, опекавшую буйного Петю, которого в конце концов препроводили в психиатрическую больницу в Ульяновске, так и не переименованном в Симбирск. Коктейль самым приятным образом совпадал с моим новым именем, и тут, наверное, стоит нарисовать и собственный портрет. Джованни, так и тянет прибить к стене холст, взгромоздиться на стремянку (не знаю, как это сооружение звучит по-итальянски) и талантливой кистью... но нет! Учитель всегда призывал к скромности в личной жизни, всегда равнялся на Владимира Неистового, жившего в шалаше, и даже на Иосифа Грозного, обходившегося железной койкой, сапогами и портянками.

Твой покорный слуга выступал как скромный доктор биологии Петя Лосев, ничего умнее я не придумал, но и это не так плохо, гораздо лучше, чем, например, гинеколог, которым я однажды прикидывался, и чуть не погиб от ласк женщин. Увы, не было у меня на голове лаврового венка, как у тебя, Джованни (зачем ты напялил этот веник?), не взирав я кротко, как ты со старинной итальянской гравюры в вензелях, словно не автор фривольного шедевра, а кастрированный философ Абеляр, и взгляд мой был не столь грустен, как у тебя, наоборот, он игрив и чуть скептичен, и голова не клонилась поэтически в сторону, словно ее раскачивали или отвинчивали, и не сжимал я нарочито огромный фолиант. И вообще, если бы писал меня великий художник (пока еще не наступило время, хотя уверен, что никто не пройдет мимо центральной фигуры российской истории XX и XXI веков), то наверняка бы заметил: «Дсего в меру!» Да, всего в меру. Правда, ростом не вышел, но зато...

Куски биографии. Вырос в простой семье сельских учителей-коммунистов, детей революции, переживших и Ок-

тябрьскую, и Гражданскую, и две кровавые мировые войны. Скромный домик, почитаемый всеми селянами, книги Маркса, Ленина, Ушинского и Макаренко, внушавшие трепет Брокгауз и Эфрон, толстые тома Даля и, конечно же, вся русская и советская классика. В родительской спальне, куда вход возбранялся без разрешения отца, висела брюлловская копия «Плененного Купидона» Франсуа Буше, написанного для будуара мадам де Помпадур: словно сотканые из облаков, светящиеся изнутри бледным огнем три прекрасные Грации стыдливо и дразняще возлежали среди диких роз, любясь беспечным младенцем. Это картина, которой я тайно часто любовался, воздействовала на мою мальчишескую жизнь, я подолгу разглядывал томлящуюся от желания Талию. Ее красноватый сосок, терявшийся в изгибе круглого локтя, волновал меня до дрожащего тумана в голове, до мучительных снов, и потом, уже в Сызрани и в подмосковной разведшколе, она являлась ко мне, поднявшись с усеянной розами земли, и прижимала к груди, и награждала поцелуем, и я просыпался в мокром ознобе – о, юность моя! мираж! навеки ушедшая *fata morgana!*

Перед самой войной отца бросили на повышение в горно Тамбова, потом он ушел на фронт, а мы с мамой, чтобы не умереть с голода, рисовали бусы: совали кисточки в стеклянные кружляшки, получалось красиво и хорошо сбывалось. В седьмом классе избрали комсоргом, человеком я был серьезным, умел организовать людей, неплохо знал международные отношения, изучив «Историю дипломатии» под редакцией академика Тарле – трехтомник красовался в отцовской библиотеке. В десятом съездил на целину, отличился на тракторе, получил грамоту ЦК комсомола. Служба в армии, Сызрань, перспектива летной карьеры, прерванная поступлением в органы. Первая встреча с будущей женой: праздновали Новый год, проснулся в чужой кровати, поднял ногу и легко стукнул по грязноватой лампочке, свисавшей над нами, – лампочка грустно закачалась. Я смотрел, и мне это было интереснее всего. Она заплакала, а я все смотрел и не обращал на нее внимания. Через несколько лет развелись. Больше не женился, пробавлялся быстротекущим, пришел

к выводу, что брак мешает работе и вредит Делу. Уже в разведке получил скромную двухкомнатную квартиру на Миусской. Обшарпанная тахта-ладья, на которой были счастливы почти все мои друзья и подруги, расшатанный письменный стол, очень удобный, если на него посадить женщину средних размеров, большое кожаное кресло, в котором хорошо сидится двоим. Тончайшая деталь обстановки – маленький бюст Афродиты, временами я самолично мыл богиню в тазике с теплой водой, купал, изнемогая от наслаждения, живые не доставляли мне столько радости.

Одна комната была целиком в застекленных полках с классиками, оттуда выглядывал фотомонтаж мадам Тэтчер, пардон, с мужским орудием, уныло свисавшим из области живота; бюстик (почему я их люблю?) маршала Жоффра, героя Первой мировой, которого пытается минетировать некий тип со штангой в другой руке; там же вполне благопристойный мальчик Писс из Брюсселя, безликая веджвудская вазочка из Лондона и пепельница с видом Иерусалима, афинская амфора с бурно соединяющимися греческими молодцами. Кристалл с австро-венгерским императором Францем Иосифом на вздыбленном коне из Вены (тут любая созерцательница начинала рыскать глазами в поисках фаллоса то ли у коня, то ли у Франца Иосифа), синий бокал с вензелями из венецианского стекла, из которого я грубовато хлестал водку в праздник Революции, сидя за письменным столом, где красовалась настольная медаль в честь 60-летия ВЧК– КГБ, лично врученная мне Юрием Владимировичем. Пожалуй, все, воздержимся от других деталей.

Итак, после утреннего доклада Марфуши я несколько приутомился, прилег на диван и раскрыл книгу Сальвадора Дали «Дневник одного гения». Должен разочаровать любителей ассоциативного мышления: гением я себя не считал (хотя им, наверное, и был – ведь ни один великий при жизни не осознает своего величия, зато пустышки распухают от собственной важности), а книгу получил совершеннослучайнов деньотплытияизрукпрекраснойтемнорыжей дамы. Небольшой прыжок в прошлое: все началось год назад в петербургской клинической больнице имени

В.Г. Соколова, куда я подзалетел из-за... распространяться о болезнях не будем. Однако уверяю тебя, Джованни, что это был не *syphilis*, превращавший в твоё время людей в зловонные скелеты, а ныне излечиваемый двумя уколами в место чуть пониже спины, и не подобные ему болезнители, а нечто возрастное и благородное, вроде подагры и геморроя.

Звали её Роза, и познакомился я с ней на квартире своего коллеги, коренного ленинградца Павла Батова, к которому я завалился однажды вечером покайфовать под джазовую музыку. Паша жил в гостиной дома то ли графа Юсупова, то ли графа Разумовского, прихваченного осчастливленным народом после революции. Тогда жилище богатея превратили в коммуналку, позднее из гостиной с резным деревянным потолком, мраморным камином и шпалерами на стенах Батов сделал двухкомнатную квартиру и даже, пользуясь восьмиметровой высотой потолка, соорудил на кухне второй этаж со спальней для пьянчуг-гостей. Роза, худая, с толстой рыжей косой, появилась случайно с подругой, постоянно облизывающей полные губы (только этим и запомнилась), и доводилась Батову сестрой. Они даже ходили друг на друга своими кривыми носами, потом мне это очень мешало: все время казалось, что я покрываю поцелуями своего приятеля, и от этого секс-атака захлебывалась. Да! худющая, да! рыжая! Не знаю, как выглядели в жизни Беатриче Данте или Лаура Петрарки, но портреты их, которые я имел счастье видеть, Джованни, вызывали у меня лишь отвращение, к таким экземплярам я никогда не прикоснулся бы, даже находясь на голодном пайке в Сызрани. Так что у каждого времени свои вкусы. К тому же закончила она Ленинградский государственный университет и защитила в аспирантуре диссертацию «Монахи Боккаччо как предвестники Реформации». Что? Задрожал от любопытства, мой мессер? Проникся пиететом? Как мы тщеславны даже в райских куцах! Только позднее я разглядел, что Роза прекрасна: ослепительная белозубая улыбка во все белое лицо, покрытое веснушками – уделом рыжих, солнечный пух на щеках, мягкий и щекочущий, жадные худые руки, большая родинка на шее, ближе к груди (между прочим, лифчика не носила, и сквозь

прозрачную блузку темнели чуть дрожащие соски, окаймленные рыжими порослями), фигура – удлинённая, костлявая, изломанная, ассиметричная, как на картинах Пикассо. (Уже мои штаны надулись, друг Джованни!)

Умеренно выпили коктейль «драй мартини» (один мой приятель называл эту смесь джина и мартини бабоукладчиком), Батов сел за пианино «Беккер» и виртуозно заиграл Брубeka, что-то медленное и ритмичное – в этом пире звуков хотелось раствориться навсегда, и я пригласил на танец Розу, божественную во всей её рыжине. Танцевал спокойно, словно поедал свою утреннюю глазунью, но вдруг ударило. Словно прожгло насквозь, хотя рыжих я не переносил, и все потому, что в молодости одна рыжая, клявшаяся мне в любви, сперла у меня из бара бутылку куантро. Причем обнаружил я это после того, как отправил её домой на такси и дал на дорогу один рубль, больше я себе не позволял из принципа. Ударило – и прошло, пролетело стремительно, как скоростной экспресс. Остались лишь ощущение худых, длинных рук, лежавших на моих плечах, и острые запахи мускусного ореха, бесспорно, это был одеколон «Muske», редкий в наших краях, флакончики с ним, завинченные деревянной крышечкой, я встречал лишь на Ямайке и на Гаити, когда выезжал туда для переворотов. Дамы покинули нас к полночи, провожать, к счастью, не просили, и я остался ночевать у Паши. Долго не мог заснуть, в голову назойливо лезло: «Под пирамидой у Хеопса священный бык с коровой е... ся. Представляю, что за вид открывался с пирамид». Почему Хеопса? Остальное понятно.

На следующее утро – температура сорок, жар, рвота и прочие гадости, срочная транспортировка в упомянутую клинику больницу, паника, толпы врачей, сотни диагнозов, и ни одного точного. Несколько дней лежал в бреду, потом пришел в себя. И вдруг: визит Розы! С приветом от брата, с тапочками на белой коже и чистыми трусами, словно она досконально знала состояние моего белья, с кипой газет, с килограммом яблок «симеренко» (между прочим, мой любимый сорт, но об этом не знали ни Батов, ни Роза) и двумя бутылками боржоми. И не успел я удивиться, как

неожиданно для себя очутился с ней под одним одеялом, причем вышло все само собой и вопреки всякой логике: в разгар обхода врачей и при открытой двери. Ведь в наших больницах, Джованни, любые запоры на дверях запрещены то ли из опасения, что тогда не пробиться к охваченному кризисом больному, то ли во имя поддержания высокой нравственности нянечек. Как бы то ни было, но я ощутил сладость, представляя удивленные морды внезапно вошедших эскулапов, она передалась в подборуше, и я не спешил, растягивая удовольствие и краем глаза кося на чертову дверь, словно призывая ее отвориться. Не буду подробно описывать эту вакханалию, но, ей-Богу, моя рыжая дама не походила на твою мадонну Беритолу, найденную на одном острове с двумя ланями, моя рыжая давно бы их загрызла, ибо темпераментом обладала необузданным до крайности. Наслышан, мой досточтимый мессер, о твоих проделках при неаполитанском дворе (не касаюсь твоей возлюбленной Фьяметты), но не уверен, встречал ли ты подобную даму. Орала она пронзительно, словно десять тысяч голодных ослов, вопила во весь голос – даже оконные стекла запели в тон. Перепонки мои лопались от визга, но это только подогревало градус, хотя удивление вызывало немалое.

– Что с тобой? – спросил я (очевидно, жарким шёпотом, приличествующим моменту).

– Я невинна... – промолвила она.

Я чуть не пёрнул от удивления – так вот почему у нее коса! И это в тридцать! И это при том, что твои флорентийки теряли свой цветок уже в десять! Я был настолько поражен, что остановил Ringestechen – метание копья в кольцо, как говорили в твоё время германцы. Пока она приводила себя в порядок, я бродил рассеянным взором по сияющим разноцветными пятнами простыням, с ужасом думая о реакции нянечек. Может, она жаждет, словно в ещё феодальной Испании, вывесить из окна окровавленную простыню, чтобы собравшаяся толпа радостно орала: «*Virgen la tenemos!*» – Мы считаем ее девственницей!» А далее – под венец! Боже, никогда! Ушла она поспешно, даже не попрощавшись, оставив у меня чувство легкой досады, и с тех пор ни ее, ни брат-

ца я не встречал и, признаться, не шибко интересовался их судьбами.

И вот встреча на Бережковской набережной, порывы ветра, бумажки, летевшие под ноги, пыль в лицо, гудение машин. Я двигался в отель «Президент», последнее время от переработок меня беспокоила одышка, и я использовал любой случай для променада. Думал о путешествии на «ЛЕНИНЕ», отплывавшем завтра, и о встрече с Марфушей, которую почему-то представлял как транссексуалку. И вдруг:

– Как я рада вас видеть! Я часто вспоминаю вас...

Боже, Роза собственной персоной, сверкающая рыжиной и белыми зубами, чуть покрытыми желтым камнем. Сколько мы не виделись? Больше года. Не знаю почему, но смутился я неимоверно, даже почувствовал, что порозовел, а тут припомнил ее индейские вопли, окаменел, губы высохли от жары и... стыдно, Джованни, но если бы я носил гульфик, то он не выдержал бы под напором чувств. Я чуть согнулся, образовав угол, столь необходимый в этой неудобной ситуации. Выглядел я, наверное, полным идиотом, какое счастье, что никогда не видел меня таким Юрий Владимирович, иначе не то что к «Голгофе» – к чистке своих «скороходов» не допустил бы! Порылась в сумочке, мотнула своим кривоватым носом и достала книжку Сальвадора Дали.

– Это вам на память, в ней есть нечто волшебное... оно сделает вас лучше... не отказывайтесь.

И убежала, суматошная баба. Ни телефона, ни других координат. Почему приходила в больницу? Зачем? На кой бес мне эта книга? Открыл и перелистал сумасшедшего художника.

«На празднике он хочет создать диапазон музыкально-лирических шумов за счет истязания, кастрации и умерщвления 558 свиней на звуковом фоне 300 мотоциклов с включенными двигателями, не забывая при этом отдать дань уважения таким ретроспективным приемам, как процессия оргбнов, заполненных привязанными к клавиатуре кошками, дабы их раздраженное мяуканье смешивалось с божественной музыкой Падре Витториа, что практиковал в своё время еще Филипп II Испанский». Ну и ну. Чо це

таке? Явно мужик припадочный, хотя и талант, большой был мастер по части трюков. В книге масса репродукций его безумных шедевров вроде «Духа Вермеера в роли стола», там некий скелет в юбочке вытянул горизонтально фантастически удлиненное бедро, на которое поставлена бутылка с рюмкой. Все очень экзотично, черт побери!

Зачем она подарила книгу? А вдруг это игра Судьбы? Руки мои покрылись потом – так бывало иногда в минуты сильнейшего душевного напряжения. Почему я думаю об этой рыжей шлюхе, не вызывавшей у меня никаких серьезных чувств? Какая к черту Судьба, просто идиотский коитус на больничной койке, внезапный и потому острый, как чилийский перец. Желтый камень на зубах, длинные, как у орангутанга, худые руки, костлявые пальцы, прямо скажем, весьма искушенные в делах любви. И что? Коса, соски, веснушки. «Всё, что глупою бабой звалось, а он ее звал королевою роз, впрочем, как ты и я», «я невинна», тоже мне орлеанская девиственница. Шлюха.

...Теплоход уже мирно плыл, появился первый шлюз, построенный сталинскими заключенными, добротный, как и все, созданное рабами. Надеюсь, мой друг Джованни, ты не считаешь, что великий Рим мог быть построен свободными людьми? Или египетские пирамиды? Свободные люди творят в кабинетах и лабораториях или выпивают в кабаках со своими девками, а не вкалывают на стройках! Шлюз словно бы издевался над убожеством полуразрушенной церквушки неподалеку, не говоря уже о деревянных избах времен царя Гороха, страдавших от соседства с двумя-тремя новорусскими виллами, которые сверкали безвкусным великолепием. Заметим, что по «Голгофе» мы стимулировали подобные сооружения, предвкушая, как завистливая толпа в роковой момент с вдохновением сметет, сожжет, развеет по ветру все это богатство, выдерет хвосты у сиамских кошек, шмякнет головами о булыжники изящных фокстерьеров, вольет в аквариумы соляную кислоту. Сожжет на кострах изящных пони вместе с самими толстопузыми жильцами, запалит прямо под их великолепными импортными кипарисами! Мир хижинам! Война дворцам!

Я вышел на палубу и осмотрел все вокруг, пытаюсь явственно представить всю картину народного гнева. Сердце почему-то не kloкотало вместе с народом, зато снова подозрительно оттопырились штаны. Очень кстати дунул неожиданный бриз, задрал юбку у пробегавшей Сороки, и ее обнаженные ягодицы загорелись, как солнце, и потянули к себе, потирая половинками друг о друга. Я проглотил слюну, но тут заметил всю нашу компашку, соратники столпилась у правого борта и помахивали руками мальцам, удившим рыбу на берегу. Дятел сбросил пиджак и стал похож на сплошную задницу. Орел орудовал железной расческой и несколько взлохматил прядь волос, ему казалось, что он прикрыл лысину, но от этого она засияла еще ярче, словно луна в крошечной тьме ночи. Оркестр из трех молодых ребят, нанятых для развлечения моих орнитологов, грянул знаменитую «Славянку». Приближалась пристань древнего городка Козьмодемьянска, уютно раскинувшего свои домишки на горе, они утопали в пышной зелени, чуть подпаленной летом. На берегу уже ритуально стояли нищие с горящими глазами, предвкушавшие щедрые подаяния от иностранцев, подъехало несколько «жигулей» с местными купчишками, они суматошно раскладывали столики, уставляя их матрешками, дешевой и, естественно, фальшивой водкой, цветными шальями и прочей фиговинной для дураков.

«С 1781 года город входит в Марийскую республику, – я обеспечил и радиопросвещение своих иностранных друзей. – Тут развита легкая и пищевая промышленность. Родина композитора Эшпая. Имеется краеведческий музей с картинной галереей имени художника Григорьева, а также музей деревянного зодчества Марийской республики».

– Понятия не имел, что в России живут марийцы, – заметил Орел и снова поправил свою лысину, прикрыв ее, как ему казалось, волосами, словно ермолкой.

Увы, почтеннейший Джованни, знание о России ненамного прогрессировало с твоих времен, в умах иностранцев мы – грязные дикари, а между тем еще до твоего рождения расцветал и сверкал церквями Киев, и дочка князя Ярослава Мудрого, вышедшая, к несчастью, за сифилитика – короля

французского, жаловалась на убогость Парижа... Одно признаю: нынешние люди поразительно деградировали со времен твоего раннего Ренессанса, мессер, они в подметки не годятся доблестным мужам твоего времени! Где эрудиция, энциклопедичность, тяга к сочинительству и живописи? Где Леонардо да Винчи? Микеланджело? Где Медичи Великолепный, блестящий политик и не менее блестящий писатель? Где умение драться на шпагах или на мечях, сложить голову ради чести, своей или чужой? Обезьяноподобный депутат парламента и лидер партии парламента лупит женщин, да за это ему прокололи бы брюхо, как кабану, прямо на площади Республики! Бездари политики, венерики и алкоголики, не только трусы, они просто не подозревают, что существует такое понятие, как честь. Поливают друг друга грязью, как из ушата, – и ничего! Никаких дуэлей! Зато легко отправляют молодняк на кровавые бойни, не своих детишек, естественно, для них уготовлены самые райские университеты Лондона и Флоренции. Зачем я тебе жалуясь, Джованни? Отвожу душу? Да нет, просто хочу, чтобы ты понял «Голгофу» и ситуацию в моей стране. Кстати, ты помнишь, что твой учитель и друг Данте расположил свой Ад на севере? Подозреваю, что все его девять кругов уходят в глубь земли, прямо в пасть Люцифера где-нибудь на территории России...

В глубоком похмелье, словно из кишок негра, явился на свет капитан и хриплым голосом доложил, что местные власти просят переждать ночь на рейде. Причины не указывались, впрочем, на берег никто не рвался, все ожидали ужина и последующего дебюта Тетерева, обещавшего пикантный шпионский рассказ.

Я прошествовал к себе в каюту и просмотрел газеты и шифрдепешки. Новый президент еще не обрел уверенности, держался скромно и не вещал. Члены правительства обещали быстренько вывести страну из кризиса, им уже никто не верил, все тихо молились: не стало бы хуже! Вспомнился стишок Мандельштама об Иосифе Грозном: «... как подковы, кует за указом указ – кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз». Вот бы так! Поужинал я наскоро у себя в каюте, посадив на колени Сову. Естественно, в район колен был

запущен агрегат, и она, томно пошевеливаясь, вожделенно шевелила бровями а-ля Брежнев Леонид Ильич, сдерживала стоны и тихо орошала колени, что лишь разжигало мой аппетит. Я так увлекся, что чуть не опоздал на первый сбор декамерона в музыкальном салоне «ЛЕНИНА», там уже залегло в креслах мое птичье царство, потягивая из стаканчиков, занесенных туда барменом Митей.

Главный спикер Тетерев был душист, какувядший ландыш, на нем вполне прилично сидел льняной пиджак с черным галстуком в белую крапинку, переодеваться эта вальсяжная, черноокая птица обожала, а еще больше поразглагольствовать о том и сем, поправляя непрерывно цветной платок, намеренно небрежно заткнутый в верхний карман. Заиграла лютя. Жаль, что это был не любимый падекатр, на котором я оттачивал свое танцевальное искусство в Сызрани. Заказал бутылку портвейна «Кавказ».

Ты не представляешь, Джованни, какую роль сыграли портвейны в моей жизни! Причем не утонченные португальские, откуда сей напиток родом, а доморощенные, ядреные! Посадил под свое крыло Марфушу, бедра которой дышали таким жаром, что мои фильдеперсовы кальсоны прилипли к вспотевшим членам, и опять вспухли проклятые штаны. Все тонко ощущали сиюминутность жизни. Как писал мой приятель актер Эйранов: *«Пройдет еще немного лет, Лаская радостями скупо, И превратитесь вы в скелет, Хоть это, может быть, и глупо!»* На это грустной ноте затоковал наш Тетерев, во время рассказа он расхаживал по музыкальному салону, видимо, мучили его либо геморрой, либо кактус, на который он сел вместо горшка. Возможно, какая-нибудь аденома, чёт бы их всех подрал, впрочем, один мой дружок до конца дней своих считал свою аденому куском засохших экскрементов – именно так нужно относиться к болезням! Но зачем Роза приходила в больницу? Почему подарила безумного Сальвадора Дали?

О НЕИСТОВОЙ СТРАСТИ, КОТОРАЯ ПОСТОЯННО В КОНФЛИКТЕ С РАЗУМОМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ЗАДАЧАМИ, О ВНЕБРАЧНЫХ ДЕТЯХ, УПРЯМЫХ ШОТЛАНДКАХ, АНГЛИЙСКОЙ КОНТРАЗВЕДКЕ, ВЕЛИКОМ РОБЕРТЕ БЕРНСЕ, И О ПРЕИМУЩЕСТВАХ РЕКИ ВОЛГИ ПЕРЕД ПЕТЛЕЙ.

*Да, Лондон малость чересчур для нас.
Не то, что я хочу вас этим обидеть –
Просто мы тут сошли бы с ума.*

Т.С. Элиот

Когда в посольстве СССР, что на Кенсингтон Пэлас-гарденс, затаившейся близ Кенсингтонского дворца улице миллионеров, проходило партийное собрание, в русском отделе британской контрразведки – МИ-5, наступал истинный праздник. Уже за неделю об этом событии становилось известно имеющей встроенные уши контрразведке, именовали его не иначе, как «профсоюзным» – ведь большевистский ЦК еще с коминтерновских времен повелел конспирироваться, опасаясь, что англичане поставят комячейку в посольстве вне закона. Но хотя многие хохотали над архаичностью «профсоюзной» вывески, поднять руку на нее никто не смел: в Москве еще живы были зубры, стоявшие у истоков этой глубокой зашифровки.

Трансляция собрания в скромное здание МИ-5 недалеко от вокзала Виктория проходила через искусно заделанные в зале посольства микрофоны (операцию провели много лет назад через русскую агентессу-уборщицу), до сих пор не обнаруженные советской службой безопасности, лайв-шоу через мониторы поступало прямо в кабинет, где для пущей фееричности на табло высвечивались фотографии выступавших и их краткие биографии. Все это создавало сочный спектакль, дававший фору любой комедии Уэст-Энда, и потешало не только обитателей кабинета – Джорджа Листера, Джеймса

Бэрри и Вивиана Колина, но и других рыцарей русского отдела, не упускавших случая, чтобы заглянуть в кабинет и выпить заодно чаю, приготовленного добросердечной во всех отношениях секретаршей Молли. И даже сам начальник отдела легендарный Питер Дженкинс, всю жизнь посвятивший беззаветной борьбе с коварными русскими, иногда являл свою персону подчиненным, устроившись скромно в уголке на стуле, – присутствие шефа вносило некоторое оцепенение в ряды зрителей, любивших крепкие шутки в адрес выступавших.

К самому началу собрания народ обычно стягивался вяло, зная косноязычность посольства и секретаря партийной организации Переверзев – говорил он медленно, бесконечно повторялся, тянул kota за хвост на редкость занудно. Однако в этот день посещаемость была выше обычной.

– Все ли мы сделали для улучшения англо-советских отношений? – риторически вопрошал Переверзев, протыкая указательным пальцем воздух. – Нет, товарищи, далеко не все! Конечно, посольство поработало в этом плане неплохо, однако впереди еще много важных проблем, которые требуется разрешить (эту тему он еще долго пережевывал, не в состоянии выбраться из пучины слов).

– Ну и наглец! – хмыкнул розовощекий Джордж, попутно прихлопнув муху, уже давно парившую над его головой, – он слыл не только закаленным борцом с русскими, но и убийцей любого вида насекомых, которых он выискивал в самых невероятных местах.

– Подумать только: болтать об англо-советской дружбе и в то же время забить и посольство, и все другие советские учреждения сотрудниками КГБ и ГРУ!

Тезис о постоянном наращивании советской разведывательной мощи в Англии, о том, что «они здесь, словно тараканы», несомненно можно отнести к самому популярному в русском отделе. Возмущение обычно сопровождалось сетованиями по поводу скупости парламента, экономившего каждый пенс на святое дело безопасности, в том числе и на контрразведку.

– Наши бездельники из МИ-6 тоже в Москве говорят о дружбе, – отозвался Джеймс, отразив в этой короткой

реплике глубинные противоречия между МИ-5 и МИ-6, английской разведкой, работавшей за рубежом. – Правда, совершенно непонятно зачем разыгрывать спектакль друг перед другом.

– Русские патологически конспиративны и всегда исходят из того, что их подслушивают. Тем более что собрание проходит в незащищенном помещении, где запрещено говорить на секретные темы, – пояснил Джордж.

В разведшколе славянскую душу изучали досконально и знали, что, кроме всего прочего, она недолюбливает иностранцев, отличается беспечностью, разгильдяйством и непонятными метаниями из одной крайности в другую, склонна к беспредельному пьянству и удручающей прямолинейности.

– Может, они просто знают, что у нас там «жучки»? – заметил Джеймс.

– Исключено. Они бы сразу их изъяли.

Джеймс промолчал и подумал, что это совсем не обязательно – ведь можно исходить из презумпции, что вместо старых «жучков» поставят новые. Так не лучше ли жить со старыми и хорошо известными?

Между тем Переверзев снял очки, что указывало на переход от рутинного толчения воды в ступе к душевным откровениям, и внимательно осмотрел зал подслеповатыми глазами. Зал тут же притих и даже замер.

– А теперь, товарищи, я хотел бы затронуть проблему коньяка...

Тут Джордж издал радостный вопль и несколько раз ударил кулаком по стене – кабинет тут же стал наполняться сотрудниками, и появился даже сам шеф, не пожелавший присесть и прислонившийся к стене у дверей, засунув руки в штаны из бежевого кавалерийского габардина.

– Вам известно, что произошло большое несчастье, – продолжал Переверзев, – большая беда для нашего государства: по вине московской внешнеторговой организации, пренебрегшей консультациями с нашими посольством и торгпредством, в Англию ввезли для продажи большую партию армянского коньяка, снабдив не этикеткой «бренди», а этикеткой «коньяк».

Он помолчал, ожидая реакции зала, но ее не последовало: никто ничего не понял.

– Коньяк является исключительной монополией французов, и использование этого названия противоречит международному праву. Посоветовавшись с Москвой, – тут Переверзев сделал многозначительный акцент, будто он советовался не меньше, чем с генеральным секретарем, – мы приняли решение не вывозить груз обратно, неся новые расходы, а реализовать его внутри советской колонии по доступной цене, т.е. по два фунта за бутылку. И вот итог: должен вас поздравить, товарищи, – Переверзев не был совсем лишен чувства юмора, – партия коньяка была реализована в рекордно короткий срок – одна неделя! Уверю вас, что англичанам на это дело потребовался бы по крайней мере год.

В зале посольства и в кабинете МИ-5 одновременно раздался дружный хохот, словно наступило единение врагов и все радовались этому великому событию.

– Но это предыстория. Смысл моего выступления сводится к тому, что пустые бутылки валяются не только рядом с королевским дворцом здесь, на Кенсингтон Пэлас-гарденс, но даже в пригородном Кью-гарденс, – строго завершил свой спич Переверзев. – Спасибо за внимание.

По залу пробежал блудливый шепоток, народ пересматривался и перемигивался, словно банда преступников, связанных одною веревкой: коньяк прошел через желудки всех присутствующих, кроме, пожалуй, первого секретаря Пурникова, человека на редкость интеллигентного и, видимо, потому терявшего контроль после даже малой рюмки.

Язвительный, как и все непьющие, Пурников подумал, что бутылками забросан не только Кью-гарденс, но и почтенный Риджент-парк с оленями и гольфовыми площадками и уж, конечно, королевский Виндзор, куда обожали выезжать на пикники.

– Кажется, я видел пустую бутылку в урне рядом со входом в нашу фирму, – попытался пошутить обычно молчаливый юный Вивиан, поступивший в русский отдел лишь два года назад, сразу после Оксфорда, однако на его остроту

никто не отреагировал (если бы это изрек Питер Дженкинс, комната обрушилась бы от хохота).

Тем временем наступившая пауза сменилась прениями.

– Слово предоставляется товарищу Ирине Воробьевой, – объявил председательствующий.

На трибуне появилась полная дама лет сорока с твердыми чертами лица, волевым подбородком и благородно-длинным носом, под которым чернели растопыренные в разные стороны усики, причем изрядно помятые, словно по ним проехал пылесос.

– Я сама армянка, товарищи, моя девичья фамилия Акопян, и потому мне особенно больно за армянский коньяк. Распродажа его по дешевым ценам нашим сотрудникам была глубоко гуманным актом руководства посольства и профорганизации (она сделала паузу и тепло посмотрела и на посла, и на Переверзева, сидевших в президиуме), и тогда, конечно, никто не подозревал, что найдутся безответственные товарищи, которые будут разбрасывать по всему Лондону пустые бутылки с надписью «Сделано в СССР». Что подумают о нас англичане? Неужели те, кто бросал пустые бутылки, не понимали, что бросают тень на свою Родину? Казалось бы, это мелкий вопрос, но одна такая пустая бутылка сводит на нет наши усилия по укреплению англо-советской дружбы. Не подумайте, что я – аскет, товарищи, я сама иногда выпиваю (смех в обоих помещениях), но не забывайте: вы – в капиталистической Англии с вековыми предрассудками, где даже в паб не пустят с собственной бутылкой!

Джордж воздел руки к небу, аудитория завывала от восторга, а Питер Дженкинс вынул платок из штанин, где покоилась его рука, и промокнул капельку у глаза.

Тема пустых бутылок обсуждалась живо, диапазон выступлений колебался от мрачно-осуждающих до гнусно-ерничающих, злобствующий Пурников даже предложил резолюцию, обязывающую профбюро торгпредства впредь контролировать подобные распродажи.

Но наступал уикенд с его загородными поездками и дружескими застольями. Засиживаться никому не хотелось.

В субботу Игорь Воробьев, взяв жену Ирину и десятилетнего сына, устремил свою «Волгу» к галерею Тейт.

Игорь считал своим долгом самообразовываться и, соответственно, приобщать к культуре жену и сына, Тейт он ставил на первое место по сравнению с Национальной и Портретной галереями, хотя больше всего предпочитал небольшие музеи вроде Коннот, Уоллес или Кен Вуд в диком парке Хемстед-хит.

– Честно говоря, меня мутит от этого модерна, – говорила Ирина. – Не зря Хрущев дал по одному месту нашим абстракционистам – такое и осел может намалевать своим хвостом!

– Ты можешь посидеть в машине или прогуляться по набережной, – заметил Игорь. – В галерее не только абстракционисты, там и Тернер, и Мур...

– У этого Тернера – один туман и ничего не видно, – возмутилась Ирина, вышла на набережную и медленно двинулась вдоль Темзы, критическим оком рассматривая прохожих.

Игорь обожал модерн, впрочем, и сын Витя с интересом рассматривал скульптуры Мура и даже поглаживал их рукой, хотя предпочитал не художественные галереи, а посольскую дачу под Гастингсом, подаренную Советам каким-то сбрендившим индусом-коммунистом. Дети чувствовали там себя вольно и с удовольствием разламывали муляжи рыцарей в кольчугах и раздирали старинные шпалеры. Домой возвращались молча, Игорь, впрочем, несколько раз пытался оживить атмосферу, но отвердевший подбородок Ирины говорил о том, что она обижена и на Игоря, и на весь модернизм. У дома он затормозил, предупредительно открыл двери и выпустил жену и сына из машины.

– Я приеду поздно, пришёл наш корабль в Тилбури, и у меня там масса дел.

У советского морского представителя в порту Тилбури действительно имелся небольшой офис, приходилось постоянно метаться между портом и столицей, что отнимало немало времени.

– Господи, даже в субботу работа! – проворчала Ирина. – Как мне все это надоело!

– Я могу попроситься домой в Москву, – заметил Игорь, зная, как раздражают супругу даже намеки на скорое возвращение домой.

Любящий муж и отец подарил жене и сыну пару легких поцелуев и умчался по неотложным делам.

По субботам Джордж Листер, как правило, встречался со своей любовницей Барбарой, двух интенсивных часов в постели ему вполне хватало, чтобы зарядиться на всю неделю, чего нельзя сказать о его партнерше. Счастливые минуты Джорджа уже истекли, и он, натянув штаны, с удовольствием прихлебнул из стаканчика со скотчем, прикидывая, что еще успеет сыграть партию-другую в бридж.

– Уже уходишь? – без особой обиды спросила Барбара, давно смирившаяся со спринтерскими качествами Джорджа, кроме того, впереди маячило еще одно многообещающее свидание с негибачимым стайером.

– Много дел, – сказал Джордж озабоченно, словно на Лондон в субботний вечер навалились все шпионы мира и лично ему выпала честь в этот тяжкий момент оградить граждан от несчастий.

– Не забудь передать привет жене! – съязвила Барбара, хорошо изучившая все трюки Джорджа.

– Обязательно! Ей будет очень приятно услышать доброе слово от старой подруги! – он не остался в долгу, тем более что не грешил против истины.

На этой веселой ноте они и расстались, нежно расцеловавшись, Джордж молодцевато сбегал вниз по лестнице и через задний ход вышел в небольшой садик (как опытный конспиратор, он старался не пользоваться главным подъездом, зачем зря светиться перед соседями?), где прогуливалась лишь пара с детской коляской. Мельком взглянув на супругов, Джордж нарочито деловым шагом проследовал дальше, но вдруг остановился: лицо мужчины показалось ему чрезвычайно знакомым. Вроде бы приводя в порядок развязавшийся шнурок на ботинке (излюбленный, хотя и избитый прием филеров), он пристальнее изучил мужчину. Пара двигалась мирно, говорила по-английски, спутница мужчины сверкала яркой рыжиной и изящно двигала ягоди-

цами, а мужчина – в этом не было никакого сомнения – являл собою Игоря Воробьева, которого Джордж прекрасно знал по досье и фотографиям в профиль и анфас. Нечего и говорить, что прогулка русского с таинственной мамой, не проходившей по досье в качестве супруги, являлась сама по себе происшествием чрезвычайным, и сердце Джорджа бешено забилося, словно он родился не хладнокровным англичанином, а каким-нибудь воспаленным макаронником, ноги загорелись и автоматически понесли его в штаб-квартиру контрразведки, где, естественно, на уикенд никого, кроме дежурного, не осталось.

Шеф русского отдела Дженкинс наконец вырвался в суровом одиночестве (жена болела и лечилась во Франции) в Корнуолл к своему старому другу, жившему в добротном имении на высокой горе, пропастью обрывававшейся в серое море. После завтрака друзья съездили на джипе в живописную деревушку близ Панзанса, где когда-то во время Первой мировой мучился Лоуренс, но не прославленный полковник, а плодовитый писатель и творец ранее порнографической, а ныне вполне банальной книги «Любовник леди Чэттерлей». Писатель был женат на немке Фриде, которую все вокруг считали немецкой шпионкой, и каждый раз, когда она развешивала сушить белье, доносили в полицию, что это – условный сигнал для немцев. Овдовевший дружок давно отдыхал на пенсии, а заодно и издавал маленький журнальчик по садоводству, имевший такой успех, что ему постоянно писали и даже лично визитировали поклонницы, жаждавшие поделиться впечатлениями, одна из них, наиболее преданная делу садоводства, в этот раз осталась на уикенд и приготовила великолепный ужин, состоявший из министроне и потрясающе зажаренного кролика, которого ели и под красное бургундское «Nuits St. George», и под белое «Puilly fume», потом перешли в маленькую гостиную, откинулись в креслах, отведали порта и кофе и засели за карты, изредка поглядывая на включенный телевизор. За этим благородным занятием и застал Питера телефонный звонок Джорджа Листера.

– Чрезвычайное происшествие, шеф, – отрывисто говорил Джордж, боясь проронить лишнее слово.

– Требуется мое немедленное возвращение?

– Не знаю, шеф, я не могу объяснить по телефону...

– Ни в коем случае! – предупредил не менее конспиративный Питер, – намекните в общей форме...

– Это касается интересующего нас человека... неожиданно появились новые, совершенно сенсационные данные... он относится к породе медведей... конечно, дело терпит...

– Я вас понял, – ответил Дженкинс. – Белых медведей?

– Нет, черных, – пояснил Джордж.

Белые медведи на контрразведывательном сленге означали страны Восточной Европы, черные, естественно, были злобные Советы, точившие клыки на Соединенное королевство.

– В таком случае я немедленно вылетаю.

Игру пришлось прервать, но Дженкинс не жалел об этом: душа его испытывала дискомфорт без острых заварушек – недаром он начал свою карьеру в СОЕ, диверсионном подразделении, забрасывавшем своих людей в тыл к немцам. Джордж встретил шефа прямо в аэропорту Хитроу на своей машине, к счастью, дорога была без пробок, хотя навстречу тянулась вереница автомобилей с лондонцами, жаждавшими вдохнуть кислород за городом.

– Я что-то позабыл, кто такой этот Игорь Воробьев, но уверен, что мы его не разрабатывали... – память у Дженкинса была феноменальной, и он часто поражал своих подчиненных такими тонкостями, как зарплата завхоза советского торгпредства, число автомобилей в агентстве ТАСС или семейная генеалогия какого-нибудь третьестепенного сотрудника КГБ.

– Вы совершенно правы, – Джордж чувствовал себя несколько неловко, вытянув шефа с заслуженного отдыха, – мы с самого начала не проявляли к нему никакого интереса. Он работает в советском представительстве Морфлота, занимается кораблями, и даже КГБ его не использует, считая инертным и малоспособным.

– Откуда вы знаете последнее? – поднял брови шеф.

– Данные прослушивания квартир. Снисходительные и даже уничижительные отзывы о нем кагэбистов. Жена за-

местителя резидента сказала своей подружке, что Воробьев – ни рыба, ни мясо, при этом сослалась на своего мужа.

На базе прослушивания квартир новый Лев Толстой смог бы создать великое драматическое произведение, в котором бурлили бы и ненависть, и любовь, и жажда подложить свинью. Особенно много пищи давали английской спецслужбе семейные скандалы, когда стороны забывали о сдержанности и бдительности и прямо резали правдую матку, вплоть до возмущения жен задержками со званиями их мужей, недостаточных зарплат и зависти к дворнику, который на самом деле полковник КГБ.

– Что еще мы знаем о нем? – продолжал допрос Дженкинс.

– Он тут шесть лет, жена у него... помните армянку, выступавшую на партсобрании? Все хохотали. Так это она и есть!

– И это все сведения? Положение в семье?

– Мы его не разрабатывали. Вы сами не раз говорили, что глупо разбрасывать силы на всех... надо работать приоритетно... – оправдывался Джордж.

– Вы всегда находите хорошую причину для своей бездеятельности, – шеф был явно не в духе после срочного вылета из Корнуолла. – Запомните, Джордж, что для нас не существует людей, не представляющих интерес. Даже из уборщицы можно сделать первоклассного агента, конечно, если она убирает кабинет советского посла. Даже бульдог резидента КГБ может сослужить хорошую службу, если зашить ему под шкуру чувствительные датчики... – тут шеф почувствовал, что хватил лишку и явно преувеличил возможности бульдога, при этом он вспомнил о собственном бульдоге, которому тоже враги могут залезть под шкуру, и ему стало жалко пса.

– Так кто же его спутница? – шеф помягчел. – Может, это просто случайность?

– Сомневаюсь. У них был вид близких друзей.

– Интересно, как вы это определяете? – хмыкнул Дженкинс. – По улыбкам, по стилю беседы, по телодвижениям во время прогулки?

– Фамилию и прочие данные я еще не установил, но она явно англичанка... – уклонился от прямого ответа Джордж.

- Где она живет?
- Бакстоун-гарденс.
- А как вы оказались в том районе?

Потребовалось усилие воли, чтобы сохранить почтительно-деловую маску на лице и устоять перед пронизывающим взором опытного волка.

– Был у приятеля... – Джордж внутренне съёжился, и ему вдруг стало жаль самого себя: чего, собственно он боится? Всему отделу известно, что с женой он живет нелегко и собирается разводиться.

Только идиоты вытаскивают начальство с отдыха, это общеизвестно. Хотя... с другой, стороны, он проявил рвение, это зачтется, не сейчас – так позже.

– Надеюсь, к понедельнику вы соберете более полную информацию, у вас впереди целое воскресенье! – Дженкинс осклабился, а Джордж сделал вид, что нет большего удовольствия, чем тратить воскресенье на дела оперативные.

В это время в доме на Бакстоун-гарденс, что почти рядом с метро Эрлс-корт, царила сама патриархальность: Игорь Воробьев мирно ужинал вместе с Джейн, попивая дешевое итальянское вино и бросая нежные взоры на кровать с диваном. Рыжеволосая, гибкая, с миниатюрной фигуркой мама изредка подходила к нему и любовно поправляла то одеяльце, то подушку, незаконный отец чувствовал себя легко и раскованно, он тоже иногда любовно целовал мальчика в головку. Допив вино, Игорь встал во весь свой высоченный рост, потянулся, повалился на тахту и, сбросив тапочки, положил на стул длинные ноги в тонких шерстяных носках.

– Ты не забыл, что через неделю ему будет год? – спросила Джейн.

– Разве я могу это забыть? – он взял в руки ее ладонь и ласково прикоснулся к ней губами. – Мы это обязательно отпразднуем.

Он посмотрел на часы и заморгал глазами, уходить ему не хотелось ни сегодня, ни несколько дней назад, никогда.

– Уже почти полночь, мне пора... – звучало, словно мольба.

– Так не хочется тебя отпускать... – она обняла его и увела в соседнюю комнату, тайно надеясь, что он останется ночевать.

вать: победа над той, другой, которая напрасно ждет и, возможно, никогда не дожидется.

Но Воробьев не в силах был разрубить гордиев узел, хотя жена последние годы вызывала у него только отвращение.

– Подожди, скоро все образуется... – он прильнул к Джейн на прощание, помахал рукой спящему младенцу и вышел.

...Тонкий захлебывающийся визг будильника разбудил Джорджа ровно в семь, обычно он минут пять медленно выходил из сна, но сейчас, словно по тревоге, сразу же начал одеваться.

– Господи, даже в воскресенье нет покоя! – простонала жена, набрасывая себе на голову одеяло, но Джордж уже бодренько варил кофе на кухне. Выхлебав залпом, посмотрел на себя в зеркало и остался доволен: здоровый цвет лица, мускулистые плечи, спортивная фигура, натренированная на велосипеде и в бассейнах, вид защитника отечества, каждую минуту готового к бою. На машине быстро добрался до Бакстоун-гарденс и, словно впервые, с любопытством осмотрел пятиэтажный кирпичный дом с четырьмя подъездами. Подошел к первому подъезду и наугад нажал кнопку.

– Кто это, черт побери, трезвонит в такую рань? – прохрипел какой-то бас.

Он отскочил к другому подъезду, там снова нажал на кнопку.

– Хэллоу! – раздался перепуганный женский голос.

– Извините, где живет консьержка этого дома?

– Нажмите на пятнадцатую квартиру, это мистер Хопкинс.

Мистер Хопкинс отозвался безрадостным скрипучим голосом.

– Извините, мистер Хопкинс, меня зовут Джордж Смит, у меня к вам дело, я хотел бы снять в этом доме квартиру...

Дверь зажуужала и вскоре Джордж предстал перед неприятным толстяком с отвислыми губами и вытянутым склеротическим носом, которым он словно обнюхивал пришельца со всех сторон.

– У нас только двухкомнатные меблированные квартиры, – начал Хопкинс без всяких предисловий. – Это вас устраивает?

– Не совсем, – ответил Джордж. – А можно без мебели?

– В этом случае вам стоит переговорить лично с хозяином.

– Хорошо. У меня есть еще один вопрос, – Джордж немного помялся, – тут у вас в доме есть пара, у них ребенок, у нее рыжие волосы. Как ее фамилия и в каком подъезде...

– А зачем вам это нужно? – перебил его толстяк.

– Видите ли, – Джордж порылся в карманах и протянул документ, – я из Скотланд-Ярда...

– Ах, вот в чем дело! – яростно отреагировал Хопкинс. – И фамилию придумал хорошую – Смит! Я сразу догадался, что вы – шпик и какого черта вы беспокоите честных людей в воскресенье?! Да еще придумываете идиотский предлог! Да я видеть вас не желаю, не то что отвечать на ваши шпионские вопросы!

Словно ошпаренный, Джордж вылетел на улицу и задумался. Обычно к просьбам Скотланд-Ярда законопослушные англичане относились с пониманием, а тут он нарвался на явно обиженного и с характером. Впрочем, работа по выяснению адресов – самая трудоемкая, обычно ею занимаются филеры, имеющие своих людей среди сторожей, дворников и консьержей. После некоторых колебаний он подошел к подъезду, где жила Барбара, нажал на кнопку и молвил еле слышимым голосом:

– Доброе утро, Ба! Я случайно оказался в твоём районе и хотел тебя навестить.

Нельзя сказать, чтобы Джордж позвонил в самый подходящий момент: обнажённая Барбара в это время трепыхалась в страстных объятиях молодого индуса, давным-давно овладевшего заветами из «Камасутры». Звонок домофона разладил сыгравшийся оркестр, пришлось вскочить и, чертыхаясь, побежать к двери.

– Извини, но я принимаю ванну и сразу же уезжаю...

Барбара не скрывала раздражения, тут же повесила трубку и помчалась обратно в пылающее ложе, где сверкала белками сухой, как выжженная пустыня, жилистый индус. Разочарованный Джордж глубоко вздохнул, сел в машину и полетел по пустынным воскресным улицам прямо на служ-

бу, где было пусто – лишь одинокий дежурный, окруженный бумагами и телефонами, мечтательно смотрел в окно на голубое, созданное для уикенда небо.

– Послушай, Харри, мне нужно срочно сделать установку по месту жительства.

– Ты что? Спятил? Сегодня работает лишь одна бригада слежки, да и то их уже закрепили за советским военным аташе – он любит проводить операции по воскресеньям.

– Это очень важно. Указание самого шефа.

На дежурного эти слова не произвели никакого впечатления. Воскресенье в Англии – это святой день, пусть даже небо обрушится на землю, но преданный королеве сотрудник спецслужб вряд ли шевельнет пальцем, если он уже напялил старый свитер и удерживает дога, рвущегося на прогулку, или просматривает за кофе необъятную, похожую на целую подшивку газету «Санди Таймс».

– Как будто ты с неба свалился! Все ребята отдыхают, к тому же сегодня «Челси» играет с «Юнайтед Манчестер», можешь себе представить, что произойдет, если я вызову кого-нибудь на работу? – дежурный разводил руками и улыбался, мысленно посылая чрезмерно усердного Джорджа подальше.

Пройдя в свой кабинет, Джордж отыскал досье на Воробьева, увы, но в оно содержало лишь его анкету, заполненную для получения визы, и краткую справку о его местоположении в Лондоне.

Ситуация выглядела безвыходной и пришлось снова потревожить Барбару.

– Ты еще дома? Извини, что я тебя потревожил. Нестерпимо хотелось тебя увидеть, – говорил он таким вкрадчивым и фальшивым голосом, что самому сделалось противно.

– Так приезжай. У меня изменились планы, я буду дома.

Барбару уже покинул темпераментный индус (не последнюю роль в этом сыграл гудок домофона, разрушивший мир «Кама Сутры» именно тогда, когда счастье было так близко), теперь она скучала и грустно курила, размышляя о тотальной слабости мужского рода вне зависимости от расовых особенностей.

– Постараюсь. Послушай, Ба, там у тебя во дворе бродит какая-то рыжая с ребенком. Кто это? – он даже закашлялся, чтобы показать свою незаинтересованность.

– Неужели она тебе понравилась? Это Джейн, довольно наглая девка, ее сыну почти год. Раньше работала на какой-то фирме.

– А как ее фамилия?

– Никогда не интересовалась. Она шотландка и очень гордится этим.

– А муж у нее кто?

– Вот почему ты мне звонишь! Это тебе нужно для работы, а я-то думала... Все вы такие в МИ-5! – взорвалась Ба.

Последнее было ударом ниже пояса: вряд ли в мире существует контрразведка, которая так глубоко залегла на дне, как МИ-5, никто толком не знает, где она находится и кто там работает, – все рыцари плаща и кинжала функционируют под другими вывесками.

– Причем тут МИ-5? Я ведь работаю в казначействе, ты это прекрасно знаешь! – слабо вякнул Джордж.

– Ха-ха. Спроси у моей лучшей подруги и твоей жены! – не щадила его Барбара. – Как она себя чувствует? Ты успел с ней переспать рано утром, перед тем как она приготовила тебе овсянку? Или по воскресеньям она дрыхнет целый день?

Джордж замолчал, ему стало чуть тошно от прямых атак на собственную половину – вот она, расплата за адюльтер с подругой жены, вечная история, и завидуешь друзьям, снимающим запросто девочек на стороне.

– Так ты приедешь? – милостиво прервала она паузу.

– Я с работы, но постараюсь, сделаю все, что смогу. Целую тебя, милая...

Джордж облегченно повесил трубку, конечно, сведений получил он с гулькин нос, но вполне достаточно, чтобы разматывать клубок дальше – во всяком случае утром уже не придется стоять на ковре перед шефом со спущенными штанами.

...Несчастье Игоря Воробьева заключалось не только в том, что он был влюбчив (особенно везло ему на лахудр, от которых все шарахались, – на этом фоне рыженькая Джейн высилась,

как Мэрилин Монро), в конце концов, это не самый страшный порок. Беда была в фантастической нерешительности Игоря, органической неспособности сделать определенный шаг в ту или иную сторону, при этом, к несчастью, выглядел он, как герой а la Джек Лондон: рост высоченный, подбородок по-боксерски вперед, лицо твердое и мужественное, движения уверенные – такому человеку хотелось довериться на всю жизнь. Служивцы хорошо знали слабости Игоря и никогда не доверяли ему самостоятельно вести какие-либо переговоры с иностранными фирмами – в этом случае финал не предвиделся, решения Игорь принять не мог и вечно, как буриданов осел, выбирал между двумя охапками сена.

Роман с Джейн завертелся нежданно-негаданно на приеме в английской судостроительной фирме, устроенном в честь построенного СССР торгового судна, о борт последнего супруга торгпреда традиционно расколотила бутылку шампанского, привязанного к толстому канату. На последующем банкете все изрядно возлияли, там Игорь и познакомился с Джейн, служившей на фирме секретаршей. Приобщил ее к водке, и научил пить залпом, на русский манер (это тут же ввело шотландку в сладостный транс). Затем они отправились в ночной клуб на Пикадилли, смотрели бессмысленное и шумное шоу, крупно выпили виски, танцевали и целовались, а позже как-то само собой получилось, что Игорь очутился в постели Джейн у нее на квартире. Любовники продолжали встречаться, и вскоре Джейн порадовала влюбленного по уши русского неожиданной (или вполне ожидаемой) беременностью и полным нежеланием делать аборт, что противоречило ее католической вере. От шока Игорь чуть не слетел со стула, но подавил в себе заячье желание бежать от Джейн на край света и даже разыграл роль заботливого отца, деланно радуясь и покрывая ее поцелуями, – получилось это глупо и неуклюже.

Джейн была истинной свободолобивой шотландкой, навязывать себя не собиралась, несмотря на любовь к Игорю, и не сомневалась в своем счастливом будущем даже в качестве матери-одиночки, тем более что она закончила лондонскую школу экономики (место секретаря было лишь временным

транзитом в большой бизнес, о котором она мечтала). Все это умиляло Игоря, завязтого англофила, читавшего в оригинале неведомого в России Энтони Троллопа и глубоко почитавшего такого же загадочного субъекта, алкаша, женолюбя и остроумца доктора Самюэля Джонсона, воспетого Босвеллом. Игорь восторгался английскими пабами, скачками в Дерби и Аскоте, полосатыми костюмами, собачьими бегами, твидом «харрис» и тонкими фланелевыми брюками, увы, протиравшимися слишком быстро, но все равно прекрасными.

Первых сведений, полученных от Барбары, вполне хватило для начала самой активной разработки загадочной пары, уже через два дня телефонный аппарат на квартире Джейн приобрел все качества «жучка», и на следующий день, с приходом на квартиру Игоря, это дало богатый, чуть сентиментальный материал, который вызывал улыбки и неподдельный интерес у девиц контрразведки, обрабатывавших подслушанное.

– Мне кажется, в другой жизни я был англичанином, – говорил он Джейн. – Я смутно ощущаю, что жил когда-то на этом острове и даже носил рыцарские доспехи.

– Возможно, ты даже убил меня...

– Как так? – удивился он.

– А вдруг я была Марией Стюарт, а ты – ее палачом?

Это прекрасно – играть в историю, это прекрасно, как детство: можно побывать и в образе Ромео, и Отелло, и Юлием Цезарем, да и у женщин хватает блестящего прошлого от Евы до Марии Антуанетты. Потом они пили шерри и он читал Роберта Бернса на своем великолепном английском:

Расстаться нам велит судьба

Не видно перемен.

Но буду я любить всегда

Свою малютку Джен!

И снова ночное расставание, фальшь и омерзительное чувство вины. Она молчала, но подтекст читался в ее потемневших глазах.

– Я не знаю, что делать, Джейн, ты должна меня понять, ты же умная. Не могу я так сразу бросить и жену, и двоих детей...

– Почему ты поднял эту тему? Можно подумать, что я жажду за тебя замуж!

– Но все-таки у нас Игорь! – сына назвали в честь папы.

– Это мой сын, и мы с тобой свободные люди.

– Но я люблю тебя! – туповато настаивал он. – Я не могу без тебя, – и он бросился целовать ее.

Пожалуй, больше всего она любила в нем эту порывистую иррациональность, когда с губ срывались бессвязные слова, а сами губы, объединившись с руками, беспокойно и необузданно бродили по ее телу. Она любила сопротивляться его ласкам, поднимая его градус, и потом, когда уже пот градом струился у него по лбу, неожиданно уступить, вызывая в нем новый приступ новой страсти. Девушки в службе подслушивания напряглись и заблестели глазами, словно смотрели грандиозный любовный фильм, правда, без изображения. Но на этот раз ничего пикантного не произошло, Джейн отстранила его и, холодно улыбаясь, открыла дверь.

– Джейн, милая, все будет хорошо, мы обязательно будем все вместе: ты, я и Игорь.

– Игорь, уходи, тебе пора! – ее раздражали долгие прощания, когда он топтался у двери, не в силах решить: остаться или уйти.

Когда он ушел, она долго не могла заснуть...

Оперативный Джордж времени не теряя и поставил на слуховой контроль и квартиру главного героя спектакля. В тот вечер стены сотрясались от ссоры Ирины с сыном, принесшим много двоек в конце четверти, слушать же это было скучно, но, к счастью, после полуночи появился глава семейства, и начался новый, более драматический акт.

– Где ты был?! – это рассвирепевшая Ирина.

– Я же тебе говорил, что в Тилбури сейчас зашло много наших судов... Что с тобою, Ирочка? – он попытался обнять ее, забыв, что взбешенных тигриц опасно трогать даже за хвост.

– Почти каждый день ты приезжаешь за полночь! Посмотри на свои губы, – она подтолкнула его к зеркалу, – от тебя пахнет... воняет чужой бабой!

Игорь слабо представлял разницу между запахами бабы своей и бабы чужой, тем более что он любил пользоваться хорошим одеколоном, однако, натиск его напугал.

– Ты с ума сошла! Клянусь, что я был на работе...

Не оправдывайся, не обращай внимания, нашептывал внутренний голос, преврати все в шутку, не реагируй, это только заводит.

– Врешь! – она уже вошла в истерику, и скомканный кустик усов под носом дергался, словно рвался в бой. – Врешь! – и в него полетел подсвечник с унылой желтой свечей, он просвистел мимо его уха и угодил прямо в китайскую вазу – она картинно взорвалась, осыпав осколками персидский ковер. Непопадание в цель и гибель любимой вазы еще больше распалили Ирину, закатив глаза, она схватила большое (но недорогое) блюдо и с силой шмякнула его об пол.

– Ты предатель! – орала она. – Ты и в партийной жизни не участвуешь, потому что пресмыкаешься перед англичанами! Думаешь, если приоделся в полосатый костюм, то стал похож на джентльмена? Как был деревней, так и остался, вместе со своими забуревшими родителями...

– Ради Бога, не трогай моих родителей...

– Однажды я плюну на все и расскажу на партбюро всю правду о тебе! И о твоих восторгах по поводу английской демократии, и о том, что ты читаешь Солженицына!

– Я же читаю его в английских газетах, у меня нет его книг, – он не на шутку перепугался. – Ирочка, успокойся, что ты говоришь?

– Уходи! – закричала она. – Я не могу жить с тобой под одной крышей!

И ушла в другую комнату, всхлипывая и путаясь в халате. Девушки из службы подслушивания были в восторге. Игорь капнул скотча в стакан с водой, но пить не стал, ночь подкатилась клубком к горлу, и он тихо, неумело заплакал.

На следующий день контрразведка МИ-5 тоже не избежала бескровной драмы.

– Ну и дела! – говорил Питер Дженкинс, сжигая грозным взором Джорджа Листера, Джеймса Барри и Вивьена Ко-

лина, затаившихся, словно перепуганные хорьки, на своих стульях. – Что же это происходит?! Русский не просто живет с шотландкой, но и имеет от нее сына, причем названного в его честь Игорем, причем этот русский – англофил и диссидент, а мы лишь хлопаем ушами и ничего об этом не знаем!

Дженкинс сделал паузу, остальные тоже траурно молчали.

– Русских тут, как сельдей в бочке, если бы нам увеличили штаты... к тому же он не связан с КГБ... – слабо пикнул Джордж, разорвав тишину.

– Хватит оправданий! – заорал шеф. – Перед вашим носом сидит готовый агент, а мы об этом даже не подозреваем. И это при том, что у нас сейчас нет хорошей русской агентуры...

– А Климкин? – вмешался доселе молчавший Барри.

– Что Климкин? – возмутился шеф. – Думаете, если завербовали шофера советского посла, то уже решили все проблемы. Ваш Климкин, кстати, полная тупица, к тому же он даже не может толком уяснить, о чем посол беседует в машине. А что касается его информации о тех, с кем встречается посол, то мы это и так знаем от службы слежки. Я уверен, что Климкин – подстава КГБ!

И Дженкинс презрительно растянул губы в усмешке. Все грустно смотрели куда-то вниз, на ножки начальственного стола, словно провинившиеся дети. Если уж Климкин подстава, то где же тогда честные люди? По подставам англичане считали мастерами себя и только себя, и действительно, контрразведка ловко подсовывала резидентуре КГБ своих людей: одни вызывались шпионить добровольно, приходили в посольство и даже предлагали секретные документы, других служба засекала и перевербовывала, и они верно служили, сообщая об интересах советской разведки.

– Что будем делать? – чуть успокоился шеф.

– По-видимому, надо продолжить изучение этого типа... Техника, которую мы недавно поставили у него дома, дает неплохие результаты... – осторожно заметил Джордж, боясь напороться на очередную мину.

– Тише едешь, дальше будешь? язвительно отреагировал шеф. – И так еще несколько лет. А что, собственно, еще мы

должны знать о нем? Разве всего того, что мы знаем, мало для его вербовки? Или вы полагаете, что он побежит в посольство и признается, что имеет на стороне ребенка? Его надо немедленно вербовать! – и в подтверждение своих слов Дженкинс стукнул трубкой о стол, пепел фейерверком осыпался на драгоценные бумаги.

Разговор закончился, прилежные контрразведчики встали и скромно покинули начальственный кабинет.

Ранним воскресным утром по аллеям Ричмонд-парка двигалась симпатичная пара: преисполненный достоинства седовласый джентльмен с сумкой, из которой торчали клюшки для гольфа, одет он был в клетчатый пиджак и никкербокеры, большую и, по-видимому, умную голову покрывала тоже клетчатая кепка. Джентльмен ласково посматривал на молодого человека, вероятно, сына, в пуловере и джинсах, и изредка указывал рукой на лауны, где уже неторопливо расхаживали игроки. Впрочем, разговор между резидентом КГБ в Лондоне Олегом Тениным и Вивьеном Колином, завербованным КГБ еще три года назад в университете и внедренным в МИ-5, выходил за рамки спортивной дискуссии, хотя со стороны выглядел именно таким образом.

– Очень интересная информация! – говорил Тенин, осматривая клюшку так внимательно, будто тотчас же собирался ухнуть ею по шару. – И что Дженкинс собирается делать с этим Воробьевым?

– Он намерен его вербовать, не откладывая дела в долгий ящик. Вы же знаете, что мой шеф не любит тянуть резину и весьма оперативен, – Вивьен относился к Дженкинсу с почтением, что не мешало ему по мере возможностей очищать отдел от секретов.

– Поэтому и попадает все время в задницу, – заметил Тенин, и они весело посмотрели друг другу в глаза, любящий папаша и вечно благодарный ему сынок. – Не будем затягивать встречу, конспирация прежде всего. Спасибо за документы.

Он улыбнулся самой широкой в мире русской улыбкой, а Вивьен отошел в сторону, чуть-чуть, осторожненько шевельнув пальцами в прощальном привет.

Прибыв в посольство, взбудораженный Тенин походил по кабинету, проигрывая все самые гениальные решения, но окончательного не нашел и вызвал к себе офицера безопасности Червоненко, перешедшего на оперативную работу из хозяйственного управления КГБ благодаря своим родственным связям. Чернобровый кудрявый красавец уже через минуту влетел в кабинет резидента и застыл во всей своей красе, интуитивно предчувствуя бурю.

– Садитесь! – резко сказал Тенин, словно приглашал присесть на электрический стул.

– Спасибо, я постою, – мягко ответил по-украински хитрый Червоненко, уже не раз опробовавший этот гениальный прием на начальстве: разве не вызывает жалости беззащитный, стоящий навытяжку человек? Разве, глядя на него, можно сказать грубое слово?

– Что вы думаете о Воробьеве? – начал Тенин без всяких вступлений.

– Как вам сказать... – Червоненко стал крутить и выигрывать время, дабы уловить отношение шефа к затронутой личности. – Человек он непростой... Сразу его понять трудно, с одной стороны, вроде бы...

– Что вы телитесь, как корова?

Дальше последовал хороший залп трехэтажного мата, Червоненко даже слегка покачнулся и вспомнил, как неделю назад после мощного разноса он помогал вытаскивать из этого кабинета заместителя резидента, у которого случился сердечный припадок.

– Что конкретно?! – рокотал Тенин.

– Работает он хорошо, никаких компроматов на него не поступало, ведет общественную работу, – от волнения стройный красавец начал заикаться.

– Ситуация в семье?

– Дружная советская семья, жена, как вам известно, председатель женсовета и член партбюро, у них двое детей...

Червоненко попытался еще поднабрать немного деталей из жизни Воробьева, но вспомнить ничего не смог, наоборот, в голову навязчиво ломилась Дюся Сидельникова, машинистка посольства, которую он недавно случайно засек в пабе

с неизвестным типом. Дуся потом утверждала, что всего лишь пила кока-колу, а тип сам заговорил и даже предложил выпить. Ну, а если это легенда и Дуся английский агент? «Что бы еще припомнить о Воробьеве, черт побери?» – тужился он. Но Дуся влезла опять со своими проблемами, офицер безопасности даже покраснел, словно она сидела обнаженная у него на плече, не стыдясь резидента.

– А что вы скажете, – словно выстрелил в упор резидент, – если узнаете, что он трахает англичанку и имеет от нее ребенка?

– Девочку? – неожиданно для самого себя спросил офицер безопасности и от нахлынувшей слабости опустил глаза.

– Козла! – заорал Тенин. – Значит так: вызовите его в посольство, допросите и посадите в подвал под хорошей охраной.

– А что потом? – сумел выдавить из себя Червоненко, в мгновение ока превратившийся из чернобрового красавца в трясущееся желе.

– Дальше вывезем его на самолете в Москву! – резидент смотрел на офицера безопасности с нескрываемым презрением, он терпеть не мог слабаков в славных органах. – А теперь идите! Только придержите штаны.

– Зачем? – не понял Червоненко.

– Чтобы не капало на пол, – хмуро улыбнулся шеф, и Червоненко вышел, думая о том, что он обязательно соберет самые страшные компроматы на Олега Тенина. Его давно волновала предрасположенность резидента к дорогим ресторанам, где он порою встречался с высокопоставленными англичанами. Правда, это не составляло секрета: Тенин любил обсуждать с подчиненными кушанья и марки вин, а возвратившись после хорошего ланча, закуривал сигару и надолго забирался в сортир, единственный в резидентуре, сигарный запах быстро распространялся по резидентурскому помещению, наиболее смелые сотрудники перемигивались, а некоторым приходилось спускаться по нужде этажом ниже. Червоненко на высокой скорости пролетел в свой кабинет и там, отдышавшись, крепко за-

думался над операцией по заманиванию Воробьева в посольство...

Предвкушая предстоящее счастье, Игорь ехал на randevу к Джейн, запасшись огромным игрушечным медвежонком для сына и изящным букетом хризантем для мамы. «Отцвели уж давно хризантемы в саду, а любовь все живет в моем сердце больном...» – мурлыкал он под нос. Настроен он был радостно и беспечно, погода разгулялась, солнце слепило глаза, водители с особой учтивостью уступали друг другу дорогу и тормозили перед «зебрами», улыбаясь переходящим дамам и поощрительно помахивая им руками. Ему и в голову не приходило, что в этот солнечный день над ним сгустились грозовые тучи: сзади, впереди, и даже в боковых параллельных улицах следовало несколько машин слежки, ведущих закодированные переговоры по радио и контролировавших каждое движение объекта. Машины поддерживали связь и с оперативной группой во главе с Джорджем Листером (в ней были и Барри, и Колин), обложившей Бакстоун-гарденс со всех сторон. Все участники ответственной операции были переодеты в униформу контролеров, неуклонно налагавших дикие штрафы за неправильную парковку или превышение времени по счетчику.

Джордж чуть раньше въехал во двор дома, дабы подготовиться к прыжку. Тут, как назло, из своего подъезда выпорхнула разодетая Барбара, наметанный глаз которой тут же заметил Джорджа Листера в дурацкой униформе. Она содрогнулась от хохота и игриво помахала ему ручкой, но он сделал вид, что не заметил своей возлюбленной и отвернулся к коллегам. Барбара ушла прочь с твердым решением никогда не видеть трусливого контрразведчика.

Воробьев благополучно въехал во двор дома своей возлюбленной, аккуратно запарковал «Волгу», взял в обе руки подарки и направился к подъезду – тут они к нему и подкатились. Солировал Джордж, стараясь выглядеть добродушнее и раскованнее, чем он был на самом деле, это, однако, придавало всей сцене оттенок макбетовской зловещности.

– Добрый день, господин Воробьев! Чудесная погодка, правда? К сожалению, вы запарковали машину в запрещен-

ном месте... Не могли бы вы пройти в мою машину, где я выпишу вам квитанцию за штраф...

– Откуда вы знаете мою фамилию? – перепугался Игорь (Джордж и впрямь дал промашку, откуда транспортный контролеру известна фамилия нарушителя?)

– Вы часто оставляете тут машину, и мы были вынуждены навести справки... – соврал он.

– Кто вы такие? – уже в ужасе спросил Игорь, глядя на сумрачные фигуры, словно вырвавшиеся из самых душераздирающих шпионских триллеров.

– Разве вы не видите, что мы контролеры? – непринужденно ответил Джордж, улыбаясь во весь рот и этим еще больше пугая Игоря. – Не волнуйтесь, все это займет не больше минуты, – и Джордж ласково взял Игоря под руку и легко повел его к машине.

Воробьев, еще не осознавший происходящего, покорно проследовал за ним на заднее сидение, где уже сидел, как было задумано по сценарию, Вивьен Колин.

Оказавшись сдавленным им и подсевшим с другого бока Джорджем, Игорь от страха лишился дара речи. Машина двинулась, и это окончательно доконало Игоря, тем более что он увидел и кортеж с остальными контролерами. Джордж приблизил свой лик к Воробьеву, что, по его мнению, должно было усилить эффект беседы, и деловито начал, не замечая полубморочного состояния своего соседа.

– Господин Воробьев, я не буду тянуть время и сразу приступлю к делу – машина уже выползла из Бакстоун-гарденс и резко летела по Кромвелл-роуд – все очень просто: мы знаем все о Джейн, о вас и о вашем маленьком Игоре.

И тут произошло нечто из ряда вон выходящее: Игорь, неожиданно обнаружив в себе львиную энергию, попытался вырваться из кольца, навалился на хрупкого Вивьена Колина и нажал на ручку двери – в результате англичанин на полном ходу вывалился из машины прямо на дорогу, перепуганный водитель запоздало затормозил и опять не вовремя: Игорь выскочил из автомобиля и во всю прыть помчался по Кромвелл-роуд, не обращая внимания на гудевшие машины. Пораженный Джордж приказал было во-

дителю следовать за ним, но последний указал пальцем на расprostертого Колина, вокруг которого уже толпилась толпа, и машине пришлось вернуться к товарищу, выполняя святой ритуал подбора раненых на поле брани. Колин отделался ушибами, однако все же вывихнул ногу. Он слабо постанывал и поливал убежавшего русского и мерзкую страну, его породившую, самыми последними словами (если бы эти выражения услышал Тенин, он тут же усомнился бы в преданности агента Советам). Колина погрузили в машину, дав указание остальной бригаде проконтролировать Воробьева у дома, куда он наверняка направит стопы.

Игорь появился в таком расхристанном виде, что Ирина захлопотала, как наседка над цыплятами, забыла обо всех своих претензиях, помогла ему раздеться, покрывая утешительными поцелуями (он давился от слез и никак не мог прийти в себя), отвела в ванную и нежно вымыла под душем с помощью губки. Все эти трогательные манипуляции создали атмосферу любви и неожиданно для обоих переросли в ванный секс. Впрочем, в свете форс-мажорных обстоятельств вербовки все это было объяснимо. Именно в этот феерический момент в гостиной затрещонил телефон и твердый мужской голос сказал подлетевшей хозяйке дома:

– Ирина Ашотовна, это дежурный по посольству Архипов. Можно к телефону вашего мужа?

– Он в ванной, – не погрешила против истины Ирина.

– Тут приехала делегация из Москвы, в которой есть сослуживцы Игоря Львовича, посол через час дает в их честь ужин и очень просит вашего мужа на нем присутствовать. Обязательно!

Личное приглашение посла вызвало суматоху в семье – такого не бывало ни раз, – и Ирина тут же объяснила внезапное расположение отца колонии своим недавним выступлением на партсобрании, когда она тонко обозначила в своей речи мудрость руководства посольства. Игорь был извлечен из ванной, вытерт огромным полотенцем, на котором чернели контуры знаменитого Тауэра, усеянного свирепыми воронами, побрит электробритвой (он так ослабел,

что руки его тряслись) и облит одеколоном «Олд спайс», потребляемым лишь в особо торжественных случаях.

– Пожалуйста, не надевай костюм в полоску, надень что-нибудь синее или черное – посмотри на членов политбюро: там нет полосатых, и все в шляпах. И надень темно-красный галстук – так будет патриотичнее и к тому же очень в тон! – умоляла Ирина, суетясь вокруг Игоря, как портной на примерке. – Возможно, тебе предложат повышение... я этого не исключаю...

Она еще раз с удовольствием оглядела его: вызов на ужин к самому послу восстановил силы Воробьева, и он выглядел, как принц накануне коронации, хотя на душе было тошно и перед глазами маячили странные люди в униформе. Он бодро впрыгнул в автомобиль и на прощание махнул рукой.

Незадачливого Игоря Львовича взяли под белые руки прямо в фойе посольского здания, огрели для порядка по голове и отвели в подвальное помещение с кондиционером, но, естественно, без окон. Первый допрос по всем чекистским канонам проводил офицер безопасности, который для пущей важности (и по глупости) положил рядом с собой кобуру с игрушечным пистолетом. Допрашивал он грубо, стараясь интонациями подражать резиденту, и делал это совершенно напрасно: Игорь тут же раскололся по всем пунктам, однако категорически отрицал сотрудничество с английской контрразведкой и гнусный замысел навсегда остаться в бывшей мастерской мира. По приказу Червоненко Воробьева перевели в посольский гараж и допросили по жестче, посветив фарами в лицо, – офицер безопасности совсем недавно видел такой допрос в фильме о привидениях. Однако эта экзекуция не сломила грешника, и новых признаний он не сделал, несмотря на то, что Червоненко пригрозил ему страшными пытками. Ему и впрямь захотелось привязать эту сволоочь к стулу и загнать ей под ногти пару иголок, однако он вспомнил, что сталинские методы давно осуждены партией, строившей самое человеческое в истории человечества общество, и даже застыдился своей жестокости.

Когда офицер безопасности, сияя, доложил, об итогах своей плодотворной работы резиденту, последний не расплылся в поздравлениях, а холодно заметил:

– Нам следует принять меры, иначе эти англичашки сядут нам на шею. Нельзя допустить, чтобы они безнаказанно вербовали наших граждан. Доложите все это дело послу, пусть он сообщит в Москву и предложит ответные меры.

Тенин, конечно, мог бы и сам согласовать этот вопрос с послом, более того, это было его прямой обязанностью как шефа КГБ в Лондоне. Однако, посла он на дух не выносил, считал интриганом и, возможно, иностранным агентом, копал под него и давно бы сшиб с должности, если бы посол не пользовался поддержкой помощника Генерального секретаря, своего школьного кореша. Посол отвечал резиденту взаимностью, но побаивался его, ибо еще в начале карьеры потерял секретный документ, был изгнан из МИДа и чуть не угодил в тюрьму. Так что компроматов на него у КГБ было достаточно, и вообще посол исходил из того, что главная задача резидента – это следить за ним, за послом, более важных дел у КГБ быть не может. Вскоре после бурных согласований с МИДом СССР, всегда носившимся с англо-советской дружбой как с писаной торбой, советский посол, очень важный и очень лысый человек с маленьким круглым значком с великим Лениным, привинченным к лацкану темного пиджака, торжественно проехал на своей «Чайке» от Кенсингтон Пэлэс-гарденс до Даунинг-стрит и поднялся к министру, своему давнему знакомцу, с которым счастливо приятельствовал еще тогда, когда тот был в оппозиции. Именно по этой причине вся эта миссия не доставляла послу ничего, кроме огорчения и раздражения, и все из-за этого проклятого КГБ! На хрена вообще нужна разведка, если он, посол, прекрасно информирует правительство? Сидят в посольстве эти шибздики и мутят воду, портя с Англией отношения, выстроенные им, послом, с таким невероятным трудом! Но приказ МИДа требовал строгого выполнения, посол напустил на себя побольше строгости, торжественности и невыносимой печали и в таком облике вплыл в приемную и предстал перед удивленными глазами своего друга. Пораженный министр

попытался сломить лед, гостеприимно предложив стаканчик виски, однако посол даже не удостоил его улыбки, деловито достал из папки бумагу и холодно зачитал меморандум о провокации контрразведки против советского гражданина. Министр слушал молча, перебирая четки желтоватыми от курения пальцами, никак не обнаруживая своей реакции, но в конце заметил:

– Мы, конечно, тщательно разберемся с этим делом и дадим вам официальный ответ, однако, я уже сразу могу сказать, что в Соединенном Королевстве не существует контрразведки.

Посол чертыхнулся про себя: опять этот КГБ наломал дров! Ведь это именно они составляли текст меморандума в Москве! Как это он не обратил внимания на этот нюанс? Ведь он не раз читал в английской прессе о том, что и разведка, и контрразведка формально нигде не обозначены.

А несуществующая контрразведка и весь ее русский отдел стояли тем временем на ушах. Перед Питером Дженкинсом сидели Джордж Листер и Джеймс Барри, всех джентльменов отличал здоровый красный цвет лица, трубка в зубах Питера превратилась в огнедышащий паровоз, хотя он старался сдерживать себя и не показывать гнев, зная, что в минуты кризиса всегда полезно продемонстрировать хладнокровие.

– Очень печально, джентльмены, – говорил Дженкинс. – Как же все это произошло?

– Мы совершенно не ожидали, что он окажется таким сильным. Он выбросил из машины Вивьена, тот сломал два ребра и сейчас лежит в больнице...

В это время зазвонил телефон, соединявший Дженкинса с самым главным шефом.

– Вы один, Питер?

– Да, сэр, – Дженкинс многозначительно посмотрел на своих подчиненных, давая понять, как безгранично он им доверяет.

– Что вы там сделали с каким-то моряком? Мне только что звонил министр иностранных дел, русские пришли к нему с нотой протеста.

– Не понимаю, – отвечал находчивый Дженкинс. – Мы действительно имели с ним деловой контакт под хорошей легендой. Но после этого молодчики из КГБ нагло заманили его в посольство и посадили в каталажку. Мы об этом узнали благодаря подслушиванию. Сейчас я расследую все это дело.

– Я не хочу вдаваться в детали, Питер, – сказал шеф, хорошо знавший умение Дженкинса преподносить события в выгодном для себя свете, – однако, я предпочитаю, чтобы ноты протеста исходили от нас. Пока.

И шеф положил трубку. Дженкинс помолчал, переживая удар. Оплеуху он получил звонкую, и вообще весь оборот, который приняло дело Воробьева, явился для него совершенно неожиданным. Ведь все на первый взгляд выглядело просто и не сулило никаких неприятностей, впрочем, в жизни всегда так, и никогда не знаешь, с какой крыши свалится на голову кирпич.

– Они попытаются вывезти его в Москву, – нарушил паузу Джордж.

– Этого мы не можем допустить! – твердо сказал Дженкинс. – Конечно, мы не имеем права нарушить экстерриториальность посольства, но уже за воротами хозяева – мы, а не эти сукины дети!

– Они сделает это тайно, – вмешался Барри. – Помните, когда в прошлом году один скрипач Большого театра попросил убежища, они обкрутили его бинтами и вывезли самолетом «Аэрофлота», как тяжелобольного?

– Надо усилить контроль и за посольством, и в Хитроу, следить за их каждым шагом и все проверять. Даже дипломатический багаж! Кстати, как вы думаете, что явилось причиной столь скоропалительных действий русских? Откуда они могли узнать, что мы планируем вербовку Воробьева?

– Я тоже об этом думал, – сказал Джордж. – Но, к сожалению, наши «жучки» не стоят там, где его допрашивают. Мне кажется, они давно засекли его встречи с Джейн, и то, что его арестовали в день контакта с нами, – просто печальное совпадение.

– Дай Бог, если об этом не стукнул «крот» в наших рядах, – хмуро отозвался Дженкинс.

– А после допроса он все им выложил и, конечно, сгустил краски, представив все как провокацию. Впрочем, я готов сесть на детектор лжи, вдруг «крот» – это я.

– Я ценю ваше чувство юмора, – заметил Дженкинс, – но дело слишком серьезно для шуток, – и он улыбнулся, дав понять, что сам еще не потерял чувство юмора.

Пока МИ-5 мучилась со своими проблемами, резидент Тенин принимал Червоненко в кабинете с проложенными сталью стенами, отражавшими любые коварные лучи. Офицера безопасности словно подменили: подобострастность слизнуло, черные брови и курчавые волосы чуть топорщились от избытка здоровья и хорошего настроения, весь вид его был самоуверен и важен. Объяснялось это, конечно, грандиозным успехом: захватом изменника Родины. Червоненко уже прикидывал, как обыграть все дело в Центре для подрыва позиций Тенина, который не раз заявлял в кругу разведчиков, что мышиная возня офицера безопасности приносит одни склоки и мешает основной работе – борьбе с американцами и НАТО.

– Вот что происходит, когда мы хоть на миг ослабляем бдительность, – наставительно говорил Тенин, тоже понимавший, что это дело могло обернуться против него. – Хорошо, что он во всем сознался... Жаль, что в данный момент мы оказались в темном лесу и не знаем, что планирует МИ-5...

– А наш человек у них? Разве он не в курсе дела? – любопытствовал Червоненко, которого резидент иногда использовал на подхвате при проведении тайных встреч и однажды за стаканчиком виски похвастался ему, что держит на связи сотрудника МИ-5.

– Мы должны думать о том, как красивее вывезти Воробьева в Москву, – отрезал Тенин, пожалевший, что когда-то поддался слабости и чуть приоткрыл тайну этому провинциальному идиоту.

– Наверное, лучше использовать для этого наше торговое судно? – осторожно предложил офицер безопасности.

– Нет, это слишком долго, его могут перехватить на пути до Тилбури. Да и судно в пути могут обыскать. Вывезем его «Аэрофлотом». И сделаем это просто: в дипломатической

почте будет большой ящик. Суньте ему туда баллон с кислородом, а то привезем труп, – и он поморщился, дав понять, что труп его не совсем устраивает.

– Может, сделать, как в прошлом году, когда вывозили еврея-скрипача из Большого? Помните? Обмотали всего бинтами и провезли через пограничный контроль как тяжелобольного, – сказал Червоненко и заулыбался – он всегда улыбался, когда произносил слово «еврей», словно рассказывал анекдот.

– Шаблон вас погубит, Никита Петрович, – спокойно возразил

Тенин. – Хотя в вашем предложении есть доля истины. Мы используем вариант с больным в качестве отвлекающего маневра.

– Не понимаю, – офицер безопасности быстро заморгал.

– Кто-нибудь отправляется в ближайшее время в Москву?

– На днях в Москву летит Переверзев – грыжу оперировать...

Резидент снисходительно улыбнулся, он-то досконально знал, что секретарь парторганизации использует операцию по удалению грыжи как предлог для выезда в Москву для резких атак на посла за недооценку идеологической работы в совколонии. Переверзев совсем недавно сам жаловался на это резиденту и получил полную его поддержку, более того, за успех предстоящей важной миссии были раздавлены две бутылки превосходного «Еревана» из запасов, сделанных во время распродажи.

– Очень хорошо. Поговорите с ним. Мягко, конечно. Скажите, что все это во имя интересов партии. Но этого мало. Скажите Ирине Воробьевой – их квартиру англичанки наверняка прослушивают, – чтобы она «проговорилась» о том, что отбывает с мужем в Союз пароходом.

Конечно, резидент мог поговорить с Переверзевым и сам, но он не любил выглядеть просителем, и все неприятные и деликатные дела обычно перепоручал.

В кабинет секретаря парторганизации Червоненко вошел без всякой радости, которая обычно сияла на лицах тех, кому выпадало счастье общаться с живым воплощением

партии. Душа его была переполнена ненавистью к Тенину, опять бросившему его на горячий участок, хотя он не мог отказать ему в высоком полете оперативной мысли. Когда Переверзев услышал от офицера безопасности, что его просят обмотать себе голову и часть туловища бинтами, он окаменел, словно на его партийную лысину сел и вцепился когтями горный орел.

– Мы проводим очень важную операцию по поручению Центрального Комитета, – Червоненко говорил подчеркнуто значительно, словно речь шла о предотвращении третьей мировой. – Вы ничем не рискуете. Даже если англичанам вдруг придет в голову размотать бинты, всегда можно сказать, что у вас дикие головные боли.

– А что? Боли проходят, если обмотать бинтами голову? – удивился Переверзев, страдавший иногда мигренью.

– Бинты от многого помогают, я об этом недавно читал в газете, – нес чепуху Червоненко. – Мы вас очень просим и доложим о вашем участии самому председателю КГБ.

– Меня несколько смущает общественный резонанс внутри нашей партийной организации. Всем известно, что я совершенно здоров... кроме грыжи, естественно... и вдруг меня увозят на носилках и в бинтах!

– Но это ведь может быть обострение грыжи... никто ведь толком не знает, где растет у вас грыжа... – упорствовал Червоненко.

– Вы полагаете, что грыжа может быть на голове? – обреченно улыбнулся Переверзев. – Но ладно! Я всегда хорошо относился к КГБ, и, поскольку это важное партийное дело, я согласен, – и подумал про себя, что лучше не вступать в конфликт с грозной организацией: настучат и уберут.

– Тогда по рукам! – взбодрился Червоненко и двумя руками затряс правую руку партийного секретаря, словно поздравлял его с победой на футбольном поле.

Все прошедшие дни Дженкинс лично докладывал шефу ход дела Воробьева и о мерах против его незаконного вывоза из Англии. Под контроль были взяты и посольство, и все советские суда, и поезда, и, естественно, «Аэрофлот», находившийся под особым подозрением. Дженкинс при-

был в Хитроу за два часа до отлета самолета «Аэрофлота», полыхая своей легендарной трубкой. Прошедшая ночь выдалась отвратительной: приснилось, что он возвращается от любовницы, заимевшей от него ребенка, тихо крадется по Пикадилли, сжимая в руке пластиковый пакет с постельным бельем, причем пакет прозрачный, на простынях видны непристойные пятна, все прохожие пялят на него глаза, а Дженкинс пытается спрятать пакет под пиджак, хотя это почему-то не удается, краснеет от стыда, хочет свернуть в боковые улицы, но какая-то неведомая сила крепко держит и не отпускает его. Сон был тем более дурацким, что Дженкинс никогда не изменял своей жене, никогда не имел любовницы и уж, конечно, не бегал на свидания с ней со своим постельным бельем.

С утра наружное наблюдение доложило, что в Хитроу движется русский «рафик» с человеком, обмотанным бинтами, – такого аврала в МИ-5 никогда не видели. К моменту приезда шефа в аэропорт там уже собрался почти весь русский отдел, серьезно усиленный полицейскими из Скотленд-ярда, – оставалось проинспектировать войска, уточнить задачи и оценить постоянно меняющуюся обстановку.

– Новая информация, сэр: Ирина Воробьева собирает вещи и собирается выехать в Тилбури вместе с мужем, – доложил Джордж.

– Откуда информация?

– От «жучков» у них на квартире.

– Русские знают об этих «жучках»?

– Они могут догадаться, зная, что Воробьев у нас в разработке.

– Пошлите к их дому две машины слежки, и пусть они откровенно следят за домом... Пусть кто-нибудь зайдет и поздравит Игоря. Сделаем вид, что мы клюнули. Если это правда, то не составит большого труда заблокировать машину с Воробьевым на пути в Тилбури.

– Началась посадка, сэр!

Казалось, что тайных агентов больше, чем пассажиров, ими кишел весь аэропорт, особенно, у регистрационных стоек, у таможни и на пограничном контроле. К зданию

подкатил «рафик», двое парней с военной выправкой вытянули оттуда носилки с перебинтованным больным и прямо направились на пограничный контроль, отправив третьего зарегистрировать билет. У Джорджа загорелись глаза, он радостно посмотрел на шефа, тот подмигнул ему и почесал ухо, что было знаком для Джеймса Барри, стоявшего в бульдожьей стойке вместе с другими коллегами. Пурников, которому как самому трезвому в посольстве человеку доверили сопровождать Переверзева, протянул его паспорт.

– Советник Переверзев? – Джеймс удивленно поднял бровь. – Что с ним?

– Он упал и разбил голову, – ответил русский.

– Вам придется разбинтовать его...

– Но он болен... у него дипломатический иммунитет! – искренне возмутился Пурников, который не сомневался в истинности травм секретаря парторганизации.

– Мы должны идентифицировать личность! – упорствовал Барри.

– И вы хотите оголить его раны?! – вскричал Пурников, до глубины души пораженный хамством англичан, от волнения он даже начал заикаться и заслонил грудью больного.

Жаркий спор продолжался, русские упорствовали, и дело чуть не дошло до драки, когда Джеймс оттолкнул первого секретаря и попытался лично разбинтовать больного. Тем временем к самолету подкатила машина с дипломатической почтой, откуда был извлечен крупногабаритный ящик. Ругань на контроле продолжалась, стороны уже отталкивали друг друга и если бы сам страдавший от унижения Переверзев не поднял руку и не начал разматывать себе голову, произошла бы стычка. Когда Джордж увидел перед собою унылую физиономию партийного секретаря, у него отпала челюсть. В растерянности он повернул голову и увидел, что из советской машины с дипломатическим номером, подкатившей прямо к самолету, выгрузили большой ящик.

– За мной! – заорал он, бросаясь в последний и решительный. Все за мной! – И целая орава ринулась к самолету и преградила восхождение по трапу.

Разбираться в дипломатических тонкостях уже не было времени, дипкурьеры, естественно, решительно отказались открыть и показать ящик, англичане сдаваться не собирались, началось яростное мордобитие, подкрепленное вмешательством летчиков. Исход боя решили явное численное превосходство англичан и неуверенность русских, боявшихся полностью разрушить англо-советские отношения. Тенин, бледный как смерть, наблюдал, как завернули руки Червоненко (трусливый на ковре у начальства, он показывал чудеса храбрости) раскрыли ящик и извлекли оттуда дрожавшего Воробьева, который оказался в нормальной форме, хотя перед отъездом ему вкололи изрядную дозу снотворного. Дженкинс, попыхивавший трубкой недалеко от Тенина и тоже переживавший этот матч, с тонкой улыбкой на устах посмотрел на резидента и взгляды их встретились – они прекрасно знали друг друга, хотя никогда лично не встречались.

Взяв свою добычу под руки, англичане доволокли Воробьева до своей машины и тут же перекрыли движение с помощью полиции. Затем целая кавалькада автомобилей со звуковыми и световыми сигналами победно полетела в сторону Лондона. Дженкинс и Джордж Листер ехали в одной машине, оба находились в превосходном настроении и сыпали шутками, посмеиваясь над глупостью русских.

– Английская пехота всегда отличалась упорством, это еще Фридрих Энгельс писал! – резюмировал итоги борьбы Дженкинс, блеснув своими университетскими познаниями в марксизме.

Первый допрос Воробьева проводил лично шеф русского отдела у себя в кабинете. Держался он уверенно и сиял, словно неаполитанское солнце, приготовившись к благодарностям русского за вызволение из когтей КГБ. Воробьев еще не оправился после всех потрясений, движения у него были замедленными, как у больного, только что вставшего с постели, и говорил он так, словно ему только что ухнули по голове мешком.

– Господин Воробьев, вы находитесь сейчас под покровительством Скотленд-Ярда (конспирация в МИ-5 всегда была

на грани фантастики) и под опекой правительства Ее Величества. Если вы хотите получить политическое убежище, то мы можем уже сейчас приступить к оформлению некоторых формальностей. Мы рассчитываем на ваше сотрудничество и с удовольствием поможем вам с новой работой, – вещал Дженкинс торжественно и прочувствованно.

Воробьев, выслушав эту тираду, поморгал, с трудом переваривая информацию. Наступила неловкая пауза, и Дженкинс даже подумал, что неплохо повторить речь в более доступной для русского форме, более отчетливо выговаривая каждое слово.

– Я не прошу политического убежища и не хочу ни с кем сотрудничать, – вдруг сказал Воробьев и снова замолк, словно впал в транс.

– То есть как? – оторопел шеф.

– Я ничего не хочу! – грубо сказал Воробьев.

– Может, вас вернуть обратно в дипломатический ящик? – не без юмора заметил Джордж, находившийся в кабинете.

– Нет, я останусь в Лондоне и буду жить со своей женой и сыном, – ответил беглец просто. – С Джейн.

– И какой у вас будет статус?

– Я не хочу отказываться от советского гражданства.

– Конечно, это ваше личное дело... однако...

Дженкинс закурил трубку, заявление повергло его в смятение, этого он никак не ожидал, и интуиция подсказывала ему, что этот негодяй принесет еще массу неприятностей. Ох уж эти русские! Он почему-то вспомнил героев Достоевского, жгущих деньги, непредсказуемого князя Мышкина и прочих кретинов, слабо понимающих нормы западной жизни. Он подошел к Воробьеву и ласково потрепал его по плечу.

– Сейчас вам надо отдохнуть. В интересах безопасности мы временно поместим вас в квартиру с нашей охраной. Думаю, вам и Джейн следует подыскать новую квартиру – я уверен, что КГБ не успокоится и попытается отомстить.

Дженкинс пожал русскому руку, отпустил в сопровождении Джеймса Барри и прошел в свой кабинет, где выпил полный стакан скотча, кляня Воробьева последними слова-

ми. Ну и кретин! Правда, опыт подсказывал, что вода камень точит и время лучший целитель, ставящий все на свое место. Он побарабанил пальцами по столу и предложил Джорджу навестить Джейн, обрисовать ей сложившуюся обстановку и попросить повлиять на своего возлюбленного в нужном для правительства Ее Величества направлении. Джордж, совсем недавно переживший унижения во время беседы со зрителем, не пришел в восторг от этого задания, но служба есть служба, и на следующий день он купил букет хризантем и бодро направился на Бакстоун-гарденс.

Начало не предвещало ничего хорошего: во дворе он наткнулся на Барбару, которая давно уже его простила и пребывала в убеждении, что он ее преследует, добиваясь счастья прошлых дней.

– Какие чудные цветы! Спасибо! – сказала она нежно и протянула руки к букету.

Джордж засуетился, шаркнул ногой, спрятал за спину букет и улыбнулся.

– Извини, Ба, я не к тебе. Тут живет мой приятель, у него сегодня день рождения...

Ответ был достаточно глуп и привел Барбару во вполне законную ярость: сощурив глаза, она закатила своему бывшему любовнику такую пощечину, что он чуть не рухнул на землю. Подождав, когда рассвирепевшая тигрица удалится, Листер решительно двинулся в апартаменты Джейн, отметив про себя, что неприятности имеют обыкновение бежать гурьбой друг за другом. Джейн встретила его с сыном на руках и милостиво приняла букет. Лицо ее, как у сфинксов у колонны с Нельсоном на Трафальгарской, ничего не выражало.

– Извините меня, мисс Макдермот, но я из Скотленд-Ярда. Вчера русские попытались насильно увезти в Москву вашего... мужа, вы, конечно, прочитали об этом в газетах. Сейчас он временно у нас, однако, существует проблема: он собирается жить с вами и сыном, но не заботится о своем статусе и не хочет просить политического убежища. Не буду от вас скрывать, – Джордж сдвинул брови, – что в холодной войне его жест, пусть небольшой, имел бы определенный резонанс. Все это важно для нашей старой доброй Англии...

Джордж вел беседу улыбчиво и мягко, однако, слабо представлял, с каким крепким орешком имел дело. Джейн органически ненавидела любое вмешательство в ее личную жизнь, и она даже порозовела от возмущения, что превосходно сочеталось с рыжими распушенными волосами. К тому же от Листера нестерпимо пахло обожаемой им мускусной водой с Ямайки, эту воду она тоже не терпела после скоротечного романа с одним ямайцем.

– Во-первых, мы не женаты, и Игорь мне не муж! – сказала она железным голосом. – Во-вторых, я не понимаю, на каком основании Скотленд-Ярд вторгается в мои дела и оказывает давление, в-третьих, я немедленно пойду к своему члену парламента и попрошу его направить запрос правительству по поводу ваших действий, в-четвертых, я направлю письмо во «Таймс»... Мне продолжать?

Уже в начале монолога Джордж понял, что стучится лбом в каменные ворота, и он стал интеллигентно ретироваться, опасаясь, что слова перерастут в истерику с неожиданными последствиями.

– Спасибо, мисс Макдермот. Извините меня за вторжение, – и он побежал вниз по лестнице, в душе проклиная рыжего дьявола.

Что случилось с Англией и ее народом, так любившим свои секретные службы, так лелеявшим их? Или все дело заключается в том, что Джейн – шотландка, а эти дураки со времен Марии Стюарт ненавидят истинных британцев и даже мыслят о независимости? Или просто упали нравы, и граждане перестали понимать, что, помогая секретным службам, они укрепляют государство и обеспечивают свою собственную безопасность?

Тем временем продолжались баталии на дипломатическом уровне, на сей раз огонь открыла английская сторона, и совпосол был срочно приглашен на Даунинг-стрит, и все в том же темном костюме с ленинским значком на лацкане предстал перед английским министром иностранных дел. Было ясно, о чем пойдет речь, однако, хотя Тенин просил его занять наступательную позицию. Он решил не ерепениться, проявить разумную нейтральность и косвенно дать

понять министру, что варварские штучки секретной службы, тайно транспортирующей своих граждан в сундуках, ему не по душе. Сделать это нужно было тонко, не дай Бог, в Форин-офисе сидит какой-нибудь кагэбэшный «крот», который тут же наступит о предательстве государственных интересов.

– Ваши люди из КГБ грубо попирают английские законы, господин посол, – сухо начал министр. – Мы объявляем господина Червоненко персоной нон-грата и требуем, чтобы он покинул Великобританию. Вот вам меморандум, почитайте на досуге.

– Спасибо, – сказал посол. – Мы, конечно, его изучим, однако, сразу же хочу заявить, что никакого КГБ в посольстве не было, нет и не будет!

При этом он весьма приветливо и даже с юмором смотрел на министра, который тут же вспомнил собственные слова об отсутствии в Англии контрразведки, и позволил себе расхохотаться. Оба поняли друг друга с полуслова.

– Не хотите ли скотча, Павел? – министр был любезным и добрым человеком и не терпел обострения отношений, тем более личных.

– Спасибо, Гордон, – молвил посол, принимая из рук министра виски.

Министр тоже не выносил спецслужбы, чужие и свои, последние даже больше, ибо они за ним охотились, когда он был в оппозиции. Правда, он частенько попивал порт в клубе «Реформ» с руководителем МИ-5, своим школьным другом, но обсуждали они исключительно одну тему: виды и способы выращивания хризантем – оба были заядлые любители и не пропускали ни одной важной выставки этих цветов. Посол и министр больше темы Воробьева не касались, а окунулись в воспоминания о славных днях, когда министр еще был в оппозиции и мог позволить себе съездить с послом на охоту в Шотландию.

Посол спустил все дело на уровень консула, начавшего упорно требовать личного свидания с похищенным соотечественником. Сначала англичане мягко отказывали, но потерпевший держался вяло и не высказывался против визитов к нему родственников. Сначала явился сам

советник посольства Тенин и повел с ним увещательную беседу о родине, о партийном долге, о советском народе; затем его почтил консул и говорил в том же духе, правда, с большой заботой о его детях, которым уже наверняка не устроиться в престижные институты в Москве, не говоря уже о работе.

– Вы пожалеете о своем шаге, Игорь, – говорил консул. – Родина у всех одна, как и жизнь. Вы измучаетесь от тоски. А что скажут ваши дети? Ваши старые отец и мать? Подумайте о них...

Затем заявила Ирина с сыном, убитая не столько бегством Игоря, сколько общественным позором.

– Как мы будем жить? – громко сморкалась в платок, теребя мятые усики, насквозь промоченные слезами. – Что ты делаешь, Игорек? Ты бросаешь нас!

И сын, уже получивший в школе заряд о том, что нет ничего хуже предательства, интуитивно завывал ей в тон.

– Ира, все кончено, пути назад нет, – уныло повторял Игорь.

– За что? За что? – всхлипывала она.

– Вернись, папа! – тоже плакал сын. – Я люблю тебя!

Джордж, которому было поручено наблюдать за свиданиями, сжимал рот, чтобы самому не разрыдаться от этих ужасных сцен. Игорь, как обычно, колебался и, возможно, вернулся бы, если бы не крики сына, фальшь которого его внезапно потрясла. Боже, снова жить с этой ужасной женщиной, вконец исковеркивавшей мозги и душу ребенка своими идеологическими бреднями, оставить преданную Джейн и розовощекого младенца... Нет! Никогда!

Дженкинс и весь отдел ликовали по случаю победы над русскими в Хитроу, сражение называли русским Ватерлоо, где лавры герцога Веллингтонского принадлежали Дженкинсу. Вскоре с помощью контрразведки Воробьев переселился на охраняемую квартиру на окраине Лондона, Джейн с ребенком последовала туда, и они начали новую жизнь. Больше гуляли и смотрели телевизор, а еще больше времени проводили в постели, что совсем не так плохо, как многие считают.

– Вчера я был в школе славяноведения, мне обещают работу. Когда мы устроим свадьбу? Я хочу, чтобы мы поженились в церкви.

– Но сначала ты должен получить развод.

– Она уже уехала в Москву... Я даже не знаю, что делать. Видимо, напишу отсюда заявление в загс и найду адвоката в Москве. Но как, не выезжая в Москву, найти там адвоката? Может, если я попрошу убежища, меня автоматически разведут?

Иногда на Игоря наваливалась тоска и охватывало раскаяние, он скучал по детям, жалел брошенную Ирину, его, англофила, вдруг потянуло на селедку и черный хлеб. В такие минуты он распечатывал бутылку московской водки, которую покупал вместе с другими русскими деликатесами в эмигрантской лавке, медленно пил ее до самого конца, неподвижным взором смотря в окно, где было безлюдно и тихо – лишь иногда, словно сенсация, возникал автомобиль. Умная Джейн понимала его славянскую душу, навеки привязанную к русским просторам с их безысходной печалью, она знала, что лучшее лекарство от тоски – это маленький Игорь, и вручала коляску. Гуляя с сыном, он все равно вооружался радиоприемником, чтобы послушать московские передачи, англичане начинали его раздражать, и он даже перестал читать когда-то любимый «Обсервер». МИ-5 гордо ожидала, когда он сам попросит о сотрудничестве, а резидентура КГБ не собиралась сдаваться и так просто принять оплеуху, полученную в аэропорту.

Перед отъездом в Москву персона нон-грата Червоненко, поважневший после своих подвигов на аэродроме и от упоминаний его фамилии английской прессой, в последний раз навестил резидента.

– Вы должны гордиться тем, что они вас выгоняют: значит, боятся, а это самая высокая оценка работы чекиста, – торжественно говорил хитрый Тенин, думая, что невелика потеря и хорошо, что этого болвана выгоняют англичане, а не он сам: такая идея уже давно бродила в его голове.

– Спасибо, Олег Антонович! – сказал Червоненко с чувством, превращаясь от счастья уже в совершенно писаного красавца.

– Англичашки со свойственной им самоуверенностью думают, что утерли нам нос. Напрасно так думают: вчера я послал шифровку в Центр с предложением организовать встречу Воробьева с его родителями. Если жену с детьми он и в грош не ставит, то родителей, как нам известно, глубоко почитает. Я вас попрошу по прибытии в Москву взять все это дело под контроль.

– Обязательно, Олег Антонович. Желаю вам боевых успехов!

Они крепко пожали друг другу руки и трижды, как положено, облобызались.

В Москве Червоненко развил бурную деятельность, посещая сановные кабинеты в ЦК КПСС и в КГБ. Слушали его внимательно, особенно, когда он в деталях описывал потасовку в Хитроу, умело всовывая себя в эпицентр событий. Англичан он рисовал подонками, которые только и мечтают перевербовать всех советских граждан, о резиденте отзывался скептически, акцентируя недооценку им сложной контрразведывательной работы, а инициативу с транспортировкой в Лондон родителей беглеца полностью приписывал себе и упорно пробивал эту идею во всех кругах. Он надеялся на скромную Красную Звезду, в худшем случае – на значок «Почетный чекист», и потому сил не жалел: вернуть перебежчика – разве это не высочайший класс пилотажа? Наконец, идею одобрили, и герой направился на свидание с родителями.

...В далеком украинском селе Марьинка стоял полдень. Старуха Полина Воробьева закончила шить трусы своему мужу, и он, весьма довольный обновой, напялил их на себя и радостно крутился перед зеркалом. В новых трусах он выглядел помолодевшим и совсем выздоровевшим (только недавно перенес операцию), и от радости Лев Борисович несколько раз выбросил ноги в краковяке, который любил танцевать в молодости. В этот момент к покосившейся избенке подкатил «газик» с милиционером и Червоненко, выглядевшим торжественно, как секретарь обкома, приехавший на посевную. Страж порядка легко выскочил из машины и без стука запросто толкнул дверь.

– Здорово, Левушка! И ты, Полина, здравствуй! Трусы, что ли, новые примеряешь? Поздравляю с обновкой, надо бы обмыть.

Милиция в деревне – это редкость и большое начальство, с которым нужно всегда иметь хорошие отношения, поэтому старуха засуетилась, Левушка быстренько натянул на себя выходные штаны, и на столе появилась бутылка самогона. Тут милиционер сбежал за Червоненко, который ожидал в машине, не желая появляться до прояснения обстановки. Все с удовольствием махнули по стаканчику, закусив солеными огурцами.

– А мы по важному делу приехали, – сказал милиционер. – Вас в Москву приглашают.

И посмотрел на Червоненко.

– Это еще зачем? – насторожился Лев. – Я фронтовик, два ордена Славы имею...

– Да нет, ничего плохого там не задумали, – успокоил его Червоненко. – Хотят вас послать в Лондон.

– Куда?

Старики оцепенели от неожиданности.

– С Игорьком что-то стряслось? – запричитала Полина. – Сыночек, миленький, что с тобой? – и она зарыдала.

Потом Червоненко долго рассказывал своему начальству о том, с каким трудом ему удалось уговорить родителей Воробьева, на какие уловки ради этого важного дела пришлось пойти, какую изворотливость ума проявить и сколько пережить, успокаивая плакавшую Полину и напившегося Льва, который, узнав об истории с сыном, вдруг превратился в Тараса Бульбу и пообещал прикончить Игоря собственными руками.

МИ-5 возражала против выдачи визы Воробьевым, но политические соображения Форин-офиса, опасавшегося за репутацию Англии как матери демократии, победили. Дженкинс и Листер лично прибыли в Хитроу, чтобы своими глазами посмотреть на родителей Воробьева и выработать план действий. Среди толпы западных пассажиров старики выглядели весьма экстравагантно: Лев по торжественному случаю надел сапоги и галифе, набросил потертый китель

еще военной поры, а сверху – огромный овечий тулуп, делавший его похожим на кавказского пастуха. Полину тоже не миновал такой же тулуп, голову она закутала в цветной платок, тулуп же расстегнула, чтобы все видели ее вышитое украинскими узорами платье.

– Из-за этих либеральных дипломатов мы можем очень крупно подзалететь, – ворчал Дженкинс. – Этот Воробьев уже давно у меня в печенках: проку от него никакого, по своим качествам он и на дворника не потянет! Может, плюнуть на все, отказаться от попыток сварить с ним кашу, снять охрану, пусть живет себе со своей безумной шотландкой!

– Все-таки это мы затеяли все дело, – говорил Джордж, думая, что если бы не дурацкая затея шефа с вербовкой, то отдел не трясло бы.

– Нам нельзя терять лицо, мы должны довести до конца борьбу с КГБ и указать этим гадам их место!

Встреча Воробьева с родителями, проходившая под контролем Джорджа Листера, носила драматический характер. Слезы лились неиссякаемым водопадом, приступы любви сменялись лютой ненавистью, в комнате Скотленд-Ярда, специально выделенной для этого раунда, стояли такие вопли, что пришлось закрыть наглухо форточки, дабы не пугать прохожих на улице.

– Игорь, если ты не вернешься, я прокляну тебя! – тонким дискантом заходил папаша Лев. – Я не хочу быть отцом предателя, ты опозорил всю нашу семью.

– Игоречек, миленький, вернись домой! – рыдала Полина, встав перед сыном на колени. – Я убью себя, если ты не вернешься. Я обмотаю горло бечевкой и повешусь прямо на трубе. Или достану у аптекарши Сони мышьяк и сожру его, словно крыса!

Это доконало Игоря, всю ночь он не спал, тяжело вздыхал, кашлял, ворочался и иногда зарывался в подушку и плакал. Джейн делала вид, что ничего не замечает, но после того, как целый день он провалялся, хмыкая носом, в постели, она приняла решение.

– Тебе нужно вернуться, Игорь. Наша жизнь не будет счастливой, если ты будешь так мучиться. В конце концов,

мы любим друг друга, я всегда смогу приехать к тебе, если тебя не выпустят.

Прощание с Джейн было тяжелым, хотя прекрасная шотландка и виду не подала, что переживает.

– Прости меня, Джейн, мне жалко родителей... они умрут без меня... я не могу этого перенести, – лепетал он, смутно осознавая подкоркой, что несет ерунду. – Мне сказали, что как только я разведусь официально, то смогу обратиться в президиум Верховного Совета с просьбой о воссоединении с семьей. Но до этого ты должна приехать в Москву, и мы оформим наш брак в загсе. Знаешь, какие у нас красивые дворцы бракосочетаний? – Он улыбнулся с гордостью и хлюпнул носом, что имело на Джейн не меньший эффект, чем мускус. – Так что все будет нормально, ты не беспокойся. Ты же помнишь: «Расстаться нам велит судьба, не видно перемен, но буду я любить всегда мою малютку Джен?»

Она помнила, она даже улыбалась, она вынула из коляски сына и протянула плачущему Игорю. О, если бы он знал, как она ненавидела и презирала его!

– Все будет в порядке, Игорь, – уверенно говорил Тенин уже в самолете (он отвечал за операцию по вывозу). – Я гарантирую вам, что вы останетесь работать в своем министерстве в Москве. Даю честное слово чекиста. Конечно, получите выговор по партийной линии – все-таки вы дали промашку, – но потом его снимут. Разведетесь с Ириной, дело-то ведь не политическое, а житейское, я сам разводился. Один раз, но трудно. Вступите в законный брак с Джейн, вернетесь сюда. А вдруг Джейн понравится Москва? – Тенин врал убедительно, ласково похлопывая Игоря по спине.

– А меня не посадят в тюрьму? – спросил Игорь на всякий случай.

– Да у нас что? Сталинские времена? За что сажать? Вы обо всем рассказали, как подобает советскому человеку, ничего плохого не сделали! Где работали, там и останетесь работать!

В МИ-5 примирились с отъездом незадачливого русского.

– Говорят, что человек не должен сам отличать победу от поражения. Как вы считаете, Джордж? – вопрошал Дженкинс, раскочегарив свой бриар.

– Мне кажется, мы достигли многого и сделали самое главное: показали с помощью прессы, что советский режим бесчеловечен и КГБ – это жестокий монстр. Уже многие недели дело Воробьева не сходит со страниц газет... – подыгрывал шефу умный набивший шишки Джордж.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Дженкинс безрадостно. – Самое главное – ощущать победу самому и не лишать этого чувства подчиненных. Победа это или нет – рассудит будущее.

И контрразведчики выпили в ближайшем пабе по «Гиннесу» за свои успехи. Советская власть действительно оказалась милостивой: в тюрьму Воробьева не посадили, правда, хорошенько допросили и попугали на Лубянке, а затем исключили из партии за аморальное поведение, отметив заслуги посольства в профилактической работе с кадрами. Из министерства тоже не уволили, а направили заместителем начальника речного порта в волжский городок, почти полностью сохранивший свое дореволюционное очарование: деревянные домишки, раскинувшиеся на холме, сады с цветущими яблонями, шумный рынок, гуси и кошки на улицах, босые веселые дети.

Поселился Воробьев в деревянной избе недалеко от маленькой пристани времен еще царя Гороха – важное название «порт» ничего ей не прибавляло. С Ириной он развелся, его попытки вызвать Джейн в Москву успеха не имели, письма до нее не доходили, телефонные звонки прерывались, да и от Джейн не поступало никаких вестей, словно она решила навсегда исчезнуть из его жизни, поддавшись давлению властей. И тут он начал пить много и упорно, денег на водку не хватало, пришлось перейти на самогон. Так он и бродил по городку в потертом пиджаке и тренировочных штанах. Суда в этот порт заходили редко, больше торговые, на которых всегда находились собутельники. Так и метался между домом и портом, заливаясь водкой.

Начиная с мая, когда Волга уже сбрасывала лед и город окутывала весна, иногда заходили туристские суда, там бывали и англичане, и американцы, шумно и с любопытством выкатывавшиеся на берег. В такие дни Игорь оживал и брился, в глазах у него появлялись искры жизни, и он старался держаться поближе к туристам. Вслушивался в английскую речь и улыбался про себя: грели сердце чисто британские диалоги о погоде, где одно и то же толклось в ступе, но каждый раз сверкало на новый манер. И то, что волжский городок чем-то напоминает Брайтон, который он обожал, и часто выезжал туда с Джейн и сыном.

Подходить к туристам Воробьев не решался, опасаясь КГБ, да и вряд ли они пошли бы на контакт с человеком, похожим на бродягу, хотя подобных бомжей множество в Лондоне, и они даже склонны выступать с самодельных трибун в Гайд-парке. Они не замечали его, они не знали, как нежно он любит всех их. И несравненный Лондон, и добрую королеву, и увлекательную охоту на лисиц в Шотландии, и скачки в Аскоте... Он смотрел на них, снова представлял себя вместе с Джейн и сыном и уже заранее страдал, зная, что туристы скоро покинут городок. Однажды он все же решил заговорить с добродушным джентльменом, мялся, топтался, но так и не вымолвил ни слова, правда, англичанин принял его за нищего и дал целый фунт стерлингов, который пришлось тут же запрятать, не дай Бог, увидит кто-нибудь из соотечественников. Фунт он положил в книги «Письма лорда Честерфильда сыну», которую иногда перечитывал, прихлебывая из бутылки.

Однажды во время захода очередного туристского судна к нему пришел капитан в сопровождении пожилой англичанки.

– Эта дама хочет тебя видеть, Львович! – сказал капитан добродушно. Человек он был смелый, ветеран и пьяница, не боявшейся никаких контактов с иностранцами и уважавший Игоря за жизнь и работу в Англии.

– Какой у вас чудесный английский язык! – сказала англичанка, с трудом скрывая свое удивление всем видом этого странного человека. – Меня просили передать вам посылку.

Он поблагодарил, схватил коробку и помчался домой, боясь уронить груз. Руки дрожали, когда он судорожно распечатывал посылку. Наконец он вытащил банку супа из бычьих хвостов, железные коробки с «Эрл Грей», стопку приложений к «Обсерверу» об искусстве, несколько пачек табака «Клан» и большую бутылку «Джонни Уокер» с черной этикеткой. Там же лежали фотография уже повзрослевшего сына и записка, которую он прочел вслух:

*«Расстаться нам велит судьба,
Не видно перемен,
Но буду я любить всегда
Мою малютку Джен».*

Подписи не было. Он свинтил головку виски, налил полный стакан и залпом отправил в рот, вслушиваясь, как жидкость течет по пищеводу, согревает желудок и кровь. Затем набил трубку присланным табаком и, откинувшись на стуле, долго блаженствовал, поглядывая то на записку, то в темное окно. Еще раз ощупал все подарки, даже понюхал «Обсервер», от него пахло типографской краской, сугубо английской. Затем он деловито нашел толстый железный крюк, вбил его в стенку, разыскал толстую веревку, закрепил один конец на крюке, из другого сделал петлю, набросил себе на шею, встал на стул и двумя ногами отбросил его. Но крюк вылетел из стены, Игорь упал на пол и заплакал от обиды. Выпил еще виски, вчитываясь в записку со стихом Роберта Бернса, взял ее, вышел из дома и решительно двинулся к Волге.

Он вступил в мутные воды, медленно шагая по илистому дну и думая, что по Пикадилли по-прежнему медленно идут красные двухэтажные автобусы, а в пабе на Бейкер-стрит навсегда засело изваяние Шерлок Холмса с трубкой в зубах и в причудливой шляпе. Ему стало жаль, что уже никогда он не увидит ни Лондона, ни Джейн, ни сына, но он шел и шел, пока вода не подступила под горло и не накрыла его с головой. Бумажка с расплывшимся текстом прощально дрожала на мелких волнах.

Расстаться нам велит судьба...

Проснулся я на рассвете, чайки тонко поквакивали за окном, корабль чуть покачивало на волнах, в иллюминаторе маячил кондово-деревянный Козмодемьянск, очень напоминавший городок, где закончил жизнь герой новеллы Тетерева. В каюту осторожно постучали. По тональности мягких, но хватких пальцев я понял, что это – Марфуша с очередным рапортом. Так оно и оказалось. Ты не представляешь, Джованни, как приятно выслушивать рапорт рано утром, на Волге, так сказать, на коровьем реву. Твоим итальянцам, не говоря об американцах, этого не понять: вы давным-давно променяли здоровую первобытность на судорожные ритмы цивилизации, и теперь уже ничто вас не спасет – ни бег рысцой, ни борьба с курением, ни маниакальное воздержание от алкоголя; ничего не спасет, утерян навеки вкус к женщине, ощущение женщины, и хоть сто презеров натягивай, все равно подхватите СПИД, никуда не деться, и удовольствия никакого – один страх... Ужасно жить на Западе, воистину ужасно. Кто-то из наших классиков написал: *«У них в Европе темно, как в попе, там волчий пир. У нас же сладость, восторги, радость, любовь и мир».* Вечная песня всех русских. Я встал и тихо спел старый партийный гимн «Интернационал»: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!»

Доклад Марфуши после непримечательного постельного ритуала вертелся вокруг Гуся, который, оказывается, нарочито зевал во время рассказа Тетерева, рассеянно глядел по сторонам, затем тихо встал, подтянул брюки и, стараясь не шаркать, слинял с общего горизонта, – признаться, я этого не заметил, увлеченный жаркими импульсами бедра той же

Марфуши. Как отследили многочисленные глаза и уши, насованные по всему кораблю, немец спустился по винтовой лестнице на свою палубу, прошел мимо задранный Монблана моющей палубу Марфуши, на миг задержался у своей каюты, тихо открыл ее, обернулся, всмотрелся в темноту и вдруг влез в соседнюю каюту Тетерева, не подозревая, что на гордости агентессы растут перископы, и она, как выразился бы Дали, постоянно пребывает в состоянии интеллектуальной эрекции. Что он там делал? Послушал тетереvский радиоприемник «Зенит», видимо, последние известия. Забавная любовь к новостям. Вернулся к себе в каюту, достал машинку «Филипс» и аккуратно подстриг свой лобок, так, кажется, называется то место, к которому прикреплено нечто более существенное. Необычно, не правда ли, Джованни? Даже загадочно.

Боже мой, как я хотел отдохнуть и поразвлечься после изнурительной победы, а тут проблемы и проблемы... То с этой Розой, сверлящей мне мозги, то вдруг со странным Гусем. Хотя... Что странного в том, что мужчина подстригает себе лобок? Или слушает свежие новости в каюте у приятеля? Оглядывался, вел себя излишне конспиративно, но, может, все это наворотила Марфуша? У страха глаза велики, и наша агентура всегда склонна выдавать нежный пук за международный заговор. Тем не менее я похвалил девицу за усердие, попросил принести мне кофе и включил свою черепную машину, ибо, мин герц, все самое светлое и гениальное приходит ко мне после «коровьего рева», об этом даже Учитель не подозревал, он вообще к этому приятному делу относился, как твой флорентийский монах Савонарола, для которого существовали лишь аскеза и революция. Секс сексом, лобок лобком, а как насчет финала «Голгофы»? Товарищ Лосев, работа адова будет сделана и делается уже! Как вытянуть несчастную и упертую страну из лап коварного Запада? И еще один пункт, состоявший из подпунктов, очень важный, о нем неоднократно упоминал ЮВ еще во время пребывания в больнице.

– Помните, Мисаил, работу «Государство и революция», в которой Ильич анализирует причины победы Великой

Октябрьской? Одна из главных – слабость и глупость рваческой русской буржуазии, которая, собственно, и довела страну до революции. Нет чтобы поделиться, отдать кусок ближнему... В конце концов, смотались за границу, нищенствовали, кроме тех, кто успел шугануть туда капиталы. Помните об этой глупости, дорогой мой!

Только потом, когда появились новые русские, я понял всю глубину мысли Учителя, по сути делая открывшего новый социальный закон, равный по силе теории относительности Эйнштейна. Это же нужно было додуматься, чтобы в полунищей стране уже при Борисе составить правительство из банкиров, монополистов и прочих грабителей! Даже в тех странах, где мало гремучей смеси, и то все маскируют, наводят глянец, швыряют народу крохи со стола, а не тычут постоянно носом в роскошные особняки, мобильные телефоны, Лас-Вегас или Монте-Карло, замки под Парижем и экзотические острова в океане. Впрочем, при ВВ почти все правительство уже состояло из долларовых миллионеров, которые ловко перевели свои капиталы на жен и любовниц и в своих декларациях о доходах выглядели бескорыстными служителями народа. Глупая, глупая буржуазия! Пусть сама себе и роет яму, как знаменитый Марксов крот истории. Тем не менее ВВ довольно умело начал очищаться от неугодных, кое-кого сажал, кое-кого тонко изгонял, с кем-то серьезно поговорил (у бедняги последовал инфаркт). Естественно, набирал команду из своих сослуживцев, избегая, правда, слишком умных и самостоятельных. Неужели брать кадры с улицы? Чекисты – народ закаленный, проверенный, стрелявший и топивший, сам стреляный-перестрелянный, в тюрьмах посидевший. Вполне логично формировать команду из своих людей, собственно, так поступают все мировые лидеры.

Забегая вперед, скажу, что аналогичным образом действовал и президент Украины Зеленский, набравший команду из своих коллег-артистов и прочего культурного люда. В будущем, наверное, было бы разумно раздавать министерские портфели в соответствии с ролями актеров в театре и кино: городничих – на должности силовиков, хлестаковых

и тартюфов бросать на культуру, коробочек и маниловых – на финансы и экономику.

Становление людей, которые играют разные роли, кроме своей собственной, выход их на ключевые позиции в государстве входило в задачи «Голгофы», ибо в этом процессе на задний план оттеснялись космонавты, летчики, хирурги, учителя и другие созидатели, и их место занимали актеры, по сути фальш-фигуры, ведущие общество неизвестно куда и зачем.

Явилась Марфуша, снова пришлось с небольшой отдышкой взойти на Монблан. Моя любимая агентесса страдала подозрительностью, все зудела о неадекватном поведении Гуся, мешала мыслить о высоком и задерживала оргазм. Недаром говорят, что излишний энтузиазм заводит в болото, ох уж эти усердные агенты, не зря Талейран, проходивший в царской разведке под кличкой «Анна Ивановна», говорил: «Et surtout pas de zele!», то бишь поменьше усердия, черт побери!

Утро туманное, утро седое, утро, мое утро, и поутру пред эскадроном в седле я буду свеж и прям, утро светит красным светом стены древнего Кремля, с утра садимся мы в телегу, мы рады голову сломать и, презирая лень и негу, кричим: валяй, ядрена мать. Я тоже стихиками баловался в свободное от агентурной работы время, разве не я создал классический завет шпионам: *«Скользить по лезвию ножа, дрожать от сладости пореза, чтоб навсегда зашлась душа, привыкнув к холоду железа!»* Вот так, Джованни, утрись свой венцом, вы, писаки, презираете тайных агентов и вбили себе в голову, что мы только и заняты сбором доносов о ваших педерастических играх.

Тихо. Только надрывались чайки за бортом, капризные и жадные детишки моря, которым только бы пожрать. Раскрыл Сальвадора Дали.

«... И влюбился я в нее поначалу главным образом потому, что она носила шляпу, каких не носили в моем семействе, и еще потому, что она жила на третьем этаже, а мне всегда хотелось попасть на этажи повыше и поважнее».

Что делает сейчас Роза? Я выглянул в иллюминатор, теплоход уже болтался на причале, глаза слепило солнце, зали-

вая бетонные берега испохабленной Волги, когда-то свежей и зеленой (о, Сызрань!), помню, как босиком летел вниз с холмика и нырял прямо в приветливые воды, и раскрывал глаза, всматриваясь в чуть затуманенное дно. Назад к Марфусаилу, жить в лесу, как у Генри Торо, жевать траву, грибы и ягоды, пить только березовый сок, постреливать рябчиков, поселить в шалаш девственницу (sic!) ...Представил потную, вонючую, щекастую, блеющую, как овца. Тонкие, бледные ноги, тощий, бессмысленный зад. Чуть не вытошнило. Зачем подарила Дали?

Капитан ударил в колокол. Откушав тошнотворного мюсли (эта забота о здоровье, куда хлеще шампанский редерер с тонкими кусочками малосольной семги!), мои птички бодро спустились по трапу, быстренько миновали ряды купчишек и вышли прямо на площадь, посередине которой высилась когда-то торжественно-посеребренная и уже славно ободранная статуя Владимира Неистового, которую вначале местные власти под влиянием столичных идей чуть было не снесли, но удержались и толкнули какому-то сумасшедшему американцу, который вот-вот собирался увезти ее в свой жирный рай установить на небоскребе рядом с Гринвич-виллидж. Потом пассажиры пошли бродить по городку.

Снова нахлынул на меня водопад воспоминаний о волжских днях среди огородов, садилов, непритязательных домишек и женского населения в кофтах и косынках, вечно с тяжелыми сумками, вечно о чем-то калякающих и совсем не похожих на душевных чеховских трех сестер. О мужиках вспоминать не хотелось – спилась, опустилась провинциальная Россия. Да и столица не лучше. Козмодемьянцы уже привыкли к иностранцам и не пялили на них глаза, как на восьмое чудо света, однако, детишки не обидели нас невниманием и мяукали рядом, клянча жвачку и выменивая букетики васильков на иноземные сувениры. Местный рынок цвел, как акации в разгул любви, поражал навалами овощей и фруктов, их продавали ведрами, как и положено на великой Руси, исключение составляли ягоды и соленые грибы – они шли в стеклянных банках, кое-что мы приобрели. Тут вроде бы само собой, по-щучьему велению перед нами

выросло некое заведение, не шибко чистое, но вполне опрятное, где торговали водкой, пивом и уже подтаявшей от жары краковской колбасой. Ноги не несли и сами собой размякли у харчевни, солнце палило, хотелось отрады и отдохновения. На свет, словно из глубины веков, явился допотопный дед с толстовской бородой и угрюмым взглядом, сдвинул ловко два стола, покрыл их не отглаженной скатертью с замытыми кофейными пятнами и замер в ожидании команды. Потираешь руки, Джованни? Не спеши злорадствовать, эта неустроенность сервиса ближе моему сердцу, чем отлаженная выкачка дукатов в твоей Италии. Боже, как ободрали меня в ресторанчике на мосту Веккио, где установлен бюст авантюриста и серебряных дел мастера Бенвенуто Челлини, ради которого я и уселся за столик. Неужели и за вид со знаменитого моста на прокисшие воды Арно надо столько платить? И вообще Италия – страна разбойничья, недавно выяснилось, что все правительства подпитывались мафиями, да и чувствуется это на каждом углу: полотна Тинторетто освещены чуть ли не лампадкой, и краски надо рассматривать с лупой. Зачем тратить деньги на реставрацию, если можно сэкономить? Все, устроено так, чтобы уставший турист, не находя места для своего зада на лавочке, с неизбежностью смерти уселся бы именно за ресторанный столик и там подвергся бы обираловке. Не скрою, что мне ближе магазинная бутылка вальполичелы и готовые лангусты на скамейке, разумеется, аккуратно разложенные на газетке «Унита».

Заказали водки, немного грубых закусок и прочих колбас. Совершенно неожиданно для себя я обнаружил в кармане своего пиджака томик Сальвадора Дали, видимо, я сунул его туда по рассеянности. Раскрыл томик наугад и вдруг обнаружил там статью из неизвестной газеты, несомненно вырезанную Розой. Заголовок: «Секс как диета». Документ настолько поразительный, что я, Джованни, хотел бы воспроизвести его целиком, ибо наука любви в калориях, думается, небезынтересна даже для такого доки, как ты.

«УДАЛЕНИЕ ОДЕЖДЫ: с согласия партнера – 12 кал, без согласия – 187 кал;

РАССТЕГИВАНИЕ БЮСТГАЛЬТЕРА: двумя ватными руками – 7 кал, одной дрожащей рукой – 36 кал, при помощи маникюрных ножниц – 15 кал, при помощи бензопилы – 3 кал;

ОБЛАЧЕНИЕ ПЕНИСА В ПРЕЗЕРВАТИВ: при эрекции – 1,5 кал, без нее – 300 кал, презерватив оказался мал – 12 кал;

ПОСТОРОННИЕ ЭФФЕКТЫ ПРИ ПОЛОВОМ АКТЕ: легкое пошлепывание – 7 кал, нанесение ударов плеткой – 27, нанесение ударов скалкой – 12;

ОРГАЗМ: настоящий – 27, фальсифицированный – 160.

ЧУВСТВО ВИНЬ: несмотря на все старания, вы кончили слишком быстро – 53, вы наслаждались сексом, а в Африке голодали дети – 2, из-за секса вам не удалось пообедать – 3;

ПОМЕХИ ПРИ АКТЕ: партнер отправляется в туалет в 7-й раз – 10 кал, партнер отвечает на телефонные звонки – 7, партнер сам звонит по телефону – 40».

Почему Роза вырезала это? Зачем запрятала в Дали? Или положила специально для меня? Я с ужасом констатировал, что нахожусь в состоянии крайнего эротического возбуждения, в уши ворвались оглушительные стоны Розы в больнице им. Соколова, хорошо, что я мирно сидел, иначе пришлось бы принимать меры. Тут дед наконец притащил водки, точнее самогона, ударило сивухой, приведшей моих иноземцев в бешеный восторг, к изжаренной, сморщенной колбасе боялись прикоснуться, зато в ход пошли закупленные соленья: забыв о всех цирлих-манирлих, все хватали оные прямо перстами, словно и не носили смокинги на своих Пикадилли.

Напротив меня сидела раскрашенная актриса Курица, дама жеманная и кокетливая, иногда что-то тихо кудахтала через стол, касаясь моих ног, что стимулировало не меньше, чем прочитанный кусочек о калориях. Ничего не оставалось, как снять шотландский носок марки «Бэр-бери», немножко размять большой палец ноги и ласково погрузить его в нечто безумно горячее, сводящее с ума, пахучее, нежное и затягивающее... Гусь, сидевший рядом со мной в своей немецкой тошнотворности, видно, почувствовал наши прерывистые дыхания, тоже возбудился, и резво запустил руку в карман своих брюк. Тетерев и Орел

посматривали друг на друга, как два неудовлетворенных педераста.

– Хотите, я расскажу вам одну историю? – предложил Гусь, уже благополучно закончивший свои процессы в штанах.

– Не разрушим ли мы этим вечернюю традицию нашего декамерона? – возразил я.

– Наоборот, – вмешался Тетерев, – сейчас мы славно празднуем, неплохо выпиваем и боюсь, что к вечеру многих из нас потянет в постель.

Остальные птицы согласно закивали головами. Гусь улыбнулся и разлил по стаканам мутно-голубой самогон.

НОВЕЛЛА

О ТОМ, КАК ВРЕДНО ТРАХАТЬ МАЛЬЧИКОВ, А НЕ ДЕВОЧЕК, И КАК УЖАСНО ЛЮБИТЬ ПОЖИЛЫХ СКРИПАЧЕЙ В СТРАНЕ ПОБЕДИВШЕГО СОЦИАЛИЗМА.

*Моя прелестная роза, мой нежный цветок,
моя лилейная лилия, наверное, тюрьмой
предстоит мне проверить
могущество любви.*

*Мне предстоит узнать, смогу ли я силой
своей любви к тебе превратить горькую
воду в сладкую.*

**Из письма Оскара Уайльда лорду
Альфреду Дугласу 20 мая
1895 года**

В кабинет военно-морского атташе Великобритании Барнса с картинным видом на Софийскую набережную на фоне кремлевских башен вошел приятной наружности застенчивый молодой человек, доложил о благополучном прибытии из Соединенного Королевства и замер, как положено начинающим. Энтони Барнс оторвался от «Красной звезды», приветливо улыбнулся, поинтересовался погодой в Лондоне, настроением и жизнью (джентльменский набор), ибо джентльмен обязан быть одинаково учтив и с королем, и с простолюдином, никогда не подчеркивать своего превосходства. Джон Уоррен – так звали прибывшего клерка – что-то молот о Бристоле, где родился, о маме, о впечатляющих замках на побережье. Но Барнс его не слушал, собственно, он уже прочитал его дело, присланное диппочтой из Адмиралтейства: типичная биография серого клерка – провинциальное детство, папа священник (к тому же пьяница), умеренно учился в школе, не блистал, отслужил армию без всяких взлетов, затем – подготовительные курсы и первые шаги на работе. Не хвалили, но и не ругали, приходил и уходил вовремя, начальству не дерзил, поручения выполнял исправно, интеллектом не поразил, впрочем, как можно оным поразить, собирая вырезки из газет и подшивая в досье документы?

– Очень хорошо, что вы не кончали университет, – благодушно трубил Барнс, приятно об этом говорить, имея за плечами Оксфорд. – Высшее образование портит людей, начиная их излишними амбициями, а разведка, которой вам придется заниматься здесь, естественно, в рамках технической работы, требует прежде всего добросовестности и аккуратности. Со временем мы сделаем из вас настоящего разведчика-профессионала, ведь разведка – это стиль жизни, а на выработку его требуется время.

Барнс любил пофилософствовать о разведке и ее роли в мировой истории, тем более что дела у московского военно-морского атташе шли прескверно, все конфиденциальные контакты оказывались подсадными утками КГБ, а честные русские, заговорив с англичанином, тут же набирали воды в рот и прикидывали, когда и куда лучше дать деру и быстренько настучать. Такое было времечко.

Барнс уже собирался завершить свой монолог пассажем о планах внезапного удара с советских подлодок в Северном море прямо по Англии и США, как дверь отворилась и вкатился растрепанный красномордый толстяк с сигарой в зубах, весьма напоминавший мистера Пиквика после интенсивного катания на коньках. Впрочем, несмотря на весь свой добродушно-распухший облик, мистер Грегори Олби являлся ключевой фигурой в посольстве, будучи резидентом «Сикрет Интеллидженс Сервис», прикрытым постом первого секретаря.

– Знакомьтесь, Грегори, – сказал Барнс. – Это наш новый технический помощник Джон Уоррен. Как говорят гомо советикус: превосходный кадр. А Сталин учил: кадры решают все!

Он порадовался и своему остроумию, и своей начитанности. Новый сотрудник не произвел никакого впечатления на многоопытных джентльменов. Когда он удалился, Грегори лишь хмыкнул: «Красавчик!», Барнс неопределенно повел бровями, отметив про себя ухоженность нового сотрудника, его добротный бельгийской ткани костюм и запахи крепкого одеколона, что не есть хорошо, ибо истинный джентльмен ничем не должен обращать на себя внимания, даже запахами.

Когда Джон вошел в комнату к секретарше Мэгги, уже заходящей брнетке лет тридцати пяти, с выщипанными бровями, доведенными до тонкости мышинных хвостиков, то она влюбилась в него с первого взгляда и даже чуть покраснела, когда его ей представили. На ее компаньонку по кабинету юную и белолицую машинистку Пэт, наоборот, отутюженный и до приторности вежливый Уоррен произвел ужасное впечатление: она нашла его дурно воспитанным и себе на уме.

– Посмотри, с каким вкусом он одет! – восторгалась Мэгги. – Наконец в нашей занудной колонии появился красивый мужчина!

– Может, он и красив, но ему не хватает мужественности, – возражала Пэт. – И вообще я не люблю, когда мужчины уделяют столько внимания своей внешности...

– Конечно, тебе по душе такие толстые грязнули, как Грегори, – возмутилась Мэгги. – У него всегда такой мятый костюм, словно его жевала корова... И воняет изо рта!

– Конечно, Грегори, не чистюля, – парировала Пэт. – Но это настоящий мужчина, с которым можно хоть на край света!

В коридоре Джона перехватил и затянул к себе Юджин Барановски, симпатичный молодой поляк в желтом твидовом пиджаке, уроженец Польши и гражданин СССР, штамповавший в консульстве визы. Он приготовил кофе, угостил новичка рюмкой коньяка и грустно поведал о тяжести жизни тех англичан, которые варятся в собственном соку или на худой конец в английском клубе, где пьянствует и танцует вся шантрапа дипломатического корпуса. Барановски считал Москву городом веселым и злачным, если, конечно, не ограничиться Третьяковкой и Большим театром, а окунуться в живую жизнь, ключом бившую за бортом посольства. Конечно, английские инструкции этого не поощряли, но от этого общение с русскими не теряло своей привлекательности, более того – можно подзаработать, сбывая западные вещи и покупая в тех же комиссионных магазинах сокровища, которые потом потрясут аукционы «Сотбис» и «Кристис».

– Если возникнут проблемы бытового характера, я к вашим услугам... – и Юджин ласково, возможно, даже слишком ласково, потрепал Джона по плечу.

В посольстве предстояло осваивать заковыристые дела военно-морского атташата: положение в советских ВМС и его высшем руководстве, проблемы стратегии и тактики и прочее. Главный источник информации – официальные публикации, иногда удавалось заполучить газеты Севастополя или Мурманска, их прорабатывали, как сверхсекретные документы, выискивая жемчужные зерна. А что еще делать, если русская слежка наступает на фалды?

В ближайший четверг предполагалось посольское мероприятие, и Уоррен на всякий случай осведомился у шефа.

– Мне нужно быть на приеме?

– Конечно, ваше присутствие было бы желательно, – мягко ответил Барнс. – Но по этикету на приемах в посольстве бывают только дипломаты, а не технические работники. Но я уверен, что своей хорошей работой вы заслужите повышения.

Холодный душ. Самое обидное, что еще в Лондоне Джон пошел себе великолепный смокинг, и так хотелось опробовать его на деле! Он даже примеривал его перед зеркалом вместе с манишкой и черной бабочкой – выглядел, как бывший премьер-министр сэр Энтони Иден в молодости, писанный красавец. Барнс – симпатичный человек, но сноб до мозга костей, ходячее доказательство катастрофического раскола Англии на классы. Как будто не минули времена колонизаторов в пробковых шлемах и баронов, проводящих свои дни на верховой охоте на лисиц (существо безмолвное в погоне за существом несъедобным), как будто в стране еще не получили равные права женщины и не вышли на арену тред-юнионы. Уже с самого начала он подметил, что английское посольство разделялось на первый и второй сорт, в последний, увы, попадал он вместе с другими техническими работниками.

– Как поживаете, Джон? Где вас поселили? – это Мэгги с мышинными хвостиками.

– В доме, где живут наши коллеги. На пятом этаже.

– Очень мило! Значит, мы соседи, я живу на третьем. После работы тут очень тоскливо, мы с Пэт иногда ходим потанцевать в английский клуб. Надеюсь, однажды вас там встретить. Вы хорошо танцуете?

– Мне трудно об этом судить, – застенялся Джон. – Дайте мне привыкнуть к разнице во времени, я уже один раз проспал работу. К тому же тут ужасные морозы.

– Советую вам купить лисью шапку, вам она будет к лицу. Но я спешу, гуд бай!

Английский клуб, морозы за окном, танцы, лисья шапка – все это не вызывало никакого энтузиазма, а Мэгги просто была тосклива, как овсяная каша, другое дело – веселая компания джазменов, с которыми он дружил в Лондоне. Собирались ежедневно, говорили на одном дыхании, сладостно покуривали марихуану. Славные были денечки, а тут...

Выйдя из посольства, Барановски поднял воротник, пытаясь защититься от морозного ветра, прошел по набережной, прыгнул в троллейбус и добрался до сероватого жилого дома, где на конспиративной квартире, в густом дыме от папирос «Казбек» его ожидал майор КГБ Виталий Громов. Особо не рассусоливали, налили чаю и сразу же перешли к обсуждению гнезда «дятлов» – так именовали англичан на конспиративном языке и даже пошучивали: «Как птички? Долбят?» «Долбят, туды их растуды, аж клювья дымятся от усердия!» Громов традиционно считал англичан исчадием ада: только на вид вялы и аморфны, а на самом деле лицемерны, коварны, жестоки и вербуют наших людей пачками, просто мы об этом не знаем! И вообще творят черт знает что, только три дня назад жена второго секретаря, совершенно невинно выглядевшая девка, гуляя с ребенком, поставила на столбе мелом крест, явный сигнал тайному агенту. Такие вот пироги!

– На днях в атташат приехал новый сотрудник Джон Уоррен...

– Я знаю, мы даже успели его проверить через нашу резидентуру в Лондоне. Серая мышка. Эдакий денди, который пыжится выглядеть важнее, чем он есть на самом деле. Типичный английский сноб!

– «Дятлы» быстро поставят его на место, – засмеялся Барановски. – Я еще не раскусил его... но... я должен проверить свое первое впечатление.

По основным параметрам КГБ Уоррен выглядел как абсолютно бесперспективный: не пил, не бросился тут же

в комиссионный, не посматривал на девушек, плотоядно облизывая губы (наружка фиксировала и это), не гнался за наживой – последнее особо раздражало Громова, подобно Наполеону, он считал англичан нацией лавочников, готовых удавиться из-за одного шиллинга, и часто вспоминал случаи, когда один дипломат торговал через посредника поношенными носками. Верный агент КГБ Евгений Барановски только согласно кивал головой, слушая рассуждения Громова (его он считал законченным кретином и мечтал, когда его передадут на связь другому оперу), кивал головой и удивлялся, откуда Громов набрался всех этих ветхих идей, возможно, относившихся к Англии прошлого или начала этого века. Он не знал, что его куратор недавно стал секретарем парторганизации английского отдела и по-новому организовал партучебу, привязав ее к оценкам «дятлов», сделанным великими Марксом, Энгельсом и Лениным. Последний особо крыл их за лицемерие («все люди лицемерны, но никто так не лицемерен, как англичане!», натерпелся Ильич от своей лондонской домохозяйки!). Недавно, прочитав Марксово эссе о лорде Пальмерстоне, он очень удачно перенес анализ характера беспринципного и хитрого лорда на все посольство Великобритании в Москве, что вызвало восторг присутствовавшего на семинаре представителя «большого» парткома, который потом месяца три пропагандировал положительный опыт Громова на всех конференциях и собраниях...

Джон Уоррен скучал. Английское посольство жило размеренной жизнью, по воскресным дням старались вырваться за город, чаще всего в район Николиной горы, где гужевался под контролем УПДК весь дипломатический корпус. Выезды туда младших чинов вполне допускались, но не поощрялись, да и не хотелось Джону вновь видеть опостылевшие физиономии. Он закрыл книгу и посмотрел в окно: шел снег, и дворник, закутанный в огромный тулуп, сгребал его в кучу такой же огромной фанерной лопатой – на Альбионе такого идиотского чуда и представить себе было невозможно. А что делает сейчас мама? Отец умер совсем недавно, и она еще не научилась жить без него, просыпа-

лась и не знала, что делать. Наверное, пошла в церковь вместе с сестрой Маргарет, работавшей в муниципалитете Бристоля. Когда будет побольше денег, он обязательно пригласит маму в Москву. Хотя бы на неделю, ведь она редко куда выезжала. Попытался читать – не смог, раскрыл альбом с марками, полистал и закрыл. Включил телевизор – на экране ухоженная тетя рассказывала о новом постановлении партии и правительства, говорила так мудро, что Джон со своим русским ничего не смог уловить. Посмотрел на себя в зеркало, вздохнул. И тут раздался телефонный звонок – на проводе была Мэгги, черт побери! Поговорила немного о том, как прекрасны воскресные дни и как пушисты снега за окном, посетовала, что он убивает свое время в одиночестве, а потом предложила развеять его в английском клубе. Представил себя танцующим с Мэгги, и его передернуло. Господи, кто придумал этот идиотский ритуал, когда мужчина бессмысленно, как конь, трется о женскую грудь и стучит ногами? Отвратительные касания бедер, духота в зале, теплый пар от тела... фу! Нет, он неважно себя чувствовал, спасибо. С облегчением повесил трубку, налил виски, выпил и прилег... На душе было гнусно, вдруг остро захотелось в Лондон, особенно, в джаз-клуб Ронни Скотта, куда хаживала их компашка, а потом в укромный ресторанчик в Челси, где пиршествовали одни особы мужского пола, и приход женщины вызывал шок...

Барнс возлюбил своего подчиненного, поручил ему регистрировать все секретные документы и даже составить справку о военных объектах в Ленинградской области. Попутно наставлял: во всем необходимы чувство меры, осторожность в контактах с русскими, о каждом докладывать, однако, не следует бояться их, как черта, надо изучать врага, ходить в театры и музеи, в то же время не отрываться и от родного английского коллектива. Уоррен отвечал ему сдержанной взаимностью, старался улыбаться и не возражать. Но легче всего Уоррен чувствовал себя с Барановски, тот пару раз угощал его коньячком в кабинете и советовал смотреть на жизнь проще: она дается один раз, она прекрасна, и надо уметь использовать каждую секунду, сплин – это

удел безмозглых, и в России можно великолепно устроиться: русские – беззаботны и легкомысленны, в отличие от американцев не живут, чтобы работать, а работают, чтобы жить, они не заботятся о будущем, беспечны, готовы пропить последнюю копейку – и в этом их прелесть. Разве это не прекрасно и не напоминает заветы знаменитого георгианца доктора Самуэля Джонсона? Барановски подошел совсем близко, его теплое дыхание обдавало Джона, мутило ему голову, вдруг их колени встретились, Уоррен подался вперед, но Барановски отступил в сторону и выпил еще рюмку.

После ухода англичанина Юджин срочно связался с Громовым и попросил о встрече, на которой и поведал ему свои экстраординарные наблюдения.

– Не может быть! – не поверил Громов. – Вы в этом убеждены?

– Все-таки у меня большой опыт, Виталий Григорьевич, вы же знаете мою биографию. Честно говоря, я уже при первом знакомстве почувствовал, что он гомосексуалист, но решил это перепроверить... это самый настоящий пассивный тип...

– А как вы это угадываете? Есть какие-то признаки? – заинтересовался Громов, подавляя отвращение к извращенцу, глубокое и искреннее, как и у большинства советских людей.

– Вам этого не понять, все это происходит на уровне интуиции, – уклонился от детального ответа Барановски.

– В любом случае это большая удача, Женечка, рыбка сама идет в сети. Впрочем, в Англии в правящих кругах очень много гомиков. Говорят, все это идет от частных мужских школ вроде Итона, где нет девочек, и потому мальчики трахают друг друга. А потом это становится генетическим кодом, вся нация, точнее, правящий класс, постепенно становится голубой и медленно деградирует, – Громов захохотал, представив страшную картину полного падения Британии. Барановски деликатно указал на могущество Греции и Рима, где в ходу были мальчики, на величие известных гомосексуалистов – Оскара Уайльда и Андре Жида, тут он имел

неосторожность добавить несколько слов по поводу Петра Ильича, но патриотизм Громова не выдержал такого удара, и он прервал агента.

– Все это глупости насчет Чайковского! Но давайте подумаем, как лучше организовать разработку...

Вскоре Барановски пригласил Джона к себе на квартиру, обставленную шведской мебелью, с небольшой коллекцией картин полуопальных советских художников. Закусывали на кухне, ничего не пили, кроме дурманящего, крепкого «Эрл Грея» в чашках из настоящего Веджвуда, улыбались друг другу, само собой перешли в спальню, и все было прекрасно. Так счастливо закончилось одиночество Джона Уоррена, жизнь стала простой и легкой, все проблемы ушли на задний план, Барановски оказался большим оптимистом и превосходным рассказчиком, блестяще знавшим и английскую, и русскую историю.

– Да, коммунизм жесток, но разве не была жестокой диктатура Кромвеля? Русские просто на доросли до англичан и переживают период, который вы прошли еще во времена Алой и Белой Розы. Вся разница между нами и вами – лишь во времени...

– Я счастлив, что мы встретились... – Джон был взволнован и не скрывал этого.

– Нам обоим повезло, – не остался в долгу Барановски. – Если хочешь, я познакомлю тебя со своими друзьями. Это талантливые честные люди, тебе будет интересно с ними. У меня только одна просьба: не рассказывай ничего своему начальству. Ни обо мне, ни о моих друзьях. Иначе меня могут уволить из посольства.

Это было хорошо понятно, еще в Лондоне он привык держать язык за зубами, когда дело касалось его личной жизни, в конце концов он был частью небольшой тайной секты, презираемой грубым большинством. Не боится ли Барановски КГБ? Тот не скрывал, что боится, но зачем «голубые» нужны КГБ, если он ловит шпионов? У западников психоз проник в кровь: повсюду им мерещится КГБ с микрофонами и злодеями, а ведь чисто технически невозможно прослушивать всех, как Большой Брат в романе «1984» Джорджа

Оруэлл! Уоррен улыбался и счастливо кивал головой – он верил каждому слову своего нового друга.

...В здании на Лубянке шла обычная работа. Высокий и худой, торчавший над столом, как пальма в кадке, генерал Чикин листал дело Уоррена. Человек он был обстоятельный, пришел в органы с партийной работы, в свое время окончил знаменитый Институт философии и литературы и до сих пор дружил со многими известными литераторами. К тому же он, подобно Набокову, коллекционировал бабочек, имел пятерых детей от одного брака (!) и отличался несвойственной начальникам добродушностью. Генеральский кабинет из красного дерева был вывезен в свое время из Германии, точнее, его отобрал шеф Смерша Абакумов у одного строптивного генштабиста, которого посадил: полированный стол, старомодные книжные шкафы, набитые классиками марксизма-ленинизма и конфискованными справочниками и энциклопедиями вроде Брокгауза или Эфрона. Над генералом висел традиционный портрет Ленина с рукой, воздетой к коммунистическим небесам, на столе рядом с массивным бронзовым прибором стоял бюст Железного Феликса, а вообще-то облик Чикина в очень советском, плохо пошитом светлом костюме не вязался с озабоченными и вдохновенными физиономиями вождей. О гомосексуализме Петр Иванович Чикин был наслышан еще на лекциях по древней истории в ИФЛИ и относился, как ни странно, к этому позорному занятию с юмором и терпимостью.

– Значит, согрешил! – смеялся он. – Так кто же он? Девочка или мальчик?

– Девочка, товарищ генерал, как я и предполагал. На их языке – пассивный! – разъяснял Громов.

– Будто я не знаю! – Петр Иванович даже обиделся. – С пассивными легче работать. Они влюбчивы, как школьницы, из них можно хоть канаты вить. Скажу честно, я до работы в органах и не подозревал, что в нашей стране еще сохранились «голубые». Правда, однажды, когда работал в тамбовском райкоме, поехал в командировку и оказался в одном гостиничном номере с армянином, кажется председателем какого-то совхоза. Однажды он угостил коньяком,

поговорили и легли спать. И вдруг чувствую, что кто-то залез ко мне в постель... да я ему, извиняюсь, чуть всю штуку с потрохами не оторвал!

Генерал радостно похотел и вдруг вспомнил, как на приеме у одного большого начальника он сидел на стуле, а начальник вдруг близко подошел к нему, и крепко сжал ногами его ноги... Генерал чуть не описался от страха, но об этом инциденте умолчал, дабы не подрывать ничьего авторитета. Ходом дела генерал остался доволен, однако, не советовал спешить, подключить к Уоррену моцартов своего дела, а Барановски вывести из оперативной комбинации, чтобы он зря не светился. Громова эти указания в восторг не привели, затяжек он не любил и, главное, очень хотел получить орден к очередному юбилею ЧК-ОГПУ-КГБ. Какая разница, сколько моцартов трудятся над объектом? Моцарты они или сальери? В любом случае компромат уже налицо, и нечего тянуть кота за хвост.

Между тем влюбленная Мэгги страдала и делилась своими муками с Пэт. Мэгги влюблялась часто и в основном в женатых мужчин, что обычно сопровождалось тайными свиданиями с их нервной спешкой и заканчивалось одинаково трагически: о преступной связи узнавала жена и брала бедную Мэгги в оборот. Появление холостого Джона вселяло надежды. Однажды они поужинали в «Метрополе», но от приглашения домой на рюмку шерри он уклонился. Эту явную аномалию Мэгги объясняла провинциальностью своего кумира, его старомодностью и даже – о Боже! – невинностью в 28 лет! Как же еще объяснить его отказ зайти к Мэгги?

– Может, у него венерическая болезнь? – засомневалась совсем не романтическая Пэт. – Или он импотент? У меня этот красавчик не вызывает никаких эмоций. Иногда мне даже кажется, что это женщина, переодетая в мужчину.

– Тебе лишь бы сказать гадости, Пэт. Просто это неординарный, очень сложный человек. Наверное, поэтому я и люблю его. Через полгода меня собираются перевести в Вену, я не представляю, как буду жить без него...

Джон Уоррен жил совсем в других эмпиреях, дружба с Барановски изменила его, жизнь в Москве вдруг заиграла

всеми цветами радуги, да и работа спорилась лучше, что не укрылось от глаз Барнса. Изучали вместе Москву. Барановски показал Джону и переулки Арбата, где жили гении, и дворянские особнячки, где тоже жили или гостили великие, и причудливый дом архитектора Мельникова – ничего подобного не было даже в Лондоне! Новый друг сводил его к сероватому особняку на Вспольном переулке, там жил сам шеф тайной полиции Лаврентий Берия, сравнительно недавно расстрелянный за сотрудничество с английской разведкой и необузданный разврат. Однажды наслаждались «Гаяне» в Большом, после спектакля пошли за кулисы, там их встретил Владлен, длинноногий красавец с точеной фигурой, звезда балета стирал пот и грим со счастливого лица большим цветным полотенцем, благосклонно выслушал комплименты визитеров и тут же пригласил домой на незатейливый фуршет – ах, артисты любят ночь, нервы на спектакле разыгрываются и долго не утихают подобно разбушевшему морю... У Барановски заболел отец, к которому он обещал заехать, Джону неудобно было идти одному, но Барановски убедил: отказ гению выглядел неприлично. К тому же с великими мира сего Уоррен почти не встречался, правда, однажды познакомился с поэтом Дайлоном Томасом, приехавшим из городишка Логхорн в Бристоль и тянувшим пиво в пабе. Поэт был пьян, невнятен, ничего гениального не изрек и больше болтал с двумя рыжими леди потасканного вида.

Владлен вез англичанина на своем бежевом «бьюике». Гравюры Бердслея, этрусские вазы, порочный полумрак, подсвеченный красным, бронзовые напольные подсвечники, мужчины в костюмах от Армани и Гуччи, лишь шампанское в бокалах венецианского стекла, красота и снова красота, и совсем не пахло серыми московскими улицами, по которым бродили озабоченные и такие же серые советские граждане. В холле их встретил жгучий брюнет с твердым подбородком и темными кругами под глазами, в профиль – вылитый кондотьер Бартоломео Коллеони, что на площади Сан-Дзанирولو в Венеции, Уоррен обожал этот город и несколько раз выезжал туда во время отпуска. К тому же английский у него

был безупречен, даже читал наизусть Уайльда, целый кусок из «Баллады Редингской тюрьмы», куда заточили английские лицемеры великого писателя после раскрытия его страстной любви к мальчику из хорошей семьи.

*Ведь каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал,
Один – жестокостью, другой –
Отравой похвал,
Коварным поцелуем – трус,
А смелый – наповал.*

Тут появился толстый скрипач во фраке, глаза его блестящие, ямочки на щеках излучали добродушие, взмахнул смычком, и все притихли. Музыка медленно вливалась в полутьму, взлетала все выше и выше. Выплыл обнаженный Владлен, лишь полоска черного шелка змейкой окручивала талию, ниспадая по животу, словно дрожащий на ветру листок. Соло великого артиста захватило всех, вдохновенный гимн любви, дерзкой и сметающей все преграды, любви чистой, прозрачной – скрипка стонала, появились еще двое и слились в одно нежное трио. Праздник души. Леонид обнял Джона за талию и, раздевая на ходу, утянул в спальню, где к ним присоединился длинноволосый блондин с мохнатыми бровями, сильно пахнувший духами, затем еще несколько благообразных мужчин (один поразил Джона своей волосатостью, словно он только что произошел от обезьяны). Оргия получилась на славу, и Джон стал любимцем всей компании.

Наверху, потея и холодея от броских сцен, под руководством Громова трудилась команда оперативников, снимавших и отдельные кадры, и целый фильм. Не совсем новинку, но все равно интересно и забавно, особенно при участии известных стране персонажей. Посмеивались, беззлбно честили счастливых «голубых» последними словами, кто-то заметил, что лично расстрелял бы распутного скрипача, к тому же члена КПСС, покрывавшего, словно племенной баран, почти всю компанию, а остальных высрал бы на необитаемый остров – пусть веселятся вдоволь! Наблюдая за сценами Содомы и Гоморры, Громов вдруг почувствовал, что

брюки его оттопырились – это привело его в ужас: неужели он... ответственный сотрудник Комитета... секретарь парторганизации... неужели? Он с большим трудом оторвался от глазка, повернулся спиной к остальным, попытался снять возбуждение, но ничего не выходило, просто черт знает что! Пришлось срочно побежать в туалет...

Новая жизнь Джона Уоррена оказалось необыкновенно радостной, о таком и во сне не снилось, Москва превратилась в восхитительнейшую столицу мира, и даже советский строй, который на себе он ощущал слабо, но все-таки не одобрял, вдруг приобрел привлекательные черты. И депрессию сняло как рукой (ах, как был прав папаша Фрейд, все болезни у нас от не свершившихся плотских желаний!), и настроение исправилось, и по работе все шло гладко.

– Вы просто молодец, Джон, я очень доволен вашей последней справкой, – говорил Барнс. – Я очень рад, что у вас прошел сплин, он, наверное, объяснялся этой ужасной русской зимой. Как вы проводите свободное время?

– Часто хожу на русский балет.

– Очень хорошо. Посетите исторический музей. Тогда вы поймете, что мы с русскими – исторические враги, ведь они всегда угрожали нашим колониям в Индии и Афганистане. Первые англичане появились в России во времена Ивана IV, они мудро подметили, что русские – весьма грязны, жуликоваты и ленивы. Правда, вывозили мы у них много рыбы, древесины, меда и воска.

– А мне русские нравятся! – искренне заметил Уоррен. – Они добры, великодушны, особенно, когда выпьют, очень любят искусство. А вот одеты они ужасно!

– На этот счет есть хороший анекдот, – хохотнул Барнс. – Портной сшил заказчику костюм, в котором один рукав был в два раза длиннее другого. Приятель посоветовал заказчику изогнуться так, чтобы этого не было заметно. Идут они по улице и слышат реплику англичанина: «Наконец-то в России научились шить костюмы! Посмотри на этого горбуна, как чудесно сидит на нем пиджак!»

Ах, если бы все время вращать себя в интеллектуальной компании русских, но своих! Мешали колония, серое окру-

жение, пустые дипломаты, мнившие себя богами, их жены, вечно озабоченные грядущими покупками, в сущности никогда не испытывавшие высот любви (даже лесбийской!). Однажды, возвращаясь со свидания, встретил Мэгги, бледную и грустную.

– Как рада вас видеть, Джон! Где это вы пропадаете по вечерам?

– Прогуливался...

– А я как раз сейчас думала о вас, – и смотрела на него, как кот на сало, хотелось повернуться и уйти.

– Обнимите меня, мне холодно... – подумалось: Боже, какая омерзительная баба!

Он обнял Мэгги, вспомнил великолепный профиль Владлена и отдернул руку, словно дотронулся до скользкой змеи. Заставил себя вновь обнять ее, добрались до посольства – пришлось имитировать груды неотложных дел, иначе не отвертеться от чашки кофе у Мэгги... Достаточно того жуткого ужина в «Метрополе» и грубых поползновений затянуть его к себе.

На Лубянке прорабатывали все варианты вербовочной беседы. Громов изобрел новую тактику в отношениях с Чикиным: зная его дух противоречия, выдвигал чикинские идеи. На этот раз настаивал не спешить с голубым Джоном. Петр Иванович уже не помнил своей последней диспозиции, и настоял на форсированной вербовке, резонно заметив, что «хватит тянуть кота за хвост». Заодно он заботился о своей репутации: дошли слухи, что подчиненные считают его тряпкой и партийным выскочкой, ничего не понимавшим в чекистских делах, – вот и проявил решительность.

– Зачем нам тянуть? Вывалить все компры сразу! – наступал он на хитрого Громова. – В вас говорит либерализм! Именно вывалить все, шокировать, оглушить, деморализовать, не оставить ни одного спасительного выхода!

– Я не уверен, что он поведет себя правильно... – для вида возразил довольный Громов.

– А вам и не нужно быть уверенным, – отрезал Чикин, властно сверкая глазами. – Операцию буду проводить лично я.

Это был сюрпризик. Шеф неожиданно обыграл Громова, теперь и все лавры урвет, оставив его с носом, получит орден, а секретарю парторганизации выгорят лишь медалишка или почетная грамота, черт ее побери! С другой стороны, в случае крушения вербовки (тут Громов вспомнил, как дико хохотал один гомик, когда ему предъявили фотографии в постели с партнером, и не только хохотал, но молил подарить их на память, чтобы показать жене), вся ответственность падала на шефа...

Конец мая, зелено и свежо, до приватной дачи, запрятанной близ писательского городка на Пахре, добирались на трех «Волгах», покачивались патриархально на сиденьях, посматривая на прозрачные, словно сарафан русской красавицы, березовые рощи, за ними мелькали обширные и запущенные поля. Владлен сидел за рулем, рядом с ним откинулся на сиденье скрипач, а позади – Джон и Леонид.

– Посмотри на эти березки – символ России, на эти просторы, – говорил Леонид, нежно глядя руку Джона. – Наш последний царь считал, что обилие пространства – это несчастье России. Но избыточность природы рождает избыточность души...

А сам думал: боже, как осточертел мне этот английский мудака! Скорее бы от него отвязаться, выполнить свой долг, а то закруют, сволочи, выезд за границу или подложат другую свинью, это они умеют, вот когда помочь надо, сразу ретивость пропадает: сколько намучился в прошлом году из-за постройки бани на собственном дачном участке! Конечно, знал, что запрещено, но думал, что органы помогут... Подумаете, преступление!

Вывернули на шоссе, зажатое зелеными заборами государственных дач, еще повияляли, проехали пару «кирпичей» и прибыли на точку. На даче к делу перешли не сразу, не спешили, создавали атмосферу, пили шампанское, слушали Баха, вели беседы о культуре и ее роли в истории цивилизации. Почему греческое искусство осталось самым великим в мире? Потому что красоту можно понять лишь из обладания мужчиной мужчины. Женщина по сути дела – это совсем другое существо, с ней нелегко найти общий язык. Женщи-

ны – это другое племя. Греки вообще предпочитали мальчиков, но у нас в стране даже подумать об этом страшно.

А как все было красиво и благородно во время афинских ночей! Тогда вообще люди жили разнообразней, понимали, что любое усреднение ведет к смерти, больше радовались жизни, осознавая ее быстротечность – чудесное качество, погибшее с появлением христианства и веры в жизнь загробную. И терпимости было больше: с одной стороны, бесконечные мальчики, с другой – процветающий остров Лесбос. Увы, с каждым веком на людей наваливались условности, а теперь и не продохнуть...

Нет, античный мир был удивителен, и колонна с фаллосом в храме Дионисия – лучшая ода человечеству, и вообще фаллос – центральная тема античности, и никуда от этого не деться нынешним фарисеям. И пьяный Силен со своим безумно огромным – тоже гимн. А разве не великолепы камни с головами Гермеса или Приапа, обычно стоявшие в вишневых садах для отпугивания скворцов, из середины которых торчит напружиненная мощь? Разве ученик, придерживающий голову блюющего учителя, не человечнее всех гуманистов Просвещения? Мальчик, юноша – идеал греческой красоты, а у нас на родине лишь за одни эти мысли можно загреметь на Колыму.

Объятия Леонида, сильные и медлительные. Яростно, до потери сознания.

И вдруг.

Загребели двери, и на сцене уверенно появились хмурые милиционеры, вошли спокойно и без стука, застав всех участников в разгаре действия. Общая паника, возгласы негодования. Напрасно, товарищи, возмущаетесь. Чем вы тут занимались? Не знаете Уголовного кодекса? Функционировали четко – никто и пикнуть не успел, в один момент полуодетых и растерянных затолкали в черный «воронок» и повезли в ближайшее отделение милиции, где рассовали в разные комнаты, выставив охрану, а через час развезли каждого в отдельности (конспирация!) по домам, отблагодарив и выдав за труды денежное вознаграждение. Всех, кроме англичанина.

Как внезапно на смену счастью приходит беда! Запахи гуталина, грубые окрики, сняли часы, очистили карманы. Он тихо молился Богу и обещал ему регулярно ходить в церковь и постоянно поминать родителей, он обещал ему делать все что угодно, лишь бы весь этот ужас прошел и не возвращался никогда. Наконец, втолкнули в кабинет, где каменно возвышался над столом товарищ Чикин, а товарищ Громов сидел сбоку на стуле, его физиономия отливала такой исключительной свирепостью, что у Джона от страха отнялся язык, а тут он еще обнаружил незастегнутость ширинки (удар в сердце джентльмена!), попытался привести себя в порядок, но руки дрожали, молнию заклинило, и все выглядело крайне нелепо.

– Садитесь, господин Уоррен, – приказал Чикин, одетый в форму полковника милиции, и Джон, оставив безнадежную возню с ширинкой, покорно сел и утер платком пот со лба. – Что ж, вы захвачены с поличным вместе со своими соучастниками. Все это пахнет судом и суровым приговором.

Стеснительный Петр Иванович, давя комплексы, сдвинул брови и сделал такую свинцовую паузу, что отяжелел весь кабинет, кстати, по паузам он был большой мастак еще на партийной работе, не раз опробовал их на собраниях: от внезапно наступившей тишины аудитория сразу напрягалась, разговорчики смолкали, взоры заострялись на ораторе, и любая банальность превращалась в монументальный афоризм.

– Я английский подданный, у меня иммунитет, – слабо пикнул Джон, с трудом вспомнив завет внутривизитной инструкции на случай задержания властями, – я прошу вызвать английского консула.

– Английского консула? – нарочито развязно хохотнул Чикин, чувствуя себя не в своей тарелке. – Да он в обморок упадет, если узнает, чем вы тут занимались. Может и посла сюда вызвать? Или королеву?

Хотя Чикин слабо представлял себе английскую монархию, но попал в точку: в семье Уорренов королевский дом боготворили, в детстве мальчика специально возили из Бристоля к Букингемскому дворцу полюбоваться сменой ка-

раула, да и потом чувства сохранились, и после последнего сеанса кино он торжественно вытягивался при звуках гимна вместе с колониальными полковниками. «Правь, Британия, правь...»

– Не отчаивайтесь! – вставил Громов, игравший роль добряка со злодейской физиономией (на этом настоял Чикин, вспомнив, что на допросах в тридцатые годы арестованных ломали именно таким дуэтом).

– У вас есть выход. Разумеется, если вы обладаете здравым смыслом... – чикинский тенорок звучал загадочно и грозно, направлял мятущийся ум в нужную колею. Но в ней, в колее, было все настолько размыто, что не выбраться, мысли метались, ударяясь о стенки черепа, и оседали в безвыходности, горло перехватывали спазмы, и под левым глазом неожиданно задергалась, запульсировала кожа, разрушая почти аполлонову красоту лица.

– Отпустите меня... Я ни в чем не виноват... Это мое личное дело... – мычал Джон.

– Может, вызвать маму и показать ей снимки? (это Чикин)

Тут силы Добра поведали некоторые истории, описанные в британской прессе, не зря Громов провел целый вечер в служебной библиотеке, просматривал газеты, рылся долго в каталоге. Наконец, вдруг счастливо высветился некий безумный немецкий профессор Иван Блох, создавший «Сексуальную жизнь в Англии» с целой главой о педиках: о седовласом министре, засеченном в отеле с прыщавым подростком, о трех выдающихся членах парламента, погрязших в оргиях и бегавшими по комнате с черными повязками на изнеможенных фаллосах. Все это добряк и вывалил арестованному. Изложенные факты свежестью не блистали, но впечатляли.

– Что же делать? Что же делать? – мычал Джон, обращаясь в пространство.

Чикин согласно роли злодея нахмурился, как океан перед всемирным потопом, чуть похрустел челюстями (попутно ощутил, что новый «мост» шалит и дантистам в поликлинике КГБ еще далеко до цековских высот), и пальцами прошелся дробью по полировке стола.

– Нам придется пойти на нарушение советских законов, чтобы спустить на тормозах ваше дело. Это мы можем сделать лишь в том случае, если вы тоже пойдете нам навстречу. От вас потребуется немного: честное сотрудничество, разумеется, тайное... – к концу этого невыразительного экспозе Чикин неимоверно устал от роли злодея и думал: чем же все это закончится? Красивое лицо англичанина скривилось в дьявольской судороге и он, словно Ворон у Эдгара По, неожиданно проорал:

– Никогда! Никогда!

Этот крик, словно плетью, хлестнул Чикина, к лицу прилила кровь, он набычился и покраснел, таким Громов никогда не видел своего обычно бледного босса.

– Молчать! – тенор сорвался на визг. – Молчать, бя! (вспомнил какой-то военный фильм, кажется, «Радугу», там гестаповец пытал партизанку) – и Чикин, вне себя от праведного гнева, расстегнул портфель и вывалил из него на стол кипу фотографий, они рассыпались в разные стороны. Джон и под, и над, и с двумя, и с тремя, и с полузакрытыми глазами в экстазе, и с широко раскрытым ртом, и с улыбкой блаженства, и в прочих безобразных видах. Он и смотреть не стал – сразу понял, пот лил по лицу, заливал глаза.

– Никогда!

– Превосходные фотографии! – не теряя темпа Чикин, выдержав малую паузу. – Если желаете, можем показать вам и кино. Если мы вам не нравимся, то разошлем фотографии вашим друзьям, на службу... (пауза, пауза). Особенно будет рада ваша мама, когда получит их по почте!

Чикин почувствовал себя совсем гадом, слава Богу, что его не видела сейчас Капитолина, педагог и женщина твердых правил, она такого не перенесла бы, наверное, подала бы на развод. О, Капитоша, верная жена чекиста, всюду сующая свой нос, усекающая быстро все ошибки и прегрешения супруга, постоянно проверявшая его карманы в поисках спрятанных денег (или кондомов), фиксирующая любой волос на его одежде... О, Капитошка, всегда готовая написать в партком на мужа и излить несчастную душу! Чикин разволновался, и сердце его заколотилось. Стено-

кардия? Почему вдруг? Неужели от вида этих похабных фоток?

Уоррен плакал, всхлипывал, как маленький, и вытирал глаза очень модным носовым платком, совсем не соответствующим драматичности ситуации. Тут включились силы добра, извлекли из ящика стола привозной скотч «Грант», налили немного, подбавили воды, пододвинули поближе к сидящему Уоррену, и попытались обволочнуть.

– Вы подумайте, вот мой телефон, – вкрадчиво говорил Громов, – мы всегда вам поможем, и вы будете продолжать встречаться с вашими друзьями...

– Вы подлецы! – Джон обливался слезами. Он вскочил, но вдруг сдавило грудь, плеснуло в голову, и он рухнул на пол, вызвав суматоху. Чикин, воспитанный в традициях коммунистической морали, попытался было сделать ему искусственное дыхание, но потом вспомнил, что не совсем приличествует передавать кислород из генеральского рта в педофильные уста, и вызвал подчиненных. Перенесли на диван, взбодрили нашатырным спиртом, вывели из дачи на дорогу, где, к счастью, попало такси (естественно, дежурная оперативная машина). Прямо у подъезда он столкнулся с Мэгги.

– Джон, привет! Вы не хотите ли... – она осеклась, увидев его смертельно бледное лицо и красные, заплаканные глаза. – Что с вами, Джон?

Он слабо улыбнулся и прошел к себе. Что делать? Все кончено, финита ля комедия, позорное увольнение, скандал, что делать, что делать? Прямо пойти к послу и исповедоваться. Он все поймет, конечно, будут неприятности, его отошлют обратно в Англию и, наверное, уволят, но сделают это тихо. Только к послу!

Решительно привел себя в порядок, позвонил в резиденцию посла и осведомился о местонахождении его превосходительства. Обнаружилось, что оно отдыхает на подмосковной даче (мелькнуло: вдруг на той же!) и осчастливит персонал своим появлением лишь в понедельник утром. Взглянул в окно, мрачная, тяжелая, как чугун, ночь, проклятая Москва, выхода не было, прилег на тахту и закрыл глаза. Все равно позор! Не посол, так его приближен-

ные разболтают обо всем по посольству, все будут пялить на него глаза, хихикать между собой и шептать: «Вот идет выдающийся педераст, который спутался с такими же ублюдками из КГБ и чуть не продал старую добрую Англию!» Достал из письменного стола пистолет, взвел курок, решительно приставил дуло к виску, но палец словно онемел. Бросил пистолет, упал на постель и зарыдал. Что делать? Может, признаться во всем Барнсу? Да разве поможет этот оксфордский хлыщ?! Шума и позора будет еще больше. Что делать? Нет, в доме находиться невозможно, нечем дышать, он тут сойдет с ума...

Вышел из дома, темень непролазная, проклятые русские, вечно у них плохо с освещением. Доплелся до Софийской набережной, грязная Москва-река, под стать Темзе, поблескивала в огнях фонарей, мужик в ватнике (он же пост наружного наблюдения) ловил рыбу, отчаянно курил, плевал на тротуар, тут же передал по рации, что источник вышел на улицу. Служба не дремала, держала под контролем. Звонил в резиденцию посла – значит, хочет доложить? Или по другому вопросу? Явно в отчаянии, нервничает, бродит по набережной. Успокоить, сбить нервозность, ввести в обычный ритм. Громов тут же позвонил Барановски, которому приказали в этот вечер не отлучаться из дома.

– У него была неприятная встреча, и он переживает. Пригласите к себе, вы знаете, что делать... даю вам полный карт-бланш!

Звонок раздался сразу же. «Как поживаешь, Джон? Давно не виделись, хотя и работаем в одном месте. Что-то пасмурно сегодня на душе, захотелось позвонить тебе, соскучился...» Уже через час Джон наслаждался сибирскими пельменями на квартире у Юджина. Настроение проходило, выпили шампанского – и на одном дыхании Джон выложил все: и как его подвел дружок Юджина Владлен, и как всех захватили на даче, и нет сомнений, что все подстроено КГБ, и ясно, что милицейские чины – его сотрудники, и вообще все мерзко, и нет выхода!

– Не может быть! – Барановски перепугался не на шутку, ведь Громов не сказал ему, что в комбинации участвовал

Владлен (значит, и он агент! Елки-палки, куда ни сунешься – всюду агенты, просто ужас какой-то!). Если Уоррен расскажет обо всем начальству, то Юджина наверняка выпрут из посольства как агента КГБ, а место ведь хлебное. Ну и мерзкая организация, плевать ей на собственные преданные кадры, всех уничтожит ради своих целей! Эх, надо поскорее выехать с ее помощью в турпоездку и дерануть там подальше от этих сукиных сынов! Но это эмоции... Что делать?

– Они знают все, они предъявили мне фотографии, значит, за мной все время следили. Ты не представляешь, какие там позы!

Барановски занервничал, выпил рюмку водки.

– Там не было наших с тобой фотографий?

– Нет... Слава Богу, что нет. Я не знаю, что делать...

– Главное – не делать из мухи слона. И вообще все это звучит, как анекдот. Ерунда!

– Ты что? – возмутился Джон. – Что тут смешного?

– Ситуация непростая, но ты слишком ее драматизируешь. В худшем случае тебе придется уехать в Лондон, разве это так уж ужасно?

– Если бы только это! Они обещали скомпрометировать меня! Я хочу доложить все послу...

– Самое глупое, что ты можешь сделать. Выгонят, сломают всю жизнь... А жизнь – главнее всего, главнее всех правительств и тем более какого-то КГБ. Зачем портить с ними отношения? Ради чего? Почему бы немного не поиграть с ними, что-то пообещать? Во всяком случае, не бежать от них, как нашкодивший кот!

Успокоил, придержал. И действительно, ничего не случилось. Уоррен продолжал исправно служить, так никому и не доложив о ЧП, более того, Лондон с подачи Барнса продлил командировку на год. Конечно, он ожидал, что грозная пара позвонит или возникнет перед ним на улице, он уже подготовился к этому, а они тянули. Может, вообще о нем забыли, закутились в своих чекистских заботах? Ха-ха.

– Господин Уоррен? – спросил голос по-английски, но со знакомым акцентом. – Вам удобно со мной говорить? Это

ваш знакомый Виталий, с которым вы недавно встречались на даче. Я хотел бы пригласить вас на ланч в «Арагви».

Он уже давно решил: почему бы не встретиться? Это ведь не предательство. Лучше, чем идти на конфронтацию... В «Арагви» его тут же препроводил, утянул в кабинет метрдотель – вот и Виталий, фонтанирующий дружелюбие. Выпили, закусили, заговорили о балете – Громов оказался большим любителем балета и знатоком (специально проработал несколько монографий накануне встречи, даже мемуары Лифаря прочитал).

– Вы нас извините, если что не так, – как бы мимоходом, между прочим.

– Мы никоим образом не хотели вас обидеть, не расценивайте нашу встречу как шантаж. Наоборот, мы стоим за укрепление отношений между английским и советским народами, мы выступаем за мир, и видим в вас патриота Британии и искреннего друга Советского Союза. Разве это нет так?

– Да, мне здесь очень нравится...

– Вот и прекрасно! – обрадовался Громов. – Мы никоим образом не намерены вмешиваться в вашу личную жизнь... (хотел добавить, что все арестованные партнеры – на свободе, но решил, что поручит Владлену самому заявить о своем благополучии).

– Чего же вы от меня хотите?

– Да ничего! Ровным счетом ничего! Нас вообще мало интересует Англия, она – не враг дела мира, а вот Соединенные Штаты...

Об антиамериканских настроениях Джона сообщал не раз Барановски, конечно, они были неглубоки: штатники раздражали своей мощью, и вообще после войны влияние Англии усыхало. Громов развил: страна превращается в 49-й штат, экран забили идиотские американские боевики, разве не ужасно? Как ни странно, Уоррену весь этот ход мысли показался новым и интересным, даже некоторым откровением, Громов увлекся, крепко насадился на американский империализм, правда, вовремя спохватился, вспомнил, что не на партучебе. Закончил патетически:

– Знаете что, Джон? Давайте просто будем друзьями! Будем иногда встречаться, в этом нет ничего предосудительного. Хотя вы и не дипломат, но ваше мнение имеет особый вес. У меня только одна просьба: никому не рассказывать о наших встречах...

Последнее – залог успеха, что стоит разработка, если источник о ней болтает? Расстались друзьями, а тут еще приятный сюрприз: прямо навстречу шел блистательный Леонид, злился необыкновенно, ибо прождал около памятника Долгорукому целый час, боялся пропустить, а тут холодный ветер, черт бы его побрал!

– Боже мой, Джон! Куда же вы исчезли? Я так соскучился по вам, так соскучился! Вы знаете, в тот раз произошло недоразумение, нас приняли совсем за других людей... Послушайте, что вы делаете сейчас? Поехали ко мне!

С корабля на бал. И что в этом плохого? Разве он виноват в чем-то перед королевой и отечеством? Как повезло, что встретил Леонида...

Разработка клерка атташата подняла авторитет Петра Ивановича, а также сняла еще один немаловажный синдром: высокий генерал имел 38-й размер ботинок, и продавщицы всегда улыбались, услышав об этом, поэтому ему приходилось шить обувь в цековском ателье, тоже неприятно. Так вот после победы в деле Уоррена синдром исчез. Правда, Петр Иванович удивил свою Капу вопросом, существовали ли в Древней Греции остров вроде Лесбоса, но наоборот, где одни мужчины и мальчики. Такого жена припомнить не смогла, хотя рассказала, что Платон был гомосексуалистом и утверждения о пылкой связи Сократа с проституткой Аспазией полная чушь, ибо он тоже развратничал со своим учеником Алкивиадом.

И на Громове благотворно отразилась разработка: со стыдом лоя себя на интересе к гомосексуализму (о, эта страшная сцена во время съемок!), он решил подетальнее ознакомиться с вопросом и купил учебник «История Древней Греции» в издательстве «Высшая школа», правда, по существу проблемы ничего не обнаружил, зато узнал, что первое классовое общество появилось на острове Крит.

Человек привыкает ко всему, привыкает к войне, к голоду, к нищете, привыкает к «мерседесу», особняку с охраной, к бесконечному счастью, к нелюбимой жене, к вымогателю-бандиту. Человек привыкает и к секретному сотрудничеству, есть такой закон.

...Пришел декабрь с сильными морозами, Джон аккуратно приходил на конспиративную квартиру, от «Арагви» и прочих шикарных ресторанов отказались: нечего баловать и зря светиться. Никаких деликатных поручений ему не давали, Громов выслушивал его мысли по поводу международного положения (весьма скудные), по ходу дела ставил вопросы о жизни посольства, об отдельных сотрудниках, о разведчиках... Делал это как бы между прочим, легко и ненавязчиво, да и сведения эти не несли на себе печати секретности. На Рождество с благодарностью за труды Громов вручил книгу о балете, шикарно изданную, с конвертиком внутри. Джон раскрыл и ахнул.

– Нет, нет, я не возьму денег, ни в коем случае!

– Дорогой мой, я мог бы купить вам какой-нибудь подарок на эти жалкие две тысячи долларов, но гораздо лучше, если вы сделаете это сами...

Умели убеждать. Взял деньги! – это тоже этап, это тоже праздник! Не каждый берет, на свете хватает чистоплюев, надо еще уметь дать, делать это не грубо, мягко, словно это интересная книга, взял деньги! – теперь нужно от артобстрела переходить к атаке, яблоко созрело и вот-вот упадет на землю. Решающей встрече предшествовал целый шквал сборищ с Владленом и другими. Громов на очередной встрече:

– У нас уходит массу времени на обсуждение политических вопросов. Конечно, ваша информация очень интересна, однако, гораздо удобнее, если бы вы приносили на встречи со мной документы... Я снимал бы копии, и мы могли бы всласть поесть и поболтать.

– Но нам запрещено выносить секретные документы.

– Я же вам их тут же верну. Вас же никто не проверяет. Кроме того, как я много раз вам говорил, нас прежде всего интересуют Соединенные Штаты...

Коготок попал – всей птичке пропасть.

– Но самое главное: это ваша безопасность, она дороже всего. Извините меня за нескромный вопрос, Джон, какие у вас отношения с Мэгги?

– С Мэгги? Честно говоря, она не вызывает у меня никаких эмоций.

– Извините, но было бы очень полезно для дела, если бы вы... как сказать?... нашли бы с ней общий язык...

У Уоррена от изумления брови полезли на лоб.

– Мы располагаем различной информацией об английском посольстве... там о вас отзываются по-разному и не всегда в выгодном свете. Многие считают странным, что вы не интересуетесь женщинами. Нам бы не хотелось, чтобы этим заинтересовалась служба безопасности.

О, эта чертова Мэгги! Нет, это не в его силах. Но хотя бы провести вдвоем рождественский вечер, дела ради. Уговорил... Джон купил индейку в магазине посольства, Мэгги самолично обработала ее, засунула в жарочный шкаф и отдалась во власть любви на целых два с лишним часа, пока птица не созреет и не покроется золотистой корочкой. Первый поцелуй оказался не таким жарким, как она предполагала (Джон чуть не потерял сознание от отвращения!), все последующие события носили несколько необычный характер. Тем не менее она осталась довольна и решила воспитывать Джона, дабы превратить его в полноценного любовника.

– Почему ты раньше меня не приглашал?

– Считал неудобным...

– Ты любишь меня?

– Наверное... А ты?

– Очень. Ты правду мне говоришь?

Неожиданно на главном направлении Уоррен обнаружил недюжинные способности: ухитрялся приносить на встречи с Громовым не только материалы военно-морского атташата, но и всего посольства, фотографировал документы миниатюрным аппаратом «Минокс» или обыкновенной «Минолтой»: материалы – на сиденье стула, аппарат – на спинке, притаскивал и оригиналы, которые фотографи-

вались на консквартуре и тут же возвращались – ребята не рисковали. Вошел во вкус, получал по труду.

Но всему имеется конец, и в посольство прибыла шифровка о завершении командировки Уоррена, весть печальная: уезжала курица, несущая золотые яйца. Боже, как жалко отдавать ее чужакам в лондонскую резидентуру! Да разве они это заслужили? Сидят и чешут задницы, эти разведчики, к тому же еще презирают чернорабочих контрразведки. Но приказ есть приказ, разработали условия связи на все случаи жизни: и постоянные, и даже если грянет война, поднатаскали на тайниках, научили разбираться в схемах, использовать тайнопись и всевозможные сигналы на столбах, скамейках и стенах домов. Специально в Москву призвали для инструкций нового куратора в Лондоне.

– Будьте постоянно бдительны, следите за своим поведением. Тратьте осторожно те деньги, которые мы вам передаем, нежелательно, если ваше окружение обратит на это внимание! – инструктировал Джона посланец из Лондона, покуривая черчиллианскую сигару, к которым пристрастился в процессе своего заграничного загнивания. – Жить нужно скромно и по средствам. Будьте осторожны и в своих связях с мужчинами – в Адмиралтействе, где вам предстоит работать, существует отдел безопасности, проверяющий кадры по всем параметрам.

И Мэгги наконец-то после проволочек отбывала в Вену.

– Ах, как я люблю Вену, – говорила Пэт, попивая вместе с Мэгги кофе, – повезло же тебе! Какой красивый неповторимый город! Бельведер, Хофбург, пирожные в кафешках на Кертнер-штрассе... Я однажды там влюбилась, и красавец австриец катал меня на фиакре, он был похож на Штрауса, такие же длинные волосы...

– Знаешь, милая, дело не в городе, каким бы красивым он ни был! Все это тлен, счастье внутри нас и не зависит от места.

– Ты опять о своем красавчике? – удивилась Пэт. – Да он тебя и в грош не ставит!

– Неправда, ты ничего не понимаешь! Он любит меня... мы даже собираемся пожениться, когда я вернусь из Вены.

Последнее свидание с Джоном, непродолжительное, но с рыданием у него на груди (как хотелось ее тут же придушить!), пообещала вечно любить, иногда приезжать к нему в Лондон (только этого и не хватало!) и, конечно же, писать, писать чуть ли не каждый день. Уехала, скатертью дорога.

Наступил и его час.

– Нам искренне жаль, что вы уезжаете, Джон, – говорил Чикин важно, выдерживая паузы. – Вы – друг нашей страны и настоящий патриот, понимающий важность англо-советской дружбы! За ваше здоровье!

– Англичане, как известно, не умеют говорить тосты, – ответил Уоррен. – Но я хочу выпить за вас и за всех людей, которые сделали мою жизнь в Москве счастливой. Это были незабываемые годы... – Слезы показались у него на глазах, чекисты были поражены: вот тебе и извращенец! К концу прощания изрядно налился сам Чикин, лобызался с Джоном, и вдруг сказал, что педики – хорошие ребята, и если бы вернулась древнегреческая демократия, то в мире расцвела бы культура. Громов не верил ушам своим, ничего себе разговорчики на переходном этапе от социализма к коммунизму!

Прощальный банкет дал и Владлен, стол был необыкновенный, собрались все друзья, грустно рыдала скрипка... Последний проход по Софийской набережной, Кремль прощально кивал золотыми башенками, грустно звенели куранты и ласково мерцали красные звезды. Около «Ударника» повернул в Замоскворечье к старокупеческим особнякам и уютным церквушкам, думал, что Москва – это тайна, которую сразу не раскроешь, но, вникнув, привязываешься и не можешь забыть...

Лондон моросил мелким дождем, дорога от аэропорта Хитроу была опасно скользкой и долгой, как бесцветная жизнь, – забито все было наповал, не продохнуть. Остановился в недорогом отеле на Эрлс-корте, через пару месяцев, плюнув на инструкции, снял меблированную квартиру в фешенебельном районе Пимлико, на первом этаже сверкал дорогой ресторан с бассейном. Хорошо! Не жить же в дерьме из-за проклятой конспирации! И это при его доходах! Болтался в отпуске, гулял по тихому Пимлико, по солидной

Белгравии и разноцветному Челси. Скучал по Софийской, по Замоскворечью и больше по друзьям – тут все разбрелись, переругались, где ты, старая компашка, в которой не могли существовать друг без друга? Опять одиночество, проклятая пустота, одна улада – покупки дорогих костюмов и рубашек в самых лучших магазинах... Даже пошил пару троек на заказ в знаменитом Сэвил-роу. А может, поднапрячься и купить особнячок в Челси? Вполне реально, если выплату растянуть на несколько лет, русские обещали повисить вознаграждение

В Адмиралтействе встретили его прохладно, но не враждебно, сошка мелкая, никому поперек дороги не становился и дурным характером не отличался. Правда, невзлюбил его сосед по кабинету, причем из подлой зависти: не по нутру ему были дорогие пиджаки и шелковые галстуки Джона. Распустил слух, что папа оставил большое наследство. Домой не приглашал никого (еще увидят бассейн и хоромы!), не распространялся о своей частной жизни, прослыл бирюком. Одиночество давило, но спасла всесильная фортуна: случайно в коридоре поговорил с новым заместителем министра и по взгляду его сразу почувствовал, что он из... своих или как это назвать? Действительно, на следующий день замминистра вызвал его, поинтересовался жизнью в Москве, попросил консультировать по некоторым нюансам англо-советских отношений. Вскоре Уоррен получил приглашение в имение замминистра в Шотландии на уикенд, где и начал новую, вполне приятную жизнь, причем не только для себя, но и для патронов в Москве, возликовавших по поводу его новых информационных возможностей.

От замминистра Джон остался не восторге: далеко ему было до неистовости Леонида, угнетали размеренность и даже вымученность, словно ответственный пост высосал из босса все соки, к тому же служебная зависимость сковывала, альянс по расчету – и только. Работать приходилось много, к документам Адмиралтейства добавилось множество секретных бумаг, которые замминистра увозил с собою для прочтения в имение, для облегчения плодотворной деятельности КГБ изготовил миниатюрную камеру, заде-

ланную в пачке из-под «Мальборо». С русским разведчиком Уоррен встречался раз в месяц в далеком Джерадс Кросс, сравнительно недалеко от Кливдена, где в свое время беспутствовали военный министр Профьюмо, советский разведчик Иванов и сногшибательная проститутка Кристин Килер. Джон заваливал куратора секретными документами, в резидентуре еле успевали их обрабатывать, куратор вновь и вновь предупреждал агента о конспирации и бдительности.

Легко сказать, если жизнь прекрасна и открыты двери самого лучшего в мире отеля «Риц», где нежны омары по-термидориански и великолепен редерер, и кофе в отеле «Парк Лейн» почти рядом, там по-старомодному далеко отстоят друг от друга столики и бесшумно склоняются официанты, словно обращаясь к самому фельдмаршалу Монтомгери. Ночь хороша в баре «Океанская волна», запрятанном в низинах Мейфэр-отеля, там полинезийские чудеса, там живые крокодилы в бассейне в приятной компании питонов и удавов, весь бар словно зарос тропическими джунглями, единственная беда – это поющие индонезийские красавицы, они мешали, – всюду эти проклятые бабы! – и тогда спешил в интимный клуб в Челси, там совсем другая компания...

Однажды, когда Джон прихорашивался у зеркала, собираясь на балет в Ковент-гарден (приятно было впервые надеть только что сшитый на Сэвил-роу смокинг), в дверь позвонили, и на пороге появилась сияющая Мэгги. Она внезапно нагрянула из Вены, дура, с ходу бросилась на шею. Он ласково ее отстранил, стараясь не обидеть, но она все-таки затащила его в спальню и стала раздеваться. Это было невыносимо, он не знал, как себя вести.

– Извини, Мэгги, я спешу в Ковент-гарден...

Ужасно. Лучшие чувства повержены в грязь и безжалостно растоптаны.

– Но я специально ради тебя приехала из Вены... – губы ее дрожали, голос срывался, запахло истерикой. – Ты бесчувственный негодяй, ты грязная свинья, ты и не мужчина вовсе, а пидр, мерзкий, злой, уродливый пидр! Откуда у тебя такая роскошная квартира?!

Нашла коса на камень, в нем мигом поднялось все, что накопилось за время мучительных свиданий с нею, когда, стараясь подавить ненависть к ней, он воображал, что рядом с ним Леонид, и даже ее крашенная-перекрашенная головка на миг казалась смолисто-черной, античной... О, эти мышинные хвостики, эти бесцветные глаза! Чего она лезет? Кто приглашал ее в Лондон?! И он ударил ее по лицу, один раз, другой, лупил, словно очищал душу, с огромным наслаждением, а потом грубо вытолкнул в дверь – о, если бы она еще покатила по лестнице!

Нет ничего мстительнее оскорбленной любв,и и уже на следующий день заплаканная Мэгги появилась в отделе безопасности Адмиралтейства, она очень волновалась и не находила слов.

– Бывший сотрудник военно-морского атташата в Москве Джон Уоррен является гомосексуалистом, об этом говорили многие в колонии. Я могу засвидетельствовать, что в Москве по вечерам он очень часто отсутствовал дома, приходил поздно и неизвестно с кем встречался.

Дело закрутилось, моментально подняли все архивы, нащупали прежние контакты Уоррена в Лондоне (они не скрывали, что он был в их голубой компании), запросили атташат, который дал ему отличную характеристику. Выставили наружное наблюдение, обнаружили, что он ведет жизнь богатого сквайра, иногда делит ложе с замминистра (тот уже давно был на крючке, хотя трогать его боялись) и не выходит из гомосексуальных злачных мест. Откуда деньги? Никакого солидного наследства папа не оставил. Последовал тайный обыск роскошной квартиры, там нашли и обилие денег, и контейнеры для тайников, и условные пометки тайнописью. Работали осторожно, боялись спугнуть птичку. Моментальную встречу Джона с куратором засечь не удалось, но человек явно славянского вида в долгополом макинтоше, крутившийся в районе Аксбриджа, куда внезапно выехал Уоррен, был моментально опознан как сотрудник советского посольства. Оставалось получить ордер на арест.

На допросах Уоррен подробно все рассказал и покаялся. Суд в Олд Бейли проходил при огромном стечении народа,

прокурор потребовал дать подсудимому 40 лет, судья вздыхал и временами читал мораль, в результате подсудимому дали двадцать.

– Я полностью признаю свое преступление, – сказал Уоррен в последнем слове. – Но хочу добавить: годы, проведенные в Москве, были лучшими в моей жизни, никогда я не имел столько искренних и добрых друзей...

Могучие своды здания суда Олд Бейли чуть не рухнули, тихий шорох пронесся по залу, заколебался, затрепетал воздух: это трудолюбивые московские геи, перевоплотившись в ангелов, влетели в помещение и нежно аплодировали белыми крыльями.

ВСЕ ТА ЖЕ ТЕМНАЯ НОЧЬ, ТОЛЬКО ПУЛИ СВИСТЯТ ПО СТЕПИ

Наступила гробовая тишина, морды у всех моих шпионов были такие грустные, словно все только что выползли из оргии, пройдя через многие руки и ноги, как несчастный Уоррен. Гусь хрюкнул полстакана виски, Сорока вытирала носовым платком пятнышко на взмокшем от напряжения платье, у Совы набрякли глаза и повисли брови, словно она собиралась рыдать. Признаться, Джованни, меня эти драмы гомиков несколько не взволновали, я наблюдал за Сорокой, у которой от удивления раскрылся рот и стали сухими губы. Она нервно облизывала их трепещущим язычком, и мне хотелось вскочить и тут же на глазах у всех... Но большое общество в данном случае мне претило, хотелось в звездную ночь, на зеленые поля, *tacitae per amica silentia lunae* – при дружеском молчании умиротворенной луны.

Но не подумай, благородный Джованни, что я похож на глупого петуха, который целыми днями гоняется за курицами, нет, Джованни, я никогда не забывал о «Голгофе». И именно в тот момент, когда педики предавались тогда преступным ласкам (зато ныне какая свобода! попробуй только пикнуть против – и тебя забьют камнями орды лесбиянок и гомосексов!), я подумал: а ведь им еще, гадам, и пенсии платят! Мысль о пенсиях не давала мне покоя и переросла

в большой философский вопрос: а нужны ли пенсии вообще? Ведь в истории человечества они появились сравнительно недавно, во многих странах их вообще нет. Разве не положителен опыт острова Фиджи, где стариков по достижении пятидесяти лет просто сбрасывали в пропасть? А ведь народ избаловался, ленится работать, хочет, видите ли, наслаждаться жизнью! Лозунг отмены пенсий прозвучит, как ядерный взрыв, народ восстанет, сбросит кровососов-богатеев и возвратится на коммунистические рельсы. Через много лет по инициативе ВВ мы об этом заикнулись, но гнев народа превзошел все наши ожидания и, поставил под угрозу не только «Голгофу», но и вообще жизнь на планете. Так что, не все идеи, связанные с педрилами, дорогой Джованни, заслуживают одобрения и Нобелевских премий. «Ну и ну! – думал я раздраженно. – Хорошими рассказиками мы друг друга потчует! Одни вешаются, других бросают в каталажку, неужели ради всех этой тоски я и устроил себе декамерон? Смакуем чернуху, а ведь жизнь прекрасна и весела, и со шпионами происходят до судорог смешные и мистические вещи!» (Вспомнил железную койку в больнице им. Соколова и истощно орущую Розу).

Я встал и поднял бокал.

– Друзья! Позвольте мне развеять настроение и поведать новеллу о собственных похождениях в Париже. Единственно грустное в этой истории – это то, что я выезжал вместе с женой, к счастью, мы давно развелись и вспоминаем о существовании друг друга, лишь когда требуется громоотвод для накопленных эмоций. Не будьте слишком суровы ко мне: кое-какие детали пришлось изменить, дабы не поставить под удар ценного агента.

НОВЕЛЛА

О ТОМ, КАК ПРИЯТНО ВЫЕЗЖАТЬ В ЗАГРАНКОМАНДИРОВКУ, ЗАПРЯТАВ В ШТАНЫ ПИСТОЛЕТ «ВАЛЬТЕР», АМПУЛУ С ЯДОМ, ДЮЖИНУ ПРЕЗЕРОВ И ФОТО ЛЮБИМОЙ.

*«Громи врага, секретчики, и крой КРО!»
(контрразведывательный отдел).*

В. Маяковский

Среди величественно-однообразных парижских дворцов только Эйфелева башня настойчиво узнаваема, и в голову лезет суровое мужское затворничество в спецколле, вечерний треп в накуренном холле, когда взводный – слуга царю, отец солдатам – спрашивал у молодого курсанта: «О чем ты думаешь, глядя на Эйфелеву башню?» – «О сексе», – признавался курсант. «Почему именно о сексе?» – вроде бы удивлялся взводный. «А я всегда о нем думаю!» Хохот сотрясал стены, все держались за животы, однако редкая шутка была столь актуальна.

Вот и сейчас Эйфелева башня выпрыгивает прямо в мои объятия. «Мы обязательно должны сходить в Гранд Опера! – говорит Татьяна томным голосом и в нос, и обволакивает меня своими зеленоватыми глазами. – Русская аристократия не вылезала из Гранд-опера, туда ходит весь парижский бомонд!»

Татьяна – это моя бесподобная жена, и она, как всегда, права, правда, Татьяна не знает, что я лечу в Париж не для развлечений в Гранд-опера, а для выполнения важного разведывательного задания: тайной встречи с ценнейшим агентом КГБ. Боже, если бы она только знала, как долго мы дискутировали на Лубянке, брать ее в Париж или не брать, выставляя все pros и cons! Если бы она представляла, что мой седовласый шеф с сияющим красным носом, словно у шекспировского Бардольфа («Когда спускаешься с Бардольфом

в винный погреб, не надо брать с собою фонаря») видел в ней страшную помеху для всей операции из-за присущего проклятому прекрасному полу безудержных любопытства и эгоизма. «Она затаскает тебя по магазинам!» – вопил он не без оснований. И все-таки уступил доводам помощника шефа – лукавого мудреца: поездка туристом с женой – это самая лучшая разведывательная легенда, нет лучше крыши, чем любимая супруга, только глупейшая контрразведка узрит в таком супружеском вояже зловещий шпионский смысл.

Пусть турист разевает рот, пляясь на кафедралы и дворцы с «мушиного кораблика», бегущего по Сене, мне эти тривиальности до фени, и каждая прожилка на моих щеках дрожит, когда дует ветерок с острова Сен-Луи. Ведь там, на Анжуйской набережной около дома номер 17 у входа в отель de Lauzun, где когда-то жили величайший художник Домье и не менее великий, но сумрачный поэт Шарль Бодлер, там, у рокового входа, и должна состояться моя встреча с агентом. Кому придет в голову, что в этом районе, недалеко от музея Адама Мицкевича и резиденции маркиза де Ламбер крутится не дурак турист, а прожженный шпион? Встреча с агентом подобна тайному свиданию с чужой женой, когда образ разъярённого мужа постоянно маячит перед очами, он крадется с кинжалом или дубиной в руке, и ничем не отличается от злобного контрразведчика, засевшего в кустах с пистолетом и наручниками.

Расстояние от нашего отеля до центра достаточно велико, удобно для проверки, и я даже не сержусь, что Татьяна уже успела ухватить прелестные туфли в соседнем обувном магазине, ах, если бы КГБ еще и оплачивал покупки жен, выбренных в качестве «крыши»! Но пока мы неразрывны, мы связаны одной цепью. Моя задача – тайно от Татьяны втирать очки контрразведке (наверняка я на крючке), а для этого отпустить вожжи, немного расслабиться, ни о чем не думать и никуда не спешить, все остальное приложится само собой. Мы заходим в «Closierie de Lilac» (там буйствовали старик Хем и другие великие писаки), что на Сен-Мишель, прямо рядом с памятником наполеоновскому маршалу Нею,

принцу Московии, там выпиваем по бокалу розового вина, посматривая со столика на маршала, получившего титул за то, что прикрывал своим арьергардом бегущую из Москвы армию. Ничего себе герой! Умеют же французы сделать из дерьма конфетку, нам бы поучиться! Обняв друг друга, вываливаемся на Сен Мишель прямо к памятнику Оноре де Бальзаку, чуть зеленоватому то ли от времени, то ли от дурного характера, между прочим, оригинал лихо шпионствовал в России, а заодно и покорял сердца русских и польских красоток.

...Мэри Игрек, родом из обеспеченной еврейской семьи, отец состоял в Коминтерне, ненавидел Гитлера, и с конца тридцатых годов стал активным агентом НКВД, который посоветовал ему в целях конспирации полностью отойти от коммунистического движения. Однако атмосфера в доме оставалась марксистской, дочка много читала и жаждала спасти человечество от пороков капитализма. Вполне естественно, что в двадцать лет она была привлечена к сотрудничеству советской разведкой, решившей внедрить ее в госдепартамент. Через пять лет после непрерывных попыток эта задача была решена. Ценность Мэри была настолько велика, что в забытых агентами ФБР Соединенных Штатах встречаться с ней не рисковали. Связь осуществлялась через тайники, куда Мэри запрыгивала пленку со снятыми секретными документами, денег она не брала, ибо служила Идее, освещавшей, словно факел, всю ее жизнь. Время от времени требовался и личный контакт, ибо трудно работать, не чувствуя настроения агента, не видя блеска в его глазах и сдерживаемой страсти совершить подвиг. Но даже и в этих случаях Мэри не вызывали на встречи в соседних с США странах, а использовали ее служебные командировки по линии Госдепа, ловко пристраивались к ее вояжам, чтобы и комар носа не подточил. В Париж она выезжала на десять дней, встречу с нею вменялось провести с повышенными мерами предосторожности: перед контактом со мной у дома на Анжуйской набережной она проходила через две точки контрнаблюдения, расположенные в разных местах Парижа: площадь Вогезов и район Дома Инвалидов.

За этими точками мне вменялось наблюдать, нет ли за дамской вражеского «хвоста». В случае появления за нею подозрительных машин или мерзких людишек с поднятыми воротниками пальто, крадущихся, словно зловредные коты, мне следовало нанести красным мелом черту на фонарный столб рядом с Нотр-Дамом, недалеко от памятника Карлу Великому, мимо которого она должна была пройти.

Я незаметно взглянул на фотографию (не дай Бог, засечет Татьяна и решит, что я даже в Париже я не могу без карточки любовницы): брюнетка малого роста в темном костюме и с американской газетой «Herald Tribune» под мышкой, этого вполне достаточно для идентификации. Пароль: «Простите, как мне пройти к Комеди Франсэз?» – «Я не знаю Парижа, я живу в Филадельфии» (фигню эту придумал не я, а какой-то начинающий придурок).

Но это все завтра, а сейчас утро, вчерашнее вино еще приятно переливается в черепе, Татьяна необычно стремительно приводит себя в порядок, предвкушая все прелести французского завтрака, и подгоняет меня, покрикивая, в ванную, где я тщательно выбриваю свои обвисшие щеки, грустно посматривая на биде. О биде! Сколько саг сложено о том, как русские путают его с толчком или просят гарсона на смеси французского с нижегородским принести в номер пирожное «безе», а гарсон притаскивает биде! Так и входит в номер с огромным биде на вытянутых руках, нехорошо думая о русских. Почему нас не жалуют? Ну, напился, набил морду официанту, но это же не повод для ненависти! Ну, пописал на улице, приспичило, и что? Не накакал же на паперти в соборе!

Через час мы подлетаем туда, где глухо звякнул великий афоризм Генриха Четвертого «Париж стоит мессы», где короновали Наполеона и отпевали генерала де Голля: Нотр-Дам! На месте ли фонарный столб близ Карла? Не вырыли ли? Я кручусь вокруг Нотр-Дама, водя видеокамерой по его величественным сводам и порталам, по его контрфорсам и зловещим чудовищам на крыше, похожим на Квазимодо, я уже начинаю нервничать и бросать взгляды в сторону Сан-Луи. Надо заранее взглянуть на место предстоящей встречи:

вдруг оно разрыто из-за каких-то ремонтных работ? или затоплено? Вдруг улица перекрыта? Вдруг исчез дом, где твой Бодлер? Не сгорел ли сам Нотр-Дам?

– Какой миленький Сан-Луи! – напеваю я на ушко Тане, словно соловей. – Давай пройдем туда через мостик, там так красиво... так живописно...

Но Татьяну не нужно уговаривать, после кофе с круассанами она податлива и добродушна, она готова идти со мной хоть на край света, не то, что в Сан-Луи. К счастью, не снесли, не взорвали, не окружили забором, не обнесли колючей проволокой. До завтра, Анжуйская набережная!

– Завтра у тебя напряженный день, – говорю я Татьяне, улыбаясь, как популярный диктор телевидения. – Пойдешь по магазинам, даю тебе карт-бланш...

– А ты?

– Но ведь я не люблю магазины...

– Очень даже любишь, когда это касается тебя. И что ты будешь делать? – не унимается Татьяна.

– Позвоню Владимиру (приятель, которого я не видел лет двадцать и готов не видеть еще столько же), вдруг он дома, возможно, он покажет что-нибудь интересное.

– Да он сбежит из дома, если узнает, что ты в Париже. Такого скопидома я не встречала!

На ночь принимаю таблетку снотворного: нервы, работа в разведке даром не проходит. Татьяна колдует над купленными у метро устрицами и совсем не собирается спать. О, одиночество, вечный спутник шпиона – «молчи, скрывайся и таи и думы, и мечты свои!». Ночью вдруг слышу судорожное брнчание цепи, открываю глаза и вижу, что на меня мчитсся разъярённый чёрный кобель с пеной на клыках. Понимаю, что это сон, закрываю глаза и мысленно отгоняю мерзкого кобеля...

С утра чуть пошаливает пупочная грыжа, да и состояние нервов сказывается на желудке... Тут страшная мысль: вдруг прихватит во время операции? Приходится смирить грыжу, полежав на спине, и на всякий случай отказаться от завтрака. Придет ли Игрек или нет? – вот в чем вопрос. Привожу себя в божеский вид, надеваю светлый клетчатый пиджак

и шелковый алый галстук, ростом я невысок, но элегантен, и мисс Игрек будет приятно прогуляться с таким джентльменом по улочкам Сан-Луи и посидеть в тихом кафе.

Мы выходим с Татьяной под руку, словно всю жизнь упиваемся семейным счастьем и ни разу не перегрызли друг другу горло, приходим по переулкам и залезаем в метро. По пути я разыгрываю небольшой проверочный трюк и вытягиваю супругу на станции Сан-Сюльпис, заявив, что отсюда – ближайший путь до лучшего магазина «Самаритэн». Выйдя из последнего вагона, смотрю на впереди идущих – вдруг у сыщика не выдержат нервы, и он повернется? Зорко наблюдаю за людьми, вяло бредущими к эскалатору, им явно не до меня. Наверху признаюсь жене, что все напутал: дурак, ваше благородие, к магазину добираться следует иначе! Но Татьяна довольна моим признанием, надо почаще бить себя в грудь и называть себя дуралеем. Отпускаю Татьяну на новый маршрут, а сам, путаясь в схеме путеводаителя и плюясь от злости, добираюсь до площади Вогезов.

Мисс Игрек должна появиться в интервале 12–12:15 около магазина La Chope de Vosges, пройдя через аркаду с улицы Сен-Антуан, она будет рассматривать витрину около минуты, а затем преспокойно удалится на вторую точку контрнаблюдения у Дома Инвалидов. Прошел какой-то вшивый мальчишка в джинсах, но это явно не она, дряхлая пара остановилась у магазина.

12:15. Никого нет. Жду для страховки еще десять минут. Возможно, у нее произошла накладка, в разведке это бывает, пора аккуратно переместиться на вторую точку, где агентесса должна явить себя в 1:15–1:30. Перемещаюсь туда на такси, смотрю на часы. 1:15. Руки мои мокры, хотя совсем не жарко. Из-за решетки превосходно обзревается пересечение двух улиц, где вот-вот должна появиться Мэри. Что же она не идет? Боже, молю я, пусть она придет, пусть непременно придет, сделай так, чтобы она появилась. 1:30. Меня чуть подташнивает от волнения (надо по приезде в Москву пройти обследование в поликлинике КГБ, не псих ли я?), а тут еще брызнул легкий дождик, и сидение под дождем на скамейке – как загорание на песке в Сахаре. Будем смы-

ваться. Итак, два варианта: либо Мэри что-то угрожает и она решила не выходить на встречу, либо по какой-то причине, возможно, даже связанной с ее работой, она не смогла выйти на точки контрнаблюдения. В любом случае следует двигать на Анжуйскую набережную, где агентесса должна возникнуть в 2:15.

Вокруг тихо и спокойно, но я не даю усыпить свою бдительность, проверяюсь в метро, выхожу в Ситэ, прохожу мимо фонарного столба (на нем не только Мэри, но и я сам должны чиркнуть красным мелом в случае опасности), и, прокрутившись по переулкам, занимаю позицию недалеко от пристанища Бодлера. Что-то случилось, какое невезенье! Значит, запасная встреча через три дня, нет ничего хуже ожидания, черт бы его побрал!

И вдруг я вижу миниатюрную брюнетку в темном костюме с газетой под мышкой. 2:15. Это она! Милая, дорогая, несравненная Мэри Игрек, какое счастье, что ты пришла! Любовь моя! Радость моя!

Мэри чуть задерживается у мемориальной доски на доме Бодлера, но проходит мимо, видимо, хочет сделать еще один круг, чтобы убедиться в отсутствии проклятой слежки, очень здравый ход, если не смогла выйти на точки контрнаблюдения. Сейчас она появится снова на набережной, но никого нет. Что случилось? Я бегу по набережной, сворачиваю вправо и вижу спину Мэри. Почему она уходит, почему не поворачивает обратно на место встречи? Надо остановить ее, вокруг же все спокойно, черт побери, не летает же французская наружка на самолетах, не следит же с неба! Оставим осторожность, вперед – нужно срочно установить с ней контакт. Я бегу к Мэри, я задыхаюсь от бега и вспоминаю, как один мой приятель совсем недавно помчался за отходящим троллейбусом и упал замертво прямо у двери. Вдруг тормозит такси, Мэри легко впархивает в нее, рывок вперед, поворот направо и автомобиль исчезает. О Боже!

Может быть, это была не Мэри? Позвольте, но и рост, и костюм, и лицо (вроде бы точно такое же, как и на смутном фото), и газета подмышкой, толстая газета, явно американская. Я возвращаюсь на Анжуйскую набережную: а вдруг

Мэри специально взяла такси, чтобы еще раз провериться? Вдруг она возвратится на место нашего randevu? 2:30. Никого нет. 2:40. Прошли двое мальчишек арабского вида. 2:50. Сухонький старичок в канотье продефилировал мимо дома, даже не взглянув на мемориальную доску. Дольше оставаться опасно, кто-нибудь из жильцов проявит неожиданную бдительность и стукнет в полицию о праздношатающимся дядьке в светлой летней куртке с капюшоном (вся куртка усеяна медными пуговицами и различными веревочками, что придает ей необыкновенный вид, как и телу, на котором она покоится).

Au revoir, Quai d'Anjou! Ну и шлюха эта чертова Мэри! Если за ней была наружка, то зачем она выползла на место? Если все было чисто и гладко, то зачем так поспешно драть когти? Что у нее? Гвоздь в заднице? Противная баба, со стороны уже видно было! Что стоит один костюм, сидящий, как на корове седло! Да и морда явно несимпатичная, аморфная, с выпученными глазами, как у дохлой рыбы. Интересно, как я смотрюсь со стороны? Шпионаж накладывает отпечаток на личность: у мужиков появляется вкрадчивая походка и харя становится непроницаемой, как у оледеневшего моржа. Глаза бегают, ищут врага. Ухудшаются здоровье и характер: сказывается нервная беготня без размеренного питания, как сегодня, колит, гастрит, геморрой... Переживаний хватает, а потом инсульты и инфаркты, спи спокойно, дорогой товарищ!

У баб от шпионства морда тоже становится гнусной. Вытягивается нос, утолщаются уши, появляется лисья улыбка и зад крутится волчком. Если бы я вдруг узнал, что Татьяна работает на чужую разведку..., удушил бы наверняка, взял бы полотенце и удушил! Представил ее, совершенно голую, помахаивающую соблазнительной грудью, и себя с огромным баннным полотенцем.

Мрачно еду в гостиницу. Французы меня раздражают: во-первых, почти не говорят по-английски (о русском и мечтать не смею), причем этим гордятся, как национальным достоинством; во-вторых, в толпе они просто невыносимы, галдят, словно стая воробьев, и бессмысленно мечутся. В-

третьих, страшные жлобы. Наконец, где же прославленная парижская кухня? Неужели багеты? Чтобы попробовать буйабез – знаменитый рыбный суп, я должен мчаться в Марсель, чтобы отведать утку по-руански, естественно, в Руан, а парижские бараньи котлетки хуже, чем в нашей ведомственной столовке. Хорошо, что в Москве пока можно съесть котлеты по-киевски, не выезжая в столицу Украины. Наши головы забиты стереотипами: американцы – хорошие мужья (аж тошно от такой идиллии), американки – хорошие жены (склочные бабы), англичане холодны, как рыба (просто хитрые и экономят силы), у русских вообще нет секса (трахаются, как мартовские коты), немцы – сентиментальны (хочется удавиться).

В номер ожидает Татьяна с покупками.

– Ну, как дела у Володи?

– Какого Володи?

– Ты разве не встречался с этим крохобором?

– Знаешь, я ему позвонил, у него какие-то дела и пришлось перенести встречу... – я краснею от стыда, как будто весь день соблазнял девственных девятиклассниц (если они еще остались).

– У тебя такое выражение лица, словно ты провинился. Почему ты покраснел?

– Я не покраснел... Может, это от вина... – и я в доказательство отхлебываю из бутылки, чувствуя, что пламенею, как закатное солнце. Вино панически бежит по пищеводу, словно за ним гонится разъяренная Татьяна, словно тот самый черный кобель. С мыслью о Мэри в ослабевшей голове шумно плюю в биде, долго ищу очки, зло выпиваю бутылку красного каберне, ору Татьяне, не видела ли она мои очки. Она зло посылает меня подальше, где очки, черт побери? Ползаю под столом и под кроватью, неожиданно натываюсь на использованный презерватив (чужой!), хреново убирают в этом сраном Париже! Где очки?! Обнаруживается, что очки сидят у меня на носу. Немая сцена. Татьяна не упускает случая, чтобы объявить меня дураком, который уже успел выпиться, семейный скандал, гнусности, уверения в ненависти... Выпиваю еще бутылку и валюсь без сил на постель.

Ночью снова звенит ржавая цепь, и за мной гонится черный кобель, сейчас ухватит! Сейчас загрызет! Просыпаюсь – жены рядом нет. Провокация контрразведки? Украли супругу? Осматриваю покои, словно провожу обыск, но никого нет. Даже татьяниних одеяла и подушки. Заворачиваюсь в простыню, выхожу из номера и обнаруживаю свою любимую спящей на деревянной лестнице. Неужели вчера мы так разругались? В ужасе бужу ее, выдерживая проклятия в свой адрес. По закону бутерброда дверь защелкивается, ключа, естественно, нет. Татьяна начинает скрестись в дверь и плакать от злости, я спускаюсь на лифте к консьержке, ощущая себя гордым римлянином в тоге. Она ошарашенно смотрит на простыню, но дает запасной ключ. Может, все это было сном? Утром я думаю об этом, но стучит консьержка и просит вернуть ключ.

Сегодня у нас д'Орсе, бывший роскошный вокзал, который покровитель искусств президент Жорж Помпиду превратил в новый художественный дворец, соединивший старую живопись Лувра с ультрамодерном центра имени самого Жоржа. Д'Орсе завален импрессионистами и прочими типами, от которых у меня уже судороги, да еще из головы не идет неопределенность с Мэри. К счастью, в музее открыта выставка семьи Крезе, великого промышленника Франции, там плятятся с многочисленных фото все его родственники, заживевшие от важности и богатства. Их окружают блестящие модели паровозов, со стен свисают картины, на которых обозленные рабочие швыряют лопатами уголь в топку, все это гораздо интереснее, чем окровавленное ухо Ван Гога, откушенное Гогеном...

И вдруг я вижу Мэри. Я вижу ее у картины члена семьи Крезе в кожаном кресле. Я вижу Мэри, и сердце мое холодеет: что делать? Неужели не воспользоваться моментом? Почему она тогда ушла от меня, прыгнув в такси? Выйдет ли она послезавтра на встречу у дома Бодлера? А если за мною следят? Финита ля комедия. Да что я раздумываю, идиот, когда сама судьба играет мне на руку! Рассеянно подхожу к ней, даже чуть прихрамываю, чтобы казаться невинным калекой. Если следят, это ничего не значит – вдруг

я интересуюсь, где расположен зал с любимым художником Бюффе.

– Мэри, я ждал вас позавчера у дома Бодлера. Можем мы встретиться завтра в два у знаменитой таверны «Проворный кролик», что на Монмартре?

Она на миг застывает, как перепуганный сфинкс, дымка сомнения пробегает по ее лицу, она смотрит на меня, она сверлит меня взглядом (не такая уж уродина, между прочим).

– Хорошо, – говорит она. – Я приду.

Я отскакиваю от нее, словно от горячей домны, я поступил правильно: самое ужасное в разведке – это нерешительность и неопределенность.

– Зачем ты приставал к этой гнусной бабе?

Это Татьяна, кудрявенькое дитя, нестареющее и нетленно красивое, оно выглядит агрессивно и прожигает меня взором, о, эта стрела, пронзающая даже броню.

– Я просто поинтересовался названием картины, я не понял, что там написано по-французски... – блею я, как жалкая овца.

– Знаю, чем ты интересуешься... – ноздри у Татьяны раздуваются. – Представляю, как ты клеил баб, когда я ходила в магазин! Хоть бы выбирал приличных, непременно нужно найти кривоногую!

Но я добродушен, я всепрощающ и остроумен. Какое счастье, что я встретил Мэри! «Как мало в этой жизни надо нам, детям, и тебе, и мне. Ведь сердце радоваться радо и самой малой новизне!» Это, увы, Блок, а не я, грешный. О, ангел Мэри!

Вечером в разнеженном состоянии (традиционно захвачено в гостиницу лукошко с устрицами под божественное белое Puilly fumé) происходит следующий диалог:

Я (словно решаю судьбу человечества): «Неудобно быть в Париже и не посетить кладбище Пер Лашез. Там жертвы парижской Коммуны, там Оскар Уайльд, наконец!»

Татьяна (вытянув трубочкой губки, выпивает залитый лимоном устричный сок из раковины, он приятно леденит язык, которому потом приходится еще окунуться в золотистое

пюи): «Что ты там не видел? Хочешь поклониться праху коммунаров? Правильно сделали, что их ухлопали. Если бы и наших коммунаров во время ухлопали, не появился бы Сталин! А твой Уайльд – обыкновенный пидр! Если хочешь, тащись туда один, а я просто погуляю по Парижу!»

Жалкая шпионская душа моя ликует: проведена блестящая провокация, одержана незримая победа – я ведь прекрасно знаю, что Татьяна ненавидит кладбища, особенно в дождь, она становится от этого зеленой, словно ее выворачивало несколько дней, глаза ее начинают тупо блуждать в поисках солнца и других признаков жизни. Хорошее вино в отличие от плохого создает превосходное настроение, я залезаю в постель, сжимая заветный бокал пюи – один бокальчик ничего не значит. Вперед, нет крепостей, которые не могут взять большевики!

С утра на меня наваливается мандраж, болит живот и не покидает мысль о явке с Мэри, я гоню ее к черту из головы, но она сверлит, сверлит! Мерзкий гастрит! Уже в день приезда я поинтересовался у проходящего старичка, где найти туалет, и он с улыбкой ответил: «Идите в любое кафе!» Ха-ха, ему, наверное, это просто, но для меня – это подвиг. Стоит мне только зайти в кафе, как, словно мустанг, подбегает метрдотель с меню в руках, улыбается, изгибается, как червь, источает любовь, отодвигает столик, манит официанта. О, нет! Он ничего не говорит, когда я интересуюсь туалетом, но лицо его становится кислым и презрительным, а я сам чувствую себя жалким паупером и полным дерьмом. А вдруг меня прихватит? Бреюсь и мандражирую. Проблемы, проблемы и еще раз проблемы, как говорил турецкий султан, рассматривая свой огромный гарем.

Татьяна еще нежится в ванной, проверяя прелести новоприобретенной ароматной соли, а я уже спешу по своим кладбищенским делам. Сначала, конечно, энергичная проверка на метро, затем – на автобусе, потом – снова на метро. Бонжур, грохочущий Нижний Монмартр, заставленный туристскими автобусами! Боже, какие стада человеков! Проститутки еще не проснулись после бессонной ночи, от этого скучно. Конечно, место я назначил не лучшее, хотя оно

и в уединенном «Проворном кролике», что в тихом Верхнем Монмартре. С отвращением смотрю на «Мулен Руж», без шлюх он просто уродлив, словно снял с себя все румяна.

А ведь когда-то в деревушке Монмартр царили истинный кайф и Божья благодать. Потом приперлись все эти художники, все эти алкаши и развратники, горбун Тулуз-Лотрек писал до умопомрачения свою возлюбленную, прожженную профурсетку Гулю, его дружан бездарный певец Аристид Брюан перематывал горло красным шарфом, напяливал черный плащ, брал Гулю на вздыбленные колени и тоже позировал до утра.

Всю эту мерзкую богему прославляла та же нищая богема, подняли друг друга до небес и вошли, благодаря самим себе, в мировую историю. Войдем ли мы в историю, невидимые борцы за счастье народное? Такое бывает во время провалов, когда западные газеты визжат от ненависти и поливают тебя грязью! Будем считать это мировой историей, ха-ха! Хорошо, что я сгоряча не назначил Мэри встречу в этом кипящем котле – все-таки я умный и опытный, и знаю, что чертям лучше встречаться в тихом омуте.

Проворный кролик весело улыбается с расписанной стены кабака, до randevu осталось 15 минут, вокруг все спокойно (или так только кажется), мирно играют дети, помню, как однажды эти твари стукнули в полицию, когда увидели мою дипломатическую машину, насмотрелись боевиков! Пара тупых туристов с блокнотами и путеводителями осматривают остатки виноградников, которыми когда-то гордилась бывшая деревня Монмартр.

И тут... о, Боже! Нет, не призраки наружки, не полицейские с наручниками, не фоторепортеры! О, живот, будь ты трижды проклят! И это при полном отказе от завтрака! Чертов живот, прогнивший желудок! Я так и знал! Переламываюсь от боли, но не настолько, чтобы стукнуться головой о землю, вижу вдали стальную тумбу туалета, лечу туда! О, радость! Она свободна! Дрожащей рукой, уже скорчившись, бросаю в щелку два франка, дверь открывается, медленно ползет обратно, но не доходит до конца. Сейчас не до нюансов, я прыгаю на унитаз, по лбу катится пот, капли падают

на хорошо отмытый пол... Дверь так и не закрылась, дама в мексиканской широкополой шляпе с интересом смотрит на меня через широкую щель, какой-то вертлявый мсье застыл рядом, тоже, видимо, душа горит. Осталось пять минут до встречи, пора, я пытаюсь протиснуться в щель, но мешает живот, я бьюсь об дверь, как рыба об лед, я начинаю прыгать в надежде, что она раскроется. Только сейчас и не хватает, чтобы пол провалился вниз! Проклятые парижские клозеты! Пытаюсь открыть дверь руками, отчаянно бью по ней ногой, мне на помощь приходит вертлявый тип, мы жмем что было мочи, и вот я на свободе.

О, счастье! Насвистываю бравурно «Тореадор, смелее в бой...» Уже издалека я вижу маленькую фигурку Мэри рядом с «Кроликом», какая удача! Подхожу к Мэри, она приветливо улыбается.

– Здравствуйте, не будем терять времени и сразу пройдем в соседний ресторан. Если у вас с собою секретные документы, то передадите их после встречи (правило разведки: документы до конца встречи должны быть в руках их обладателя – вдруг внезапный налет?). Надеюсь, что вы проверялись и не привели с собою слежки... – говорю быстро, стараясь вложить побольше смысла в свои фразы. Чем больше говорю, тем выше поднимаются брови Мэри, тем больше растерянности во всем ее облике. Вдруг она странно дергает головой и быстренько отходит от меня, каблучки, как лошадиные копыта, цокают по асфальту. Мэри уходит от меня, я бросаюсь за нею, но она отмахивается и говорит: «Нет! Нет!»

И тут опять подлетает такси и мигом уносит ее к низким домишкам с красными черепичными крышами. Что случилось? Может, она увидела наружку? И вдруг игла пронзает мне голову: я забыл обратиться к ней по паролю! Идиот, тебе не в разведке работать, а говновозом! Как же я забыл? Что делать? Где ее искать? Депрессия наваливается на меня, хочется броситься вниз с башни или купить канат, смазать его салом, обвить вокруг горла, привязать к трубе, а дальше – тишина...

В метро привязываются два пьяных клошара, оба в мятых фетровых шляпах и джинсах, каждый держит в руках по бу-

тылке дешевого вина, оба прихлебывают из горлышка, что отвратительно (как будто никогда сам не хлебал!) и вымогают деньги. Аргументация проста до безумия: у меня есть деньги, у них – нет, а им тоже хочется пить, любить и прочее, так что, если я добрый человек, то я просто обязан поделиться своим богатством. Оба жестикулируют и не пускают меня к подошедшему поезду метро, один уже ухватил меня за пиджак... я вырываюсь и впрыгиваю в вагон, они грозят мне кулаками и хохочут. И тут я соображаю: так это наружка! Я все время был под слежкой, они пытались проверить мою реакцию, возможно, в отеле меня арестуют! Спокойно, дружище, и еще раз спокойно. Не арестуют, для этого нужны веские основания. А вот выслать с позором – это они, гады, вполне могут. Ну и что? Неужели за это меня выгонят из КГБ? Ну и фиг с ним! Пойду по миру нищим! Я умен, я честен. Уйду и буду бросать на ветер свое сердце...

В отеле пожилой консьерж важно сообщает, что мне звонил некий Гастон. Сообщение вызывает трепет: это условный вызов на экстренную встречу с представителем парижской резидентуры, об этом мы договорились в Москве на случай форс-мажорных обстоятельств. Через час я уже около ворот Сен-Дени, там я пожимаю руку надменному типу, одетому словно на прием к президенту, один его хлыщеватый вид вызывает у меня отвращение, я прекрасно знаю эту породу, которая десятилетиями протирает зады в посольствах и международных организациях, давно забыв об оперативной работе. И копят, и экономят, питаюсь кошачьими консервами, и строят дачи под Москвой, и получают шикарные квартиры для себя и для своих чад и домочадцев.

Холодно прозвучал, словно звякнул, пароль, наши симпатии взаимны, чувствую это всей своей чекистской шкурой.

– Пришла шифровка из Москвы. Вам приказано срочно вылетать домой. Поездка вашего человека в Париж отпала по не зависящим от него обстоятельствам.

Замираю от удивления, превращаюсь в соляной столб: не инопланетянка ли спустилась с небес, приняв обличье Мэри? А может, все проще: спецслужбы ее раскололи и вместо Мэри прислали специально подобранную бабищу,

придав ей сходство с оригиналом? Но почему она тогда убежала от меня? Кто же выходил на Анжуйскую набережную? Может, это какое-то совпадение? Дьявольская игра случайностей? Почему незнакомка согласилась на randevу со мной у «Проворного кролика»? Может, я просто ей понравился? Боже, как говорил Вильям наш Шекспир: «Есть многое в природе, друг Горацио, что недоступно нашим мудрецам».

...Мы уже прощаемся с Парижем, густой луковый суп, знаменитые бараньи котлетки на косточках (о, моя лубянская столовка!), плавающие в винном соусе. Сегодня только шотландский виски, только скотч – бурбон и прочую американскую гадость мы, русские шпионы, не пьем.

Татьяна купается в самом настоящем шампанском «Вдова Клико», она счастлива, она на вершине блаженства, а ярываюсь от неразрешимой загадки бытия: что это была за баба?! О, Мэри, еще скотча, можно и полбутылки, чтобы не мараться. А теперь капучино. Как же тут без коньячка? Ароматный реми мартан ласкает желудок, такой коньяк можно пить бутылками...

Ослепительные парижские сумерки принимают нас в свои объятия, летят, разрывая воздух, дьяволы-автомашины, все рябит, моргает, мы тонем в огнях. Татьяна держит меня под руку, мы оба веселы, как дети. Я вижу наглого маршала Нея на постаменте, он смотрит свысока, словно он действительно принц Московии, а я – его крепостной, которого он ежедневно посылает на встречи с агентурой, а потом хлещет плетью за провал. Пытаюсь забраться на него и прилепить к его роже кусочек булки, прихваченной из ресторана (не пропадать же, коли уплачено!), предвзвременно жую ее и поливаю слюной, чтобы мякина обрела необходимую клейкость. Лезу вверх по маршалу Нею, Татьяна пытается стащить меня и какие-то расплывчатые галлы с любопытством наблюдают за этой сценой. Сука Ней, как ты смел пойти походом на Россию? Недотепа ты и придурок, разве ты не слышал о наших морозах? Разве тебе невдомек непобедимость русской армии и тайной полиции? Вот и прокакал всю войну, дуралей! Наконец, приклеил прямо к глупому носу, ура! Призрачные галлы

радостно аплодируют. Татьяна оттягивает меня от униженного маршала.

– Что с тобой, милый? – спрашивает она. – Что-нибудь случилось? У тебя на глазах слезы, я таким тебя никогда не видела.

Мы медленно и грустно идем к Сене, она мирно течет под мостом Мирабо.

– Мне хочется сжечь Париж! – говорю я.

И он горит, и манит сумасшедшими мятущимися огнями, и уходят и боль, и обида, уходит все.

монада и свежей мяты. Называется «Страдающий ублюдок». Смешать – и вперед! А куда – Бог знает. Каким образом я так надрался? Ведь я всегда отличался умеренностью, хотя в интересах службы иногда не соблюдал меры.

Исчез Гусь. Что делать? Прежде всего, не надо паники, она не красит нас, чекистов, прежде всего восстановим события. Наквасились мы славно, помню, как мобилизовал самосвал и торговался, дальше все словно отрезало и покрыло тьмой тьмушей, поезд двигался во мгле, лишь иногда вспыхивали мелькающие окна. С чего я так надрался? В голове обитала только Роза в своих мажорных столах, восходящих к самым высоким «до», даже Сорока казалась Розой, воспаляла и щекотала своими перышками.

Я положил вспотевшую руку на живот Сороки, ближе к лобковой кости. Она обмякла и сжала мою ладонь своими бедрами, которые, как ни странно, стали холодными как лед. Хорошо, что не видел меня в этот момент Юрий Владимирович, хотя... вряд ли он знал, что такое лобковая кость, в партийных школах это не проходили. Однажды в его присутствии я воскликнул по-польски «Матка Боска», что всего лишь означает «Мать Божья», так он нахмурился, и попросил меня не выражаться. Знал ли он о моих слабостях? Конечно, знал великий Учитель: докладывали доброжелатели. Впрочем, для политика такого масштаба сексуальные повадки подчиненного – это семечки, главное – его политическая преданность и готовность принести счастье всему человечеству.

М-да, блудил я славно, иногда даже мучила партийная совесть, особенно когда перечитывал «Моральный кодекс строителя коммунизма». Блудил, но боролся с собой: даже по улицам старался не ходить, дабы не приставать к проходящим девкам, одно время влекли меня к себе за дасты, потом переключился на длинноногих и выше меня на голову. Но не удавалось. Иногда неведомая сила вытаскивала меня из машины, я увязывался за ними, заговаривал и приглашал к себе на Миусскую, намекнув, между прочим, на свой холостяцкий статус.

Боролся я с собой, хотя не рубил пальцы подобно отцу Сергию, но все равно проклятые романы возникали у меня

Проснулся я в полдень (такое бывало со мной лишь несколько раз в жизни) от свистящего чужого шепота и сначала не мог даже понять, откуда он доносился.

«Гусь! Гусь!» – раздавалось надо мной, и я увидел, что окно в каюте опущено и в ней торчат пухлые красные губы Марфуши.

– Шеф! – повторяла она. – Гусь!

– Что Гусь? – возмутился я. – Я спать хочу! Изыдь!

– Не вернулся ночевать на корабль!

Я тут же вскочил, словно на зов трубы, и, несмотря на обычную утреннюю эрекцию, уселся на койке, прикрыв кальсоны простыней. Голова моя, дражайший Джованни, не просто разрывалась от смеси зловонных газов и сивушных масел, она словно жила вне туловища своей сложной жизнью, слепляла и разлепляла глаза, надувалась до пронзительной боли, взрывалась, кося все вокруг осколками. Французы, накирвавшись, умирают и тихо вопят: «Gueule de bois», что по-рязански означает «деревянное рыло», о, как стучат в голову плотники и что выделывают во рту эскадроны! От французов мы весьма отличаемся, Джованни, вот некий поэт Валентинов начертал: «У французов – шоколад, а у нас – рассольник. По-французски – депутат, а у нас крамольник. По-французски – сосьете, а по-русски – шайка. У французов либерте, а у нас – нагайка».

Верный рецепт от похмелья, изобретенный американскими алкашами Хемингуэем и Скоттом Фитцджеральдом: две столовые ложки бренди, две столовые ложки джина, две столовые ложки лимонного сока, два глотка горькой настойки. Налить в высокий стакан со льдом, добавить ли-

постоянно и при самых диких и неудобоваримых обстоятельствах: то на правительственном банкете в Кремле с переходом в хранилище Оружейной палаты (один раз на кольчуге Александра Невского), то в ложе Большого театра на плюшевом кресле, то в купе экспресса, когда приходилось держаться двумя руками за поручни – представь, дорогой друг Джованни, гондольера, у которого руки заняты веслом.

Незабываем суетливый роман в авиалайнере Москва – Джакарта, когда я оказался рядом с пахнувшей инжиром индонезийкой, дремавшей под одеялом, неожиданно для себя я уткнулся лицом ей в живот, она молчала, тихо сопя, пришлось мне выскользнуть в туалет, она проследовала за мною и там под звуки мотора мы доказали миру все преимущества интернационализма.

Подъезды – тут важно, чтобы дама контролировала подходы, высунув голову, называется это «перископ»; чердаки – тут не забывай взять фонарь, иначе вляпаешься, это тебе Россия, а не Италия! Окопы в диком поле, усеянном белыми головками ромашек, там чувствуешь буйство природы, а однажды прямо на глазах у ревнивого мужа: я лежал на диване у стола, а она гладила на нем белье и иногда присаживалась вроде бы на диван. Конечно, обо всем доносили Юрию Премудрейшему, но почему он относился ко мне терпимо и с доверием? Может, тоже был страсотерпцем, но тайным? Вряд ли. Скорее всего, считал, что удобно держать около себя человека, на которого есть богатый компромат.

И тут, словно яичко к Христову дню: суматошный стук в дверь, и влетела Сорока, трепеща разноцветным хвостом, прибыла с экстренным сообщением обо всех обстоятельствах исчезновения Гуся. Влетела и сразу попала в ошип на шомпол, залопотала, заерзала. Это не смертная тоска твоей Изабеллы, Джованни, тайком выкопавшей голову погибшего из-за нее любовника, заложившей ее в горшок с базиликом и ежедневно рыдающей над нею! Хотя и тоска порой подвигает на такую эрекцию, что небо рушится на землю и встают из могил мертвецы с горящими зелеными очами, это жизнь, в которой, как писал Карл Маркс, ничто человеческое нам

не чуждо. Умный был еврей, Джованни, великий революционер и маг, не случайно ретроград Бисмарк писал, что от этого бухгалтера еще наплачется вся Европа. Лопотания Сороки не шли ни в какое сравнение с громовыми заклинаниями Розы, но и они угасли, тушка чуть подрагивала, словно шею ей только что отстегнул топор, клювик приоткрылся. Как жаль, что оргазм у человека не длится 30 минут, как у свиньи!

Из письменного донесения Сороки:

«Уже на площади Гусь стал вести себя чрезвычайно необычно, постоянно осматривался, крутил головой и вообще вел себя, как человек, ожидавший с кем-то встречи. Гусь внимательно смотрел на каждого прохожего, я не исключая, что он установил с кем-то визуальный контакт. От памятника он отходил последним и незаметно провел по фонарному столбу рукой. Осмотрев потом это место, я увидела несколько царапин, возможно, это были сигналы. Особенно напряженно Гусь вел себя в ресторанчике, нарочито зевал, хотя спать ему не хотелось, в каждом его жесте чувствовалась заданность, даже на деда-официанта он смотрел нарочитой тучей. Мне показалось, что и свой рассказ он начал с какой-то целью, характерно, что в начале он очень нервничал, комкал и проглатывал слова, потом несколько успокоился, в конце рассказа на глазах у него на миг блеснули слезы».

Я попытался сам восстановить затуманенные самогоном события. Никогда не верю полностью донесениям агентыры, особенно, ПОСЛЕ какого-либо события, обычно они подгоняются под исход, благоприятный и для агента, и для начальника. Ты обратил внимание, старина, на «блеснули слезы»? И это у Гуся, который своими руками придушил с десятка вражеских агентов! Что произошло? Это еще надо раскрутить. Не подмешал ли дед какой-нибудь гадости в мой самогон? Что было дальше?

Сорока, поглаживая, дополнила: после сабантуя Тетерев пожелал взглянуть на музей марийского деревянного зодчества, за ним увязался Гусь, который уж если и занимался туризмом, то делал это, как истинный немец, по полной

программе. По свидетельству Тетерева, Гусь прошагал с ним лишь милью, но потом передумал и двинулся обратно на корабль. Вот и все. Объявить о ЧП *urbi et orbi*? Бежать сразу же в город и искать его? Не будем паниковать, подождем до вечера.

Мою задумчивую паузу Сорока восприняла как руководство к действию и вновь нежно затрепетала хвостом. Помнишь, Джованни, что случилось в Риме в 240 году с основания города? Молодой римлянин встретил у подножья Целийского холма римскую даму по имени Вероника. Она была глухонемая. Ничего не подозревая, он спросил ее, каких сенаторов видела она наверху, причем со свойственной твоему народу живостью жестикулировал руками. Не понимая его слов, дама, естественно, вообразила, что он требует от нее того, о чем она думала сама, и знаками пригласила его пройти к ней в дом. Вот так. Все они такие, не только глухонемые.

Но я думал о Розе. У розенкрейцеров роза – есть символ йони, ассоциируемый с плодородием и чистотой. Растение раскрывает бутон и потому считается символом духовного развития. Красный цвет розы говорит о крови Христа, а золотое сердце, скрываемое в середине цветка, соответствует золоту, скрытому в человеческой природе, роза символизирует сердце, эмблему любви и сострадания, у греков она была символом восходящего солнца. Тезей, превратившись в золотого осла (помнишь Апулея?) возвращает себе человеческий образ, поедая священную розу, подаренную ему египетскими жрецами. Розу.

Тут появился капитан, уже буховатый, и, еле шевеля плавниками, пригласил нас на маскарад, устроенный туристами. Какими туристами? Я арендовал теплоход лишь для нашей компании, в чем дело? Капитан объяснил, что получил радиотелеграмму из своего пароходства взять на борт три автобуса с русскими туристами в Козмодемьянске. По морде было видно, что алкаш явно хитрил, инициатива принадлежала ему, и нажился он на этом немало.

Происки, в которых нужно разобраться. Вышел из каюты. Навстречу муторно двигались долгоносики-толстяки в арабских одеяниях в сопровождении закутанных в чадру

дам и визгливых детей, прыгала и орала бабища с пиратской повязкой на глазу, растопыривая прокуренные пальцы в бриллиантовых кольцах, словно собиралась задушить. Торжественно шествовала толстозадая с факелом (к счастью, незажженным), вдруг у самого уха завопила квадратная рожа с колесами, вместо рук, налетели русалочки, индианки и баба-яга в белых панталонах и с метлой, трое мужиков в юбках исполняли танец лебедей, дрыгая волосатыми ножищами. Топали ногами, прыгали и задирали юбки, дети потеряли голову, заведенные весельем взрослых, носились по всему кораблю. Тут пристала Курица, заколыхалась, словно гигантский окорочок Буша в черной шляпке и с сумочкой. Что бы сказал по этому поводу товарищ Сальвадор Дали, человек, которого так мучила и изводила засохшая сопля на кафеле в туалете, что он ударил по ней и занозил руку?

Гусь не явился и к ужину, накрытому в музыкальном салоне. Наступал день четвертый нашего путешествия, и слово было предоставлено Дятлу, обычно говорил он мало, больше стучал и потому от возбуждения глотал слова и еще больше шепелявил толстыми, как сардельки, губами. Мерзкая фигура, но бывший приятель. Таких расстреливать надо, но принцип Учителя сводился к тому, чтобы не устранять несовершенные кадры: на смену придут отнюдь не лучшие.

Роза есть Роза есть Роза. Боже, как нервно, даже судорожно сунула она мне томик Сальвадора Дали! Увижу ли я ее еще когда-нибудь? Роза, прошлогодний снег, осыпавшийся цветок, пролетевшая комета, костлявые нежные руки...

О ТОМ, КАК ТРУДНО БЫТЬ ЯПОНЦЕМ, ЕСЛИ ОНИ НЕ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ

*Я не знаю, как у вас,
А у нас в Японии
Семь врачей в п... смотрели,
Ничего не поняли.
Японская песня*

Геннадий Булкин не вышел ни внешностью, ни талантами. И вообще судьба к нему не благоволила с момента поступления на восточный факультет Института международных отношений. Мечтал на западный, но туда проходили ребята с мохнатой рукой, пришлось выбрать иное, ненавидел себя за это, представлял жизнь в дикой жаре, с малярией, скользкими рептилиями и разными инфекционными заболеваниями, в окружении нищих туземцев. Но больше всего опасался Булкин, что бросят его на японский язык, о трудностях которого ходили легенды, не зря ведь в совучреждениях за него надбавка к зарплате аж 20%, в два раза больше, чем за английский или немецкий. Мало того, у многих от изучения японского ехала крыша.

При первом контакте с живыми японцами ухо ничего не разбирало, а язык отнимался и без постоянной тренировки полностью испарялся, превращался в труху, и многие годы труда летели кошке под хвост. Ночью молился Богу, чтобы уберечь от японского, на собеседовании прямо сказал, что не хотел бы этот проклятый язык. Но все равно свершилось: всучили-таки! Шесть лет корпел, не разгибая спины! Выучил, хотя и плохо, порой даже снились ожившие иероглифы, они бегали, танцевали, взявшись за руки и проделывали прочие непотребные вещи.

Язык выучил, но японцев не полюбил. Пытался проникнуться насильно, читал с раздражением танки, непонятного Мишиму, ходил в театр кабуки, смотрел цветную графику

Утамаро и Хокусаи. Ничего не помогло, не проникся, не полюбил великую японскую культуру и ее народ, наоборот, пришел к выводу, что в душу японца, если она и существует, не проникнуть. Другая цивилизация, несмотря на внешний лоск, опасная цивилизация, своего рода троянский конь в мире.

Учеба в институте подходила к концу, началось распределение и на радио, и в МИД, и в ЦК партии. Но больше всего боялся Булкин, что его распределят в КГБ, с детства не любил и боялся эту организацию, хотя никто в его рабочекрестьянской семье репрессиям не подвергался. Да и не боялся бы, если бы не дружил с Аликом, сыном генерала КГБ, тот об организации знал все и заваливал Гену информацией о пытках в застенках ЧК, об убийстве Гумилева, о ночных арестах и прочих страхах.

И снова молился, и, конечно, предложили в КГБ, и больше никуда, о роде работы обещали рассказать после зачисления. Проконсультировался с Аликом, тот сказал, мол, просись в разведку, все же это занятие благородное, а то будешь ловить японских шпионов в Москве, а знаешь, какие они хитрые? Читал у Куприна рассказ «Штабс-капитан Рыбников»? Никакой он был не русский, а чистокровный япошка, выдававший себя за русского офицера. Ха-ха! А что с глазами делал? Спички вставлял, чтобы не были узкими и косыми, как у всех у них? Да ерунда! Мало ли у нас косых – эвенков, якутов, казахов и прочих гавриков! Интересно, что заподозрила Рыбникова в шпионстве заурядная проститутка, уж слишком необычно он гладил и ласкал, не хлебал водяру прямо над сиськами, как русские кавалеры.

И Гена снова молился, чтобы попасть в разведку, и попросился даже, но загремел по закону бутерброда в контрразведку, причем не в центральный Второй главк и даже не в московское управление, а в УКГБ славного города Хабаровска. Перед отъездом решил жениться, далеко искать не стал и сделал предложение сокурснице с индийского отделения Инне, девушке неприметной, но умной, из хорошей партийной семьи. Но она отказала, вышла замуж за индийца, потом жаловалась, что пока он перед сном разматывает

свою пятиметровую чалму, готовясь к сексу, она засыпает. Булкин выехал в Хабаровск в гордом одиночестве.

Судьба Ясуо Токугава, будто в пику Булкину, уже изначально выглядела полной противоположностью. Знатная семья, близкая к императору, естественно, самурайская. Кое-кто пострадал от союзников после Второй мировой, но папа работал в японском МИДе и в военных преступлениях замечен не был. Сказочно богаты, с участием во многих ведущих компаниях в Японии и США. Воспитывался Ясуо в лучших японских традициях, затем для приобретения европейского лоска был направлен в Кембриджский университет, женился на дочке министра и только тогда задумался: чем же заниматься дальше? Хотелось необычности, хотелось романтики, хотелось служения Родине, уже вставшей на ноги после ужасной войны, но отнюдь не уравненной с великими странами по статусу.

Попробовал себя на журналистской ниве – бледно, немного учительствовал – скучно. В конце концов, обосновался на собственной фирме, занимавшейся торговлей лучшими в мире радио, видео и теле. Душа его была нежна и светла, как восход солнца, любил Исикаву Такубоку, особенно, его переключку в танке: «Из-за этого умереть?» – «И ради этого жить?» – «Оставь, оставь этот спор». Любил сидеть у моря и наблюдать, как копошатся в белом песке крабы, как парят и камнем обрушиваются вниз пискливые чайки. Много путешествовал, стеснялся обилия своих соотечественников за границей. Ненавидел коллективные съемки у какой-нибудь надлежавшей скульптуры, унылые японские очереди на километр в Прадо, Лувр или Ватикан, японец на японце, и все расплываются в улыбках!

Совершенно случайно в Венеции познакомился с милым соотечественником по имени Сюсюй, уроженцем Хоккайдо и менеджером в «Мицубиси», подружился, съездили на пару деньков в Рим и даже выпили sake в японской ресторации, забитой американцами, охочими до сырой рыбы. От разговоров сиюминутных поднялись до высот: Япония мала, японское чудо может обернуться катастрофой. Запад и особенно американцы делают все, чтобы сдержать нарас-

тающую мощь, вопреки всем законам честной конкуренции; разговоры о равноправии – это блеф, фактически Япония существует на позорных правах колонии. Ну а что говорить о России, оттяпавшей Сахалин, Курилы и другие острова? Ничтожная страна, дрожавшая во время войны от перспективы японского вторжения, но сразу же напавшая на добро-го соседа после разгрома фашистов!

Зерна упали на взрыхленную почву, новые друзья пили sake и высокомерно посматривали на красношеих, гогочущих штатников. Далее Сюсюй мягко подошел к необходимости служить родине в самом конкретном смысле, что при ближайшем рассмотрении оказалось приглашением работать на японскую разведку, занятую прежде всего лихорадочной кражей новых технологий. Сотрудничество с разведкой Ясуо рассматривал не иначе как дело сугубо аристократическое, достойное его корней и высокого происхождения. Собственно, бизнес уже давно потерял для высоколобого японца свою изначальную притягательность – разведка поглотила его, наполнила осознанием собственного предназначения в жизни.

Когда ему предложили выехать в Советский Союз, он ни секунды не колебался: Россию он знал и даже по-своему любил, владел достаточно свободно языком, увлекался Достоевским, в котором видел аналитика больше японской, нежели русской души. Родной дядя служил в посольстве в Москве и несколько раз приглашал его в столицу побродить по музеям и пригородным дворцам или отправиться в волжский круиз через Углич, Ярославль и Кижы до самого Ленинграда. Больше всего Ясуо удивляли неосвоенные просторы России, видимо, все население сгрудилось в хаотичной Москве, порою вокруг не видно было ни избы, ни человеческой фигуры, река тянулась и тянулась в бесконечность, неожиданно прерываемую поселениями с обглоданными скелетами церквей, вытянутыми в небо.

Почему встречаются человеческие судьбы? Простое ли совпадение, столпотворение и коловращение случайностей? Ведь они, словно пылинки, крутятся и поигрывают в космосе на пути в чистилище, сталкиваются друг с другом,

рассыпаются, обретают новую плоть и вновь устремляются в высоту, оглашая криками Вселенную. Угнетающая случайность, без всяких осмысленных надежд, или железная целесообразность, predetermined, predetermined свыше?

Геннадий Булкин и Ясуо Токугава и не подозревали, что судьба сведет их в Хабаровске. Они ощущали лишь ее толчки, слабые и неосознанные, медленно зревшие в их столь разных черепах. Первооткрыватель Хабаров, уссурийская тайга с неизбежными тиграми, нагромождение домов, в основном советского периода, правда, попадались и строения китайского типа, рыбоперерабатывающая промышленность, знаменитый ученый Арсеньев и дикий охотник Дерсу Узала. Отрывки из газет: «В Хабаровске на углу улиц К. Маркса и П. Комарова построен 14-этажный 80-квартирный дом с выставочным залом СХ РСФСР, на ул. Пушкина – общежитие хабаровского мединститута на 535 мест» – вот и все. Булкин прибыл в Хабаровск первым и оказался единственным в своем роде знатоком японского языка – управление страдало постоянным дефицитом японоведов, которых переманивала далекая и неприятная Москва, обучала и отправляла в роскошный Токио. Москвич-японовед, прибывший в хабаровские органы, сам по себе явление экстраординарное, поэтому корифеи управления оценили ситуацию просто: либо приезжий парень полный кретин, которого никуда не пристроить, либо Центр решил постепенно поменять кадры, что не сулило ничего хорошего.

Хотя японцев в Хабаровске давно повыгоняли, к Стране восходящего солнца в местном КГБ относились с подозрением, долгожители помнили времена, когда Япония претендовала на Маньчжурию и нагло ее оккупировала. А тут перестройка! Кто же мог предполагать, что горбачевские идеи совместных предприятий привлекут не только китайский, но и японский капитал, естественно, со своими шпионами! Так что прибытие японоведа было вполне в духе времени, что слабо осознавалось местными чекистами, холодно принявшими нового сотрудника и долго обнюхивавшими его персону со всех сторон. Результаты не утешали: единственным, что указывало на принадлежность Булкина

к племени кретинов, были его познания о Японии, иногда сотрудники даже просили его произнести несколько фраз по-японски, задумчиво вслушивались в странные звуки, не в силах их постигнуть. Между тем неожиданно для себя, осознав свою уникальность, Булкин проникся трепетной нежностью к Японии, чего никогда не бывало ранее. Быт и традиции японцев приводили его в восхищение, особенно, уважение к родителям и присущее японцам чувство иерархии, не позволяющее каждому балбесу претендовать на лавры великого или выдающегося. Особенно восхищали его фильмы Куросавы и он не стеснялся высказывать свои чувства вслух, что было взято на заметку начальством, оно хорошо знало, что все начинается с мелочей, будь то галоши или культура, а потом перерастает в нечто серьезное и угрожающее государственной безопасности.

Чекистской работы в крае хватало и без Японии: обилие оборонных объектов, обширная граница с Китаем, корейские лесорубы, нарастающие внешние контакты и прочие несовершенства. Где ты, стопроцентная гарантия полной безопасности? Недаром один мудрый английский премьер говорил, что спокойная для полиции жизнь бывает только в концлагере.

Через полгода после приезда Булкина пришла цедуля, рисовавшая перспективы проникновения в край иностранного капитала и сопутствующих ему разведок, она поставила все на свои места. В соответствии с указаниями, начальство создало японское направление, поставив во главе молодого Булкина. Для его пушей зашифровки искусственно образовали пост заместителя декана хабаровского университета, дабы новое научное светило имело официальный повод для общения с заезжими японцами и прочими инопланетянами.

Но Булкину по-прежнему не везло, начальство видело в нем тайного ставленника Москвы. Коллеги презирали за слишком культурный вид, что выражалось в постоянном ношении галстука и до блеска начищенных ботинках. Раздражали и постоянные выступления Булкина на совещаниях, там он говорил не о важности борьбы против проникновения

японской агентуры, а о японском чуде, которое никого не интересовало. Природную застенчивость Геннадия квалифицировали как столичное высокомерие, его попытки найти друзей среди коллег рассматривались не иначе, как зондаж настроений среди сотрудников. К тому же и его дела шли из рук вон плохо: контакты Булкина с работавшими в Хабаровске японцами не получались, на их языке он явно не тянул, иногда вообще ничего не понимал. Зато личная жизнь молодого чекиста обогатилась самым настоящим романом (хотя и тут были подводные камни): Галина, его избранница, чуть полненькая, хорошо сложенная блондинка с бархатными глазами и безукоризненным характером, была замужем, причем за ревнивым супругом, к несчастью, коллегой Геннадия.

– По сути дела, работа по японской линии буксует, – строго вливал Булкину заместитель начальника управления Петр Журавлев, строгий на вид, всегда чисто выбритый и до приторности пахнувший тройным одеколоном (он даже хвастался, что ежедневно обливается им вместо купания, словно английская королева, которая в прошлом веке удивлялась, что кто-то принимает ванну чаще, чем раз в неделю). – Через несколько дней к нам прибудет в качестве главы совместного предприятия Ясуо Токугава. По данным, полученным из Москвы, это установленный японский разведчик, прекрасно знает русский язык...

– А есть ли конкретные доказательства его причастности к разведке? – перебил шефа Булкин, обладавший ужасным для рядового сотрудника качеством – влезать в монологи начальства.

– Хотите на готовенькое? Может, и его агентов на блюдецке с голубой каемочкой? По-видимому, это данные нашей японской резидентуры, ребятам ведь тоже кушать хочется, тоже желают показать себя! – Журавлев высокомерно относился к внешней разведке, которая три раза отвергла его попытки поступить туда на службу. – Этот Токугава несколько раз бывал в Москве, образован, любознателен, из хорошей самурайской семьи, почитает императора. Несомненно, шпион. А знаете, как называли на Древней Руси шпионов? «Просок», «лазука»...

Журавлев окончил филологический, диссертация на тему «Слова о полку Игореве», долго возглавлял студенческий клуб «Золотого теленка», и вообще, если бы не тройной одеколон, вполне сходил бы за московского интеллигента, из тех, кто вечно трется в доме литераторов, надуваясь водкой со знаменитостями.

– Так что вам с японской «лазукой» нужно установить личный контакт, естественно, под вашей университетской крышей, – завершил он с ядовитым подтекстом.

Так и завертелось. Но легко сказать – установить контакт, тем более с совершенно неизвестным лицом и без агентуры, которая у Булкина отсутствовала (если не считать агентом Галину, просвещавшую своего любовника сведениями о жизни коллег, почерпнутыми у мужа).

Токугава уже месяц обживал Хабаровск, который ему чрезвычайно понравился своей невыразительностью, в которой японец чувствовал себя Робинзоном Крузо, попавшим на необитаемый остров. Будоражили кровь и пугливость граждан (перестройка только начиналась), и консерватизм непрерывно страховавшихся местных властей. Когда человек объездил весь мир, он неизбежно понимает, что главная радость живет не где-то рядом, а внутри его души. Зачем менять места? Зачем метаться? Что может быть прекраснее, чем прогулки по собственному неизведанному и непостижимому «я»? Ясуо посматривал из окна своей трехкомнатной квартиры деревянные пейзажи внизу и читал про себя Такубоку.

*Погребена под белыми снегами
Река Сорати,
Даже птиц не видно.
Лишь на глухом лесистом берегу
Какой-то человек стоит один.*

Его гордостью была небольшая коллекция самурайских клинков, вывезенная из Японии, они тускло и загадочно поблескивали на стене. Иногда, когда садилось солнце и в комнате медленно темнело, он зажигал камин, брал любимый клинок, изготовленный мастером Майошином, и долго

смотрел, как отражалось пламя на его блестящей поверхности. Упархивали неприятные мысли, душа дремала, и глаза наблюдали, как на клинке пляшут и меняют друг друга странные тени, словно выпрыгнувшие из его нутра.

А Булкину между тем предстояло познакомиться с Ясуо, как говорили на оперативном сленге, провести комбинацию по установлению контакта с объектом агентурной разработки. Легко сказать! В секретном фонде управленческой библиотеки Булкин раздобыл пособие «О заведении связей», внимательно его проштудировал и нашел, что умные советы базируются больше на европейском и американском опыте и мало подходят для японцев. Восхитительные комбинации разыгрывались у него в голове. Купить место рядом в партере, когда объект соберется в драматический театр? Заговорить? Или встать в очередь в буфет прямо за ним и тоже заговорить? А вдруг сработает проклятое чувство иерархии, и самурай сочтет оскорбительным для себя разговор с незнакомцем? Может, подсесть за его столик в ресторане? Или тоньше: попросить официанта, разумеется, верного агента, посадить японца за столик к Булкину. А если он откажется и вдобавок еще запомнит физиономию Геннадия? Конечно, для такого рода комбинации хорош какой-нибудь затхлый гриб, какой-нибудь профессорско, но на обыкновенного знакомого полагаться было недопустимо, а агентуру ради этого дела светить не желали.

Ясуо регулярно ходил на каток, вживался в русскую зиму! Туда хаживал и Булкин, правда в основном в поисках верной жены (роман с Галиной неизменно углубился и уже пугал непредсказуемыми последствиями). Потенциальные невесты, словно стремительные чайки, носились по льду в белых модных шарфиках, повиливая ягодицами, но последних для его нежной души было мало, а распознать интеллект и характер в этой толчее не удавалось. Все разрешила счастливая случайность: маневрируя вокруг Ясуо, Геннадий споткнулся и пал прямо к ногам активной разработки, что выглядело комично и совершенно не предусматривалось никакими планами. Более того, если бы кто-нибудь из сослуживцев явился бы свидетелем этого

происшествия, то оно неизбежно интерпретировалось бы резко отрицательно, ибо не укладывалось ни в какие рамки приличия. На практике обернулось благополучно: японец сначала испугался, но потом понял, в чем дело, помог подняться и даже довел до скамейки, ибо Геннадий разбил оба колена. Знаменитое чувство иерархии, по всей вероятности, тщательно маскировалось, налицо было искреннее дружелюбие. Ясуо изумился, узнав, что Булкин владеет японским – таких русских он еще не встречал. Естественно, тут же родилось подозрение, что новый знакомый связан с органами КГБ, но Токугава исходил из того, что все советские граждане служат или прислуживают в органах, даже самые чистые из них тут же могут быть перевербованы и использованы в коварных целях.

Самое ужасное, что Булкин вдруг проникся к японцу чуть ли не братским чувством, этого он сам испугался. Где ты, законная ненависть к тем, кто в топке паровоза сжигал мужественного Сергея Лазо? Кто гнусно переходил границу у озера Хасан, а во время войны стоял у границ и заставлял нервничать советских полководцев и лично товарища Сталина? Стыдно, Булкин, стыдно, а с другой стороны, как хорошо поговорить по-русски и даже по-японски с чистокровным самураем, приятным во всех отношениях! Начали регулярно встречаться. Японец, вопреки всем национальным характеристикам, оказался словоохотливым, много рассказывал о себе (сначала Геннадий откладывал в память детали, но потом утомился, и стал записывать самое существенное, удаляясь в туалет). Совершенно не походило на разведчика, что показывало его высокую пробу и требовало дополнительной бдительности. С тайным ужасом Булкин ловил себя на том, что он чувствует себя на редкость легко в обществе врага, гораздо легче, чем в кругу коллег. Более того, он даже рассказал японцу историю своих непростых отношений с Галиной.

Странно, но и Ясуо был откровенен с русским, испытывая к нему вполне искренние симпатии. Дружба продвинулась, когда оба занялись улучшением своей языковой подготовки, особенно был счастлив Булкин – где еще он мог

получить такой шанс? Япония затягивала оперработника, он с неподдельным интересом штудировал всю ее историю, пристрастился к саке и суши, иногда, оставшись в одиночестве, любил походить по квартире в кимоно, подаренным Ясуо. Посмотрел бы любитель тройного одеколona товарищ Журавлев на то, как его подчиненный смотрелся в зеркало, словно бардачная девица!

Взаимные симпатии крепчали, и уже день не обходился по крайней мере без телефонного звонка, встречались часто, беседовали долго и даже обсуждали новости программы «Время» ...

– Ну, какие у вас имеются зацепки? Как будете дальше двигать разработку? – постоянно спрашивал Булкина его начальник.

Поэзия «зацепки» известна немногим, она – как пушкинский «магический кристалл» или верленовское «и рифма словно под хмельком», можно собрать о человеке эвересты сведений, добавив к ним еще океан о родственниках, друзьях и случайных знакомых, но нет «зацепки», и летит к черту вся разработка, словно поэма с дурной рифмой, и покрывается плесенью досье, пока его под удобным предлогом не отошлют в архив. «Зацепки» не было, существовал лишь милый японец, знавший Россию. В реестре в конце досье аккуратно выстроилась по алфавиту вереница всех связанных с ним людей, особы, приближенные к императору, и влиятельные политики были оформлены Булкиным на отдельных листах.

Между прочим, дело уже развернулось в два тома и ничего не сдвинулось с места: все тот же Ясуо, традиционный самурай, вне политики, но не социалист и не коммунист, осуждавший злодеяния в Хиросиме и Нагасаки. Отнюдь не антиамериканец и не антимонархист. Знал наизусть Твардовского и Пастернака, даже ездил в Переделкино на его могилу. И что? Не повернешь ни так, ни эдак, не ухватишь ни с какого бока. Конечно, бывали случаи в истории, когда вербовали на мякине или ни на чем. В задушевной беседе («Слушай, старик, а не одолжишь ли ты мне на час-другой секретные документы?»). Или когда человек сам засовывал в руки секреты, просил взять ради чистой и бескорыстной

дружбы. Но это исключение из правил, домик на песке, каприз, счастливый порыв бриза...

– Вы сами видите, что разработка не двигается, – жестко констатировал Журавлев. – Вы его изучили, но это было пассивное изучение, своего рода созерцание картины. Установили отличные отношения – честь вам и хвала! Но нам нужен агент, а не ваш приятель. Конечно, вас учили в так называемом андроповском институте, где собрались профессора кислых щей, тому, как втягивать в работу человека. Но это теория! Позволю себе напомнить: надо пробовать объект на вшивость, во-первых, возьмет ли он от вас деньги?

– Но он хорошо обеспечен, – вздохнул Булкин, тоже переживавший, что разработка буксует, – да и за что ему давать?

– Берут даже миллионеры, это зависит от природы. Надо создать ситуацию, которая потребует денег. Во-вторых, дорогой Геннадий Викторович, у меня впечатление, что этот японец либо святой, либо больной. Вас не удивляет, что он обходится без женщин? И это при том, что японцы чрезвычайно похотливы. Значит, надо подставить ему прекрасный пол. Возможно, он не клонет. Но и это не конец. Разве можно исключить, что он гомосексуалист? Это – в-третьих. Он к вам не приставал?

Булкин даже покраснел до корней волос, ему такое и в голову не могло прийти, о голубых он только читал, и никаких симпатий к ним не испытывал. Тут он вспомнил, что Ясуо во время беседы иногда дотрагивался до его колена, может, это был призывный жест? – и Булкин покраснел еще больше.

– Вы напрасно смущаетесь, – Журавлев правильно оценил замешательство подчиненного. – В нашем деле, извините, все средства хороши. Конечно, на партсобораниях этот лозунг осуждается, но ведь на то мы и чекисты, чтобы чистыми руками выполнять грязные задачи во имя светлых идеалов. Короче, ему нужна хорошая подстава. Вам тоже необходимо пораскинуть мозгами.

Пришлось погрузиться в чтение литературы: влияние грубости, эксцентризма и лицемерия на половую жизнь, страсть к лишению девственности, растление малолетних (кстати, и на этом, наверное, стоило бы проверить Ясуо),

адюльтер как стиль жизни, истоки проституции, садизм, мазохизм и различные формы сексуального насилия, конечно же, гомосексуализм.

Виктория Корнеева давно снискала популярность в узких, главным образом ресторанных, кругах города Хабаровска, как эстрадная певица новой формации, то есть не в стиле Зыкиной или Пугачевой, а ближе к модному тогда тяжелому року. Несмотря на свою красоту и профессию, к мужчинам, вину и прочим соблазнам Виктория относилась если не отрицательно, то с большим недоверием, главную страсть ее жизни составляли путешествия за границу. Именно эту слабость и использовало управление КГБ для привлечения певицы к сотрудничеству на патриотической основе.

Действовали тонко: с Корнеевой на консквартире встретился лично Журавлев, долго интересовался ее репертуаром и жизнью, посетовал на ее развод, кстати, по инициативе ее мужа – известного скрипача и прелюбодея, творческими планами на будущее.

Виктория тем временем обливалась холодным потом от ужаса, ей казалось, что тайная встреча объясняется «левыми» концертами, которые она давала. Затем очень мягко и с улыбочкой Журавлев попросил о помощи, точнее о небольшом одолжении: поприсутствовать на ужине вместе с двумя милыми молодыми людьми. Что за люди? Один – университетский работник, другой – иностранец. В чем заключаются функции? Легкий смешок. Да ни в чем! Посидеть, развлечь, может быть, спеть что-нибудь камерное, какой-нибудь романс. Произвести впечатление – ведь японец охоч до русской культуры.

Слава Богу, ни слова о концертах. Конечно, какие могут быть вопросы? Посидеть и спеть? Это понятно. И все? Может понадобится... вы же сами понимаете... это не так сложно... ради общего дела. Тут же Журавлев набрал номер телефона, и к кофе на консквартире прибыл Геннадий Булкин, робко снял ботинки у входа, боясь затоптать ковры, и в носках (из правого одиноко торчал голый палец) представился местной звезде и договорился с ней о будущих тайных деловых свиданиях.

Но ветры времени меняют всех, в том числе и потомков Железного Феликса, ошпаренных неожиданными поворотами демократии и гласности. Все началось с прочтения некоторых записочек Ильича по поводу отстрела священников, совпавшего с увлечением Библией, купленной случайно на одном из центральных развалов. До этого Булкин верил в Бога стихийно и почти ничего не знал о Христе; иногда в художественных галереях он останавливался у картин мастеров и удивлялся, почему так рьяно они изображали неведомые ему воскрешение Лазаря или пиршество в Кане? О чем все это? Зачем? Чем они вдохновлялись? Полная чистая доска, *tabula rasa*.

И не случайно: родители Булкина, правоверные коммунисты, к религии относились с глубоким презрением и совершенно искренне повторяли великие слова об опиуме для народа. Естественно, своего сына они не крестили и воспитывали в духе воинствующего материализма, впрочем, это не мешало Геннадию в трудные минуты, перед экзаменами или во время болезни матери, обращаться мысленно к Богу с просьбой о помощи.

Освоив Библию и вдумываясь в себя, Геннадий вдруг понял, что всю жизнь неосознанно верит в Бога как в высшее существо, создавшее мир, человека и историю. Иногда, заходя в церковь и вслушиваясь в церковное пение, от которого душа наполнялась высоким чувством, он испытывал странный синдром неполноценности. В самом деле, все вокруг легко осеняли себя крестом, заказывали литургию по ушедшим, ставили свечи, он же, будучи нехристом, формально не имел никаких прав и больше походил на туриста, созерцавшего очередную достопримечательность, на отвратительного изгоя. Это раздражало, постепенно вызревала мысль о крещении, что и произошло довольно просто: зашел в церковь на окраине города, заплатил в кассе необходимый побор по прејскуранту, для порядка купил альбом с религиозными картинами Тинторетто. Подарил батюшке, и вскоре оказался в небольшой светелке с образами, где в усеченном виде и был произведен обряд.

Догола Булкин не раздевали, он лишь снял носки и вдел ноги в поношенные тапочки с замызганными стельками.

Крестным отцом батюшка назначил приглашенного соседа по дому Булкина, жгучего брюнета Витеньку, получившего за это пол-литру. Все было торжественно и чинно, священник долго читал молитвы и тщательно изгонял из Геннадия беса (видимо, кожей чувствовал, что крестит чекиста). Потом все втроем со свечами совершили крестный ход вокруг купели с водой, повторяя молитвы за батюшкой, который окунул неопита головой в воду и самолично надел на него деревянный крестик.

Так произошло это таинство, после чего ненависть к Ильичу и всем большевикам достигла апогея. Лозунг о вседозволенности средств в благородном чекистском деле натолкнулся в сознании Булкина на стену сопротивления: вся затея в отношении Ясуо выглядела гнусной, подлой, богопротивной. Он, честный Булкин, занимается мерзопакостью, его профессия полностью аморальна и, если на Страшном Суде и доведется ползти к Масличной горе через Геенну Огненную, то до райских врат он доберется в последнюю очередь. А скорее всего, засадят его навечно в адский котел вместе с Ричардом III, Иваном Грозным, Гитлером и Сталиным... Что делать? Уходить из органов? Абсурд! Будет скандал, и столько понатыкают палок в колеса, что ни одна приличная организация не возьмет на работу.

Сомнения сомнениями, но никто не собирался ставить крест на разработке Ясуо, злосчастного японца. Решили особо не мудрить, и пойти по простому варианту: во-первых, ввести Викторину в разработку как родную сестру Булкина, недавно разведенную и потому несчастную. Во-вторых, вроде бы сестра упростила братца отметить свой день рождения в узком кругу, чему полностью соответствовала булкинская малогабаритная квартира (сестра же, естественно, не успела разъехаться с мужем). Для пущего понта мобилизовали еще одну пару из управления, она создавала фон общей радости и смеха в течение первых двух часов, а потом под благовидным предлогом смывалась. Между прочим, день рождения у Викторины был вполне неподдельным, и отнеслась она ко всему мероприятию с душой. Приглашение Ясуо воспринял совершенно естественно, почему бы не поднять бокал за

здоровье сестры друга? И грянул вечер. Сложился он не по плану: пара, создававшая артистичный фон смеха, пришла на полчаса раньше, оба так нервничали, будто их забрасывали в немецкий тыл, потому они почти сразу же напились на кухне. К прибытию Ясуо фон артистов заслонил центральные события, впрочем, это было к лучшему, японец почти не пил, затеял разговор о Солженицыне, который, как известно, сволочь и предатель, всех смутил, и Виктория чуть не умерла от необходимости поддерживать тоскливый разговор.

– Да его расстрелять надо! – кричала о Солженицыне пара в один голос, – да он агент ЦРУ, он на их деньги книги пишет!

Пара перепила, однако, это в целом вписывалось в план, по которому им вменялось симулировать сильное опьянение, что позволило бы хозяину дома заботливо вызваться их проводить – тончайший ход операции, оставивший Ясуо tete-a-tete с прекрасной Викторией.

Уходили долго, топтались в коридоре, прощались и целовались, злоупотребляли матом, пили на посошок, бодро спели напоследок «Пора в путь дорогу». Качая над милым порогом серебряным крылом, наконец ушли, гремя костями на лестнице, орали, всколыхнули соседей, возвратились (дама забыла муфту), снова на посошок, и вроде бы все затихло. Виктория не стала долго раздумывать, и с ходу плюхнулась на колени к Ясуо, приведя его в замешательство. Окаменев от свалившегося на него счастья, японец застенчиво поцеловал даму в щечку и по-братски обнял ее, представив все, как милую шутку.

– Может быть, потанцуем? – спросил Ясуо и осторожно приподнялся.

Пришлось танцевать, тут Виктория не пожалела себя, прильнула телом по большому счету, положила руки на плечи, чуть-чуть теребя волосы партнера, потянулась, сладко дыша, к его губам, умирая от страсти и потому касаясь обеими ногами всех составных его тела. Как ни странно, японец реагировал неадекватно, словно аршин проглотил и вообще педераст или статуя, с большим трудом Виктория удержала его от возвращения к столу и силой усадила рядом с собою на диван.

– Не могу! – шептала она, словно уже на ложе любви. – Боже, не могу больше, не могу!

Но он словно не понимал и молчал, наверное, готовился продолжить спор о Солженицыне. Виктория вдруг почувствовала колоссальное отвращение к этому желтому бревну, которое приходилось раскачивать во имя интересов Родины, и вообще никакого тепла, никаких любовных флюидов! Вот вам и разговоры о неумолимости самураев, покрывающих своих партнерш с завидной частотой тушканчиков!

Неожиданно она почувствовала слабость – Боже мой! в такой момент! – вскочила и выпила для восстановления сил большую рюмку водки. Ясуо так обрадовался, что тут же последовал за ней, набросился на закуски, и тоже выпил, спровоцировав Викторию на новую рюмку. Водка вселила в нее водопады энергии и новый drang nach Osten (если, конечно, смотреть на Японию со стороны Хабаровска, а не Сан-Франциско). Тут она просто вцепилась в него и сжала в объятиях чуть ли не до хруста, однако, Ясуо, хотя и был деликатен и даже нежен, все же должных эмоций не проявил. Тогда она снова толкнула его на диван и грудь, кстати, вполне объемной, навалилась на него, бесстыдно прохаживаясь рукой по просторам ниже живота. Вот-вот – и победа! еще немного, еще чуть-чуть! перед таким натиском не устоял бы никто... даже святой Антоний!

Но Ясуо бездействовал. «Может, это у них так принято? – крутилось в перевернутых мозгах Виктории. – Может, у них все делают гейши? А мужчины просто лежат себе на спине и блаженствуют, подчиняясь их воле?» Вскочила, снова выпила и, очертя голову, бросилась на его штаны – молнию заело и пришлось буквально вытащить японца из штанов. Так он и лежал, чуть подогнув желтоватые колени, трусы у него были с ширинкой на трех пуговках – в Хабаровске таких мудреных она не видела. Впрочем, что там трусы? Япошка валялся и не проявлял никаких признаков любовной озабоченности, словно он проходил процедуру у врача, причем не самую приятную.

Ненависть рывком поднялась в Викториной груди, хотелось отдубасить этого гада по мордасам, так, чтобы он

навсегда запомнил, как правильно себя вести с русской женщиной. Правда, на смену эмоциям тут же пришли соображения государственные: не обернется ли все дипломатическим скандалом, может, у них принято держаться на первых порах пассивно, исподволь разогревая страсть, а уж потом...

Воспользовавшись паузой, Ясуо вдруг потянул к себе штаны – оскорбительный жест для любой женщины....

– Ты что, болен?

Виктория оторвала его руки, и забросила брюки далеко в угол (врезать бы ему, мерзавцу; она вдруг поняла всю радость своего бывшего мужа, который, выпив, очень любил перед соитием дать ей небольшую взбучку), и залезла прямо в трусы, вызвав то ли писк, то ли слабый хмык. Но, как говорится, природа отдыхала, и соловьи не пели. Вот они, проклятые импотенты, жалкие чебурашки, вводящие в заблуждение порядочных женщин, таких надо душить уже при рождении и вообще не допускать туда, откуда они выползают! Презрение заполонило ее, но что делать? Все-таки не для удовольствия она соблазняла этого парня. Вдруг он действительно болен? Или боится до такой степени, что теряет все силы. Что же делать?

К счастью, вернулся протрезвевший Булкин, болтавший на морозе почти полтора часа (по его разумению, вполне достаточное время для любви), румянощекий, словно только что установил рекорд на катке. Сразу оценив обстановку по вытянутой физиономии Виктории, он пояснил на всякий случай по-японски.

– Она хочет сплести с тобой ноги, – это выражение он узнал от самого Ясуо и находил весьма живописным.

– Я понял, – отозвался японец, натягивая штаны и приветливо улыбаясь.

Что же делать? В России существует одна палочка-выручалочка: водка, ее пьют и в трудные минуты, и в самом развеселом настроении. Булкин налил бокалы, обнял Ясуо, придвинул к себе Викторию и предложил выпить за дружбу. Пил настойчиво, не давая японцу спуска, связывая каждую рюмку с отношениями между двумя народами. Сидели на широкой тахте в обнимку, и Булкин через собственные

колени подталкивал Викторию к японцу, все трое бешено хохотали, увесистая грудь дамы, преодолев колени Геннадия, уже вновь навалилась на японца.

– Не стесняйся! Давай! – ободрял Булкин по-японски, правда, он чувствовал, что звуки, вылетавшие из его рта, имели несколько иное, совсем не японское звучание. Но Ясуо не телился, хотя и не проявлял отрицательных эмоций. Что делать? Не дуть же водку до безумия! Оставался последний ресурс: в аптечке у Булкина хранился экстракт женьшеня, который он на всякий случай принимал перед свиданиями со своей дамой сердца.

– Давайте попробуем коктейль с рижским бальзамом! – предложил Геннадий, выскочил на кухню и смешал женьшень с водкой.

Выпили и тягуче запели «Бродягу». «По диким степям Забайкалья...» Ясуо знал и любил русский фольклор, с удовольствием подпевал, вообще женьшень внес новую струю в развлечения: после песен начались бурные танцы, Ясуо возгорелся, обхватил Викторию и совершенно откровенно начал ее ласкать. Из приличия (хотя уже о стеснительности можно было не думать) Булкин вышел в другую комнату, а когда вернулся, увидел полуобнаженную Викторию и наседавшего на нее японца. Поражала резкость и неестественность его движений, на фоне мощных телес он выглядел, как мотылек, кружившийся над Фудзиямой, или, если поглубже, как комар, атакующий корову. Булкин успокоился и с аппетитом съел на кухне кусков пять слабосоленой семги, он уже открыл банку с томатами в собственном соку, когда вбежала Виктория.

– Послушай, он совсем сошел с копыт...

Японец лежал на спине в своих фирменных трусах, удивлявших пуговками, и мирно храпел; как оказалось, произошло это внезапно и именно перед самым решающим этапом.

Вот сволочь! Булкин разозлился не на шутку, несколько раз потряс Ясуо за плечи, а затем хлопнул не слишком сильно по лицу. Никакого эффекта. Японец спал тяжелым сном, словно принял снотворного, а не женьшеня. Виктория жарко дышала рядом, касаясь Геннадия разгоряченной грудью, он в последний раз хлопнул японца по физиономии, повернулся к ней,

повалил на тахту, яростно сорвал трусики и бюстгальтер. Трещал шелк и отлетали пуговицы, он сжал одной рукой ее шею, длинную и полную, с голубыми нежными прожилками. Все напряжение, всю неудачу вечера они обрушили друг на друга в едином порыве, Геннадия не смущали даже громкие крики Виктории и чуть приоткрывший глаза японец.

И тут Геннадий услышал тихие всхлипы: Ясуо плакал, плакал тихо и деликатно, словно обиженный мальчуган. Вдруг он вскочил, быстро набросил на себя пальто и выбежал на улицу. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Успев рвануть на ходу стакан водки, Булкин бросился в морозную ночь и нагнал японца почти у самого дома.

– Извини меня! – бормотал он, не совсем понимая, за что его следовало извинить. – Прости меня, пожалуйста!

Ясуо Токугава открыл подъезд и быстро побежал по ступенькам вверх по лестнице. Булкин бежал за ним, умоляя простить, но тот молча вошел в квартиру и хотел было захлопнуть дверь, но Геннадий ловко просунул в нее свой ботинок и вслед за японцем протиснулся в коридор, усталый толстым белым паласом, вывезенным из Токио. Ясуо снял ботинки, сбросил пиджаки брюки, почти на ходу надел на себя домашнее кимоно и прошел в гостиную, не обращая ровно никакого внимания на Геннадия, идущего вслед за ним и упорно повторявшего «прости». В гостиной с традиционной «токономой» – нишей, где в изящной вазе красовались две белые хризантемы в обрамлении причудливо изогнутых сосновых веточек, бросались в глаза цветные гравюры Харунобу и небольшой, в позолоченной рамке портрет императора с дарственной надписью. Этой фотографией, полученной во время личной аудиенции, причем накануне исполнения императором древнего обычая – уведомления прародительницы царствующей фамилии, богини Солнца Аматэрасу о крупнейших государственных событиях, Токугава особенно гордился, как и лучшим самурайским клинком, сделанным самим мастером Майошином.

Да и какой японец не чтит императора и самураев?

А еще к стене был прикреплен плакат концерна «Мацусита дэнки», с которым был связан Ясуо: «Расти, расти, «Мацусита дэнки», «Мацусита дэнки»!

– Прости меня, Ясуо! – молил Геннадий. – Я не хотел ничего плохого, я не виноват, что у моей сестры поехала крыша на сексуальной почве... извини за все, что произошло!

И он ухнул на колени и склонился в низком поклоне, неподдельные слезы стояли у него в глазах, еще немного – и он покрыл бы голые ноги японца поцелуями. Но мелькнуло: а как же дело? что скажет Журавлев?

– Прости меня! – повторил он.

– Причем тут эта женщина? – вдруг сказал Ясуо. – Дело в том, что и ты, и она работаете на КГБ, и сам ты притворяешься другом, а на самом деле хочешь меня завербовать и сделать агентом. И ребенку ясно, зачем твоя так называемая сестра тянула меня в постель!

Раскрыт! Это было еще хуже крушения разработки, руки у Геннадия похолодели, он даже съехал от ужаса и встал с колен. Завалить «крышу», причем солидную, университетскую? Это уже было на грани преступления. Откуда у этого япошки появились подозрения? Даже если и подозревает, то где подтверждения этому? В конце концов, подозревать можно любого, а у такой подозрительной нации, как японцы, каждый иностранец – шпион.

– Какую чушь ты несешь, Ясуо! – плаксивым голосом начал Булкин. – Что с тобой сегодня? Зачем ты обижаешь меня? Я ведь к тебе всегда с чистым сердцем... В конце концов, ведь и я могу подозревать тебя в шпионаже. Разве ты не знаешь, что большинство японцев интересуются научно-технической информацией и некоторые работают на свою разведку? Если хочешь знать, – тут Булкин интуитивно почувствовал необходимость хода, вызывающего доверие, – совсем недавно ко мне обращались из одной организации, интересовались тобой с этой стороны...

– И что же ты сказал? – Ясуо уже успокоился.

– Я сказал, что ты совершенно вне подозрений.

– Зря ты это сделал, Геннадий, – спокойно заметил Ясуо. – Я ведь действительно работаю на свою разведку. Иначе откуда бы мне знать, что ты – сотрудник КГБ?

Еще один сюрприз. Какие цели преследует Токугава? Возможно, это новый поворот в неведомой игре. Булкин отвел

глаза на стену: с гравюры Харунобу смотрел актер в роли некоего воителя в сандалиях на деревянной подошве. Как это по-японски? Гета. Длинные брови прочерчены вверх, рот черточкой опущен вниз, синее кимоно в позолоте, обнаженный меч. Позади желтоватое с белыми линиями море, огромный диск восходящего солнца и неестественно крупные черные утки, рассекающие золотые лучи. Император на фото по соседству выглядел бесстрастно, как истинный отец нации, надпись была исполнена очень аккуратно, почти каллиграфически.

– Для меня твое признание несколько ново, – заметил Геннадий, не зная, как себя вести. – Что мы сегодня говорим о таких неприятных вещах? Может, нам лучше выпить sake?

Одиночество в далеком Хабаровске уже давно развило в японском разведчике русскую любовь к спиртному, он достал бутылку sake, и они выпили по полной рюмке, пристально глядя друг другу в глаза.

– Ты прав, Ясуо, я работаю в КГБ, – сказал Булкин и только потом подумал, что, наверное, этого не стоило делать. – Но мы друзья с тобой, и, наверное, это важнее, чем служба в наших организациях.

– Ты совершенно прав, Геннадий. Мы должны ценить нашу дружбу, редко кто так любит Японию, как ты, и совсем никто не любит Россию, как я, – сказал Ясуо и поднял рюмку. – Я сам – Россия!

– А я – Япония! – сказал Булкин. – За тебя и за великий японский народ!

Он был совершенно искренен, он действительно любил и Японию, и своего друга Ясуо Токугаву, и не было сомнений, что это навсегда.

– Я пью за Россию и за великий русский народ! – торжественно сказал Ясуо. – И за тебя, Геннадий, за моего лучшего друга!

Они выпили, обнялись и поцеловались. Никто не думал о государственном долге и о разведке, они были друзьями, любящими друг друга. Стало легко на душе после признания, словно рухнула каменная стена, и разговор полился легко и непринужденно. Оба сидели в кимоно на циновках,

поджав ноги, оба уже напились, побратались и поклялись никогда не предавать друг друга. А мощные службы? Их не надо вводить в курс дела, их следует водить за нос, соблюдая интересы друг друга. Ясуо так и заснул на циновке, повалившись на бок. Булкин не сдавался, он бережно поднял своего друга, вытащил его из кимоно и уложил на постель. Ясуо раскинул ноги и из трусов вывалилась вся его мужская гордость. Так он и лежал, словно обнаженная одалиска, а Булкин молча смотрел на него, отхлебывая sake и думал, что сказать Журавлеву.

Снял клинок со стены и потрогал его – ого! такая штука вмиг перережет горло! Осторожно дотронулся клинком до шеи и пощекотал ее. Что делать? Операция рухнула. Что делать? Он повесил клинок на стену и слегка задел рукавом рамку с фотографией императора. Пришлось ее поправить – и вдруг его осенило. Выдернул из кармана своего пальто «Минолту» со вспышкой (захватил на всякий случай, вдруг японец сразу врезался бы в Викторию?), аккуратно, стараясь не шуметь, снял со стены фото императора. Поставил на ляжку спящего Ясуо, осторожно дотронулся до хрупкого, вызывающего жалость фаллоса, деловито взял его двумя пальцами и водрузил прямо на грудь императору, стараясь не заслонить его бесстрастное лицо. Взглянул придирчивым оком, и не понравилось: пришлось оттянуть кожу и обнажить крайнюю плоть. Теперь уже все пахло откровенной порнографией, даже в хабаровских общественных толчках ничего подобного он не замечал, при этом дарственная надпись оставалась незаслоненной.

Булкин отодвинулся на метр и сделал несколько снимков с разных сторон, крупным и очень крупным планом. Почувствовал себя совершенно трезвым, выполнившим долг, рассудительным и даже способным поучать самого Журавлева. Быстро и четко восстановил статус-кво, повесив фото на место, прикрыл Ясуо одеялом и тихо прикрыл дверь. Ночь была по-прежнему морозной, но ему было жарко. Он бежал и молился на ходу, бессвязно, неосмысленно, мучительно молился...

Вербовочную операцию проводили в кабинете ресторана, куда Булкин пригласил своего японского друга, в нужный

момент он отлучился, и тогда появился Журавлев с коллегой грозного вида, представился как сотрудник милиции, и положил перед Токугавой фотографии. Лишь взглянув на них, японец потерял сознание, пришлось срочно вызвать врача, привести его в чувства и отвезти домой.

Целую неделю Ясуо не выходил из дома и сказывался больным. Булкин пытался связаться с ним по телефону, однако, услышав голос своего друга, Ясуо клал трубку. Тогда в дело вошел сам Журавлев и в добродушных тонах объяснил Токугаве, что назревает невиданный скандал и, если он будет упрямыться, позорные фотографии окажутся в Японии.

...Около полугода Ясуо честно трудился на КГБ, иногда выезжал в Токио, собирал нужную информацию. Петр Петрович Журавлев был доволен и повысил Булкина до должности старшего оперуполномоченного. Все шло хорошо, пока Ясуо Токугава не совершил харакири, взрезав живот самурайским клинком мастера Майошина.

Через неделю после его смерти Булкин выстрелил себе в висок из табельного «макарова».

Полковника Журавлева за промахи в работе с кадрами перевели в другое управление, и его хватил инфаркт, хотя и с благополучным исходом.

Жизнь продолжалась.

Проснулся я на рассвете с ясной головой и в умиротворенном настроении, словно кастрированный за соитие с Элоизой философ Абеляр. Гусь на корабль так и не явился, видимо, действительно что-тостряслось. Жаль, но придется бить тревогу. Привычно взял книжонку Дали, лежавшую на столике, она уже стала Библией. *«Лирическая ягодица Ленина, к моему великому разочарованию, совершенно не шокировала моих сюрреалистических друзей... и тут же, не сходя с места, решаю сфотографировать волосяную историю марксизма. С этой целью вешаю себе на усы шесть белых бумажных кружочков, там портреты: Маркса с львиной гривой и бородой, Энгельса с теми же, но существенно более скудными волосяными атрибутами, Ленина, почти совершенно лысого, Сталина, чья густая поросль на лице ограничивалась усами, и, наконец, начисто бритого Маленкова».*

Ну и книженция, с нею не соскучишься, интересно, читала ли ее сама Роза? И все же: случайной была ли наша встреча или нет? В своей работе по политическим прогнозам я иногда сталкивался с экстрасенсами, способными с точностью до девяноста процентов назвать своих знакомых, которых они встретят в тот же день, или через день, или через неделю. Кстати, особенно много экстрасенсов среди рыжих. Неужели Роза вычислила встречу со мной? Не наружку же выставляла, чтобы выявить мои обычные маршруты? Тьфу, опять полезли в голову разные идиотские фантазии! Прислушал последние известия, ничего нового, одна болтовня, обещания, заверения, законы и указы, которые никто не исполнял, тоска смертная...

А как же «Голгофа»? На Украине резвыми темпами развивалась бандеровщина, которая не вполне вписывалась в «Голгофу», ибо хохлы ненавидели кацапов и никогда бы не поддержали возвращение к социализму. Мы же все еще пребывали в эйфории от своего единения с Западом, смотрели на Украину лишь с «нефтегазовой» кочки (послом там был наш выдающийся рыночник и балагур Виктор Степанович). Правда, ВВ уже намекал на пагубность прозападной линии, делал он это осторожно, особенно в окружении своих ближайших сподвижников, давно инвестировавших свои миллионы в западные офшоры.

В поисках Гуся сошел с корабля на волжский берег и обратился в милицию. Приняли с притворным энтузиазмом и желанием помочь (естественно, после предъявления грозного удостоверения), пообещали прочесать весь город, особенно питейные заведения и закамуфлированные бордели (волна разврата уже давно докатилась до пуританской провинции), мобилизовать местных стукачей и доложить о результатах к концу дня.

А почему бы не подключить к этому делу мое ведомство? Остались ли вообще в этом городке представители спецслужб после всех бесстыдных демократических надругательств над КГБ? Милиция сообщила, что местное отделение органов располагается близ монумента Владимира Неистового, и я продефилировал мимо него, ловя себя на мысли, что уже соскучился по вечно указующему персту. Зачинщики демократии, древние греки создавали другого рода памятники. Помнишь, Джованни, каменный монумент в форме фаллоса, поставленный в храме бога Диониса в Делосе, каменные статуи Приапа, тоже со вздыбленными причиндалами, рассчитанные, по преданиям, на отпугивание птиц от вишневых садов. Ах уж эти греки, им нельзя отказать в изобретательстве; посмотри на вазы, где Силен с расстегнутыми штанами обрабатывает антилопу! Как изобретательно Эрос совращает мальчика, как бережно ученик держит голову своего наставника, когда он, прости, извергает содержимое своего желудка! И все из уважения к старшему поколению, на которое у нас, увы, наплевали.

А что если спровоцировать указ (такой же жестокий, как о декларациях доходов!) о запрещении любви между мужчиной и женщиной и санкционировать только любовь однополую? Возбудит ли это возмущение? Вопрос. Народ наш полон энтузиазма и легко воспринимает свежие идеи. Да и греки тоже не были последовательны, ценили семью и, согласно Люциану, если муж заставлял свою жену с любовником *in flagrante delicto*, то бишь... – как бы поделикатнее выразиться? – то убивал его на месте.

Солнце еще не распалилось, и Козмодемьянск обдавал утренней свежестью. Коллеги мои, как обычно, умели хорошо запрягаться, в этом я убедился, изрядно покрутившись фактически на одном месте.

– Где у вас тут представительство контрразведки? – озадачил я мента, хмуро гулявшего недалеко от монумента.

Услышав страшное слово «контрразведка» старший лейтенант напрягся, как на толчке – ведь у нас испокон веков все трясутся, когда заходит речь о тайной полиции, окутанной мифами и возведенной в культ. И это прекрасно! Служение органам – величайший долг гражданина. Что плохого в том, что крупный писатель, пользуясь дружбой с чекистами, сидит в соседнем кабинете во время допроса другого поэта и радуется, слушая, как его коллега под моральным и физическим воздействием разоблачает и себя, и своих друзей?

Ну, а разве донос – это обязательно плохо? Разве у тебя, Джованни, во Флоренции доносы не были в чести? Что дурного в том, что я сообщаю о человеке? О том, что он читает, например, «Декамерон» или слушает «Эхо Москвы»? Или принимает на квартире подозрительно пьющих типов? Или имеет три машины в то время, когда у меня нет и одной? Я же не убиваю его, я посильно помогаю властям, а следовательно, и обществу познать своих почтенных граждан. Секретный сотрудник, или сексот, – это звучит гордо! Вообще говоря, секретность – это великая сила, и не только в операциях вроде вкатывания в пресловутую Троию деревянного коня, заполненного ратниками. Секретность создает возвышенную атмосферу, это тот неповторимый соус, без кото-

рого жизнь пресна, как морковная котлета. Впрочем, таким соусом, вдохновляющим на движение ума (а разве секретность не блестящее упражнение для мозга?), может быть и виселица, которую отцы города любили поставить посреди Флоренции, правда, Джованни?

Мент мялся, но запутанно объяснял. Я уже начал раздражаться, но вдруг неожиданно увидел... кого ты думаешь, Джованни? Нет, нет, не ЮВ и не Бориса! Я увидел... знакомую до беспомысленности декадентски изломанную фигуру, широковатые плечи (если бы ты видел, как нежно окаймляли ключицы ее шею!), и рыжую косу, тянувшуюся до самого оттопыренного места. Нет, пожалуй, это не рыжий цвет, Джованни, помнишь, как выглядят египетские или греческие медные котлы и вазы? Чуть темноватые, но зажигающиеся на солнце изнутри, словно в глубине тела неведомая никому душа.

– Роза! – закричал я на всю площадь, по-моему, даже Ильич на монументе вздрогнул и повернул свою гениальную голову. Она оглянулась с каменным равнодушием на лице, словно вдали маячил не человек, которому она совсем недавно с нежностью вручила Дали (не говорю уже о сладких минутах в больнице!), а незнакомое и неприятное существо с другой планеты. Взглянула даже с неприязнью, так смотрят на таракана, ползущего по столу или на клопа, обнаруженного в районе лобка, честно говоря, уже давно на меня никто так не смотрел. Повернулась – и исчезла! Она ли это? Или опять фата моргана на почве бесконечного размусоливания больничных воспоминаний? Как хороши, как свежи были розы... Алеют слишком эти розы, и эти хмели так черны.

Туповатый прапорщик у входа резво вскочил, потребовав пропуск, но видимо, у меня, Джованни, от близких контактов со всеми нашими правителями выработались некие властные привычки, державная поступь, которую не остановить даже танку. Не допускающий пререканий хамский тон, уверенность в жестах, и, наконец, твердый взгляд, который сразу ставит на место и не вызывает никаких сомнений. Потому я просто прошел вверх по лестнице, бросив сквозь зубы нечто неразборчивое вроде «пошел на...». Раскрыл

обитую дерматином дверь кабинета: над письменным столом бюстом самому себе высился Павел Батов в униформе подполковника, нос картошкой, чуть-чуть раздваивающийся на самом конце, юркие черные глаза (между прочим, видевшие все детали, вплоть до дырок в чужих носках), всегда наморщенный лоб, словно никак не мог вновь открыть теорему Пифагора. Привет, дружище, привет партнер по сызранским похождениям (о, милая сердцу Сызрань! слезы! слезы и еще раз слезы!).

– Какими судьбами? – удивился он и встал. Мы троекратно расцеловались взасос, пахло от него, как всегда, то ли гнилыми зубами, то ли дурно функционирующим желудком, раньше об этом я говорил ему прямо и даже однажды по пьянке влил в рот полфлакона «Красной Москвы». Я тоже удивился, и он объяснил, что прибыл сюда несколько месяцев назад начальником местной службы. Причина? Не поладил с начальством в Питере, обычное дело.

Поскольку в повествование вторгся еще один незамысловатый персонаж, к тому же брат воспалившей меня Розалии, придется, старина Джованни, не пощадить чернил, а точнее памяти компьютера, и поглубже описать это коротконогое существо с небольшим, но заметным животиком, свисавшим почти до колен. А главное – фамильный нос, чуть кривоватый и с расселиной на конце (задница гнома). О, носы! Курносые – у прекраснородных с кроличьей сексуальностью; клювообразные – у мстительных маньяков; уныло-длинные – у интеллектуалов; ультрадлинные – у спекулянтов и капризников; костлявые – у пораженных гордыней; короткие – у людей с открытым характером, именно таким обладал и я (хотя это не влияло на длину и эффективность орудия производства). Но что можно прочесть на носу картошкой и с расселиной? Роза есть Роза есть Роза. Значит, я не ошибся, это была она. Прибыла на лето к братцу?

Итак, после Сызрани мы расстались на несколько лет, а потом неожиданно сомкнулись в совсем не в туманном, а весьма и весьма солнечном Альбионе. Чудесна жизнь: сегодня – Сызрань, завтра – Лондон, послезавтра – канава,

затем – кладбище. Проработали в резидентуре не больше года, ибо Павла коварные лавочники мастерской мира провозгласили *persona non grata* и выперли вон, хотя среди нас он числился самым большим бездельником, никого не вербовал и писать разведывательные цидулки не умел, за что наш усатый резидент снимал с него штаны каждый день.

На мой взгляд, коварные бритты выгнали его из-за чрезмерно секретного вида: широкополая темная шляпа, всегда надвинутая на глаза, поднятый воротник плаща, темные очки, движение по улицам, как по минному полю, осторожный шаг, повороты головы, разглядывание прохожих в витринах, известный шпионский приемчик. Любил Батов из фигни сделать слона, напустить на себя облака конспирации, словно его направили для кражи стрелок знаменитых часов на Биг-Бене. К тому же говорил хриплым шепотом, вытягивая короткую шею в лебединую; очень любил оружие и с любовью гладил «кольты» и «вальтеры» в оружейных магазинах. Разве, наблюдая со всех сторон за подобным типом, нормальная контрразведка не приходит к убеждению, что перед нею грозный и опасный Джеймс Бонд? И выгнали на... Мудрые китайцы учат: «Не зашнуровывай ботинки на бахче и не поправляй шляпу под яблоней», а у нас, Джованни, девки в деревнях поют: «Ты, Семеновна, больна гордая, сиськи мягкие, а попа твердая!»

Судьбы разметали нас в разные стороны, и вот теперь внезапно мы столкнулись, видевшись в последний раз в Питере на вечеринке, где я увлекся его сестрицей. Итак, я поведал своему приятелю об исчезновении Гуся, думая по странной причине о Сальвадоре Дали (... «в Порт-Льигате я за первым завтраком опрокидывал себе на голову масло, которое осталось в тарелке из-под анчоусов. И тут же со всех сторон ко мне спешат мухи»).

То ли от мертвящей скуки в оперативно вакуумном Козмодемьянске, то ли в честь воспоминаний о незамысловатых хороводах в Сызрани или о пикниках на вечнозеленых лагунах Гайд-парка, но Павел моментально направил свою немногочисленную дружину на поиск пропавшего агента. Мне оставалось лишь возвратиться на корабль и ожидать

вместе с Марфушей результатов (все-таки я держал ее в фаворитках) за бутылкой портвейна 777, ей-богу, даже в Порто на его родине я не пробовал ничего подобного.

К вечеру Батов самолично прибыл на «Ленин» и доложил о результатах, которые, увы, отсутствовали, хотя опрошена была вся боевая агентура Козмодемьянска, беседовали даже с бабками, созерцавшими монотонную жизнь со скамеек у своих заборов, обыскали городскую парк, все питейные заведения, допросили местных путан, их было немного, городок серьезно отставал от столицы.

– Я не могу раскрывать перед тобой некоторые данные, – говорил он, нахмутив лоб, – но дело, возможно, далеко не так просто, как кажется...

Он тяжело вздохнул, поправил темные очки и снова превратился в того загадочного советского Джеймса Бонда, которого англичане до смерти напугались и на всякий случай выперли.

– Мои туристы хотели осмотреть Макарьево и Нижний, так что придется сняться с якоря. Могу ли я полностью на тебя положиться? – спросил я.

– Бесспорно. Тут тебе делать нечего, я и без тебя справлюсь... найду твоего Гуся.

– Послушай, а где сейчас твоя сестра? – вырвалось у меня совершенно неожиданно.

– Она приехала погостить и живет у меня на квартире.

– Надеюсь, ты останешься с нами на ужин... Может, пригласить и ее, тут скучновато... – соврал я, поскольку на борту «Ленина» царило все, что угодно, но не скука.

– С удовольствием. Сейчас свяжусь с ней по телефону, – и он ушел в капитанскую рубку.

Черт побери, зачем я это сделал? Словно черт подтолкнул меня, в конце концов, кто мне мешал связаться с ней в городе? Тем более что утром она вела себя крайне высокомерно и даже оскорбительно. Случалось ли тебе, Джованни, думать и чувствовать одно, а делать другое?

– Она обещала прийти. Обязательно. Она спрашивала, не находил ли ты какую-то газетную вырезку в книге Сальвадора Дали?

От этих слов у меня сладко заныл низ живота и вспотели руки, золотой пух ее тела застлал глаза, рыжая коса расплелась, округлилась вокруг моей шеи и сладко защемила горло. О, муки мои!

Вскоре в музыкальный салон начала сползаться вся наша кодла. Очень довольный собой Тетерев в ярком клетчатом пиджаке и красном галстуке, повязанном местным пионером, мрачноватый Грач, постоянно глотавший какие-то таблетки. Бесшумная Сова в белом клетчатом пончо, взъерошенная Курица, словно только что после игр с петухом. Торжественный Орел (в этот вечер лысина его светилась, как хрустальная люстра), томная Сорока, поигрывавшая своим черно-белым хвостиком, и флегматичный Дятел, то ли в задумчивый, то ли сильно поддатый. Бармен Митя внес напитки и набор всевозможных сыров: рокфор, стилтон, шамуа, горгонзола, десять видов бри etc. «Мистика? Это сыр, Христос тоже из сыра» – звенел в моих ушах Сальвадор, повторяя эту фразу несчетное число раз.

На сей раз слово я предоставил Курице, она приосанилась, пригладила растрепанные перышки, поморгала красными глазками и раскрыла клюв. Поверь мне, Джованни, что она была не менее прекрасна, чем твоя Изабетта, отрезавшая голову у трупа своего любовника Лоренцо. Я представляю, как нежно она обернула ее полотенцем, запрятала в подол своей служанки, а затем положила в красивый горшок, засыпала землей, посадила несколько отростков са-лернского базилика и поливала либо померанцевой водой, либо своими слезами. И твоя Изабетта, и моя Курица были сентиментальны.

**О ТОМ, СКОЛЬКО ТЕЛЕСНЫХ РАДОСТЕЙ ПРИНОСЯТ УМЕРВЦ-
ЛЕНИЕ КЛАССОВЫХ ВРАГОВ, ПОБОЛЬШЕ, ЧЕМ COITUS, ХОТЯ
ЛЮДЕЙ ОТ ЭТОГО СТАНОВИТСЯ МЕНЬШЕ, А НЕ БОЛЬШЕ.**

*«Нет больших радостей, нет лучших музык,
Чем хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры
И начинает бурно страсть
в пути вскипать,
Черкнуть мне хочется
на вашем приговоре
Одно бестрепетное:
«К стенке! Рассрелять!»*

В. Эйдук «Улыбка ЧК», Тифлис, 1922 год

Только идиоты считают, что убийцы не имеют ни нервов, ни сердца, только круглые дураки убеждены, что убийцы не страдают, переламывая шейные позвонки.

Стояла поздняя осень, в подъезде дома было душно, как в аду, солоноватый пот ручьями тек по лицу, руки словно слезились, и приходилось вытирать их о брюки. Он менял площадки, всматривался в окно, непрерывно глядел на часы, ожидая украинского нацика Льва Ребета. Подъехала грохочущая машина, он встрепенулся, ощупал мокрой рукой баллончик со смертельным газом, напрягся, словно Ребет уже был рядом, но машина оказалась совсем другой марки и не объект вылез оттуда, а чахлая дама с зонтом. Он с ненавистью наблюдал, как она вошла в подъезд, он слышал гудение лифта и на всякий случай перебрался на площадку между этажами. Мелькнула кабина, почти рядом распахнулась дверь и прямо на него покатился по лестнице юный шалопай, пролетел, даже не взглянув на Богдана, хотя тот успел набросить на лицо обычную безразличность, свойственную людям, бредущим по лестнице к себе домой. Сердце билось так громко, как будто в голове орудовал кувалдой кузнец.

И тут бесшумно подкатил «опель» с Ребетом, толстым, лысым, благодушным и совсем не подозревавшим, что это его последняя поездка на этом свете перед переселением

в департамент иной. За руку попрощался с телохранителями, отпуская, по-видимому, веселые шутки, ибо спина его тряслась от хохота, повернулся и медленно, вразвалку зашагал к подъезду. Загудел лифт, захлопнулась дверца, снова гудение, гудение и гудение, которому нет конца. Богдан подтянулся к третьему этажу, на котором проживал Ребет, тот лениво вывалился из лифта, доставая на ходу из кармана ключи, увидел Богдана и сразу понял, что это конец. Даже вскрикнуть не успел, невидимая ядовитая пыль окутала и нос, и глаза, и главный идеолог украинского национализма, мягко развалился на площадке, раскинув руки.

Богдан слетел вниз по ступеням, как на крыльях, быстро добежал до автомобиля, запаркованного метрах в пятистах от дома, и уселся за руль. Заметил, что рукав пиджака замазан в штукатурке, достал из-под сиденья щеточку с мельхиоровой ручкой и тщательно очистил пиджак, а заодно и брюки, приобретенные во франкфуртском филиале английского магазина «Остин Рид».

Он посмотрел в зеркальце и поправил галстук такой прозрачной голубизны, какая бывает у раннего утреннего неба, и не в какой-нибудь пошлой Германии, а далеко-далеко, где просторно и легко, и солнце выползает из-за укрытого дымкой горизонта, словно недовольное тем, что его разбудили, и плещет море у Николаева, куда он часто выезжал из родного Львова. Включил мотор, и тут его вырвало прямо на переднее стекло. Все это произошло настолько неожиданно, что он сначала ничего не понял. Добрался до вокзала, оставил машину на стоянке и сел в электричку. Там ему снова стало плохо, пришлось выйти в тамбур. В памяти встали огромные, неимоверно расширенные от ужаса глаза Льва Ребета, и от этого сделалось еще тоскливее.

Утром Богдан уже сидел в самолете Франкфурт – Берлин, радио радостно докладывало о неимоверной высоте полета, словно с нее гораздо приятнее падать, особенно когда за бортом минус пятьдесят по Цельсию. Стюардесса с механичностью заводной куклы демонстрировала все прелести надувного жилета, а потом вывезла на тележке стопку свежих журналов и газет. Он схватил самую толстую

газету и помчался по страницам, задерживаясь на крупных заголовках и траурных объявлениях. И тут опять его прихватило, да еще прямо в газету, хорошо, что гул самолета заглушал. Брезгливый сосед, наверняка, проклятый немец, нажал кнопку вызова и пересел на другое место, придав физиономии рассеянный вид. Вот они, немцы! Богдан Сташинский не любил их еще со времен оккупации Львова, правда, ничего особо дурного они ему не сделали.

Подлетела стюардесса, протянула пакет, побежала за нашатырным спиртом и еще какими-то снадобьями, которые совала ему прямо с руки, как малому ребенку, а он сидел, беспомощный, бледный и совершенно мокрый, тяжело дышал и слабо улыбался – не хотелось выглядеть совсем слабаком перед милой дамой. Она погладила его по руке, заботливо и очень профессионально, как и подобает хорошо вымуштрованным стюардессам, которые даже во сне видят только безупречный сервис. Исполнив свой долг, Инге Польш – так было написано на пластиковой карточке, приколотой к лацкану пиджака, – встала, оставив у него в ноздрях некий весенний аромат, блеснула улыбкой и исчезла, а Богдан закрыл глаза и подумал, что в сущности он никому не нужен: одинокая птица без гнезда, летучий голландец, бродяга. Фрейлен Польш высоко оценила качество костюма на заболевшем молодом человеке, и весьма удивилась, когда увидела, что в Берлине прямо к трапу самолета подъехал «фольксваген» и забрал пассажира – такое случалось лишь при прибытии очень важных персон.

Огромный, рыжий, жизнерадостный, как солнце, Петровский до боли сжал ему руку в машине.

– Поздравляю!

– Но в газетах ничего нет!

– Чего фрицам писать о разном дерьме? – успокоил он. – Эмигрантский листок уже сообщил сегодня, что пан Ребет внезапно умер от инфаркта при выходе из лифта в собственном доме. Они уже успели сделать вскрытие, но никаких следов! Тебя ждут в Москве! Чистая работа!

Но тут на Богдана поползли, надвинулись, словно локомотив, тоскливо-предсмертные, слезящиеся глаза Ребета,

вдруг все поплыло, и он потерял сознание. В Москве его направили в ведомственный госпиталь, выстроенный в добротном стиле сталинского классицизма.

– Ничего не понимаю, – бормотал бородатый профессор. – Анализы превосходные. Что за приступы рвоты?

Богдан пожал плечами, а профессор, уже легко подыхая от страха (вспомнил «дело врачей»), сформулировал вопрос гладко и пристойно, как и полагалось в столь богоугодном заведении.

– А может, была какая-нибудь внешняя причина? Вы не употребляли алкоголь? – он был деликатен, как ласковые доктора в рассказах Чехова, предупредительные и всегда страдавшие, если им прямо в руку совали деньги.

– Впрочем, и невропатолог дал отличное заключение, – продолжал профессор вроде бы про себя. Двери резко отворились, словно от удара сапога, и на пороге появился полковник Петровский, полный необузданной энергии и с горящими от ретивости глазами.

– Немедленно одевайся, тебя ждет сам председатель!

– Но у меня тут нет приличного костюма, – возразил Богдан. – Надо заехать домой и переодеться.

– Я тебе приказываю! – заорал Петровский голосом протодиакона. – Ты понимаешь, что нам будет за опоздание?!

– Я должен переодеться... – настаивал Богдан, упрямый от рождения и доводивший этим мать до слез.

Петровский зашелся от злости, даже его рыжая шевелюра встала торчком, глаза его метнули в Богдана громы и молнии, он подошел к телефону и осторожно, словно священнодействуя, набрал номер.

– Товарищ генерал, он в этот момент проходит рентген, мы опоздаем на полчаса.

В трубке прозвучало нечто матоподобное и весьма увесистое, однако выслушанное Петровским с должным почтением. Поехали переодеваться. Визит к председателю планировали использовать для выбивания ресурсов на расширение отдела «мокрых дел». Враги советской власти были, есть и будут, никуда они не переведутся, традиции и опыт у органов в этом трудном деле – дай Бог каждой

спецслужбе. Убирали красиво и не совсем, убирали Савинкова, Рейли, Петлюру, вывозили из Парижа и пристреливали генералов Кутепова и Миллера; славно почистили еврейчиков-троцкистов в республиканской Испании и самому папаше Льву проломили голову ледорубом; агентуру подозрительную и некоторых своих сотрудников тоже отправили к праотцам; после войны пошуровали среди русских антисоветчиков, кое-кого выдернули. Сейчас дошла очередь до националистов украинских, которых и раньше били, пора пришить, точнее зашить эту «самостийну дирку».

На Лубянку подкатили к солидному председательскому подъезду, выходящему прямо на площадь Дзержинского. Там стояла специально подобранная охрана, в лифте там пахло хорошим одеколоном, дабы главу безопасности не раздражали сомнительные запахи старательных подчиненных; там на этаже лежал не скучный линолеум, как во всем здании, а толстые паласы (один подхалим рекомендовал бухарский ковер); там сортиры сияли белизной и даже имели пахучее мыло и рулоны с туалетной бумагой (в рядовых сортирах – хозяйственное, вонючее, а подтирались газетой, даже «Правдой», избегая портретов вождей на первой странице). Будто соревновались с «Националем» или «Метрополем», где жили злодеи-иностранцы.

В приемной уже ожидал генерал Хустов, начальник отдела, ведавшего «мокрыми делами», он вопросительно и даже с некоторым страхом посматривал на величественного помощника председателя, тот осторожно, словно входя к тяжелобольному, открыл дверь, на цыпочках вошел в кабинет, вернулся и мягко промолвил: «Заходите!» И они двинулись все втроем: впереди приосанившийся генерал Хустов, худой верзила, известный в прошлом борец общества «Динамо», за ним – виновник торжества, успевший переодеться дома в костюм от Остин Рида, не в тот, облеваный, а в другой, тоже мышинового цвета. Выглядел он намного моложе своих двадцати шести, совсем школьник, и Петровский опасался, что это вызовет удивление большого шефа.

Председатель Шелепин, известный в узких кругах как «Железный Шурик», эрудит на тусклом фоне своих малогра-

мотных коллег из ПБ (все-таки закончил институт философии и литературы, знаменитый ИФЛИ, откуда вышла целая плеяда советских писателей), сановно поднялся из-за стола. Слыл он демократом, хотя был жесток и надменен, невыразительное лицо, волосы, словно поношенная каракулевая шапка, бесцветный взгляд. Руки пожимал значительно и смотрел прямо в глаза, зная хорошо, что это производит впечатление прямоты и пронизательности. Затем взял с письменного стола маленькую коробочку, раскрыл ее, вынул оттуда орден Красного Знамени на планке, сдвинул брови (все уже боялись даже дышать) и торжественно приколот его прямо к лацкану остинридовского пиджака – у Богдана на миг мелькнула мысль, что такую дырку не заштопать, пиджак погиб.

– Поздравляю вас, товарищ Сташинский! Вы сделали большое дело для нашей Родины и для нашей партии!

– Служу Советскому Союзу! – ответил Богдан, как учили.

Хустов пожал руку герою, Шелепин возвратился к себе на трон, привычно пошелестел бумагами и царственным жестом указал всем на стулья, стоявшие у длинного совещательного стола, перпендикуляром упиравшимся в массивный хозяйский.

– Коммунисты, как известно, не успокаиваются на достигнутом и не упиваются победами, – мягко начал председатель. – Еще много существует мерзавцев и за границей, и здесь, которые спят и видят гибель советской власти. Но есть один самый большой мерзавец из мерзавцев, который погубил тысячи наших людей, – тут председатель сделал небольшую паузу, чтобы все прочувствовали драматизм фразы, он умел обращаться с аудиторией и всегда, когда выступал на важных форумах, собирал самые бурные аплодисменты. – Имя его вам хорошо известно: это Степан Бандера. Остальное вы продумаете сами, на то вы и профессионалы...

Проводив подчиненных до самой двери, Шелепин позвонил Хрущеву.

– Никита Сергеевич, только сейчас принимал нашего героя, специалиста по националистам. Как договорились, поставил задание по Бандере.

Украинец Хрущев, немало сделавший для превращения Украины в колхозную житницу страны (сколько на этом потеряли голов, никто не считал, да и зачем?), лично организовывал борьбу с бандеровцами после войны и не раз получал от Сталина крупные втыки за неэффективность. Бандеровское движение на Западной Украине ушло в леса и катакомбы, националисты получали поддержку от селян и беспощадно уничтожали советских районных и прочих начальников. Дело дошло до того, что прямо около рыночной площади боевик националистов застрелил униатского священника Костельника, чуть позже на квартире зарубили топором яростного борца против украинской самостийности писателя Ярослава Галана. Только к началу 1950-х бандеровское движение было беспощадно выкурено из сельской местности: войска вместе с танками прочесали всю Западную Украину.

Чекисты, к которым присоединился Петровский, процветали в другой конец здания, где обитал генерал Хустов. Хозяин кабинета достал из холодильника бутылку водки и два больших блюда с разнообразными бутербродами, лично открыл и разлил.

– За успех!

Тост был незамысловат, шеф террористического отдела умом не блистал, но любил читать стихи и кое-что знал наизусть. А вообще отличался немногословностью – лучшим качеством бойца невидимого фронта. Петровский и Богдан вскочили (первый при этом чуть не опрокинул стол), засияли, резво чокнулись и выпили до дна.

– Степан Бандера, – говорил генерал, – это не просто враг, это чудовище, это изувер. Во время войны бандеровцы нас не щадили, верно служили рейху и гестапо в обмен на посулы получить свою самостийну Украину. Я впервые столкнулся с ними уже после войны в Ужгороде, когда служил в контрразведке Прикарпатского военного округа. Злее мерзавцев я не встречал, хотя к тому времени мы уже загнали их в подполье, в глухие деревни и в горы. Однажды я выехал в командировку в один городок, забыл название, черт, ну не городок, а большая деревня. Короче, пошел там в сортир во дворе, деревянная такая, недавно построенная

будка, сел там, как полагается, орлом и вдруг... доски подомной скрипят и лечу прямо в дерьмо! Подпилили гады, совершили маленькую диверсию. Чуть не утонул, хорошо, что рост у меня приличный...

Хустов налил еще по одной, смачно выпил, кривясь, словно только что выполз из подстроенной западни, и заключил:

– Так что вы должны понимать всю ответственность предстоящего задания.

Оставив Петровского у себя, генерал отпустил Богдана домой: у начальства свои, более тонкие, более секретные дела, к тому же Богдан не состоял в кадрах КГБ, а числился «специальным агентом», что, впрочем, не являлось принципиальным отличием. Львовский Смерш («Смерть шпионам» – так устрашающе Сталин и Абакумов называли военную контрразведку) завербовал Богдана еще в студенческие годы, причем на мякине: бедный студент часто ездил «зайцем», за что и поплатился. Прекрасно знал и польский, и немецкий, был находчив и решителен, потому им и заинтересовались, стали выращивать боевика, идейно выдержанного и морально устойчивого.

На следующий день Богдан и Петровский вылетели на военном самолете в Восточный Берлин, оттуда их подвезли к двухэтажному особняку на самой окраине города.

– Вот здесь ты будешь жить, – сказал Петровский. – Вот новые документы: Казимир Бубка, поляк, ранее проживал в Лондоне, отец служил в армии генерала Андерса. По профессии – коммерсант самого широкого профиля.

Дверь открыла экономка, мрачная старая карга, чем-то напоминавшая Гимmlера, она проводила обоих на второй этаж, где находились покои Богдана.

– Отдыхай, не забывай делать зарядку, ходи в кино, в театр. Видеться будем с тобой каждый день на стрельбище. Тем временем резидентура соберет информацию о режиме дня Бандеры. В рестораны ходить не надо, там много случайной публики, вообще лишних контактов остерегайся...

После этих напутствий Петровский удалился, а Богдан разобрал чемодан с вещами и выглянул в окно. Улица была

пустынна, в ухоженном садике зеленела трава, подстриженная старательным Гиммлером, по деревьям весело прыгали и чирикали воробьи. Переодевшись в новый костюм – на этот раз в яркую клетку, тщательно выбрив щеки и обдав себя истинно кельнской водой, он вышел из особняка и через полчаса уже находился в центре Берлина, тогда еще не разделенного стеной. Народу толпилось тьма, особенно молодежи, слонявшейся у витрин. И вдруг увидел знакомое лицо, мелькнувшее и исчезнувшее за углом, не поленился завернуть за угол и увидел узкую спину фрейлин Поль. Некоторое время, словно опытный филер, шел за нею: в душе боролись заветы Петровского и здоровые инстинкты.

– Вы меня не узнаете?

Она растерялась и пожала плечами:

– Нет...

– Мы летели вместе из Франкфурта... Мне тогда еще стало плохо... – неприятно вспоминать о своей загадочной болезни.

– Да, да, конечно, я помню... Ну и как вы сейчас? Лучше?

– Все в порядке. Может, куда-нибудь зайдем? Меня зовут Казимир Бубка, – он расплылся в улыбке и слегка поклонился.

– Откуда у вас такой хороший немецкий?

– Это долгая история. Так, может быть, пойдем в кино?

Такой вариант вполне устраивал, ибо не нарушал устранимых инструкций Петровского по поводу ресторанов, переполненных немцами и шпионами. Завернули в кинотеатр и попали на шедевр соцреализма о передовике колхоза, которому мешает хозяйствовать председатель. Этот самодур буквально преследует передовика за то, что он, отец пятерых детей, по уши влюбился в сельскую учительницу, милую интеллигентку, приехавшую из города, дабы сеять разумное, доброе, вечное. Фильм шел с субтитрами, Богдан с интересом смотрел картину, даже рот приоткрыл от удовольствия. Инге откровенно скучала.

– Может, выйдем на улицу? У меня страшно заболела голова, – попросила она.

Богдан не стал спорить, хотя ему страшно хотелось узнать, добьет ли председатель передовика или же восторжествует

любовь, естественно, с помощью секретаря партийной организации, который всей своей радостной мимикой давал понять, что поддерживает передовика, конечно, при условии, что он честно разрешит свой семейный конфликт.

– Вам не понравился фильм? – спросил он на улице.

– Полная чушь!

– Это потому, что вы не знаете русского языка.

– Возможно. А где вы изучали русский?

– Отец прекрасно говорил по-русски, и вообще для поляка этот язык – не проблема.

– Вы коммунист? – когда он задавала вопросы, бровь ее иронически изгибалась.

– Меня политика не интересует, я предпочитаю бизнес...

Красива до чертиков, подумал он, и пахнет лавром – запаха заслоняли у него все, с запаха он составлял свое мнение, словно собака. Шли по улице, иногда он брал ее за руку и гладил запястье, кожа была тонкой и беззащитной.

– У вас костюм, как у английского джентльмена...

О, этот клетчатый костюм, он так им гордился! Но что делать дальше? Пригласить в особняк с Гиммлером? Исключено. В отель? Невозможно. Свернули в переулок, уставленный домами из красного кирпича, остановилась у подъезда, вот и финал.

– Пока! – и шмыгнула в свою нору, оставив замешкавшегося любовника наедине со своими грезами. Он рванулся было за нею, но замок брамы щелкнул, и вдали застучали каблучки...

Петровский появился ровно в девять, огромная домна, пышущая огненным здоровьем, великолепно рыжий и намазанный тошнотворным «Кармен».

– Как провел вечер? – бросил дежурно, словно ему это было ему до фени.

– Немного проветрился в центре.

Правда, Петровский был уже прекрасно осведомлен о всех передвижениях Богдана, за которым сразу же пустили три бригады наружного наблюдения, аккуратно фиксировавшие каждый шаг. Уже в архивы восточногерманской контрразведки была запущена бумага с просьбой

установить личность дамы, далее следовали приблизительные описания. Конечно, Петровский отметил про себя момент умолчания в легко брошенном «проветрился», однако, он был многоопытен, циничен и разумен: весь мир врет или чего-то недоговаривает, человек по своей природе лжив и порочен, это касается даже самых надежных сотрудников разведки, даже генералов, и важно, чтобы плюсы перевешивали минусы.

– Вот фотография Бандеры, – Богдан увидел волевое лицо и массивный лысоватый череп (опять лысый!). – Через несколько дней он будет присутствовать на годовщине смерти полковника Коновальца, основателя движения. Его мы кокнули в Роттердаме перед войной, наш парень преподнес ему коробочку конфет, которая разнесла не только полковника, но и весь квартал. Вылетишь в Мюнхен, потолкаешься там среди самостийников. Будь осторожен: у Бандеры мощная служба безопасности – беэпека. Посмотри, как двигается этот подонок, как жестикулирует, как поворачивает голову, короче, изучи свою мишень, полюби ее, в конце концов! – он хохотнул. – Ты же своего рода художник, который любит свою картину... Старайся не попадаться ему на глаза, не дай бог, он тебя запомнит.

В Мюнхене на него напала тоска, совершенно черная меланхолия. Как обычно в башку лезла разная чепуха: муравьи, ползущие по его собственному трупу, изогнутая бровь Инге, вдруг отделившаяся от лица и улетевшая в небо, надпись черным углем на подмосковном доме недалеко от стрельбища: «Весь мир – дерьмо, все бабы – шлюхи, а солнце – долбаный фонарь».

На мюнхенском кладбище, где собралось человек сто националистов, налетела нервозность и казалось, что все знают о его намерении убить Бандеру, и смотрят, и вот-вот укажут пальцем, и сам Степан Бандера, мрачный и торжественный, казалось, только и норовит высмотреть Богдана в толпе, впериться тяжелым взглядом ему в лоб и заорать оглушительным басом: «Взять его!» Бандера говорил медленно, не дергался и не размахивал руками – это радовало: голова легко войдет и остановится в прицеле, и сядет на

мушку, а потом с нее свалится. Это не дерганый, никогда не стоявший на одном месте Лев Ребет, царство ему небесное! Что смогут сделать телохранители? Заслонить? Не успеют, все будет сделано неожиданно и мгновенно. И смерть будет мгновенной. Как и жизнь.

В тот же вечер Сташинский вылетел в Берлин, прибыл поздно, неожиданно для самого себя купил букет махровых роз, хотел сменить костюм в клетку на костюм в полоску, но решил не терять времени: взял такси, добрался до дома Инге, подождал, пока кто-то открыл подъезд, и решительно поднялся по лестнице. Удивленная фрейлин (на сей раз изогнутыми оказались обе брови) в длинном махровом халате осторожно открыла дверь.

– Вы? – бровь выпрямилась, но тут же изогнулась опять. – Что-нибудь случилось? – впрочем, вопросы звучали лицемерно, ибо букет роскошных роз говорил сам за себя. – Извините, я уже собралась спать...

Попыталась захлопнуть дверь, но Богдан с неожиданной проворностью сунул ногу в щель, протиснулся в прихожую и с ходу заключил ее в объятия. Уперлась сжатыми кулачками ему в грудь, пытаясь освободиться, розы мешали ему и кололись.

– Нахал! Кто тебя сюда звал?!

Он глупо затоптался на месте, не зная, куда деть цветы, все выглядело безумно нелепо.

– А ты так умеешь?

И Сташинский начал шевелить ушами – искусство, дарованное ему природой и успешно развитое во время детских дворовых игр, – это было так неожиданно и выглядело так смешно, что Инге расхохоталась и сменила гнев на милость.

– Заходите, если уж так случилось. Садитесь, я сейчас поставлю чай...

Переделась в красивое платье в пандан джентльменскому костюму своего кавалера, подала чай с кексом, достала бутылку мозельвейна, включила музыку. На фокстроте они совсем расслабились и били ногами по паркету, как стреноженные кони. И конечно же, Богдан потешал ее своими мосьмиными ушами.

Он проснулся рано утром и, как в сентиментальных романах, разбудил ее поцелуем.

– Ты что так рано? С ума сойти!

– Теперь ты будешь просыпаться в это время до конца жизни, – сказал он искренне.

– Спасибо, что осчастливил... Куда же это ты помчался, как заяц?

– Важные дела. Извини, – Он быстро оделся и отправился на виллу, управляемую женским вариантом Гиммлера.

Утро Петровский целиком посвятил беседе с Головановым, ведавшим сыском, установками и прочими техническими, но чрезвычайно важными в деле разведки сферами. Всю жизнь Голованов проработал в московской сысжной «семерке», следя за шпионами и антисоветчиками, постоянная беготня без перерывов на обед или ужин напрочь испортила ему желудок (уже два раза оперировали язву), и сделала физиономию худой и язвительно-желчной, словно у записного сатирика.

– Инге Поль, – докладывал Голованов, – работает стюардессой в авиакомпании, иногда вылетает за границу. На работе характеризуется положительно: исполнительна, аккуратна, внимательна к пассажирам. Замужем не была, ведет довольно замкнутую жизнь, ее контакты сейчас устанавливаются с помощью немецких друзей.

– А какова ее политическая физиономия? Коммунистка? Общественница?

– По нашим данным, весьма аполитична и нейтральна. Не член партии, даже не была в комсомоле. В общественных мероприятиях участвует, но, как сообщают источники, без души, – Голованов скривил такую кислую физиономию, будто у него разрывалось сердце от общественной пассивности Инге.

– Фото имеется?

Голованов молча положил перед Петровским фотографию, и тот начал ее рассматривать так внимательно, словно ему попался в руки любимый «Плейбой».

– Ничего особенного, баба как баба. И что он к ней повадился?

– Любовь – это загадочное королевство, – важно заметил Голованов, который много читал и считал себя интеллектуалом. – Любовь и голод правят миром, – добавил он и рассказал страшную историю о том, как искали одного преступника, наконец, по его, Голованова, совету додумались поставить пост у квартиры его дамы сердца. Контролировали целый месяц, не спали ночами, словно выжидая зверя, и наконец он вошел в капкан, не выдержало либидо.

– Да хрен с ней, с любовью! – махнул рукой Петровский. – Парень он молодой, пусть себе кобелит. Беда в том, что он об этом не доложил!

– Да, это плохо, – согласился Голованов. – В нашем деле биография должна быть чистой, скрывать от начальства нельзя. Сначала скрывают по мелочи, потом по-крупному, а дальше уже и преступлением может запахнуть.

– Пока что наружку не снимайте, собирайте о ней дополнительные данные, кроме того, попросите немецких друзей отстранить ее от заграничных поездок. На всякий случай. Кашу маслом не испортишь.

– Будет сделано.

Голованов встал и покинул кабинет, а Петровский поехал на стрельбище, где его уже ожидал пунктуальный Сташинский. Стреляли и по движущейся мишени, и по тарелочкам, и из разных поз, и из автомобиля. Богдан формы не потерял, наоборот, бил точно в яблочко, уверенно и весело, как и подобает настоящему боевику и спортсмену, несанкционированная ночь с немкой на точность попадания не повлияла. Отстрелявшись, набросили брезентовые куртки, надели резиновые охотничьи сапоги и с двумя овчарками двинулись погулять по лесу, деревья тревожно гудели под порывами ветра, солнце слабо пробивалось сквозь сосновые ветки, тут же уходя в сырость, резвились белки, сновали тут и там, весело помахивая пушистыми хвостиками, забирались на верхушки, прыгали и перепрыгивали, вертели мордочками, словно подглядывали и подслушивали.

– Больше всего меня беспокоит охрана, – говорил Богдан. – Заслоняют ли они его сразу же после выхода из машины? Доводят ли до двери?

– Только вчера мы получили из резидентуры описание местожительства Бандеры, по их данным, он часто приезжает домой без всякой охраны. Надо лично посмотреть, как выглядит все на месте.

Богдан улыбался, глядел на солнце, продиравшееся сквозь деревья, кивал согласно головой и думал, что неплохо было бы поймать одну такую белку и подарить Инге.

– В Берлине хорошие девочки, правда? Я вчера с одной неплохо провел вечер... – провоцировал на откровенность Петровский и блаженно улыбался, словно имел группенсекс, где все участники передавали изо рта в рот холодных и кисловатых устриц.

– И все-таки мне до конца неясно: каким образом я буду убирать Бандеру? Стрелять? – Богдан словно не слышал.

– По обстановке. Возможно, стрелять, возможно, как и Ребета.

Затошнило. Нет, он не пойдет в подъезд, он задохнется там, он потеряет сознание.

– Лучше стрелять. В подъезде бегают люди.

– Много шансов промахнуться...

Богдан вынул из кармана миниатюрный браунинг и произвел три выстрела по деревьям. Три белки камнем пали на траву и замерли, одну он поднял и положил в рюкзачок.

– В твоих способностях я не сомневаюсь.

Ничего не рассказал об Инге, думал шеф, ни слова не сказал, сукин сын, за это ведь можно в 24 часа выставить в Москву, а оттуда и еще подальше, в какой-нибудь Конотоп, в местное управление, где и в глаза не видели иностранцев, но зато усердно против них работают, захлебываясь от счастья в водке. С другой стороны, не такой уж это и великий грех, сам год назад по пьянке переспал с одной немкой, большой мастерицей по этому делу, трясся потом целый год, все боялся, что кто-нибудь стукнет, но пронесло, отделался гонореей. И все же, и все же...

– Как твои личные дела? – теперь уже прямо и серьезно.

– Да никак!

– Говорят, что ты дома не всегда ночуешь...

– Гиммлер не дремлет, – улыбнулся Богдан. – Есть одна женщина, довольно приятная...

– Как ее зовут?

– Инге Польш, – и Сташинский рассказал все без утайки.

– Черт! Была бы украинка или русская...

Богдан промолчал, его самого тяготило, что влюбился в немку, хотя... коллеги говорили об интернационализме, что же тогда плохого в немцах? Даже среди евреев попадались приличные люди, он до сих пор с теплом вспоминал своего друга-портного, уехавшего из Львова в Израиль.

– Ладно, парень ты молодой, без бабы тебе нельзя. Но напиши о ней справку, особенно об обстоятельствах знакомства.

Богдана это не шокировало, в органах было принято сообщать не только о своих родственниках и друзьях (их список он составил много лет назад), но и о новоприобретенных связях.

– Она коммунистка? – проверял Петровский, на сей раз уже информацию Голованова.

– Она политикой не интересуется...

– Это тоже политика. Не вздумай раскрываться перед нею!

– Я же не полный идиот.

Если бы она была не немка, думал Петровский, если бы только она была не немка... Впрочем, в разведке работали немцы, кое-кого он знал лично, например, Вилли Фишера – немца, сына коминтерновца, родившегося в Лондоне (не еврея ли?), во время войны обучавшего на Лубянке радиоделу партизан. Но это исключение из правил. Как бы из-за этого его кандидатуру не сняли, ищи потом другого боевика...

– Знаешь анекдот? О том, как немец подтирает задницу? Берет трамвайный билет, отрывает от него кусочек, продевает в оставшейся части дырку, засовывает туда палец, вытирает им задницу, а потом палец. Оторванным кусочком чистит ногти.

Петровский призывно захохотал, колыхая своим мощным животом, Богдан слабо улыбнулся, ему стало обидно за немцев, которые таким причудливым способом вытирали свои задницы.

От Петровского не укрылась дымка замешательства на лице у его подопечного, и он добавил:

– Конечно, я не о всех немцах... ведь были Маркс, Энгельс... Роза Люксембург. Эти люди были совсем не жадные, а самоотверженные, преданные делу революции.

Богдан расстался с Петровским в превосходном настроении: все сошло с рук, никаких табу на встречи с Инге, а он ожидал если не скандала, то сурового порицания, и далеко не в форме того невинного анекдота, никак прямо не связанного с Инге. Все-таки его шеф – превосходный мужик, и это надо ценить. Теперь он уже не мыслил своей жизни без Инге, не существовало в мире девушек, красивее и умнее ее.

Однажды пришла дурная весть.

– Меня отстранили от международных полетов...

– Почему?

– Не знаю.

– Но так не бывает, должна быть причина!

– Не смейся меня, Казимир! Где ты живешь? В Англии?

В этой системе увольняют, если ты даже косо посмотрел на портрет Ленина...

Богдан любил образ вождя, простого, как правда, решительного, как на картине, где он обращался к толпам с броневика, всегда чуткого к людям, особенно, к крестьянам-ходокам. Любил искренне, но промолчал и решил не дарить Инге шкурку убитой белки, из которой можно сделать шапочку.

Они прошли в кафе, унылое настроение не помешало Инге съесть огромный, утопавший в жире айсбайн. В конце концов, все в этом мире временно, включая полеты за границу. Плохое всегда уравнивается хорошим, не исключено, что после этой неудачи она найдет на дороге бриллиантовое кольцо. Главное, что они здоровы и любят друг друга.

– Могу я задать тебе вопрос? Я об этом тебя никогда не спрашивала. Что это за «фольксваген» приезжал за тобой, когда ты прилетел в Берлин? Машина к трапу? Это привилегия больших шишек. Или Штази.

– Когда это было? – он выигрывал время, мучительно придумывая вразумительный ответ.

– Не делай вид, что забыл. У тебя все написано на физиономии. Разве ты не помнишь, когда тебя выворачивало?

– Этого я тебе не могу сказать, – Богдану не хотелось врать.

Расплатились, молча пришли к ней на квартиру.

– Тогда еще один вопрос, – Инге не унималась. – Ты знаешь, что частенько говоришь во сне?

Эта была новость, не отраженная даже в его служебных характеристиках. Неужели он говорит во сне? Сны ему снились, но там он помалкивал и больше наблюдал. Случались и сны-воспоминания: карнавальный вечер во львовском Политехническом, где у него во время танца лопнула бечевка в шароварах запорожского казака. Или сны-фантазии: совсем недавно он попал под проливной дождь, в котором каждая капля была мертвой белкой...

– Что же я говорил?

– Ты говорил по-русски, иногда по-украински... Зачем ты притворяешься поляком?

– Ты меня удивляешь, Инге! Ну какой поляк не говорит на этих языках? Мой отец воспитывался в Российской империи.

– Во сне люди говорят на своем языке.

– Ты просто сегодня в плохом настроении.

Он возмутился, оделся и вышел, хлопнув дверью так громко, что посыпалась штукатурка, успев на прощание бросить уж совершенно абсурдное:

– Ты шпионишь за мною! Шпионишь!

На улице, возмущенный и разгоряченный, он попал под ливень, пыл его постепенно остывал, на сердце стало горько, он заскочил в гостштетте, выпил рюмку, затем другую, взял целую бутылку, удивив официанта. Пить не умел и знал это, однажды во Львове еще студентом после попойки ухватил на улице Коперника толстую тетку, подбросил ее вверх и поймал. Дело закончилось в милиции. Еле выбрался из гостштетте, качало, как на корабле во время страшного шторма, шарахались прохожие, уступая дорогу, долго ловил такси, прыгая на проезжей части, наконец какой-то добряк водитель смилостивился, и вскоре он предстал перед Инге, растерзанный, с заплаканными глазами.

– Инге, меня зовут Богдан Сташинский, я вовсе не поляк, я украинец и гражданин СССР.

Хватило ума не рассказать всего.

– Где ты работаешь?

– Я не хочу тебя обманывать, Инге, это государственная тайна, но обязательно расскажу тебе об этом.

– Когда?

– Когда ты станешь моей женою...

Она промолчала, и это придало ему силы.

– Я люблю тебя, я не могу жить без тебя, – лепетал боевик, стоя на коленях и целуя ей ноги.

Она погладила его по голове, это был знак прощения. Он улыбнулся и в ответ пошевелил ушами, он любил ее, как любит пес свою госпожу.

...Тем временем дело Сташинского всерьез исследовалось в кабинете генерала Хустова на Лубянке. Петровский внимательно следил за выражением лица своего шефа, листавшего дело Инге Польш, добытое у немецких друзей.

– Неужели этот дурак хочет жениться?

– Он совсем спятил, я просто не знаю, что с ним делать. Либо отзывать и ставить на нем крест, либо заставить ее порвать с ним, вплоть до угрозы высылки ее из Берлина.

– Но это уже слишком. К тому же нет гарантии успеха, любовь ведь, как известно, зла... Как бы мы не погубили все дело, – сказал Хустов, думая о том, что, пожалуй, ему пора начать курить трубку, к черту «Беломор», купить бриаровую трубку и набивать ее табаком папирос «Герцеговина флор», разламывая папиросину за папиросиной, как покойный Иосиф Виссарионович.

– Но он раскрылся, оправдан ли такой риск? – настаивал Петровский, радуясь про себя мнению шефа, но в то же время страхуясь на случай негативного поворота всего дела.

– Вообще, должен вам сказать, боевики – люди необычные и часто непредсказуемые. Не всякому дано убить человека. Все это нужно понимать. Кстати, что вы имеете против этой немки? Она неблагонадежна?

– Этого я не говорил. Беда лишь в том, что она немка.

– Из любого правила есть исключения. Кстати, у заместителя Дзержинского Петерса жена была англичанкой.

Хустов на счет Дзержинского имел особое мнение, генерал в свое время работал в архивах, куда допускались лишь одиночки, и вычитал, что Дзержинский – наполовину еврей, наполовину поляк, любитель красивой жизни и заграничных курортов. Он раскопал меню, предписанное Железному Феликсу врачами, он был мнителен и постоянно лечился, сидел не на черном хлебе и водичке, как рассказывалось в советских учебниках, а питался супами из спаржи, телячьими котлетками, стерлядкой паровой, цыплятами маренго, похлебкой боярской. Хустов не выносил евреев, заплонивших ЧК-ОГПУ, и почитал латыша Петерса.

– Но тогда были совсем другие времена, – возразил Петровский. – Тогда вообще в разведке служили одни евреи и латыши... – он осекся, вспомнив, что Хустов ведет свою родословную с Северного Кавказа, национальности его Петровский точно не знал. Ходили слухи о ратных подвигах – депортациях чеченцев и ингушей, совершенных генералом вместе с недавним шефом всей службы Иваном Серовым, возможно, и сам он был чеченцем, а может, и тайным евреем, от которых органы еще не очистились.

– Давайте будем реалистами, – продолжал рассуждать генерал. – Разве плохо нам иметь боевика-нелегала, женатого на немке? Чудная легенда, легко осесть в любой стране. Вы верите Сташинскому?

– Верю, насколько может верить чекист. Главное, что уже закреплен на боевом деле...

– Да... Как писал поэт, «дело прочно, когда под ним струится кровь» – Хустов подивился своей памяти, вытянувшей неожиданно строчки из «Алеко», все-таки не зря работал над собой. – И в воспитательных целях им надо организовать медовый месяц в Советском Союзе. По классу «люкс».

Хустов пожал Петровскому через стол руку и, оставшись один, залез в ящик и достал блокнот. В свободное, а иногда и в не свободное от ответственных трудов время генерал писал стихи, причем проникновенно лирические, и история Сташинского живо родила в его утонченной голове

идею конфликта между долгом и любовью. Набросал несколько строк, получалось плохо. Чтобы зажечься, достал «Балладу Редингской тюрьмы» Оскара Уайльда, недавно взятую в служебной библиотеке, составленной из книг арестованных.

*«Не в красном был Он в этот час,
Он кровью залит был,
Да, красной кровью и вином
Он руки обагрил,
Когда любимую свою
В постели Он убил».*

Здорово написано, хотя автор – педераст. Самому писать расхотелось...

...Богдан любил Мюнхен, хотя и считал, что баварцы слишком горласты и агрессивны. Он быстро установил по фотографии дом Степана Бандеры, место ему не понравилось: слишком людное, слишком бойкое, правда, в случае чего весьма просто скрыться в толпе. Много учреждений в доме напротив, сплошные фирмы и фирмы, рядом стройка, уже возведены три этажа.

Сначала боевик решил осмотреть сам дом изнутри, открыл подъезд собственным ключом (его специально изготовили для операции), доехал на лифте до третьего этажа и поднялся пешком до этажа шестого, где проживал вождь националистов, скрывшись под фамилией «Бровка», сиявшей на медной пластинке над щелью для почты.

Богдан прикинул, откуда удобнее прыснуть газом (неужели опять ждать недалеко от двери?), но вдруг ему почудились налитые ужасом глаза Ребета, и его затошнило. Проклятие! Нет, надо стрелять! Злясь на самого себя, он выскочил на улицу, вытер платком выступивший на лбу холодный пот, перебежал на противоположную сторону и занял место в кафе, откуда хорошо просматривался подъезд бандеровского дома. Заказал содовой, тошнота постепенно улетучилась, зато фантазия проделывала фортеля: то он видел, как Бандера медленно, чуть-чуть покачиваясь, шел к подъезду, выстрел – и голова взрывалась, словно бомба,

и осколки летели вокруг, снова выстрел – и из тела Бандеры бил в небо кровавый фонтан...

Боевик расплатился с официантом и перешел в дом с фирмами. Обзор с третьего этажа оставлял желать лучшего, повсюду сновали люди, из двери вдруг вышел расплывчатый толстяк, улыбочиво осведомился:

– Вы кого-нибудь ищете?

– Где тут фирма «Диор»? (Между прочим, любимые духи Инге).

– «Диор»? Работаю здесь двадцать лет и никогда не слышал... – он с подозрением оглядел незнакомца.

– Значит, мне дали не тот адрес, – вздохнул Богдан и нарочито медленно (не давать же деру из-за подозрительного идиота, тогда он вообще спятит и позвонит в полицию!), пошел вниз по лестнице, уходил без всякого сожаления, ибо и обзор был плох, и людишки вокруг, судя по толстяку, достаточно гнусные.

Стройка его заинтересовала, рабочих уже не было, место же для стрельбы было просто идеальным: второй этаж, рядом с грудой кирпичей, и не надо возиться с окном, стекло, естественно, никто не вставлял, настоящая бойница, специально созданная для стрельбы. Он уже твердо решил под любым предлогом уклониться от проведения «экса» в подъезде, а провести его именно на этой стройке, прилег, мысленно взял в руки винтовку, прицелился – бах! – Бандера, маша руками, словно ангел крыльями, легко и изящно взвился в небо. Хмыкнул от удовольствия, отряхнулся и вышел на улицу, ангельский вид Бандеры настраивал на благодушный лад, и самое главное: не было проклятой мути в груди.

Наставник встретил свое детище прямо в аэропорту и угостил в баре «Редебергером». Богдан настроился на детальный отчет о командировке, но шеф только замахал руками.

– Сегодня я тебя трогать на буду, поезжай-ка, браток, к своей Инге. Кстати, когда вы собираетесь расписаться?

Сама доброта, само благоразумие, слава богу, что в системе работают трезвомыслящие люди, а не дундуки, портящие кровь!

– Мы пока еще не решили ... – сердце Богдана наполнилось жаром благодарности, значит, ему дали зеленый свет.

На следующее утро Богдан докладывал все варианты «экса», вычертив мелом план улицы и дома на школьной доске, взятой в трофей и наконец нашедшей достойное применение.

– Почему тебе не нравится вариант прямо в подъезде? – допытывался Петровский.

– Там бродит народ... Да и вообще любой посторонний на площадке вызывает подозрение!

– Но в прошлый раз все прошло блестяще! – настаивал Петровский. – Струя почти в упор, стопроцентная гарантия!

– Я еле выбрался из подъезда, видимо, тоже хлебнул газа... И вообще лучше не пытаться войти в одну реку два раза, – упорствовал Сташинский.

– Такого не может быть, ты же принял специальную превентивную таблетку.

– Как будто вы не знаете этим таблеткам цену!

Яды и прочие химикалии часто подводили, хотя их готовил цвет советской оперативной науки. У каждого подопытного кролика свое психическое состояние, некоторых и банкой таблеток не собьешь, а иные и от одного запаха валяются как подкошенные. Надо стрелять.

– На стройке совершенно спокойно, нет ни души, удобная опора для стрельбы. Идеальный вариант.

– Допустим... – медленно уступал Петровский. – А отход там удобный?

Отход был прост и безупречен: иди в любую сторону, это не душный подъезд с людьми, черт побери! И у лифта могут скопиться, и у двери стоять, и по лестнице бегать...

– Значит, не баллон... Что ты предлагаешь?

– Разборную снайперскую винтовку, потом я ее выброшу, недалеко пруд.

Остановились на немецкой модели, сразу же возникла проблема транспортировки – не тащить же такую дуру, даже разобранный, через границу! Решили, что винтовку с глушителем заложит в тайник надежный агент в Мюнхене. Еще раз прошлись по режиму дня Бандеры и выбрали для «экса»

пятницу: в этот день объект возвращался домой в 6–6:30, отклонения случались крайне редко.

Итак, бесшумный выстрел, объект поражен. А дальше? Богдан не мыслил всей операции без помощника, циркулировавшего в районе операции на машине. Петровского такой вариант не устраивал: зачем расширять круг участников операции? Разве не известно, что чем больше людей, тем больше риска?

– Но в прошлый раз ты работал без напарника! – гнул свою линию шеф.

– С напарником надежнее. Он ожидает с включенным мотором, и никаких проблем! (И не кружится голова за рулем, и не тошнит – но об этом промолчал).

– Может, к тебе целую резидентуру подключить? Никаких напарников! И больше эту тему не поднимаем, хватит!

Петровский побарабанил пальцами по столу, чуть выждал, пока пена спора сама собой не осела, и порадовал приятной новостью: руководство решило отправить его вместе с Инге на Кавказ. Отдохнуть на лучшем курорте. По фальшивым документам. При полной конспирации со стороны Инге. Родителям и знакомым – ни слова.

– Медовый месяц! – заключил свою речь Петровский.

На следующий день Сташинский привел на конспиративную квартиру свою будущую половину и оставил наедине с Петровским для конфиденциальной беседы – мужьям присутствовать не полагалось. Инге держалась вежливо и напряженно, что не укрылось от Петровского, впрочем, все это было легко объяснимо.

– Что ж, давайте познакомимся поближе... – Петровский пустил в ход все свое обаяние, словно само солнце излучало свет из-за стола. – Я очень рад, что у вас будет семья. Однако, есть один деликатный вопрос. Богдан связан с очень секретной организацией, которая борется с империалистическими силами. Мы помогаем немцам строить социализм, это не так просто. Вы меня понимаете?

– Я не такая глупая, хотя, честно говоря, очень слабо разбираюсь в политике.

– Что значит «слабо»? Вы читаете газеты?

– Иногда.

– Напрасно, там есть много интересного. А что вы вообще читаете? Анну Зегерс? Энциенсбергера? Ходите ли вы в «Берлинер ансамбль»? Любите ли Брехта?

– Я предпочитаю классику... Шиллера, Гете, Томаса Манна.

Петровский, конечно, никого из упомянутых авторов и в руки не брал, однако, он всегда тщательно готовился к встречам и прикидывал, каким образом поразить собеседника эрудицией. Это было нетрудно – достаточно поднять последние номера «Литературной газеты» или «Иностранной литературы». Блеснув познаниями в области культуры, Петровский в расплывчатых тонах начал вещать о необходимости строжайшей конспирации, нарушение которой могло бы привести даже к смерти Богдана.

Она возненавидела его сразу и навсегда.

Медовый месяц сначала провели под Москвой, на пышной спецдаче, побывали в Горках, где жил Ильич, не забыли посетить и Оружейную палату, вечерами – Большой, где Богдан, далекий от театра, дремал, приводя в негодование Инге. На фоне разрушенного Берлина Москва выглядела неплохо, Сташинский вообще не признавал никакого города, кроме родного Львова, по красоте уступавшего, возможно, лишь Парижу. Инге столица показалась разбросанной, неуютной и испоганенной новостройками.

– Пойдем в мавзолей? – предложил он однажды.

– Я не люблю мертвецов...

– Но это же не мертвец, это же сам Ленин! – Богдан возмутился, услышав такой отзыв о великом вожде.

– Я устала, Богдан...

Она действительно устала, правда, не понимала отчего. После Москвы – гостеприимный Кавказ, сановный коттедж недалеко от Сочи, назойливо-улыбчивая, тайно ненавидевшая прислуга, икра черная, икра паюсная, икра красная, осетрина, белуга, севрюга, семга et cetera, экскурсии по живописным местам и по достижениям советской власти.

– Лишь после Октябрьской революции трудящиеся получили право не только на труд, но и на отдых, – гордо го-

ворил гид, простирая руку в сторону помпезных статуй и фонтанов. – Каждый год сюда выезжают сотни тысяч простых людей.

И действительно, по Сочи бегали толпы, скучивались в длинные очереди у редких закусовых и ресторанов, задевали друг друга локтями на пляжах. Инге впервые в жизни увидела море (как писал Пастернак, «приедается все, лишь тебе не дано примелькаться!») – и полюбила его. Часто брали лодку и уплывали подальше, там можно было спокойно говорить, не опасаясь подслушивания. Отдыхали беззаботно, но однажды грянул конфликт.

– Поедем сегодня на винный завод? – предложил Богдан.

– Я устала от достижений социализма, милый...

Сказано было нежно, но затронуло идейную преданность.

– Но они действительно существуют! – загорячился Богдан. – У нас нет ни помещиков, ни капиталистов, у нас все равны... Конечно, мы живем беднее, чем вы или Запад, но это временно, мы все-таки много потеряли во время войны... Не все так просто, Инге, давай говорить начистоту: кто бежит в западный Берлин? Идеалисты? Хорошие люди? Ничего подобного! Бегут подонки и жулье, бегут потому, что хотят делать деньги. Разве они думают о других? Разве это лучшая часть нации? – он волновался и размахивал руками.

– Но все равно любая свобода лучше рабства. Хотя бы потому, что свободное общество можно критиковать и улучшать!

Удар в самое сердце. Он сам частенько об этом думал. Поругались, затем помирились.

Москва – Берлин, там тренировки на стрельбище, проработка всех вариантов операции. Наконец, час настал.

– Если что случится, Богдан, ты должен вести себя, как мужчина, – напутствовал Петровский, сдвинув брови и пронзительно глядя в глаза своему подопечному. Захват боевика с поличным не исключался: на этот случай имелся перстень с ядом, штука полезная, даже сам шеф фашистской разведки Вальтер Шелленберг перед рискованной

операцией вставлял себе искусственный зуб с цианистым калием внутри.

– Все будет в порядке, мы всегда с тобой, Богдан. В случае чего мы позаботимся и об Инге, – успокоил его куратор и крепко обнял на прощание. – Ни пуха, ни пера!

– К черту! – по традиции отозвался Сташинский.

В Мюнхен прибыл в полдень, нашел машину, специально арендованную для него агентом, сразу же вынул из тайника винтовку, в 5:30 припарковался недалеко от стройки, быстро прошел к недостроенной стене, раскрыл атташе-кейс и собрал винтовку. Баллончик со смертельным газом прихватил с собой – мало ли что? Все дышало покоем, вокруг ничего не изменилось – лишь дом увеличился на два этажа и исчезли кирпичи у бойницы. Сбросил куртку, положил ее на пол и залег с винтовкой, чуть выставив ствол из окна. Мешали мухи и особенно волосатый шмель, круживший над головой, словно над бочкой меда, шмель гудел и мешал сосредоточиться, шмель ныл и ныл, проклятое надоедливое насекомое!

Бандера все не появлялся, хотя часы уже показывали шесть десять, неужели именно в этот день он надумал пойти в кино или поразвлечься в ресторане с друзьями? Шмель ревел, как корова, Богдан попытался прибить его газетой, но тот ловко взмыл вверх и снова пошел на снижение, дразня боевика. В разгар битвы со шмелем и подъехала машина, Бандера вышел и медленно пошел к подъезду, взять его на мушку не составляло никакого труда, палец мягко нажимал на курок... и тут раздался громкий визгливый лай! Винтовка дернулась и глухо выпалила метра на три выше головы Бандеры, а он сам преспокойно скрылся в подъезде. Гнусная кривоногая такса, как она сюда попала?

– Молли! Где ты, миленькая? – послышался дребезжащий голос.

Сташинский метнулся в сторону, боясь попасться на глаза, Молли еще вяло полаяла и сбежала вниз к хозяйке. Неожиданно послышались звуки сирены, но полиция проехала мимо. Он выскочил из укрытия, добрался до автомобиля, доехал до пруда и выбросил оружие, затем оставил машину,

взял такси и поехал на аэродром. Трясло, словно он только что своими руками задушил человека, боялся потерять сознание, голова горела, мутило, но, к счастью, не рвало. Что-то случилось, что-то лопнуло внутри. Самолет прибыл в Берлин поздно ночью, Инге спала, он начал тихо раздеваться, но зацепился за стул. Проснулась и зажгла свет.

– Богдан, что с тобой? Что с тобой?! – от ее крика у него сжалось сердце.

– Что такое?

– Ты белый, как полотно.

Он взглянул в зеркало и словно увидел себя в гробу: белое привидение, синеватые губы, глаза, торчавшие, как прозрачные фонари.

– Что случилось, Богдан?

– Я не могу рассказать.

Она заплакала, это доконало его, он тоже заплакал, неумело, словно тихо смеясь, заплакал и рассказал ей все: и о том, что он профессиональный убийца, и о том, как он убил Ребета и до сих пор видит его страшные глаза, и о рвоте, и о выстреле в Бандеру, и даже о таксе и ее хозяйке, из-за которых он промазал по цели.

– Богдан, это ужасно! Надо что-то делать. Ты что? Хочешь гореть вечным пламенем в аду? Ты сойдешь с ума, и я сойду с ума тоже.

– Но что я могу сделать? Уже поздно.

– Нужно уехать, разорвать с ними.

– Куда? Куда?

– Как, куда?! На Запад.

– Ты понимаешь, что говоришь? Меня там тут же посадят за решетку. А если не посадят, то наши найдут через несколько дней и прикончат, как собаку.

На следующий день Богдан связался с Петровским, ожидая страшного нагоняя, однако куратор спокойно выслушал его рассказ, сумев не показать своего недовольства, наоборот, дружески похлопал по плечу, ободрил, успокоил.

– Я же тебе говорил, что надежнее работать в подъезде... Уже есть положительный опыт, зачем мудрить?

– Не лежит у меня душа...

– Превозмоги, наступи на горло собственной песне, как учил Маяковский. И вообще душа – это понятие абстрактное, тем более в нашей профессии. Времени у нас в обрез, политбюро уже давно приняло решение об «эксе», если за-тянем, то с нас снимут штаны.

Снова вылетел в Мюнхен.

В тот же день начальник сыска Голованов положил перед Петровским стопку документов.

– У меня времени нет на твои бумажки.

– Это записи беседы Сташинского с женою. Только что обработали...

Прочитал и охнул: криминал, причем неоспоримый. Все рассказать и о себе, и о своих «эксах» – это же грубое разглашение государственной тайны! И достанется за это прежде всего куратору и наставнику, прошляпившему потенциального предателя. Почему прошляпившего? Он ведь сам сигнализировал Хустову об этой проклятущей немке, разве он не выступал резко против брака? М-да, но никаких бумаг на этот счет не осталось, состоялся лишь обмен мнениями с генералом, который, естественно, сразу же отречется от своих слов и все взвалит на своего подчиненного.

Потянулся к телефону «ВЧ», набрал московский телефон генерала и детально рассказал о прегрешениях боевика, предложив срочно его отозвать. Однако Петровский не знал закулисья в большой политике. Когда дело стоит на контроле в политбюро, то отзывать главного персонажа похоже на порку самой себя унтер-офицерской вдовой. Довести «экс» до логического конца. Если выгорит, поощрить исполнителя, а затем под благовидным предлогом отправить подальше в провинцию, возможно, даже на Украину.

– А эту дамочку возьмите на особый контроль. Регулярно докладывайте. На вас возлагается персональная ответственность, – заключил Хустов.

Прибыв в Мюнхен, Сташинский заметался. Что делать? Прямо прийти к западным немцам и американцам, отдать оружие со смертоносным газом и все рассказать? Пове-рят ли ему? Или решат, что провокатор? Что потом? Потом придется работать на врагов, имитировать неудачное по-

кушение на Бандеру, вернуться в Берлин к Инге. А дальше? Дальше – готовить побег на Запад всей семьей. Но как? Вот-вот в городе построят стену, сделают за одну ночь, он сам читал секретный документ о необходимости оградить страну социализма от разрушительного воздействия запад-ногерманских спекулянтов, скупающих дешевые вещи в ГДР, а затем перепродающих их на своем капиталистическом рынке. Опасно, рискованно. Нет! Он не станет предателем, но и убивать Бандеру не будет: вернется в Берлин, доложит, что Бандера опоздал, а торчать и ждать его в подъезде было рискованно. Что дальше? Несомненно задумают новый «экс» – ведь решение принято на самом верху. А что если заручиться поддержкой самого Бандеры? Гениальная идея, однако, как это сделать?

В 17:30 Сташинский уселся в кафе напротив дома Бан-деры, заказал бокал «Молока богородицы», рейнское вино леденило зубы до боли. Баллончик с газом мирно покоил-ся в кармане, он думал об Инге и о том, как они счастливо переберутся в какой-нибудь американский городок, сме-нят фамилию и начнут новую жизнь. Смотрел на подъезд, потягивал винцо, думал о своем и очнулся, лишь увидев автомобиль. Дверца отворилась, оттуда медленно выполз сам хозяин, за ним – телохранители, все дружески улыбаясь, распрощались, охрана уселась обратно, автомобиль газанул и укатил, а Бандера вошел в подъезд. Время было упущено, Богдан вбежал в подъезд, помчался вверх по ступеням и не-ожиданно чуть не врезался в Бандеру, перебиравшего связ-ку ключей у входа в квартиру.

– Господин Бандера... меня послали... убить вас! – Сташин-ский говорил нервно и протягивал своей жертве баллон.

И тут случилось ужасное: Бандера вдруг закричал истошным голосом и вырвал из кармана «вальтер». Все про-изошло в считанные доли секунды, черное дуло пистолета взметнулось вверх, на уровень глаз Богдана, и тому ничего не оставалось, как пустить газ. Мелкие частицы брызгами заплясали над верхней губой Бандеры, прямо у носа, Ста-шинский инстинктивно отпрянул подальше, а вождь нацио-налистов безмолвно рухнул наземь.

Ноги сами несли его куда-то в сторону и совсем не оставленной машине, он бежал и бежал, как загнанный зверь, бросив на ходу баллончик в пруд, он бежал и не мог передохнуть, он бежал, пока не почувствовал, что сейчас потеряет сознание и умрет. Рухнул на газон в небольшом сквере, пролежал несколько минут, потом собрался с мыслями, привел себя в порядок, схватил на дороге такси и поехал на аэродром. Берлин встретил его ярким солнцем, словно празднуя победу, Богдан еле-еле добрался до дома и упал в постель, не сказав Инге ни слова. К вечеру превозмог себя и позвонил Петровскому, тот уже все знал: западногерманские газеты затрубили о гибели украинского вождя, причем, в отличие от случая с Ребетом, власти произвели вскрытие и обнаружили следы яда. Никто не сомневался, что произошло убийство, одни писали, что это дело рук КГБ, другие приписывали акцию западногерманской разведке, третьи видели причину во внутренних разборках в ОУН.

Снова Москва, высочайшие объятия, новый орден, блестящая карьера впереди. Но Хустов твердо решил расстроить опасный брак и не отпускал прославленного боевика в Берлин, где Инге ожидала ребенка.

– Тут тебе нужно много поработать, перед тобою открываются большие перспективы. Ты зачислен на курсы усовершенствования, я планирую передать тебе в подчинение несколько молодых ребят для подготовки по нашей линии.

Тем временем Инге разрешилась от бремени, родился маленький Конрад, но увидеть дитя счастливому отцу не разрешали: получена, мол, сверхсекретная информация об активном поиске националистами убийцы своего вождя, и среди прочих имен фигурирует Сташинский. Хитроумный тезис придумал лично Хустов, в его голове роились и другие смелые идеи, достойные специалиста по депортации народов: тайно вывезти Инге с сыном в Сибирь и поселить под контролем органов, а все это дело приписать козням западногерманской разведки. Вообще творческого начала генерал не был лишен:

– Я не хотел тебе говорить... но у нас имеется информация о том, что твоя Инге связана с БНД... сейчас мы перепроверяем эти сведения... – еще один блестящий ход.

– Что же делать? – Богдан был потрясен, хотя чувствовал сердцем, что все это ложь.

А не послать ли Сташинского в Латинскую Америку для легализации? Подобрать ему в партнеры умопомрачительную красавицу, которой Инге в подметки не годится... А не еврейка ли Инге? Он раскрыл полузапрещенную «Страну негодяев» Есенина, и просмаковал: «Слушай, Чекистов! С каких это пор ты стал иностранец?... Ты же еврей, твоя фамилия Лейбман». Жаль, что почил Отец Родной и не довел до конца «дело врачей»... Нет, эта Инге – явно еврейка. И тут перехват телефонного звонка из Берлина: «Богдан, милый, Конрад тяжело болен, у него пневмония, приезжай!» Самая гуманная в мире организация дрогнула, узнав об этой весте: не пустить отца к умирающему ребенку – это чрезвычайное происшествие, оно не вписывалось в «Моральный кодекс строителя коммунизма», решили дать зеленый свет, но взять всю семью под плотный контроль.

Судьба не щадила Сташинского: в день его прибытия ребенок умер. «За что? Почему так сурова к нему судьба?» – думал он. Неужели это плата за трупы тех двоих? И это не конец, никто не знает, какая кара уготовлена впереди... Молча возвращались из морга, через день планировались похороны. Наружка нудно тянулась сзади.

– На днях построят стену. «Так что теперь на Запад просто не убежишь...» – сказала она и посмотрела на него, изогнув бровь.

Он молча шел, засунув в карманы руки, он думал о том же и обнял ее.

– Давай уйдем сегодня, выйдем через черный ход, который они не знают, – сказала она тихо. – Мне известны здесь все закоулки, я же провела тут всю жизнь.

– А как же похороны?

– Его похоронят родители. Богдан, неужели ты не понимаешь, что нас арестуют и коннут? Посмотри на этих бандитов

сзади нас, вокруг нашего дома! Арестуют сразу же после похорон!

В тот же вечер они ловко обманули наружное наблюдение и выскользнули в Западный Берлин.

Полиция, услышав чистосердечные признания Сташинского, засуетилась в панике и тут же передала чету американской разведке. Но и там ему не поверили, решили, что либо сумасшедший, либо провокатор, отправили на военную базу близ Франкфурта, подвергли допросам на детекторе лжи и медобследованиям. Где вещественные доказательства? На слово верить нельзя, по миру бродит масса психов, утверждавших, что совершили убийство. И тут удача: полиция неожиданно наткнулась на свидетелей, которые видели, как Сташинский бежал со стройки и как бросал оружие в пруд. Вскоре водолазы обнаружили и винтовку, и баллончик – все стало на свои места.

Состоялся суд, процесс гремел на весь мир, показания боевика перепечатывали все газеты, считавшие главным подсудимым в этом деле вездесущий КГБ. Напрасно Хустов и компания пустили слух, что Бандера убит по заданию западногерманской разведки, которой надоел вышедший из-под контроля агент. Ничего из этого не вышло, и генерала с позором выгнали из любимых органов, не принимая во внимание его заслуг перед Родиной. Петровского тоже выставили и лишили пенсии, хотя он бегал по инстанциям, доказывая, что никогда не доверял Сташинскому и пал жертвой интриг.

Главный герой получил на суде восемь лет тюрьмы, отсидел в прекрасных условиях лишь один год, затем получил амнистию и вместе с Инге словно исчез с лица земли. Говорили, что оба сделали пластическую операцию и мирно поселились в Калифорнии в купленном ЦРУ особняке, прямо на берегу океана.

Председателю КГБ крепко врезали на Политбюро за потерю бдительности и неспособность выращивать преданные и надежные кадры, возмущенный Хрущев прямо заявил, что от терактов нет никакого проку, ибо их исполнители – слабаки и дерьмо. И вообще мокрые дела за гра-

ницей бросают тень на международное коммунистическое движение и компрометируют великую идею. Так что пусть органы стреляют у себя дома, где все шито-крыто, отныне на закордонный террор наложено табу. Политбюро поддержало запрет, тем более что сам Ильич не признавал террор и беспощадно ругал за это заблудших народовольцев и эсеров.

И никто не понял, что любовь победила смерть.

Честно говоря, я слушал новеллу, и думал, почему некоторые мои коллеги считают такой рассказ поклепом на славную организацию? Дело в том, что народ в нашей службе до слез чувствителен, работа нервная, даже я, Джованни, воспевающий рыцарей плаща и кинжала в чуть-чуть ироническом, но нежном ключе, постоянно слышу упреки со стороны достойных соратников: отступник! изменник! Или хуже. Ну, а сатиру принимают особо близко к сердцу. Но еще мсье Вольтер (три ха-ха) изрек: *«На органы сатиры мы не пишем. Мы органами и живем, и дышим!»* И это абсолютная истина!

Впрочем, мне было не до болтовни агентессы, я ожидал Розу, а она не шла и не шла! Не знаю, как тебя, Джованни, но меня ожидание изматывает больше всего на свете, и к двум ночи я уже был выжат, как лимон, словно покрыл стадо овец. Я страдал, я ненавидел ее, я проклинал ее и желал ей смерти.

И вдруг Роза явилась, высокая, медноволосая! В красном платье с обнаженной спиной, о эти худые ключицы, которые хотелось откусить! Ангелок с распростертыми крылышками, беспомощный и нежный, нанизанный на кожаный шнурочек, прилег у нее на груди, он чуть касался крылом вожденной родинки, от которой невозможно было оторвать взгляд. Как прав великий Александр Сергеевич: *«Корсетом прикрыта вся прелесть грудей, под фартуком скрыта приманка людей»*. Она была настолько костлявой, что на ум мне пришла бретонская фигура смерти по имени Анку. Помнишь фонтан в Плегат Герран? Если глядеть в его воду ровно в полночь

1 мая, вслушиваясь в бой часов на ратуше, то перед скорой гибелью в зеркале воды появляется скелет. Это и есть

Анку. Абсурдно, конечно, сравнивать эту пленительную рыжую красавицу с высоким стариком с вращающейся головой и глазами, проглядывающими весь мир насквозь. Иногда он вооружается железным прутом и косою и путешествует ночью в карете с шестью лошадьми, с двумя подручными-скелетами по бокам. Ось кареты гнусно скрипит, это с ужасом слышат жертвы, которых Анку лишает жизни, а его подручные бросают трупы в карету.

На сей раз Роза уже не держалась снисходительно-высокомерно, как во время встречи у монумента гению революции, но и теплоты особой я не почувствовал, как писал Шекспир: *«more than kin, less than kind»*, то бишь, немного больше, чем родственник, немного меньше, чем друг. Возможно, ее смущала компания иностранцев, возможно, она затаила обиду на меня. Но какую?

– Роза, – сказал я, приблизив губы к ее уху так близко, что мои ноздри задохнулись от дурманящих запахов, она повернула ко мне влажные губы, они дразнили и заманивали в свои пучины. – Роза, мне необходимо с вами поговорить...

Ничего умнее я не придумал, Джованни, и, бесспорно эта многозначительность означала мою полную беспомощность. И это я, любимец Юрия Владимировича, придворный интриган, способный в один день созвать съезд партии, перевернуть страну, выведя народ на стезю дикого капитализма, осуществить путч, снять с поста, выгнать к чертовой матери губернатором в Краснодар или послом в Монголию. И сейчас я, словно мальчик, умолял эту бабищу, этот мешок с костями, по сравнению с которой упомянутый Анку – изящный Аполлон. Извини, что забегаю вперед, но в тот момент, естественно, я боготворил ее, несмотря на дурные предчувствия, несмотря ни на что. Как мы легковверны, когда увлечены, мой блестящий мессер, мне ли объяснять тебе эту элементарную азбуку чувств! Но как разглядеть истину в потемках чужой души? О, если бы под рукой был кристалл, в котором проступают и картины будущего, и подноготная друзей и подруг...

– Так поговорим? (А в голове тинькало: *«Щавель есть кислое растение, щипать за сиськи наслажденье!»*)

– Хорошо, – ответила она, введя меня в трепет.

В салоне уже стоял шум, звенела на полную катушку музыка, перекрывавшая хохот, кто-то танцевал, кое-кто играл в бридж, лишь Сова застыла в кресле, вытаращив свои круглые, обведенные чернотой глаза и дыша в усы. Роза есть роза есть роза есть роза... – и так до бесконечности, пока не заснешь навеки; роза есть роза, дивный стих, и придумала его незабвенная Гертруда Стайн, феминистка и лесбиянка, кормившая бесплатными обедами Хемингуэя с его женой Хэдли. Потом он, неблагодарный хлыщ, ее высмеял, а тогда ценил и даже прощал ей сожительство с подружкой до гробовой доски Алисой Токлас. Роза есть Роза есть Роза...

Мы вошли в мою каюту. У меня уже не было сил выносить это испепеляющее искушение. Представляю, Джованни, сколько мук претерпел святой Антоний, посаженный гетерами или как, черт возьми, их еще назвать, хотя в его солидном возрасте уже приличествовало бы поутихнуть и не терзаться из-за упущенной юбки.

Я закрыл дверь на замок и бросился на раскрытые губы с доверчивостью небезызвестного Вертера, потеряв здравый смысл и приличествующую моему положению солидность. Она ответила страстно, словно все эти дни только и ожидала этого момента, я целовал ключицы, пахнувшие миндалем, я целовал соски, обрамленные рыжим пушком (стыдно сказать, но они напоминали туго торчавшие фаллосы крохотных лилипутов!), я целовал ее ноги, покрытые медными волосами, ее некрашенные желтоватые ногти, похожие на длинные когти. Казалось бы, эта увертюра обещала перерасти в слаженные аккорды со своими диминуэндо и крещендо, однако, слабость налетела на меня, словно кто-то высосал из меня кровь, нервное бессилие, мерзкая вялость – такого не случалось никогда, Джованни, никогда в жизни и, не дай Бог, случиться!

Сначала я не поверил и незаметно дотронулся до жертвы недуга, не подумай, мой друг, что у нас принято нарушать приличия, как в арабских странах, где каждый мужчина при виде дамы начинает откровенно ерзать рукой по штанам,

проверяя наличие. Интересно, что бы ты делал в подобной ситуации? Попытался бы возбудить себя сам? Что ж, твои монахи не были чужды онановому блюду, но не смешно ли заниматься этим при даме? Неплохо помогали в свое время желчный пузырь вороны, кунжут и муравьиная мазь, но их не было у меня под рукой, и вообще я даже предположить не мог, что со мной такое может приключиться! Вот бы сожрать кусок мандрагоры, которую прославил твой земляк Макиавелли! Но я не хранил у себя под койкой этот желтый фрукт, это яблоко любви, которым в Средние века кормили перед совокуплением слонов... прости меня. Как ни смешно, но в этой отчаянной ситуации я словно выключился и заснул. Совершенно неожиданно во сне мне явился Учитель, неожиданно добрый и ласковый.

– Не волнуйтесь, дорогой Мисаил, и не думайте все время о «Голгофе», это плохо влияет на эрекцию. Вове требуется время, чтобы разгрести все авгиевы конюшни, оставленные Бориской, выгнать к черту ворулю Касьяна и его клеветников, подрезать крылышки у олигархов, посадить Ходорковского и прочих неугодных типов. Он еще произнесет мюнхенскую речь, в которой честно предупредит Запад о смене курса, его еще отлучат от претенциозных, воистину идиотских сборищ мировых лидеров. Обязательно вернет Крым, где я обожал отдыхать, наладит патриотическую пропаганду по телевидению... А что касается вашей половой слабости, то вспомните, что бравый солдат Швейк лечил триппер термосом! Попробуйте этот рецепт. Как? Засуньте инструмент в термос!

Я пришел в себя, и увидел Розу, лежавшую рядом, заложив за голову худую веснушчатую руку. Прямо рядом со мной из-под мышек, нежных и беззащитных, вырывался ослепительно рыжий куст волос, прекрасные кущи, к которым никогда не прикасалась бритва. Сквозь окошко иллюминатора прямо на весь этот дурманящий куст падал солнечный луч, создавая иллюзию пожара, в котором каждая искра исполняла свой танец смерти, свой *dance macabre*. Виски сдавило от желания, и я вонзился губами в это пламя, задыхаясь от острого запаха. Без всякого термоса. Это был уже другой

человек, Джованни, это был гигант, переполненный бешеной живительной влагой, это был тот, кого Председатель уважительно именовал Мисаил, это была помесь Геракла с Самсоном, которому коварная Далила еще не успела отрезать волосы.

– Не спеши, – она скосила глаза подмышку, в которой бултыхалась моя голова. – Не спеши... А ты знаешь, что у меня от тебя сын?

– ???

– Представь себе. Наша первая встреча не прошла зря...

Сын? Тут меня снова парализовало. Я не знал, радоваться мне или рыдать. Мой ли это сын? Потребуется ли она от меня алименты? Во что дальше выльются наши отношения? Не будет ли она меня шантажировать? От первого неудачного брака у меня остались две дочери, которых глупая мамаша настроила против меня, и они не желали со мной встречаться. И вдруг сын...

– Не нервничай, – вдруг сказала она. – Это мой сын, и я ничего не хочу от тебя. Даже признания отцовства.

Честно говоря, я почувствовал огромное облегчение, и вновь любовь всколыхнулась в моей груди, словно возродившийся вулкан. В эту минуту в дверь каюты постучали. Черт побери!

– Кто это?

– Срочная от Батова, – отозвался голос Марфуши.

– Разве он не остался на корабле?

– Он с утра уехал на работу.

– Подержи у себя, я скоро встану...

Признаюсь, Джованни, что служба в КГБ постоянно мешала моей личной жизни: в самые пикантные моменты что-то происходило и срывало мои планы, причем, как правило, это были не только международные события вроде египетско-израильской войны, но и происшествия локального характера вроде самоубийства министра, бегства из дома любимого кота генсека или задержка автомашины для вояжа на рынок жены моего непосредственного шефа Бухгалтера. Роза уже встала и начала одеваться. Отнюдь не увянув в своих порывах, как декоративный цветок на

морозе, я бросился к ней и потянул всеми силами на ложе любви.

– Нет-нет, извини, потом, сейчас я тороплюсь, потом, потом, это должно быть красиво и долго, я хочу быть с тобой (тут она своей костлявой ручкой проделала то, что так любят арабы, при этом она коснулась сначала себя, затем меня... словно обожгла, и так все горело, все полыхало!), не будем торопиться, милый, увидимся вечером, только не забудь до-стать масла.

– Какого масла? – удивился я.

– Амброзии, разного, только не розового, это болгарская дрянь... лучше «Цветок пустыни», он растет в оазисе Фюон.

И ушла, бесшумно закрыв дверь каюты.

Фюон? Так это Египет. Кто же не знает фюонские фрески?

Через час я уже прибыл к Батову в его купеческий особняк.

– Удалось раскопать кое-какие концы... – Паша, как обычно, нацепил на себя темные очки a la James Bond, еще бы натянул бейсболку козырьком назад и выглядел бы полным кретином. – Гусь имел контакт с неким Гремицким, находившемся в немецком плену. Этот тип владеет кабаком, где вы нахлестались самогоном... Все выглядит весьма подозрительно. Ты давно знаешь Гуся?

– Да это же наш ценный агент, ему можно верить, как самому себе...

– М-да. Это не утешает.

Оказалось, что Гуся засекали с Гремицким в автомашине «Волга». Далее следы их затерялись.

– Не нравится мне все это, – сказал Батов. – Очень пахнет шпионажем и даже диверсией. Конечно, ты занимаешься высокими материями, но представь, что вдруг взлетает на воздух Волжская ГРЭС!

Паша, как обычно, нагнетал обстановку, это было в его стиле. Запросили Центр и о Гусе, и о Гремицком. На мгновенный ответ не рассчитывали, это в народном сознании работа спецслужб носит стремительный характер, в печальной практике, увы, наросты бюрократии настолько велики, что вся машина дребезжит и скрипит, еле-еле

проворачиваясь. Незаметно спустился вечер, и Батов предложил подъехать к нему и покалякать, чему я весьма обрадовался: будет шанс повидать Розу, мать моего ребенка... Боже мой, что со мной? Что за легковерие? Откуда эта сопливая буржуазная сентиментальность, которую всегда едко высмеивал Учитель?!

– А сестра дома?

– Не знаю, должна быть...

Роза, Роза, где ты? Помнишь у Петрарки, Джованни?

Власы – как золото; брови – как эбен;

Чело – как снег. В звездах очей угрозы

Стрелка, чьим жалом тронутый – блажен.

Уст нежный жемчуг и живые РОЗЫ...

Жил Батов в трехкомнатной квартире в довольно приличном доме, в столовой стояла большая стенка со слониками, мышками, кошечками и прочим животным сбродом, в его спальне была лишь железная кровать. Роза располагалась в гостиной. Широкий диван с двумя подушками, на которые была небрежно брошена ночная рубашка, причем лежала она так призывно, что хотелось зарыться в нее с головой, я даже нагнул голову и осторожно понюхал ее. Кальян у дивана (неужели курила гашиш?), стопка книг на письменном столе.

Признаюсь, Джованни, что информация о том, что человек читает, представляет для меня первостепенную важность, и я выбирал бы политиков не по их биографическим данным и обещаниям, которые еще Ильич сравнивал с коркой пирога, требующей слома ради сдобной части, я устраивал бы им экзамен по чтению. Именно экзамен – ведь каждый может ляпнуть по ТВ, что обожает Пушкина или Тютчева, или с детства штудировал Солженицына. Книжки если не раскрывают душу человека, то чуть приоткрывают ее и дают ключ для дальнейшего исследования, на чекистском языке – разработки.

Так вот: на письменном столе лежал томик Альбертуса Магнуса в переводе с латинского на немецкий, ты, конечно, читал этого доминиканского монаха и астролога, творив-

шего в Швабии. Именно он изобрел философский камень, превращавший металл в золото, и эликсир жизни, продлевающий наше печальное существование. Он даже изобрел работа, вид которого доводил до слез великого Фому Аквинского. Не думай, мессер, что я хочу навязать тебе идею о гениальности всех выпускниц ЛГУ (кстати, его закончил наш ВВ), особенно, корпящих над проблемами твоего творчества, я просто констатирую факты. Кроме Магнуса, на столе лежали три английские книжки некоего Алистера Кроули, почившего, кажется в конце сороковых. Жил он в Соединенных Штатах, где на отцовские деньги занимался черной магией, создавал секты, в которых не последнюю роль играл прекрасный пол.

Кроули считался основателем сексуальной магии, впрочем, мне думается, что он просто прикрывал наукообразием свои бесконечные оргии. Там он до крови прокусывал дамам руки (это он называл «поцелуем гадюки»), превратил одну свою почитательницу в верблюда, довел несколько дам до такого экстаза, что они вообразили себя птицами, забрались на крышу и собирались улететь в жаркие края (к счастью, оттуда их сняли пожарные). Однако человеком Кроули был неординарным: утверждал, что он – реинкарнация папы Александра Шестого, какал на ковры в домах, где устраивал спиритические сеансы, держал у себя в шкафу скелет, которого якобы поил и кормил своей кровью, крохотными колибри и настоем из кошачьей слюны.

Интересно, что там же лежал и томик Дали, аналогичный подаренному мне в Москве, я перелистал его и обратил внимание на отчеркнутый абзац: *«Рано утром я видел сон, будто произвел на свет множество белоснежных эскрементов, чистейших на вид и доставивших мне, пока я их создавал, изрядное наслаждение. Проснувшись, я сказал Гали: «Сегодня у нас будет золото».* Рядом с книгами на столе лежала довольно объемная косметичка, которую я по служебной привычке раскрыл. Каково же было мое изумление, досточтимый Джованни, когда я увидел там флакончики с маслами и эссенциями: «Гарем запахов», «Арабская ночь», «Пять секретов» и прочее. Так где же она

в конце концов? С Батовым мы досидели до позднего вечера, так и не дождавшись Розы, оставили ей приглашение на ужин и удалились на корабль. Перед уходом я незаметно сунул в свой атташе-кейс косметичку с маслами, рассчитывая, что, явившись домой (не от любовника ли – сердце мое облилось слезами и кровью!), Роза воспримет это как мой тонкий намек.

У трапа на «Ленин» нас встретила непроницаемая Марфуша. В музыкальном салоне витали Орел, Тетерев и Грач, в кресле дремал уже пьяный Дятел, мирно беседовали Куррица с бесстрашной Совой. В этот раз солировала вертлюжка Сорока.

НОВЕЛЛА

О ЗАГАДКАХ РУССКОЙ ДУШИ, ДОСТОИНСТВАХ ВОДКИ, ОСТРОТЕ АГЕНТУРНОЙ РАБОТЫ И ПУЛЕ В ЗАТЫЛОК

*Нам с музыкой – голэбою
Не страшно умереть,
А там – вороньей шубою
На вешалке висеть...*

О. Мандельштам

В Париже нужно жить и только жить. И не просто принимать пищу и вино, платить ренту, сдавать белье в прачечную и ходить на рынок – о, нет! В Париже нужно наслаждаться жизнью, словно завтра налетит чума. Любил бездумно крутить по центру, особенно в районе площади Этуаль, обожал вылететь по авеню Клебер на Елисейские поля эдаким фертом, чертовым миллионером (жаль, что у него скромный «пежо»!), или медленно проехать по бульвару Капуцинов, словно все капуцины мира, разинув рты, наблюдают, как виртуозно он водит машину. А вот по Монпарнасу лучше бродить пешком, нечего там пижонствовать на машине. Засунуть руки в карманы – и мимо высокомерных «Ротонды» и «Дом» (в сущности, и не понаслаждался ими вволю, визитировал лишь с оперативными связями, а разве это удовольствие?).

И тем более только и только на ногах по верхнему Монмартру, где дышалось совсем по-другому и у ног лежал весь невозможно прекрасный Париж. Там на Пляс-дю-Тертр завертелось, как в сказке, с одной молодой туристкой, красавицей-учительницей из родного Ельца, пудрил ей мозги, обхаживал луковым супом с твердой сырной коркой в раскаленных горшочках, петушком а-ля святой Жак и бесподобным бордо замка дю Брейль Киссак. Класс! Давно не бывал в Ельце. Патриархально, словно в глубокой старине, словно не восторжествовала советская власть, зелень выпирает из каждого двора, какие там яблоневые сады!

Какая рыбалка! Правда, долго не пробудешь – завоеешь от скуки...

Париж – всегда Париж, а весной от него сходишь с ума, и в Москву совершенно не тянет. Да разве там жизнь? Работа у черта на куличках, в загородном Ясенево, квартира – в другом конце, в застроенном-перестроенном районе «Войковской». Вот если бы жить на Тверском бульваре, а работать в здании «Известий» – тогда совсем другой колленкор! – не вставать в шесть утра, не лететь, сломя голову, к служебному автобусу, который ожидает у метро в семь и уже набит сонными коллегами. О, как обрыдли их морды!

По Парижу Виктор Кузнецов мог крутить целый день без всякой усталости, когда его приятель Извеков в шутку спросил, уж не планирует ли он сменить профессию разведчика на водителя, тот ответил: «Дело в том, что за рулем в Париже я чувствую себя человеком! Человеком с большой буквы!» И не врал. Подъехал к дому в переулке у авеню генерала Леклерка, рядом был дивный супермаркет, где он и Дина любили базарить – так они и говорили: «Пойдем побазарим!» – запарковал машину и побрел по авеню. Взгляд рассеянно упал на витрину, выхватил оттуда позолоченный торшер в виде вытянутой женской статуи, державшей над головой абажур с кистями. Такое видел то ли в Венсане, то ли в Версале, почему раньше так пышно и роскошно строили и жили, а теперь всех под одну гребенку? Кавалеры в камзолах и дамы в кружевных платьях, менюэты на зеркально блестящих полах, настоящая жизнь.

В Ельце и Москве Виктор в музеи не ходил, один раз подружка затащила в домик Достоевского, там подванивало, то ли рыбу жарили по соседству, то ли клей варили, да и вся атмосфера убогая, после этого и читать его противно. Зато в Париже пристрастился, стал похаживать, можно сказать, увлекся Роденом, но больше – по дворцам, где жили высочайшие особы, бултыхались в необъятных кроватях со своими Мариями Антуанеттами. Резные комоды, изящные гостиные гарнитуры, барокко или рококо, специальные шкафчики-витрины для безделушек, мраморные камины

с барельефами, рядом медные щипцы и совок со щеткой на случай, если вывалится кусочек горящего полена.

Дина ахнула, когда он приволок торшер, раза три спросила «сколько?» чуть не упала в обморок, узнав, что почти треть зарплаты, не понимала, дуреха, что живем один раз, и красивые вещи суть великолепная часть великолепной жизни. Тут дело не в дурной казацкой крови (этим она часто объясняла многие его прегрешения), и вообще поменьше о происхождении (деда-казака расстреляли, но при поступлении в КГБ он об этом умолчал), стены имеют уши, французские или советские – безразлично. Дина игнорировала его предупреждения, она столько наслушалась о конспирации на специальных курсах для жен разведчиков перед выездом из Москвы, и такие дебилы порою читали на них лекции, что после этого нужно было либо сойти с ума и разговаривать с мужем только на улице (и то опасаясь направленных, как растопыренные уши, микрофонов) или под одеялом, запустив пылесос, либо полагаться на здравый смысл.

– Только говори, что купил торшер по дешевке, – теперь уже Дина вошла в роль конспиратора. – Все завидуют друг другу, все сплетничают. А вообще, Витя, нам уже точно не хватит денег до зарплаты. Тут такие высокие цены за электричество... тут приходится платить даже за воду... это же ужас!

– А давай жить, как советник Галковский, – засмеялся он. – За пять лет они ни разу не были в ресторане. Говорят, они ходят в сортир по очереди: сначала дочка, потом мама, никто не спускает воду, последним идет папа, он это и проделывает. Огромная экономия.

Дина смотрела на него с восхищением, она любила его за размах, за пьянство, за мотовство и даже за то, что он иногда изменял ей с заезжими советскими актрисулями, особенно с циркачками, регулярно баловавшими парижан гастрольями. Греховные следы она обычно замечала в машине (куда еще податься несчастному советскому гражданину?), удобной и просторной, находила там гребенки и тюбики помады, волосы и шпильки, а однажды обнаружила на обшивке салона дыры, явно пробитые острыми каблуками, – какие танцы исполняли в машине можно было только догадываться.

Прикрытие вице-консула совершенно его не выматывало, хотя консулу, «чистому» мидовцу и балаболке, он постоянно жаловался на перегрузки. Работа детская: прием с десяти до двух, проблемы виз, наследства, гражданства, и все одно и то же, и никакого просвета, мура. Однажды явился статный старик с розоватыми щеками, аккуратной прической и манерами, от которых веяло утонченным аристократизмом.

– Константин Щербицкий, – представился он. – Не знаю, как вы отнесетесь к моей биографии, но не привык врать: в молодости я служил у генерала Врангеля, до тех пор пока из-за предательства англичан, французов и прочей сволочи нас не выбросили из Крыма.

Заявление сие не привело Кузнецова в восторг: белые навсегда оставались врагами красных, проку от них для разведки – как от козла молока, вербовать рискованно: французы держали их на крючке, как потенциальную «третью колонну». Чего изволите? Сущий пустяк: совершить вояж в Калугу, рядом до революции было родовое имение, где ваш покорный слуга появился на свет, но такого маршрута в «Интуристе» нет. И хорошо, подумал Кузнецов, зачем показывать иностранцам затхлую провинцию, если почти каждый месяц взлетают в космос спутники, потрясает Большой театр и функционирует украшенное Золотое кольцо?

– Может, в Москву или Ленинград? – бывший враг советской власти не вызывал у Кузнецова никакого интереса.

– Никогда не выносил столиц! Петербург и Москва – губители России! Хочу перед смертью в родные места...

И вдруг Кузнецов вспомнил патриархальный Елец, наверное, похожий на Калугу, и представил себя старым, почти столетним. Ему казалось, что жить он будет долго-долго, и тосковать и по Парижу, и по Ельцу! Самоуверенный хам из «Интуриста», отказавшийся помочь старику, возмутил его, случается же такое с секретными сотрудниками!

– Хорошо, я попытаюсь что-нибудь сделать для вас, но обещаю, что выйдет, но попытаюсь.

– Спасибо! – старик встал и протянул свою визитную карточку. – Я был бы очень рад, если бы вы согласились отобедать со мной. В русском ресторане, разумеется.

И отобедали. С балалайкой, расшитыми русскими рубашками, с густым борщом и пельменями и с прочей клюквой. И старик оказался интересным, читал под борщ Гавриила Державина: *«Багряна ветчина, зелены щи с желтком, румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны, что смоль, янтарь – икра, и с голубым пером там шука пестрая – прекрасны»*. Эрудированный старичок, не жмот.

– Вы когда-нибудь здесь бывали? – спросил Константин.

– Впервые. Все-таки это ресторан врагов народа, – и на юмор Кузнецов был способен, не слишком тонкий, но все же. Старик вздохнул:

– Беда в том, что вы действительно в это верите...

Ну вот, началось! Только еще не хватало копаться в прошлом, ставить под сомнение итоги Гражданской войны и вообще. Зачем лишние слова? Надо поехать, посмотреть на достижения и на жизнь рядовых граждан, на метро и троллейбусы, на новостройки, заглянуть в школы и детские сады. Это в Москве, без нее нельзя. Потом – в Калугу. Говорил заученные фразы, всматриваясь в худющую даму с красной розой на черном платье, она пела со сцены, блеск, а не дама.

*Здесь похоронены сны и молитвы,
Здесь под небом Парижа влажнеют глаза.
Корнеты, поручики, гардемарины...
Здесь порядно лежат голубые князья.
Белая гвардия, белая стая,
Белое воинство, белая кость...
Влажные камни травой зарастают.
Русские буквы – французский погост.*

Кузнецов славно выпил, размяк, с нежностью заговорил о Париже. О, Париж! И вдруг:

– Никогда не любил этот сутенерский город! Кем только я тут не работал! И таксистом, и рыбьим жиром для свиней торговал! И это я, гвардеец, потомок князей Щербицких! Как я ненавижу всех этих подлецов французов! Вместо того чтобы давать нам деньги и оружие, испугались своих вонючих пролетариев, и позорно нас бросили на произвол судьбы.

А потом? Тихо и мирно признали большевиков. Убийцу – Ленина признали!

– Но ведь Россия за вами не пошла, – возразил Виктор мягко, боясь обидеть.

– Россия поверила демагогии ублюдков... масонам, вроде Керенского, Корнилова, Колчака. Кем они были до государева отречения? Дерьмом собачьим! И вообще наш народ, как воск, – он покорен, глуп и доверчив, это нация детей!

Столь безжалостное отношение к соплеменникам сначала покорило, а потом он подумал: прав, старик, прав, чего ж обманывать самих себя? Нация разгильдяйская, хотя и добрая: крови проливали поменьше, чем на Западе, подумаете, Иван Грозный порешил тысячи четыре, да ведь гораздо больше вырезали гугенотов лишь в Варфоломеевскую ночь! И вдруг в 1917-м оборзели, залились кровью, подчинились воле большевиков.

– У нас в коммунистической партии другое отношение к русскому народу, – заметил Виктор, но Щербицкий лишь махнул рукой: мели, Емеля, твоя неделя...

По дороге домой стало стыдно: хамелеон, сволочь, а старик – молодец, рубит правду-матку! Кто знает, может, служил вместе в Крыму с дедом-атаманом, отца его частенько вспоминал, хотя о прошлом помалкивал. Вспоминал, когда напивался, облачался в черкеску с пустым серебряным патронташем на груди, брал гитару, пел: «Вот вспыхнуло утро, румянятся воды, над озером быстрая чайка летит» и, дойдя до места – «но выстрел раздался, нет чайки прелестной», неизменно пускал скупую слезу. Какая была черкеска! Совсем недавно он купил по случаю такую же, удивил Динку, войдя в полном казацком одеянии. Тут же выпил, завел разговор о деду и о дядьке, который попал в каталажку за какие-то политические дела на Кубани, а во время войны загремел в плен и исчез... Теперь уже Дина его сдерживала и показывала пальцем на потолок, словно именно там натыканы «жучки» ...

Резидент КГБ во Франции, низкорослый брюнет с искусным выражением лица, людей не любил и считал, что все они суки, собак же, наоборот, уважал и даже имел болонку. Кузнецова не жаловал за высокий рост и красивую наруж-

ность – беда всех несчастных карликов. Выслушав доклад о встрече со Щербицким, он сморщился (словно в горшок с головой залез) и заметил, что белая гнида и старый пердун советской разведке совершенно не нужен, нечего ему устраивать сентиментальных свиданий с родиной и тратить драгоценное время. Но Виктор настаивал: старик энергичен и здоров, дай Бог всем, у него куча связей, имеются дети и внуки (в перспективе могут тоже быть агентами!), почему бы его не использовать для дела?

– Что мы теряем, Александр Александрович?

– Ну ладно! – махнул рукой резидент, совсем окислившись. – Посмотрим, что из этого выйдет. Как говорил наш великий немец Энгельс: «Для того чтобы оценить йоркширский пудинг, его надо съесть».

Санкция была получена, и вскоре Кузнецов побывал на дне рождения Константина Щербицкого вместе с Диной: стол в лучших традициях, вокруг одни эмигранты, кроме улыбчивого Жерара Камбона, мужа дочки, занудного французика с бегающими глазами мелкого воришки. Беседа шла легко и весело под водку на лимонных корочках хозяйского изготовления, Виктор сентиментально рассказывал о России, словно зазывал на родину, что может быть лучше поездки куда-нибудь в Ростов Великий с ночевкой в монастыре прямо у озера? Щербицкий принес гитару, вручил вице-консулу. «Белая гвардия, белая стая, белое воинство, белая кость...». Советский – а поет, не боится, искренний парень.

Виктор надрался, хотя Дина удерживала, но не в смысле полной бессвязности, заплетающихся ног и головы в унитазе, такого никогда не бывало. Выглядел совершенно трезвым, словно резидент Александр Александрович, который свое отпил и зашил, как трепались злые языки, в задницу ампулу, поэтому он и злющий, словно кастрат на голой девке! Поболтал с Жераром, пропустили по рюмке-другой, тот оказался чудесным человеком, проникся, готов был помочь с бытовыми проблемами, как в ответ не поделиться казацким происхождением и не прихвастнуть, что дядя, наверное, живет в Париже? А почему бы нет? Почему бы пропавшему без вести дяде не поселиться здесь? Жерар

удивился: с каких это пор русских выпускают при родственниках за границей? Где работает дядя? Сколько ему лет? А фиг его знает, может, и не в Париже, а в Нью-Йорке, и вообще это – государственная тайна.

– Как говорила мадам де Сталь, в России все – тайна, но нет секретов, – съязвил Жерар и пообещал показать Виктору истинный Париж, известный только его жителям.

Виктор поцеловал дамам ручки, как на светском балу, старался не слюнявить белую кожу – уже чуть развезло. В машине обмяк, никак не мог объехать цветочную клумбу, а она оказалась упрямой и не двигалась с места. Дина молчала, только тихо ахала, знала, что в таком виде лучше его не трогать. Преодолевав клумбу, чуть зацепив бампером стоявшую машину, на трассе развил предельную скорость, задремал у красного светофора. Дома достал бутылку фундадора, испанское пойло, настоящее на клопах и предназначенное для советских бедняков, переоделся в казацкую форму и долго еще летало по квартире: «Белая гвардия, белая стая...»

Он и не подозревал, что попал в активную разработку: Жерар Камбон, милый родственничек Щербицкого, работал на самом деле не в частной фирме, а в контрразведке, об этой страшной тайне даже жена не подозревала.

– У моего тестя появился знакомец из русского консульства, между прочим, приятный парень, легко сходится с людьми и глушит водку, – доложил он шефу утром, улыбнулся и поправил бордовый галстук, сочетавшийся с темно-синим костюмом, на большую игру красок чиновничье воображение не замахивалось, к тому же, брюнет – во всем брюнет.

– Наверняка он работает в КГБ! – засуетился шеф. – Если глушит и свободно держится, значит шпион! О, как они умеют пить! Однажды на приеме в русском посольстве я вычислил всех и по тому, как держат рюмку, и как бегают глазами по залу в поисках контактов! – Шеф в прошлом работал психологом, отсюда все плюсы и минусы, pros & cons.

Ясно, но нужны более полные данные. Подключить чуждеса техники, усилить контроль за режимом дня, покопать связи, причем интенсивно, а не от случая к случаю. Через

месяц на столе лежал документ с компрами: бездумно тратит деньги, которых вечно не хватает, опять же водка и песни дома, конечно, не страшный криминал, в колонии все подраспущены, но зачем напяливать на себя казацкую форму? Зачем? И что это за дядя? Камбон запустил проверку в муниципальный архив, и к ужасу своему обнаружил, что в Париже проживало около шестидесяти Кузнецовых, по своим приблизительным параметрам походившим на дядю...

Нет ничего милее людей, оказывающих бытовые услуги чужестранцам, и радости Кузнецовых не было конца. Разве не небо ниспослало этого милейшего француза? Многие проблемы он решал легко и просто, например, покупку мебели для московской квартиры, кожаной, черт побери, с крупнейшей скидкой. Да и кто лучше Жерара был осведомлен о расписании парижских распродаж, кто лучше него знал магазины, где не бесстыдно надували наивных русских дураков, а продавали высококачественный товар, причем за сносную цену? Жерар научил пить перно, открыл кабаки, где протирали стулья великие, вроде видного писателя Андре Жида. Туда, в Кафе де Флор Кузнецов порой хаживал в гордом одиночестве ради собственного удовольствия, брал, как какой-то Андре Жид, лишь рюмку «анизет де рикар», и задумчиво смотрел через окно на монотонный поток автомобилей, погруженный в фабулу своего будущего романа. Раскрывал газету, небрежно пролистывал ее, закурив голландскую сигару, блаженно окуная губу в рюмку. Однажды с помощью французского друга приобрели настоящий чиппендейльский диван, восхитительно красный, от такого весь московский бомонд ахнул бы. Наметили приобретение персидских ковров, хрустальных люстр и карнизов для штор. Француз вел свою игру, русский – свою: оба затягивали в западню.

– А мог бы ты помочь мне в более серьезном деле? – спросил Кузнецов.

– Если смогу. Мы же друзья, – чуть напрягся верный друг.

– Одному русскому министерству очень нужна электронно-вычислительная машина последнего поколения. Но

КОКОМ, как известно, наложил эмбарго на экспорт в СССР. Эти машины почему-то считаются стратегическим товаром.

«Сволочь, – подумал Камбон, – а какой же еще это товар? Не зубная же паста!»

– Чем же я могу помочь?

– Выехать в командировку в Индию, открыть там на свое имя фирму и купить эту ЭВМ. Переправку ее в Союз мы берем на себя. Ты получишь очень хорошие комиссионные.

Для приличия Камбон помялся, поерзал на стуле, задал несколько наивных вопросов о технологии переброски ЭВМ, попросил время на раздумье и вскоре забросил ответный крючок: дядя Виктора действительно жил в Париже и умер всего лишь несколько лет назад, правда, удалось найти дружка покойного, он все это и рассказал. Печальное известие, у Кузнецова даже слезы на глаза навернулись, грустно без дяди, словно прожил с ним многие годы и вдоволь погуторил о жизни.

– Давай выпьем за упокой его души, Жерар.

Друзья подняли бокалы, хороший тост. Странная это штука – отсутствие корней, сначала этого не ощущаешь, шагаешь по жизни с партбилетом на груди. Какое кому дело до прошлого, когда все мы в будущем? Потом прорезывается интерес, перерастает в любопытство, а дальше просто жжет, не дает вздохнуть: что там было? что за предки? как жили и что во мне от них? Корни хватают за горло, отодвигают текущее в тень. Так и с дядей. Черт возьми, у него ведь родственники на Кубани! Поехать потом туда, всех разыскать, все рассказать! У них узнать побольше об отце, обо всей семье... Как он раньше до этого не додумался!

Шеф контрразведки нацелил Камбона на психологическое изучение объекта, всей подноготной вплоть до болезней его предков и перипетий детства – сказывался обожаемый Фрейд, о котором шеф написал в свое время целую монографию. Так хотелось иметь красивое дело! Доложить лично министру, поднять престиж великой Франции внутри НАТО! В конце концов, надоели ухмылки министра по поводу несовершенства службы, тому все время союзнички тыкали в нос своими успехами: то перебежчик с сенсацией, то мощная вы-

сылка дипломатов, то русский шпион, ухваченный в Лондоне у тайника, прямо на месте преступления. А Франция – будто и не великая держава! Раньше, бывало, сколько русских драпало в Париж, а в последние годы – с гилькин нос.

И самое ужасное даже не это: не удалось французам завербовать ни одного кагэбиста, ни одного, черт бы их всех подрал! Позор! Как же не появиться обиде и зависти к союзническим спецслужбам? Если к этому добавить несколько случаев, когда советские резиденты во Франции, очертя голову, уматывали в Англию, чтобы там завербоваться, то волосы встают дыбом: почему? чем обидели? чем не понравились? за что такая дискриминация? В НАТО поговаривали: побеги кагэбистов из Парижа в Лондон не случайны: французские спецслужбы пронизаны советскими агентами, просить убежище во Франции небезопасно, можно незаметно оказаться и на Лубянке.

О, если бы затянуть в сети этого русского! Открыть наконец счет, возможно, исторический! Дело решили лепить на дяде – идея, кстати сказать, психолога-шефа, считавшего, что антисоветизм имеет генетические корни, ergo: борцы с большевизмом дед и дядя передали этот настрой внуку-племяннику.

К разработке подключили русского белогвардейца, высвечивающего жизни своих соотечественников еще с довоенного времени. Бывший белогвардеец Василий Янков, давно уже архивный агент, а раньше статный красавец и танцор (один раз исполнял чечетку прямо на столе в «Максиме», где отмечали юбилей генерала Кутепова, жонглировал кинжалами с зажженными рукоятками), вкус к оперативной работе не утратил и ныне. Правда, шеф считал его полным дураком. Возможно, и дурак, а разве прославленная разведчица Марта Рише, околпачившая немцев, была Вольтером в юбке? А служивый в немецком посольстве по кличке Цицерон, кравший шифры у германского посла в Турции, вообще писать не умел и был тупым, как утюг. Если дурак, то это надолго, обобщал шеф. Все относительно, упорствовал Камбон, отца нации Клемансо в свое время тоже считали полным кретином, а потом его вознесли, как гения.

Обмозговали со всех сторон и порешили сделать ставку на Янкова – на безрыбье и рак рыба.

А у Кузнецова легкие неприятности: приятель Извеков, у которого вечно дурно пахло из синегубого рта (а ведь интеллигентен на вид, по-французски шпарит, словно Бальзак!), тот самый Извеков, восхищавшийся Диниными борщами, взял да и настучал шефу: мол, приобрели супруги шикарную кожаную мебель, по средствам ли? Александр Александрович вызвал на ковер, легко позондировал, получил объяснение, что мебель куплена с огромной скидкой, с помощью Камбона, коего поручено затягивать на бытовке, чего еще? Тут Кузнецов сообщил о согласии француза уехать на подвиги в Индию – серьезный сдвиг в разработке, запахло приличной вербовкой, если, конечно, притащит образцы. Все равно резидент побурлил, поговорил о вреде пьянства, посоветовал не терять чувства меры, вести здоровый образ жизни, ходить в бассейн, пораньше ложиться спать эт сетера, эт сетера. Кузнецова озадачил, отправил домой, а сам долго не мог успокоиться, вспоминал боевую молодость: ведь горел огнем, ведь вербовал направо и налево, заливая успехи высококачественным спиртным. Потом пришлось завязать: вырулил на руководящую работу, маленький, черненький, с уксусной улыбкой.

Камбон готовил Василия Янкова к операции, кормил агента в ресторане. Тот дорвался, ел жадно, стыдился этого, старался замедлить темп, но не получалось. Время от времени поднимал слезящиеся глаза на Камбона. Хоть и развалина, но блеск в очах еще сохранился, морда склеротическая, хитер по-плебейски, прямо скажем, до Вольтера далеко, а что делать? Редко встретишь по-настоящему умного агента, занятие все-таки не самое почтенное, и это ужасно, и всегда угнетает любого честного сотрудника секретной службы. Но дело есть дело, Жерар со слов Кузнецова приблизительно описал внешность дяди, помнил лишь расплывчатую лысину и добрую улыбку, тут даже Ленин сошел бы. Разработали легенду знакомства с дядей, конечно же, на вечере памяти великого Ивана Бунина (не в пивной же!), где собирался весь цвет тогдашнего парижского казачества, для убедительности нуж-

ны детали: в перерыве столкнулись в буфете (где еще могут встретиться русские?), выпили, разговорились, прониклись.

– Надеюсь, что вы оправдаете наше доверие, – сказал Камбон и достал сигару. По-лакейски улыбаясь, Янков достал спички и дал прикурить, что вообще-то, по мнению джентльменов, равносильно предоставлению своего члена в руки соседа для мочеиспускания. Вскоре Жерар затащил Кузнецова на квартиру к Янкову, на деньги французской контрразведки (у шефа душа переворачивалась от скупости, но все-таки отвалил) Василий закупил черной икры и закатил настоящие блины. Во время пиршества и поведал историю своей дружбы с дядей Николаем Григорьевичем, хорошим и отзывчивым человеком (словно прямо из некролога).

– Ваш дядя был герой... большевиков, извините, за людей не считал.

Прекрасный идеологический ход, своего рода зондаж: возмутится или нет из-за славных большевиков. Виктор не обратил никакого внимания, зато огорошил:

– Где он похоронен?

Янков захлопал глазами, потер лоб. Идиот, что ты не телишься? думал Жерар, скажи что-нибудь! Конечно, промашка моя, ах, эти легенды, разве можно все предусмотреть? Он даже вспотел и чувствовал, как из подмышек поднимается кислая вонь, словно открыли столетней давности сундук со старыми башмаками.

– Ты же говорил, что на русском кладбище, на Сент-Женевьев-де-Буа! – вмешался, не выдержав, Жерар.

– Господи, совсем память отшибло, проклятый склероз! – запоздало нашелся Василий.

– Так поедем сейчас туда! – предложил Кузнецов, разгоряченный водкой.

Господи, какой ужас, как я влип! Любой непродуманный экспромт таит тысячи мин, дернуло же за язык с этим кладбищем – Жерар от волнения выпил целую рюмку.

– Сейчас... сейчас я не готов... – заблеял Василий

– Тогда завтра!

Жерар сильно нажал под столом на ногу идиота, да так больно, что тот чуть не заорал, забегал глазами, но ничего

не понял – как истолковать этот тайный жест ноги? Завтра или послезавтра? Или никогда?

– Завтра? Хорошо...

Сволочь, мудака, зачем ты согласился? Шеф был прав: с идиотами каши не сваришь! Что делать? Какой выход? Жерар распустил воротник рубашки и выпил еще стопку, затем еще... Сейчас бы уйти, посоветоваться, но обещал Кузнецову досидеть до конца, не каждый день такая радость. Вечер катился по всем неписанным правилам русской пьянки, звучали тост за тостом, брэнчала гитара, которую принес хозяин, и Виктор орал: «Белая армия, белая стая...» В десять вечера, еле ворочая отходящим в небытие сознанием, Жерар, обильно поблевал в туалете и, не простившись с русскими забулдыгами, выполз на улицу.

Шеф-психолог любил засиживаться допоздна, поразмыслить в одиночестве над бумагами (кстати, режим сей был придуман неспроста, раз в неделю после работы его принимала любовница, подруга еще с институтской скамьи, тоже по части психологии, а жена была, как Отелло, душивший Дездемону). Он уже собрался домой, когда грохнула дверь и на пороге появился растерзанный Камбон.

– Несчастье, шеф, этот дурак сказал, что дядя похоронен на русском кладбище. Кузнецов уже рвется туда...

Все-таки психология – элитарная наука, она учит уму-разуму. Шеф не чесал со скрипом голову, а нашелся сразу: повелел Жерару привести себя в порядок (тот заерзал рукой по ширинке, словно только в ней и было дело), прекратить причитания, срочно выехать с бригадой на кладбище, срочно найти достойное место, срочно сделать крест и срочно имитировать могилу.

Проникнуть на кладбище ночью – все равно, что в шифровальный центр, – задача неразрешимо трудная. Шеф прибег к помощи своего министра, тот позвонил мэру города и поднял его с постели, пришлось все объяснить проискаемыми таинственной банды шпионов, нашедшей укрытие среди могил. Последовало указание чиновнику, связанному с кладбищами, тот позвонил смотрителю в Сен-Женевьев-де-Буа и приказал допустить туда полицию.

Всю ночь по русскому кладбищу, словно мрачные призраки, затеявшие шабаш, деловито бродили контрразведчики, освещая могильные плиты фонарями, никто из них и понятия не имел, что тут покоились великие люди России: и Бунин, и Шмелев, и Зайцев, и Алданов... И вдруг неожиданная удача: среди похороненных офицеров дроздовского полка обнаружили некоего Кузнецова, инициалы имени и отчества были затерты. Пришлось решиться на кощунство и их проставить, естественно, с расчетом все восстановить в прежнем виде, не будет же этот русский псих регулярно бегать за город на могилу дяди? Разбудили гравера, взяли у него подписку о неразглашении тайны, и кутру работа была закончена.

Утро это оказалось необычным и для Виктора Кузнецова: раскрыв глаза, он с удивлением обнаружил себя на чужой кровати, рядом с храпящим, гнусного вида старцем. Вспомнил, что напился в дупель, внял призывам Дины (ей ухитрился позвонить ночью по телефону) и не сел за руль. Виктор с удовольствием ткнул старика в бок, тот проснулся и тоже обомлел от вида незнакомца, в голове еще бродил туман. Новые друзья легко опохмелились и выхлебали по тарелке кислых щей. Дабы дурак Янков опять не нарубил дров, Жерар взял операцию под свой контроль, подкатил на машине и повез обоих прямо на кладбище. Возложили розы, Виктор чуть прослезился, Янков присоединился, Жерар повздыхал...

Тем временем дело о выезде Щербицкого разрешилось положительно, и тот вскоре оказался в Москве. Столица отнюдь не очаровала его, особую ненависть вызывали коробкоподобные дома, загадившие старомосковские улицы, зато он проникся любовью к кремлевским соборам, побывал на службе в Елоховской церкви, был принят сановной церковной особой в Коломенском, где ужинал в краснокирпичном домике с дивным видом на Москва-реку. Правда, у мавзолея Ленина, оглянувшись и убедившись, что на него никто не смотрит, старик плюнул на булыжники Красной площади, напугав сидевших рядом голубей. Эскортировал Щербицкого гид – агент КГБ, пекущийся о светлом имидже социализма и одновременно, согласно плану, поднимавший авторитет

Кузнецова: и влиятельная персона, и добрейший человек, такому нужно быть обязанным по гроб.

– Товарищ Кузнецов просил свезти вас в Вязки под Калугой, обычно мы это не практикуем, но для вас сделаем исключение. Помните, Пушкин писал: «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»?

Пушкина Константин помнил, а вот о Вязках сохранились лишь туманные осколки воспоминаний: катание на санках с горы, когда он врезался в дерево и уже дома мама прикладывала к голове мокрое полотенце, пасхальную гонку на птице-тройке («Слышен звон бубенцов издалека» – пели самозабвенно), острые покусывания ветра, начиненного снежинками, церемонные обеды, на которых ему всегда доставалось за лишнее слово или за без спроса взятое пирожное (зато, когда разбил тарелку Веджвуда, никто даже бровью не повел). Да и не мог он помнить имения, ибо отец продал его, когда сыну исполнилось пять лет, и вся семья переехала в Харьков, а потом началась война, и совсем юный Константин добровольцем ушел в армию. Дальше две революции, Гражданская война, все вертелось и крутилось, как во сне, пока не закончилось в Париже.

За километр до Вязков машина застряла в грязи, и Щербицкому с гидом пришлось идти пешком. Кривые дома с полуразрушенными оградами, пьяный мужик в рваном ватнике, спящий в луже, коровы и козы, мирно обкладывающие дорогу своими кучашариками, буйная березовая роща, молодуха с коромыслом через плечо (словно с картины Кустодиева, откуда такая в этой дыре? кто тут остался? нормальные люди ведь давным-давно сбежали в город!), группа добрых алкашей, галдевших, словно вороны, около сельпо, они заулыбались хорошо одетым, помахали руками. Около призрачного скелета церквушки, усеянной зловещими воронами, к ним присосалась ветхая старушка.

– Вы чьи будете? – задремезжала она.

– Да жил я здесь когда-то, – ответил Щербицкий. – Тут дом был белый, большая усадьба...

Старуха не понимала, хлопала глазами, и Щербицкому стало противно – зачем он сюда приехал? Все равно уже не

вернуть того мальчика в матроске, бегавшего по липовой аллее парка! Старуха вдруг напряглась и по-пролетарски озлобилась:

– Да сожгли эту буржуйскую усадьбу, туда ей и дорога! А то жирели, эксплуатировали трудящихся! – она разразилась мелким смехом, и все вокруг стало еще противнее.

По дороге в Москву глотал водку прямо из бутылки, гид проникновенно рассказывал об очередном пленуме ЦК по сельскому хозяйству и его революционных решениях. На следующий день вылетел в Париж, там постепенно отошел от визита. Россию не переставал любить, но она превратилась в другую, в чужую, совсем ему непонятную. Плевать Западу на Россию, у него свой интерес! А страна весьма поганая, но и раньше о мерзости российской писали, вот у Блока о купчишке, обсчитавшем ближнего и потом целовавшего церковную икону... «*и на перины пуховые в тяжелом завалиться сне. Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне!*»

По приезде Константина Щербицкого ожидал сюрприз, причем, с одной стороны, неприятный, а с другой, как ни странно, очень даже радостный: дочь объявила, что разводится с Жераром (старик поворчал, но в меру, зятя он давно недолюбливал), а заодно раскрыла и величайшую семейную тайну: отвергнутый муж работал во французской охранке, сам в это признался, когда она случайно нашла его документы, но просил помалкивать. Теперь дочка всласть рассказывала о мерзком полицае и стукаче, готовом удавиться из-за каждого франка, к тому же еще бабнике, а заодно и импотенте, к которому она быстро потеряла интерес, – тут дочь немного пофантазировала, ибо особого интереса к Жерару не имела и в начале супружества, тем более что многие годы была связана с русским любовником и считала французов мыльными пузырями, красивыми и манящими с виду, а на деле все они импы...

История с кладбищем тоже вылезла наружу. Щербицкий ахнул, тут же припомнил некоторые вопросы о вице-консуле. Как это он, честный русский офицер и дворянин, стал пешкой во французских руках и втянул друга Виктора в грязную ловушку охранки? Тут же позвонил и попросил встречи.

Выпили пива в дешевом бистро, недалеко от дома Щербицкого, там он и раскрыл истинное лицо своего бывшего зятя, вылил на него столько, что даже сам удивился.

– Кто такой Янков? – спросил Виктор.

– Васька? – глаза у Щербицкого загорелись. – Знаю я эту суку... он еще в тридцатые нас закладывал...

Когда расстались, неистовый Константин заскочил домой, взял палаш – святую реликвию прошлого и на такси помчался к Янкову. Тот и ахнуть не успел, как Константин ворвался в квартиру, и огрел по голове хозяина (чуть промазал, больше перепугал), Янков завизжал и помчался от взбешенного Константина, размахивавшего оружием. Наконец настиг, бросил на кровать и стал дубасить палашом плашмя по ягодицам, комната вздымалась от стонов и мата.

Впрочем, энергия у Щербицкого не иссякла, и он тут же помчался к бывшему зятю, правда, тут события развивались несколько по другому сценарию, ибо Константин забыл палаш в такси, а потому с ходу запустил в хозяина декоративной керосиновой лампой. Жерар охнул и обхватил двумя руками пораженный череп, а Щербицкий вдруг схватился за сердце, застонал и медленно опустился на пол. Вызванная скорая помощь констатировала острый сердечный приступ и отвезла старика в больницу...

«Боже, какое счастье, что произошел развод, – думал Камбон, – ведь дети наследуют худшие качества родителей, представляю, в какое чудовище превратилась бы дочь Константина с годами! Тоже, наверное, выросли бы клыки и нос загнулся бы, как у ведьмы. И вообще русские – ужасны, и пора перейти в другой, более спокойный отдел, лучше работать с англичанами или даже с арабами».

Утром шеф контрразведки с нескрываемым любопытством рассматривал синяки Жерара – тот был растерян и подавлен. Просил совета, как избежать полной расшифровки перед Кузнецовым – ведь старик наверняка все разболтает. Шеф хмыкнул и мягко намекнул подчиненному поискать единственный выход из положения. Какой выход? Страшный намек поверг Камбона в полную растерянность, он побледнел (и курицы в своей жизни не зарезал, и даже мух убивать

считал зазорным, полагая, что в любом живом существует душа, и наши несчастные души после ухода во тьму переселяются и в травинки, и в мышей, и в мелких рыбешек) и ретировался из кабинета.

Неужели шеф намекал на убийство? Боже! Не мог набожный католик Жерар Камбон отравить своего бывшего тестя. Жерар промучился всю ночь, страшные видения представляли перед ним: то он душил тестя подушкой, и тот хрипел, медленно синел и разрывая зубами запекшиеся губы; то сжимал ему челюсти рукой и запихивал в рот яд, сверкали золотые коронки, он задыхался и кашлял, брызги летели изо рта; то бил его по голове бронзовой статуэткой Наполеона, взятой напрокат из кабинета шефа...

Но жизнь всегда соблюдает счастливое равновесие, несчастья балансируются счастьем, иногда даже в таких дозах, что страшно становится за будущее, которое может все сбалансировать в противоположную сторону. Вот и наутро на работе несчастного Жерара ожидала радостная весть: ночью Константин Щербицкий скончался.

На похоронах народу было негусто, соратники покойного уже давно почил в бозе, Камбон вместе с Василием Янковым несли гроб (оба испытывали чувство глубокого удовлетворения и считали, что Щербицкого покарал Господь за агрессивность), присутствовали и Кузнецов с Динной, собственно, ради беседы с ним Жерар и прибыл. Как положено, покойного отпели в русской церкви, после панихиды скромная процессия двинулась к свежeweыкопанной могиле, застучали комки земли о крышку гроба – и все было кончено. Затем традиционные поминки, слезливые тосты, обсуждение достоинств покойника, вакханалия фарисейства, все быстро напились, забыли, зачем пришли, хохотали, рассказывая анекдоты.

– Константин Константинович был для меня, как отец, – говорил Кузнецов, сдерживая слезы. – Я не могу говорить о нем, как о мертвом. Это был жизнерадостный человек, он любил веселье и наверняка, будь он сейчас на нашем месте, не позволил бы нам бесконечно сокрушаться и рыдать. Я хочу спеть для него нашу любимую песню.

И он запел: «Белая гвардия, белая стая, белое воинство, белая кость...»

Жерар пил осторожно, помня о печальном опыте, и временами посматривал на Кузнецова, тот держался непринужденно и улыбался французам, видимо, Щербицкий не успел раскрыть ему глаза. Выбрав удобный момент, Жерар отозвал его в укромный угол.

– Я договорился об открытии фирмы в Индии, Виктор, – сказал он многозначительно, буравя русского своими черными, как у галчонка, глазами.

Реакция оказалась совершенно непредсказуемой – о, эта загадочная русская душа!

– Щербицкий мне все рассказал, Жерар, не будем зря заниматься маскарадом. Я готов сотрудничать с вами. Мои условия: счет в парижском банке, особняк в хорошем районе, французское гражданство, естественно, тайно, оплата не как клерку, а по количеству переданных документов. Через год я возвращаюсь в Москву, потом, очевидно, снова вернусь сюда.

Жерар не поверил своим ушам, жар-птица сама шла в руки, такого разворота событий он совершенно не ожидал и даже растерялся.

– Значит, вся эта затея с Индией отпадает? – обрадовался Жерар.

– Наоборот, вы дадите мне письменное согласие на сотрудничество с КГБ, будете под расписку получать деньги и работать по моим заданиям. О вашей вербовке я доложу начальству, естественно, умолчав, что вы контрразведчик. Это поможет моей карьере.

Он уже давно все продумал: большевики растерзали Россию, убили деда, сломали жизнь его отцу и дяде, выгнали цвет нации с родины. А он, как червяк, пресмыкался перед этим режимом, так и выйдет на пенсию, и отдаст концы... Разве все это не подло? Служить французам – тоже невеликая радость, но он попытается сохранить независимость, с ними сотрудничали и такие корифеи, как атаманы Краснов и Семенов, это совсем не шпионаж, а если и шпионаж, то ради высоких целей, ради народа. Он поработает на французам,

накопит деньги, поселится в Париже и уйдет с головой в деятельность антисоветских организаций, он знает дело, он оживит их работу...

Сладкий запах победы бродил по французской контрразведке, такого никогда не бывало. Шеф восседал на своем кресле не бесцветным психологом, а гордым павлином, его заместители светились от счастья, а Жерар скромно стоял посреди комнаты и докладывал о своих наметках. По случаю знаменательного события выпили бутылку шампанского «Мумм», потупив сияющий взор в сияющее шампанское, шеф толкнул короткий спич, отметил заслуги Жерара перед отечеством, намекнул и на свое мудрое руководство, призвал к высокому профессионализму в дальнейшей работе с русским противником. В тот же день о блистательной победе было доложено самому министру, а тот конфиденциально поведал о ней лично президенту, на всякий случай умолчав о фамилии новоиспеченного агента, ибо президент был социалист и не пользовался особым доверием в кругах патриотов-голлистов, к которым принадлежал министр.

Работа на благо французской разведки закипела, Кузнецов засыпал ее всевозможной информацией и идеями вроде создания в Париже боевой группы из эмигрантов для переброски в СССР в случае «горячей ситуации», французы только хватались за головы от таких предложений. Шпион из него вышел эффективный, но бесшабашный, иногда он прямо копировал секретные документы на ксероксе в резидентуре, порой запросто уносил их домой и передавал Жерару для фотографирования, из лени пренебрегал миниатюрным «миноксом».

Жерар тщательно готовился к встречам с Кузнецовым, иногда это были «моменталки» в парках и на глухих улицах, впрочем, эта практика не радовала Виктора, он любил посидеть и потолковать в ресторане, ему претила роль статиста, передающего документы. Психолог-шеф уже давно пришел к выводу, что работа на чужую разведку – это болезнь ума и психики, посему на агента нужно смотреть как на феномен нестандартный и шизофренический, пьянство и капризы

Кузнецова он объяснял подспудными нагрузками на его голову, они-то и выталкивали наружу энергию.

– Что у вас такой скорбный вид, Жерар? Или вы недовольны моей работой?

– Мы вас высоко ценим, Виктор, но ради Бога, не говорите громко, ваш французский блестящ, но с акцентом, официанты весьма наблюдательны... вы же профессионал!

– Черт побери, можно подумать, что я – единственный русский во всем Париже. Да нас тут, как сельдей в бочке! Разве у меня на лбу написано, что я вице-консул, а не князь Оболенский?

Все это во весь голос, с громовым хохотом – о ужас!

Париж огромен и заниматься там шпионажем – одно удовольствие. Это не Стокгольм, где половина жителей знакомы друг с другом, и не Пекин, где на каждого белокожего смотрят, как на льва в клетке, и не большая деревня Люксембург, и не Москва, где сыщики так набили себе руку, что знают каждый дырявый дом и проходной двор. В Париже – разведчик живет, как иголка в стоге сена.

Два года пролетели волшебным образом, как в сказке, престиж французов взлетел, и даже в разведывательном комитете НАТО на них перестали смотреть, как на бедных родственников, питавшихся крохами с чужого стола. Кузнецовские материалы вносили свежую струю в оценки советской научно-технической мощи, и по этому случаю низкорослый шеф удостоился приглашения в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли...

Любому счастью, как и жизни, приходит конец: командировка Кузнецова истекла, и супруги собрались домой. Работать ли с агентом в Москве? Все знали, как опасно работать в советской столице, насквозь пронизанной наружкой, но не лишаться же из-за этого ценного источника? Можно, конечно, сделать ставку на встречи за границей, но кто знает, будут ли баловать Кузнецова командировками? Но самое главное даже не это. Шеф контрразведки не желал передавать агента внешней разведке, имевшей свою резидентуру в Москве. Из службы, совершившей воистину подвиг, уплывал агент и к кому? – к кому?! – к жалкой разведке, которая десятилетиями была баклуши и черпала всю информацию

от истеричных русских поэтесс и прочих диссидентов, сочинявших философские эссе в котельных и мечтавших попасть в анналы истории. Шеф собрался с силами и уговорил министра не менять кураторов Кузнецова – зачем в дело втягивать лишних людей? – очень деликатно намекнул и на то, что разведка, находясь на территории противника, подвергнута проникновению «кротов».

Жерар, как ключевая фигура операции, поступил на интенсивные курсы по разведподготовке, обложился атласами и картами Москвы, в которой он был обязан плавать, как рыба в воде. С трудом нашли издателя – бывшего агента, под «крышу» которого посадили Жерара, специально установили отношения с московским «Прогрессом», наконец, дабы фанатичный КГБ привык к новому представителю издательского бизнеса, решили на начальной стадии организовать несколько бросков Жерара в Москву без всяких оперативных заданий, а лишь с целью адаптации к столице. Никаких восторгов Москва у Жерара не вызвала, тем более что поселился он в безвкусной коробке с характерным названием «Космос» – хаос, бордель, сервис на уровне палеолита, жулье и черный рынок на каждом шагу.

Наконец определился день отбытия Кузнецовых в Москву. В посольстве был дан шумный бал для своих, виновник торжества традиционно надрался, и пел сочиненную им песенку о жизни советской колонии:

*А у меня сплошные передраги:
Крючок я на рыбалке в нос всадил,
Вновь в туалете кончилась бумага,
И сам посол кому-то засадил...*

Скандално, конечно, резидент Александр Александрович еле сдержался (хотя про себя радовался, что обскакали посла), но все же посоветовал Кузнецову быть на людях посдержаннее.

Перед отъездом совершил прощальную прогулку по Парижу, покрутился на les Halles, заскочил в Сан-Еустахский кафедрал; он частенько бывал там раньше, любил слушать орган, который и сейчас грустно пел ему: «Адье, адье,

адье!» Торжественно, словно сам Ротшильд, вошел в отель «Крийон», где в свое время жили участники Парижской мирной конференции, там за сумасшедшую цену отведал рюмку «реми мартен», затем, как идиот-турист, прошелся вдоль Сены рядом с букинистами, посидел в скверике, грустно смотря на туфель философа Монтеня, традиционно бросил франк в реку и удалился домой. Через два дня отбыли поездом в Москву...

Перед каждой командировкой в советскую столицу на Жерара налетали страхи: господи, не могли найти другого, более опытного сотрудника, чаще выезжавшего из Парижа, не избалованного комфортом! Ночами ему грезилась беспощадная наружка, ходившая за иностранцами бампер в бампер, а если надо, нагло прокалывающая колеса. О, этот КГБ! И «ласточку» впихнут в номер, не успеешь очухаться, а она уже прыгает у тебя на груди! И скрытая камера сделает жуткий фильм!

О, этот КГБ! И венерической болезнью специально заразят, а потом начнут шантажировать и затягивать в свою нору! Или нанесут радиоактивную пыль на подошвы, проверяйся хоть целый день, за тобой даже тени нет, а на самом деле все схвачено, и сыщики попивают водочку, любуясь его рандеву с Кузнецовым.

Снилось метро, где он постоянно путался (русский осваивал туго, жалел, что не использовал в свое время бывшую жену), на улицах и переулках без всяких указателей он чувствовал себя, как заблудший путник в глухом лесу, с ужасом ожидающий беспросветной мглы, зубовного скрежета диких зверей и особенно прохладно-скользких касаний змей, любивших тихо подползти и ткнуться головкой в ладонь...

– Может, мне поговорить с американцами или с англичанами? Перенять опыт у них? Не раскрывая, естественно, агента, – спросил он однажды шефа.

– И вы туда же! То же самое долдонит мне и министр! Мол, у нас нет опыта и так далее. Франция – великая страна, и мы как-нибудь обойдемся без советов из-за океана, а особенно от соседей-лавочников из Альбиона, которых не удалось проучить Наполеону!

Подготовка к ответственному заданию изрядно измотала Жерара, и он даже похудел на пять кило. В издательстве «Прогресс», где он иногда показывался, на него смотрели косо, явно, как на шпика, – это угнетало: если уж у сограждан он вызывает подозрение, то что говорить о традиционно подозрительных русских, видевших в любом иностранце опасного врага?

Наконец, настал страшный день, и Жерар вылетел на проведение операции с ценным агентом. Как только стопы французского разведчика коснулись столицы, на него налетела паранойя: везде чудилась слежка, смотрели из-за каждого куста, из-под земли и из космоса, отражались от стеклянных витрин, от фонарей и мокрого асфальта. Он дергался, иногда рывком входил в подъезд, мчался, задыхаясь, вверх и замирал, слушая, хлопнет ли дверь вниз. Наконец, он пересел за руль автомашины, но это только все усложнило: города он совершенно не знал, сбивался с маршрута и однажды по ошибке доехал аж до Клина, думая, что направляется к Красной площади.

Перед днем явки он не мог заснуть, несмотря на успокоительное. С утра выпил много кофе, все внутренности горели и дрожали, но чувствовал он себя героем. Выехал на машине, проверился, бросил ее у метро и проехал несколько остановок, затем сел в троллейбус и сменил его на автобус. Роковая встреча должна была состояться недалеко от входа в Измайловский парк, неожиданно там оказались толпы народа: власти разрешили свободную торговлю, и все вокруг было облеплено художниками с полотнами, кустарями и скульпторами – не продохнуть! К счастью, Кузнецов сориентировался, отошел метров на сто в сторону и оттуда помахал Жерару рукой – тот только содрогнулся: а что если за ним пришла наружка?

– Вы не знаете, как мне проехать в Сокольники? – начал Жерар словами пароля.

– Да ты что? Спятил? – удивился Кузнецов, обнял Камбона и трижды расцеловал. – Я уже и забыл, какой у пароля отзыв... Можешь меня пощупать, если не веришь, что это я. Кстати, место ты подобрал для встречи отвратительное,

я сюда добирался целый час... – он улыбался в своем синем элегантном пальто и с непокрытой головой, словно на дворе стояла не русская, а парижская зима. Будто место подбирают для большего комфорта! Будто пароль не обычная необходимость! Разгильдяйство агента не укладывалось ни в какие рамки, особенно когда он заявил, что притащил на встречу целый чемодан секретных документов и оставил все в машине, черт побери! А если в нее залезет наружка или просто воруяга?! А ведь в Париже строго договорились не парковать машину рядом с местом встречи, это же в любом учебнике записано. Да и марку машины выбрал словно специально для иностранного агента: «шевроле»! Хотя и подержанный, но привлекает внимание. Зачем это? Тут Кузнецов запросто втолкнул его в машину – это уже совсем нонсенс, любая милицейская проверка – и каюк! Как можно объяснить присутствие французского гражданина в автомобиле сотрудника КГБ?

– Садись, я соскучился даже по запаху Парижа, как там дела? Поедем в хорошее место и выпьем по случаю встречи!

Они мчались по Москве на бешеной скорости, Виктор был беспечен и оживлен, словно они гарцевали на лошадях по Булонскому лесу, раскланиваясь со знакомыми кавалерами и дамами. Чемодан с секретными документами, горевший идефикс в голове Жерара, болтался в багажнике. Вдруг их остановил милиционер – душа Жерара ушла в пятки, – хотел оштрафовать за превышение скорости, но Виктор помахал у его носа своим кагэбэшным удостоверением и преспокойно продолжил путь. Почти рядом со зданием Лубянки Кузнецов затормозил и запарковался.

Жерар снова облился потом: а вдруг его верный агент все время вел двойную игру и сейчас пригласит его на допрос к следователю, затем международный скандал, суд над шпионом без дипломатического иммунитета, застенки далекой сибирской тюрьмы, где уголовники разыгрывают иностранцев в карты...

Да и ресторан Кузнецов выбрал самый центральный, переполненный иностранцами и агентами КГБ (в списке Жерара он фигурировал как полностью запрещенный для

оперативных мероприятий): шикарный «Савой». Камбон от страха потерял дар речи, но повиновался, вылез из машины, слабо указал на багажник, Кузнецов лишь махнул рукой в ответ: ерунда! В «Савое» Виктора встретили как родного. Еще бы! Там он не раз встречался со своей агентурой, его прекрасно знали как сотрудника КГБ, ценили за веселый нрав и хорошие чаевые. Логика Кузнецова покоилась на том, что лучший способ конспирации – это отсутствие конспирации. Может быть, самое надежное – это быть самим собой, ну кто станет докапываться, с кем именно пришел поужинать известный кагэбист? Кому придет в голову, что он сам агент иностранной разведки? Разве агент лезет на рожон и на публику?

Официант даже не предлагал меню, а тут же подал ужин а-ля Кузнецов: хотя там и не было изысков французской кухни, но стол ломился от русских яств. Виктор, естественно, упился, и хотя Жерар хитрил и уклонялся, ему не удалось вырваться из цепких объятий Бахуса, осознал он это лишь когда исчезла нервозность. И неопикуемая сцена (о если бы увидел шеф!): Виктор с гитарой на сцене, рядом пьяный Жерар, гремел щедро одаренный оркестр, оба друга с надрывом пели «Белая гвардия, белая стая...», вдохновленный зал радостно рукоплескал, и раздавались крики «браво»! Как в хорошем парижском театре, только с другим ударением, даже профессиональные стукачи подходили потом к столику с рюмками, жали обоим руки и пили за здоровье. Кому-то из них Жерар представился, к счастью, умолчал, какую службу представляет. Вечер закончился суматошной, нетрезвой ездой по Москве в поисках местожительства Жерара, тот совершенно забыл, в какой гостинице живет, и лишь заплетающимся языком объяснял ее общий вид.

Проснулся Жерар с тяжелой головой и с ужасом обнаружил рядом чемодан с секретными документами, который, как он с трудом припомнил, самолично втащил в гостиницу «Космос» Кузнецов, сказав, что тут ксерокопии и возвращать их не надо. Что делать? К счастью, у Камбона был предусмотрен контакт с французской резидентурой для отправки документов дипломатической почтой, он выдал

условный звонок по телефону, это означало срочную встречу в городе.

Увидев чемодан (с ним Камбон, страдая от похмелья, добирался до явки на такси), второй секретарь французского посольства поднял брови так высоко, что они чуть не умчались далеко за тучи. Затем они возвратились обратно, и дипломат вылил на Жерара помои (словесные) и заявил, что немедленно сообщит о вопиющем нарушении конспирации в Париж, забрал чемодан (дотрагивался, словно до мины) и уехал, даже не попрощавшись с мужественным разведчиком.

Вернувшись в Париж, Жерар доложил шефу о всех перипетиях в Москве, сгладил многие углы и умолчал о страшном вечере в «Савое» (позорная деталь: объяснение на невнятном языке с прислуживавшим в туалете стариком, которого он приглашал в Париж, а тот помогал ему облегчить желудок, за что получил чаевые в размере пятидесяти франков), шеф смотрел на него с интересом, задумчиво мерцая совиными глазами.

– Вы должны заставить его тщательно соблюдать конспирацию!

Как будто Жерар этого не знал! Как будто он не проштудировал все учебники!

– Как я могу заставить его, как?! – в отчаяние вопрошал Жерар. – Вы не знаете этого сумасшедшего!

– Но вы же его так провалите! А документы, которые он нам дает, просто бесценны. Даже американцы оторопели, когда я им кое-что сообщил.

– Я попытаюсь сделать все, что могу! – сказал Жерар. – Если не удастся, я прошу найти мне замену. Возможно, вам лично будет интересно поработать с агентом... – Это, конечно, был удар ниже пояса, но шеф его проглотил и принял невозмутимый вид.

Если бы французы знали, как бесшабашно работал Кузнецов в штаб-квартире разведки в Ясенево, то и шеф, и Жерар Камбон наверняка лишились бы сна: он запирался на ключ у себя в кабинете и целыми ворохами фотографировал документы. Иногда в дверь стучали сослуживцы, иногда

звонил телефон, это его совершенно не беспокоило, он все объяснял делами.

Жизнь была прекрасна, и у него закрутился бурный роман с секретаршей отдела Валей. Началось все случайно, он снимал копии после работы, она тоже задержалась, постучала к нему в кабинет и попросила подвести до метро. Весна за окном томно приглашала к себе, зазывно пели на деревьях ясеневские птички, разгоряченное солнце расставалось с днем, медленно скрываясь за лесом, который окружал здание разведки со всех сторон. Валя улыбалась в своем розовом костюме, подаренным ей от всего отдела ко дню рождения. Страстное соитие произошло прямо на столе среди секретных документов, на которые секретарша не обратила никакого внимания. Оказалась, что она уже давно по уши влюблена в Кузнецова и намерена любить его до гробовой доски. Валя оказалась бесшабашно-темпераментной дамой, внезапность события подлила масла в огонь и, если бы не боязнь ночного обхода, любовники остались бы в кабинете до зари.

На очередную явку с агентом Жерар вылетел через месяц, получив инструкции вести оперативную работу в самых жестких рамках, не идти на поводу у беспечного Кузнецова и выдать ему хороший куш в рублях, не забыв сообщить о размере сумм, капавших на его счет в парижском банке. Рандеву снова было в Измайлово, правда, уже внутри парка, решили не уступать разгильдяю, настоять на своем. Они медленно шагали по аллее, на пути встречались редкие старички и старушки, нагуливавшие и без того розовые щечки. Камбон заметно нервничал, но старался говорить основательно и торжественно.

– Ваши материалы получили самую высокую оценку, и по нашему представлению вы награждены орденом Почетного Легиона. Кроме того, если вы пожелаете принять французское гражданство, с нашей стороны не будет никаких препятствий. Кроме счета в парижском банке на ваше имя приобретен особняк, где вы сможете жить в случае поселения во Франции, – и Жерар протянул фотографию как вещественное доказательство доброй воли французского правительства.

Увидев фотографию, Кузнецов, весьма прохладно слушавший монолог Камбона и больше созерцавший игры бечки на березах, заметно оживился.

– Какой прекрасный особняк! Скажи, а я могу меблировать его за ваш счет? Обставить чиппендейльской мебелью. Боже, как я хочу в Париж! Ах, черт побери! Поехали отсюда в «Савой», помнишь, как чудесно мы в прошлый раз там гуляли?

Камбон в ужасе замахал руками, словно ему предлагали прыгнуть в пропасть, стал убеждать, что это опасно и что он вообще не может ничего есть из-за язвы. Не преминул он и указать, что приезжать на своем «шевроле» к месту встречи – это безумие, да и деньги следует тратить осторожно...

– Да иди ты к черту! – вдруг взорвался Кузнецов. – Только еще не хватало, чтобы французские охламоны учили работать ветерана разведки! Так ты едешь в «Савой»?!

– Нет! – твердо сказал Жерар и даже легко топнул ногой, подкрепляя тем самым свою неумолимую позицию.

– В таком случае я прекращаю работать с вами! – Кузнецов повернулся и пошел в другую сторону. Ошеломленный Жерар застыл на аллее, в голове мелькнуло страшное: агент исчезает навсегда, не оставляя никаких концов, и он, несчастный Жерар Камбон, докладывает об этом беспрецедентном и из ряда вон выходящем событии шефу, а тот молчит, крутя пальцами шариковую ручку. И он побежал, побежал быстро, словно по дорожке стадиона, он сам не ожидал от себя такой прыти, тем более что в жизни не занимался ни одним видом спорта.

– Куда ты, Виктор? Остановись! – он схватил Кузнецова за рукав и неожиданно упал. Это развеселило капризного агента, он помог Жерару подняться и даже отряхнул его одежду.

– Хорошо, поедем не в «Савой», а в «Метрополь»! – сказал Кузнецов, делая вид, что пошел на уступку, хотя Жерар прекрасно знал: отели находились почти рядом, и публика в них не различалась.

В «Метрополе» все повторилось, правда, к счастью, в тот день оркестр не играл, и потому дуэта, как в прошлый раз, не состоялось. Жерар всеми силами удерживался от разглаголь-

го пьянства, но это было сложно: Кузнецов обижался, орал на весь зал, что француз его не уважает, предлагал пить на брудершафт, сцепив в локтях руки, а Жерар то отпивал полрюмки, то незаметно выпускал водку в бокал с оранжадом... И все равно он надрался, хотя и не так страшно, как в «Савое». Единственное, чего удалось добиться Жерару, – это уговорить Кузнецова не везти его прямо в отель «Украина» (там он остановился, разочаровавшись в «Космосе»), а высадить рядом с метро «Бауманская». Далее, покачиваясь и помахивая кузнецовским портфелем с секретными документами, он прошелся по переулкам, надеясь обнаружить за собой «хвост». Бдительный Жерар не видел, что за ним с интересом наблюдает из машины наряд милиции, решавший, забирать ли его в вытрезвитель или оставить в покое. Но стражам порядка было лень связываться с пьяным, а тут появилось такси, и Жерар благополучно добрался на нем до гостиницы...

Валя оказалась прелестным цветком, и Виктор не на шутку втюрился. Чаще встречались вечерами на рабочем столе, заваленном материалами, от сознания риска у Кузнецова утраивались силы, он захлебывался от счастья и еще больше любил ее. Иногда после трудового дня выезжали на природу, иногда на хлипкую речушку Битца по боком или в лесозону для отдыха трудящихся, там иногда они баловались шашлыками.

Однажды после жаркого дня, посадив Валю в «шевроле», он выехал из Ясенево и по Успенскому шоссе добрался до заветной полянки рядом с Москва-рекой, где и был разбит пикник, багажник выполнял роль передвижной кухни, наполненной напитками и деликатесами. Ужин начался великолепно, выпивали и закусывали, объяснялись в любви, выкупались, полюбовались речкой, по которой иногда проносились катера, охранявшие госдачи, – зачастую они гоняли дикарей, бултыхавшихся в заповедных водах, снова выпили, и разгоряченный коньяком Виктор потащил свою возлюбленную в кусты. Но нашла коса на камень – не понять загадку женской души! – уже давно в тихом омуте Вали бродило неугасимое желание оформить отношения в законный брак, и эмоции вышли из-под контроля.

– Не хочу, – сказано было твердо.

– Это еще почему? – удивился Кузнецов, не ожидавший такого удара.

И тут вдруг покорная Валя превратилась в грубый фонтан красноречия:

– Ты свою жену по кустам таскай! Хорошо устроился! Я видела на днях твою уродку, строит из себя интеллигентку...

– Это ты о Динке?! Ах ты, блядь! – жену он любил как составную часть собственного эго, как свою офицерско-казачью честь. В глазах потемнело, и он, не раздумывая, огрел ее бутылкой шампанского по голове. Валя истошно закричала и лишилась чувств. Кровь брызнула ему на костюм. Он медленно протер глаза, глядя на разбитую голову, лежавшую на клеенчатой скатерти, с нее стекала кровь на траву, на пустые бутылки, на кусты, он смотрел и не знал, что делать. Тряхнул головой, не веря своим глазам, выпил стакан водки, аккуратно зацепил итальянским раскладным ножом шпротину. Кошмар. Ерунда. Сейчас мертвая оживет и скажет, что она притворялась. Что произошло? Как это случилось? Что делать? Валя лежала в кровавой луже, уткнувшись головой в клеенку. И вдруг он увидел перед собой пожилого дачника в соломенной шляпе и с суковатой палкой, с корзинкой грибов в руке, явно случайно забредшего на поляну.

– Ты убил ее, убил! – кричал человек растерянно, и в ушах только звенело: «Убиииил!»

Голова словно выключилась, стала мутной, словно наполнилась кровью, он схватил нож, вскочил и ударил старика прямо в сердце, тот покачнулся, начал оседать, но Виктор бережно, словно дорогое существо, придержал его и нанес еще два удара. Страх уже давил, уже закручивал, уже нес его с места преступления: машина, Успенское, полная скорость, все дальше и дальше, кольцевая, не заметил красный светфор, вот и дом, запарковался. Привычная, уютная квартира, Дина в переднике, ожидавшая к ужину, счастливая семья.

– Что с тобой? – ахнула она, впуская его и в ужасе глядя на окровавленные лицо.

Виктор прошел в свой красного дерева кабинет, разделся догола, вышел в столовую, тоже красного дерева и сплошь

увешанную репродукциями импрессионистов, и протянул обрызганный кровью костюм перепуганной жене. Красный, невозможно красный, фатально красный цвет!

– Сожги все это!

Дина суетливо сунула одежду в пакет, но он остановил ее.

– Разорви на куски и сожги в уборной! – сердце у Дины сжалось, стало жалко импортный унитаз – ведь с таким трудом приобретали по благу.

Виктор залез в ванну и долго плескался там и пыхтел, затем переоделся в новый костюм, внимательно изучил себя в зеркале, и остался доволен собственным видом.

– Что бы ни случилось, Витя, я всегда буду любить тебя! – Дина, плача, прильнула к нему.

– Все обойдется, Динка, я же везучий!

Что обойдется? Он поехал в церковь, где шла служба, там помолился у икон, поцеловал руку батюшке, но долго оставаться в толпе не было сил, его тянуло назад, туда, где два тела – что с ними? А вдруг ничего, и хохочут оба: «Разыграли!» (навязчивая мысль). Снова сел в «шевроле» и стал просто крутить по московским улицам, хотел успокоиться, но руль уже жил по своим законам, совершенно неожиданно машина вырвалась на Успенское шоссе, хотел уехать, развернуться, но тянуло, завораживало, ехал и ехал, пока не остановился недалеко от поляны. Уже стемнело, он осторожно двинулся туда, увидел фигуры милиционеров и окаменел: двое несли носилки с телом, прикрытым простыней, только тогда он увидел на дороге скорую помощь. И вдруг он чихнул. Зажал рот, но снова чихнул.

– Эй, кто там? – молодой парнишка-милиционер уже прытко бежал в его сторону, он дернулся, побежал, ломая кусты, услышал сзади предупредительный выстрел, вокруг кричали, словно его преследовала целая стая, вдруг зацепился за торчавший корень и рухнул на землю.

Навалились трое, скрутили руки.

– Это он! – Валя раскрыла глаза. О, как он обрадовался, что не убил ее!

Суд был коротким и закрытым (власти пеклись о престиже сотрудников органов, не дай бог, если народ прослышит,

что они тоже...) за убийство мужчины он получил пятнадцать лет, не так уж и много – учли состояние аффекта, заслуги перед родиной, да и Валя не стала заваливать и показала, что все произошло чисто случайно, бросал, мол, бутылку, но попал в голову.

Посадили его в общую камеру, набитую прожженными урками. Его холеная внешность и правильный выговор вызвали в камере хохот, почти сразу же к нему начали приставать, всячески унижали, он попытался отбиться, но драться не умел. Ночью его насильовали всей камерой, изгалялись друг перед другом, веселились до упаду. Нет, он не умер, но стал по-другому двигаться и говорить, словно уже его и не было, а какой-то механический человечек исполнял его функции, выносил парашу, подметал, а большей частью неподвижно сидел, уставясь в одну точку.

Напрасно Жерар Камбон выходил на запасные встречи и явки, напрасно посылал условные вызовы – агент исчез, и этому не было никаких объяснений. В Париже царил паника: заболел? срочно уехал? испугался и решил прекратить работать?

– Мы должны его найти! Снова выезжайте в Москву, попробуйте позвонить ему домой, узнать у жены, вы же знакомы с нею.

И снова Москва, и вечный страх, что тебя выследят и схватят, и мокрые от волнения руки, сжимавшие трубку телефона-автомата.

– Могу я поговорить с Виктором? – Жерар не представлялся.

– Его нет дома... – осторожно ответила Дина.

– А когда он будет?

– Он в командировке. А кто это говорит? – она узнала голос Жерара по акценту.

– Его знакомый, – и он положил испуганно трубку.

Дина жила в постоянном страхе за судьбу мужа, свидания с ним были редкими и оставляли у нее жуткие впечатления. Иногда она звонила бывшим коллегам мужа, те высказывали свое сочувствие, говорили осторожно, витиевато – дело Кузнецова и так черным пятном легло на всю разведку. А вдруг

помогут? Дина не верила в вину мужа, ей казалось, что он пал жертвой странной, таинственной интриги, а тут еще звонок Жерара, не пожелавшего представиться. Сняла трубку и связалась с бывшим покровителем Александром Александровичем, уже вершившим французские дела в должности начальника отдела.

– Александр Александрович, здравствуйте! Это жена Кузнецова. Сейчас один человек интересовался Виктором, явно с иностранным акцентом.

– Кто такой?

– Он не сказал, – Дина решила не высказывать своих подозрений. – Как там Виктор? Я хотела поехать во Владимир, но мне не дают свидания.

– Пока потерпи. Мы будем давить, чтобы ему срезали срок.

– Спасибо...

Шеф многозначительно посмотрел на своего заместителя Извекова, дымящего «Голуазом». Информация Дины не представляла ничего нового: телефон прослушивался, и Извеков только что завершил установку Жерара Дюкса, который оказался Жераром Камбоном, известной разработкой Кузнецова. Почему этот француз регулярно наезжает в Москву под чужой фамилией? Чем объяснить его поиски Кузнецова? Подозрение накладывалось на подозрение, заодно Извеков припомнил, что Кузнецов вывез из Парижа хорошую мебель и картины. А «шевроле»? Откуда такие деньги? Шефа эти доводы в восторг не привели.

– У меня тоже мебель из Парижа, значит, я – французский агент?

Возможно, подумал Извеков, мечтавший занять место шефа, кто знает, если всю историю раскрутить, то может выползти на свет такая правда, что Александр Александрович загремит в провинцию за развал работы с кадрами.

Извеков стал муссировать это дело к неудовольствию начальника отдела, кому приятно, если в родную нору залез чужак? Самое ужасное, что в таких делах сложно давать отбой: сразу возникает подозрение – почему? Шефу пришлось, скрепя сердце, идти в фарватере у сверхдиректора

заместителя. Решили провести встречу и поговорить по душам, выехали во Владимир.

Он стоял перед ними, мертвенно-бледный, равнодушный ко всему на свете, выжатый-перевыжатый лимон, ничего общего с жизнелюбом, которого они знали. Допрос повел Александр Александрович: вкрадчиво, нежно, с улыбкой, с участием, с желанием помочь, спасти из тюрьмы – известные приемчики, к ним еще легкая провокация, мол, арестовали Камбона, который признался во всем... Впрочем, старались напрасно, Кузнецов не стал запираяться, с ходу выложил все детали, рассказывал безучастно, словно о другом человеке. Признался в работе на французскую разведку, а что еще надо?

Военный трибунал, измена родине, вышка. Было неинтересно слушать судью с генеральскими погонами, в голове крутилась улочка с виноградниками в Монмартре, по которой он шел с Константином Щербицким, светило солнце, и тот рассказывал ему о виноградниках в Крыму, из которых он отстреливался от наступавших красных. Что Крым, если существует Париж – дегустации в музее вина, прогулки по улочкам Латинского квартала, где девушки улыбаются в упор, попыхивая сигарками...

Увели, перевезли, спустили на лифте, он шел по коридору в сопровождении трех конвойных, указали на дверь, он открыл ее и сразу же получил пулю в затылок.

Все закончилось, душа отлетела, и в небе звучало:

*Белая гвардия, белая стая,
Белое воинство, белая кость...
Влажные камни травой зарастают.
Русские буквы – французский погост...*

Со мной творилось черт знает что, словно я тяжело заболел. Хорошо, Джованни, когда знаешь о причине недуга, но настроен оптимистически, как англичанин Самуэль Пипс, считавший, что от любой болезни можно избавиться, подержав лапу зайца, а от зубной боли помогают зубы мертвеца, при этом желательно вырвать их зубами прямо изо рта трупа. Роза есть Роза есть Роза. Но она не пришла.

Казалось, что я никогда в жизни не испытывал такого сильного вожделения, никогда. Пытался погасить его мыслями о «Голгофе», но – о позор! что сказал бы Учитель? – Роза полностью заслонила это главное в моей жизни дело. Боже, как я ее желал! Никогда раньше я не думал, что секс может овладеть мною столь безраздельно, впрочем, если поразмыслить о том, что совокуплений на одну секунду бытия приходится в сотни раз больше, чем рождений и смертей, то становится ясно, что наши классики серьезно преуменьшили этот фактор, увлекшись с головой политэкономией.

Но зато ты, флиртующий флорентинец, задолго до них показал сумасшествие страсти – как тут не вспомнить верную супругу из твоей новеллы, которая, забыв о трупе мужа в соседней комнате, бесстыдно отдается его другу. Роза есть Роза есть Роза. Я так и не сомкнул глаз, все ждал и ждал...

Уже забрезжил рассвет, я вынул из косметички флакончик с надписью «Flower of Sakka», этот дикий цветок растет в оазисе Фюон, помочил палец в масле, тут же по каюте разлился непередаваемо тонкий запах. Я даже запустил во флакон кончик языка, запахло так одуряюще, что я решил не

чистить зубы. В десять я уже поднимался по лестнице купеческого особняка у городской площади.

– Я допросил директрису продуктового магазина, любовницу Гремицкого, – отрапортовал утром Батов. – Ничего компрометирующего о нем она не сообщила. Добрый человек, легко тратит деньги. В последние годы пристрастился к зарубежному туризму, имеет кредитную карточку «Мост-банка». Машина, в которой видели с ним твоего Гуся, объявлена вместе с ними во всероссийский розыск. Нам остается только спокойно ждать.

– Ты поздно вчера уехал с корабля?

– А я и не ездил. Ты уехал один... (Неужели я спятил? Ведь точно помню, как мы сидели рядом, пока я не ушел в каюту).

– А Роза туда приезжала?

Он сделал каменное лицо.

– Она весь вечер была дома. Если хочешь, позвони... Кстати, Роза пришла поздно. Сейчас она дома, можешь ей позвонить.

Сказал и деликатно вышел из кабинета. Умница.

– Роза? – голос мой стал хриплым, не голос, а свистящий шепот, так говорят после тяжелого перепооя из кабины ресторанный клозета, когда швейцар стучит в дверцу и нагло заявляет, что там не принято сидеть больше часа. – Роза, я ждал вас весь вечер. Может быть, сегодня вы удостоите нас своим вниманием? (Заметь, Джованни, как трудно я перехожу на «ты» с женщинами).

– Хорошо, – сказала она просто. – К семи я буду на «Ленине».

И ни слова о косметичке, словно ничего она не заметила. Роза есть Роза есть Роза...

Время тянулось, как тяжелая вечность.

Беседуя с Батовым, я пытался найти общее между ним и сестрой, мое правило – изучать всю генерацию (и дегенерацию). Сколько раз я счастливо открывал характер объекта разработки, внимательно рассмотрев череп и полистав биографии его предков, вдумываясь в их недуги и отклонения! Небезынтересны были для меня взгляды и поведение Павла, сестра и брат вышли из-под одного и того же пера,

и ключик разгадки Розы вполне мог таиться и в братце (о, как я был прав!).

В прошлом мой приятель был человек исключительно советский, пел дифирамбы Леониду Стабильному, в беседах со мной он так расхваливал и Михаила Рулевого, и Бориса Властолюбивого, и все нынешнее правительство, что я невольно подумал: а вдруг ему известно, что за спиной этих фигур действую я со своей «Голгофой»? Слова дурного о нынешних лидерах невозможно было вымолвить. На каждый тезис у него имелся антитезис.

Михаил все развалил и ничего не создал? – А как иначе было возможно преодолеть яростное сопротивление им же руководимой партии?

Борис жизнь отдаст ради власти и ляжет на рельсы, только если останутся поезда? – А разве все остальные не такие?

Гайдар отпустил цены и всех обчистил? – Иного входа в рынок быть не может, а обчистил он малый процент, ибо народ у нас всегда жил с голой задницей.

Остановилось производство? – Туда ему и дорога! Оно военизировано на 70%, не жрать же это оружие? Не превратить же его в рыбу или мясо?

Закрыли шахты? – И чудесно! Они нерентабельны, все страны их закрывают!

Война в Чечне? – Правильно сделали, что начали и вовремя закончили. Время от времени пускать кровь идет на пользу народу, он интуитивно ее жаждет, это разряжает; одновременно получают боевую закалку войска, которые давно разучились воевать вместе со своими разжиревшими генералами.

Не платят пенсии? – Очень разумно, у нас и так треть населения пенсионеры, нация от этого страдает, необходим естественный отбор.

Погорели на финансовых пирамидах? – Хороший урок и для дураков, и для умных, только осознав свою глупость, обретаешь мудрость.

Не платят зарплату? – Это закаляет нацию, заставляет ее искать и дерзать, менять профессии, а не протирать всю жизнь штаны на мизерной зарплате.

Народ обеднел? – Ерунда! Рестораны забиты, хотя их число увеличилось в сотни раз. Люди сдают квартиры и дачи, на эти деньги отдыхают на Ривьере, вся Россия застроена современными коттеджами.

Небывалое классовое расслоение? – Единственное средство динамичного развития общества: кучка сильных тянет за собой воз со слабосильными лентяями, постепенно прягая их в свою колесницу.

Взятки? – Конечно, плохо, но неизбежно на этапе первоначального накопления капитала, все цивилизованные страны прошли через это! А разве в Италии, Корее или Японии не сидят видные мужи за взятки?

Нищие и бомжи? – Раньше было не меньше, выползли на свет, как тараканы, чем быстрее помрут, тем лучше для здоровой части общества.

Расширение НАТО? – Ну и что? Они на нас не нападут, и вообще, к счастью, мы уже не великая держава. Голландцы не лезут в великие державы, зато хорошо живут, и вообще лучше НАТО, чем тоталитаризм. Кстати, НАТО ни с кем не воевало и Восточную Европу не захватывало.

По Батову, дикий капитализм принес счастье народу, впервые раскрыл ему глаза на себя и окружающие страны, чему способствовали открытие границы. Если раньше у советского человека, по сути дела, не было стимула для труда, то теперь, когда он видит особняки с джакузи, радостные морды «новых русских» и даже проституток, забивших нарядами богатейших западных леди, этот стимул появился и, словно гвоздь в заднице, подвигает граждан на новые свершения. Откуда такая необычная любовь к нашим реформам? Может быть, он чокнутый? Ведь даже само правительство отзывалось о своих деяниях критически.

– Но разве Борис Властолюбивый не запятнал себя кровью в октябре 1993-го или в чеченской войне? – спросил я.

– *«Государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его, потворствуют беспорядку»*, – процитировал он Макиавелли.

Чуешь русскую закваску, почтенный Джованни? Тебя бы в наши края, и не на баллату, а на российский пляс, когда не продохнуть! Иосиф Грозный – тоже молодчага, хотя по сравнению с ним все кровожадные Медичи годятся для детского сада. Почему нас всегда так волнуют полководцы, загубившие миллионы, или сатрапы, пролившие море крови? Цезарь, Ганнибал, Иван Грозный, Наполеон, Гитлер, Сталин? Отнюдь не Данте или Пушкин, Верди или Чайковский? Или Бенвенуто Челлини, серебряных дел мастер, или ты, наконец, блестящий мессер Джованни Боккаччо? Неужели так порочны, так испорчены наши души? Или все проще: человек одинаково может творить и зло, и добро, негодяй и убийца – обожать детей, разводить кроликов, плакать на концертах Шопена, жертвовать на строительство храмов и писать лирические стихи. С другой стороны, борец за свободу и отсидевший в тюрьмах демократ вполне может быть идиотом, которого нельзя допускать к государственному рулю, гнидой, жмотом, распутником, гомиком, казнокрадом и полным невеждой.

В свое время мы много рассуждали на эту тему с Юрием Владимировичем, спорили даже о том, во что одеваться нашим реформаторам. Невольно на ум приходили большевики: Владимир Неистовый – в кепочке, его друг Яша Свердлов – в кожанке, Иосиф Грозный – во френче, с трубкой во рту и в сапогах, его соратники: шляпа и пенсне – интеллигентный Молотов, толстовка со шнуром вместо пояса – крестьянствующий дедушка Калинин, гимнастерка и наган на боку – маршал Ворошилов, соломенная шляпа и узорная рубашка – кукурузник Никита Беспокойный. ЮВ волновало: брать ли все это на вооружение или сохранить стиль Леонида Стабильного, когда все в костюмах, при галстуках и фетровых шляпах, лишь Суслов в кепочке? До конца он это не решил, а ныне разнообразие уступило место тоскливому однообразию, у всех короткие стрижки, большинство, вместо элегантных макинтошей, носит курточки, ходит с открытой головой и обожает спортивные кроссовки.

Но все это семечки по сравнению с Розой. Она явилась ровно в семь, хотя я уже приготовился к многочасовым

мукам ожидания, два раза стукнула в дверь своими костяшками (я тут же вспомнил об Анку!), вошла прямо в мои трепещущие объятия, обдала меня жарким дыханием, перемешанным с ароматом лотоса, сняла лифчик, и прямо у моего рта задрожали напряженные соски. Светло рыжий пушок попал мне в ноздрю, и я нелепо чихнул, обрызгав все вокруг.

– Возьми в косметичке «Пять секретов» и натри мне грудь! В этом масле эссенции жасмина, мимозы, нарцисса, фиалки, гелиотропа, сирени и многих других цветов...

Я достал пузырек, задыхаясь от волнения. Коснувшись груди, я стал осторожно, словно боясь измять ее, то бишь, грудь, втирать масло. Объект моих усилий медленно наливался соками и становился упругим, как футбольный мяч. Именно в тот момент я вспомнил знаменитый мяч, который мы гоняли всем правительством с показом по ТВ в первые месяцы после августовской эйфории. В наше время это стало традицией, и наше правительство во главе с ВВ постоянно радуется зрителей своей спортивной формой.

Я втирал и втирал, соски набухли, и казалось, что они лопнут и божественный нектар зальет мне глаза. Уверен, что в Италии вряд ли встретишь такую грудь, от подушковых, висячих окороков флорентийских мадонн меня тянет в сплин. Не случайно Дали подрисовывал подобным мордovorотам усы. Я задышался от сладости ощущения, от дурманящих ароматов масла, я целовал ее и двумя руками втирал ей масло в спину и бедра. Роза есть Роза есть Роза.

– Подожди, натри себя...

Я схватил другой пузырек и налил немного в ладонь.

– Нет, нет, не этот... Возьми «Секреты Нила», там зеленый горошек, апельсин, лилия, гвоздика, черный нарцисс и золотая вода.

– Что это за золотая вода?

– Потом узнаешь! – и нетерпеливой рукой она вырвала из косметички флакончик и вылила все на меня.

Как ни странно, Джованни, к этому моменту мы оба уже были полностью обнажены и напоминали неприличную картину великого художника Томаса Роулансона. Она натирала меня быстро и бесстыдно, не обходя ни одной части

тела, от этих ласк, сначала медлительных, затем переходящих на бешеный галоп, когда каждая клетка превращается в один горящий факел... Нет слов, Джованни, мы сплелись в одно существо! Единый, горячий, скользкий, восхитительно вибрировавший организм. Из экстаза меня вывел стук в дверь, это была, конечно, Марфуша, теперь я уже понимал, что ей руководит не служебное рвение, а элементарная бабская ревность.

– Все собрались в салоне и ожидают вас! – отрапортовала она через дверь.

Черт бы их всех побрал!

Пришлось натянуть кальсоны, впопыхах оторвав пуговичку. Распалился я невероятно, и все от этого масла, даже белье намокло и прилипло к телу.

– Вы пойдете со мной? (Заметь, Джованни, что, несмотря на апогей страсти, я не перешел на «ты»).

– С огромным удовольствием, я теперь никуда от ТЕБЯ не уйду! – ответила она.

Моя компания встретила Розу с настороженным безразличием, хотя я уверен, всем было дико интересно, что за даму я приволок на корабль. Был вечер Совы, она вырядилась в закрытое бархатное платье, словно чтица-декламатор на эстраде, и казалась еще значительней и отвратительней, чем обычно.

О ГЛУПОЙ ДАШЕ И БЕЗУМНОМ КРИСЕ, О НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ ЛЮБВИ И О ШПИОНАХ, КОТОРЫМ ЭТО НЕВЕДОМО

Одни умны, как Софья Ковалевская, красивы до безумия, как Лиз Тейлор, а никакой любви в помине, торричеллиева пустота. А дурам везет. Ну что в ней, в простой уборщице чекистского клуба на Дзержинского? Вытянул брательник из деревни, сам пробился в ЧК еще в двадцатом, трудился хозяйственником, но все же вытянул и папашу – бедняка и пьянчугу, и ее, Дашку Смирнову. Мать не успел – умерла. Поселил всех в полуподвальной двухкомнатной квартире у Чистых прудов, устроил на работу в достойный клуб. Чего еще желать? Не писаной павой была, но и не уродиной: двадцать семь лет, образование – сельская школа, мускулистая, широкоплечая, с оттопыренной и аппетитной, бедра что надо, короткая стрижка по последней комсомольской моде, такие на парадах ходили.

А везло. Вот и в этот раз впервые жизни пошла в театр, и не в какой-нибудь замухрышистый, а в Большой, получила билет в подарок от профсоюза к 8 Марта, Международному дню женщин. Заняла у знакомой, дочери расстрелянного купца, панбархатное платье с оголенной спиной и белую камеею, выглядела как барыня, даже неловко было. Очень нервничала, боялась опростоволоситься, пристроилась за полной дамой, и делала все, что она: покрутилась у зеркала, сходила в туалет, купила программку, вышла в фойе рассматривать фото актеров. Сидела в ложе, стеснялась. И угораздило Криса Барни войти именно в ту ложу, войти и тут же обомлеть от широких плеч, от белой шейки, оголенной стрижкой, от

прижатых нежных ушек. Он неосторожно загремел стулом, она оглянулась, – еще и большие серые глаза. Улыбнулись приветливо друг другу, а тут поднялся занавес, давали «Евгения Онегина».

«Паду ли я, стрелой пронзенный?» – пел Козловский, высоко подняв брови и встряхивая длинной волнистой шевелюрой. Опера давно сразила сердце англичанина. Коллекционировал пластинки, не пропускал случая, чтобы пойти в Большой или в Ковент-гарден, боготворил Чайковского и Мусоргского. В свое время, когда учился в музыкальной школе, сам мечтал стать композитором или, на худой конец, дирижером, однако жизнь решила по-своему: служба в королевском воздушном флоте, а потом – суровый бизнес. Больше смотрел на ее спину, а не на сцену, выпитывал сумасшедшие флюиды, во всяком случае так ему казалось. В антракте пошел вслед за прекрасной дамой в буфет, она купила шоколадную конфету и цикориевый кофе, скромно присела за столик. Он немного помучился: пристойно ли джентльмену бухаться на стул рядом? Впрочем, русские садятся где попало, было бы только место. Купил стакан воды, сел рядом и представился.

– Кристофер Барни.

– Даша. Вы латыш? – спросила наобум, видимо, потому что недавно в клубе разговорилась с бывшим латышским стрелком, он тоже говорил с акцентом.

– Нет, я англичанин.

Даша приятно улыбнулась, хотя толком ничего об Англии не слышала, кроме того, что там правят кровососы-капиталисты, причем, они эксплуатировали трудящихся, вроде Даши, во всем мире, и это было очень плохо. В тонкостях она не разбиралась, газеты не читала, по радио любила слушать частушки, они напоминали о хороводах в родной деревне, многие парни из-за нее теряли головы, Вася-гармонист, ныне московский босс, до сих пор наведывался в клуб.

– Я здесь по делам, – сказал Крис, не зная о чем говорить на своем ужасном русском. – Вы никогда не были в Лондоне?

Она улыбнулось – забавный парень, в темном костюме с галстуком-бабочкой, словно артист. Была ли в Лондоне?

Ну и ну! Спросил бы лучше, была ли на Северном полюсе. И снова мило улыбнулась. Барни взбодрился и повел умную беседу.

- Ковент-гарден – это хорошо!
- Да, да... – улыбалась она.
- Вивальди, Гайдн, Моцарт... хорошо!
- Конечно! – улыбалась она, ничего не понимая.
- Венская опера, Фигаро...
- О да!
- Поехать в оперу в Вену? – это был хитрый заход.
- Конечно!

Многие прекраснополые умеют создать иллюзию полного понимания (даже Пушкину внушили его возлюбленные, что разбираются в поэзии), поэтому у Криса сложилось самое высокое мнение о ее интеллектуальных способностях. Более того, он был счастлив, что наконец-то нашел родственную душу, обожавшую оперу, ну, а о сложностях выезда советских граждан за кордон, в ту же самую Вену, он вообще ничего не знал и знать не хотел. Политикой Крис абсолютно не интересовался – мало ли какое общественное устройство пожелает создать у себя тот или иной народ? Феодализм, вольный город, большевизм? Все это мелочи, если фирма занимается закупками древесины, продукт этот совершенно не изменился со времен первых наездов английских купцов во владения Ивана III.

После спектакля Крис пригласил новую знакомую в «Метрополь», угостил ее черной икрой и шампанским, но кофе предложил выпить у него дома. Ресторан потряс Дашу, еще больше понравился ей «шевроле» Криса, приглашение на квартиру было принято, ибо Даша за свое достоинство не опасалась, и однажды на танцах в клубе даже врезала одному пьяному чину, который посмел слишком откровенно ухаживать. Дома на улице Горького Крис поставил пластинку с аргентинскими танго, пригласил Дашу, и на третьем танго попытался поцеловать ее в шею. Однако наглый демарш она отвергла с места в карьер, хотя Крис ей пришелся по вкусу, держала грудь на почтительном расстоянии и вообще дала понять, что она не из тех, кто в первый же вечер уступает

атакам мужчины. И это понравилось Крису, он проникся еще большим уважением к Даше, поинтересовался местом работы, получил ответ: в райсовете Дзержинского района, никакого обмана, клубное начальство рекомендовало именно такую легенду. Вечер закончился в лучших светских традициях: после кофе Крис благородно довез Дашу до дома, поцеловал на прощание руку и пригласил на «Лебединое озеро».

Далее сценарий повторился: Большой, «Метрополь», улица Горького, аргентинское танго с той разницей, что второй визит позволял некоторый интим, Даша это предполагала, сходила в баню, надела чистое белье. В предвкушаемые любовные события она так хорошо вжилась, что уже во время танца почувствовала, что влюблена, от шампанского чуть-чуть кружилась голова, и ноздри щекотал горьковатый запах заграничного лосьона, исходивший от холеных щек партнера.

– Я люблю вас! – сказал он.

– И я тоже, – ответила она, совсем не удивляясь своим словам.

Они прошли в спальню, она аккуратно сняла с себя платье, повесила на спинку стула, стараясь не помять, и залезла под одеяло в трусиках и бюстгальтере.

– Вам не нужно в ванную? – спросил он, появившись в клетчатом шотландском халате.

– А что? – испугалась Даша, решив, что от нее плохо пахнет.

– Если нужно, она прямо и налево.

– Не нужно, я сегодня в бане была, – радостно сообщила Даша.

Совершили грех, и совсем неплохо... И пошло-поехало. Сначала встречались раз в неделю, потом чаще, несколько раз англичанин на своем «шевроле» заезжал за Дашей домой. В полуподвал его, естественно, не допускали, но соседи заметили иномарку, и тут же стукнули в органы. О Барни там знали немного, фирма никого не интересовала, а его самого считали чокнутым и совершенно непригодным к оперативному использованию. Но дело на него, естественно,

завели, как на потенциально опасного иностранца, в конце концов, даже полный дурак способен уйти в подполье и помогать интервентам в случае их попытки в очередной раз задавить молодую республику.

Ребята в секретно-политическом отделе НКВД совсем недавно пришли из провинции, веселые рабоче-крестьянские парни заменили пущенные в расход опытные кадры, продавшиеся троцкистско-бухаринским шпионам. Настроены были по-боевому, готовились хоть завтра врезать и Керзону, и Чемберлену, гордились победами Красной армии и потому к проигравшим интервентам и всем их соплеменникам относились снисходительно. Барни дали кличку «Дундук». Но мнение о нем радикально изменилось, когда провели установку Даши, и к ужасу своему обнаружили, что работает она прямо в сердце системы – в клубе НКВД. Конечно, вольнонаемная и уборщица, но ведь вертится среди чекистов – носителей секретов.

Тонко копал «Дундук», в традициях вероломной и хитроумной английской разведки, считавшейся исчадием ада. Ведь именно англичанки, начиная с Великого Октября, были закоперщиками всего самого гнусного и мерзопакостного против освободившегося от кандалов капитала народа. Шпионы Брюс Локкарт и Сидней Рейли прямо участвовали в заговорах против Кремля, Уинстон Черчилль субсидировал белых, дружил с террористом Борисом Савинковым и вдохновлял интервенцию. А разве не английские агенты расстреляли 26 бакинских комиссаров? А что сказать о печально знаменитом ультиматуме лорда Керзона, требовавшего прекратить религиозные преследования? И это советы из страны, где тысячами убивали католиков и отрубили голову Марии Стюарт!

Вот вам и «Дундук»! На самом деле тонкий и хитрый змий, таких, как он, давить надо. Вспоминали процесс над шестью англичанами предприятия «Метро-Виккерс», все сознались в шпионаже, правда, оказавшись на родине, тут же свои слова дезавуировали. Дело на Дарью Смирнову завели молодые сотрудники НКВД Игорь Бровман и Николай Привалов. После установки личности поняли, что за всей внешней не-

значительностью этой казалось бы бытовой истории стояли крупные интересы «Интеллидженс Сервис» и разработка может вылиться в процесс, не уступающий по масштабам оному над «Метро-Виккерс». Собственно, поняли не сами, а после посещения начальника отдела Левинского, старого и еще не отстрелянного чекиста, работавшего в свое время под крылом Железного Феликса. Осознание значительности всего дела заставило обоих спуститься в обеденный перерыв по Кузнецкому к киоску и выпить по кружке пива с воблой. Стоял жуткий мороз, и толстомордая продавщица подливала пиво из разогретого чайника. Вернулись бодро в кабинет, румянощечки и подтянутые. Бровман тут же связался с начальником клуба, представился и попросил организовать встречу с сотрудницей клуба Смирновой.

Дарья долго ломала голову по поводу столь высокого приглашения, но потом справедливо решила, что, поскольку она работает честно и добросовестно, то начальство намерено предложить ей более престижную работу. Откровенно говоря, она уже давно метила в буфет клуба, конечно, мешала малограмотность, но не боги горшки обжигают, не книги же там писать, а считать! Это Даша делала быстро и точно, ибо в деревне в свое время работала в сельпо. Приодевшись в белую блузку с черной юбкой, она двинулась в клуб, где принимал ее Бровман, напустивший на себя весьма строгий, но любезный вид. Встал из-за стола, пожал ей руку и предложил сесть, отметив про себя, что фигуру у объекта разработки жизнь еще не разнесла, как у большинства деревенских баб. Беседовал значительно, глядел, не мигая, прямо в глаза Даше, подражая несгибаемому сыщику Нику Картеру, однако, Дарья не обратила внимания на все эти уловки, но сделала вывод, что с Бровманом следует держать ухо востро.

– Дарья Петровна, наш разговор касается не вашей работы. Как вам известно, международная обстановка сейчас сложная. Процессы над троцкистско-бухаринскими бандитами показали, что английская, немецкая и другие иностранные разведки всеми силами пытаются свергнуть наш рабоче-крестьянский строй. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Конечно, – ответила Даша, хотя абсолютно ничего не поняла, фамилий вождей, кроме товарищей Ленина и Сталина, она не знала, а насчет каких-то процессов над преступниками... слышала, конечно, вот и в деревне у них Ванька Спичка по пьянке угнал трактор и утопил в речке.

– Очень хорошо, – заметил Бровман, тонко уловив, что говорит с каменной стеной. – А вы знаете кого-нибудь из иностранцев?

– Знаю, – сказала Даша, предчувствуя недоброе.

– Кого же?

– Криси. Англичанин он. По-русски говорит плохо.

– Он интересовался вашей работой?

– А я ему правды не говорила. Я ему насчет райисполкома.

– Правильно! – одобрил Бровман. – Ну, а подозрительные вопросы он задавал?

Даша тяжело задумалась, а Бровман почувствовал себя глупо: что эта дуреха знает о государственных секретах?

– Может, спрашивал вас о сослуживцах? – уточнил он.

– Нет, – односложно отвечала Даша, явно не страдающая многословием. Впрочем, она честно рассказала, что ходила в «Метрополь», посещала квартиру, правда, об отношениях с Крисом умолчала, но не из опасения кары органов, просто стеснялась. Конечно, самое простое – уволить Дашу из клуба, предотвратив возможное преступление, но как тогда разрабатывать «Дундука»? Увольнять – оперативная ошибка, способная похерить все дело, поэтому Бровман предложил Даше внимательно следить за действиями Барни и информировать его лично обо всех подозрительных моментах.

– Подозрительных? – не поняла Даша.

– Ну, если он будет расспрашивать о характере вашей работы (опять сказал глупость), о том, кто ходит в клуб... мало ли что? – пояснил Бровман. – Мы тоже можем попросить вас узнать о нем кое-что... Уточнить, чем он занимается, с кем дружит. Вы ведь вы прекрасно знаете, что почти все иностранцы – это шпионы (опять глупость, просто глупость на глупости!)

– Шпионы? – испугалась Даша.

– Да! – и для наглядной убедительности Бровман показал ей карикатуру в газете «Правда», где была нарисована отвратительная крыса с вытянутым носом, жадно вынюхивающая кусок сала в мышеловке. – Так что будете нас информировать.

Даша не возражала, Бровман продиктовал ей расписку о сотрудничестве с органами и о неразглашении этой страшной тайны, писала она долго и коряво, тяжело дыша и наморщив лоб. Бровман напомнил ей, что, даже если ее станут пытать, уста ее должны быть немы – это святой долг каждого советского человека. Дал ей и псевдоним «Дуня», считая, что он лежит недалеко от «Дундука», и порадовался своему остроумию.

Как ни смешно, но после этого дурацкого разговора Бровман вернулся к себе в дом 2 по улице Дзержинского совершенно измочаленный, будто допрашивал ночи напролет упорствующего предателя. С юмором рассказал Коле Привалову о «Дуне» и приступил к оформлению бумаг на «Дуню»: по существовавшим правилам, заведение агентурного дела санкционировал сам начальник отдела. Заполнил все анкеты и бланки, докладывать решил на свежую голову.

Было уже десять часов вечера, но все сотрудники оставались на местах вместе с малым начальством, последнее ориентировалось на наркома, а нарком – на товарища Сталина, трудившегося по ночам на благо народа и всего прогрессивного человечества. В кабинет заскочила уборщица Маша, прошла по мебели тряпкой, мечта кокетливые взгляды в Бровмана, с которым месяц назад почти до четырех утра гужевалась на кожаном диване. Дело случилось во время воскресного дежурства, чекистский боевой состав отсутствовал, риск сводился до минимума, и Бровман позволил себе от души. Но больше – никогда! И «Дуня» – уборщица, и Маша – уборщица. Знак судьбы? Случайность? Но Бровман усердно посещал лекции товарища Емельяна Ярославского и знал, что Бога и других сил, не предусмотренных марксизмом, на свете не существует. Но все равно... почему именно уборщицы, а не, скажем, актрисы? Он засмеялся и пошел в туалет. По дороге открыл дверь своего кореша

следователя Михаила Тарнавского, дабы посоветоваться с ним по поводу чересчур явной кокетливости Маши (не стукнет ли она о случившемся по начальству или в партком? Ведь совсем недавно безликая секретарша Зина таким образом обженила своего патрона!), но тут же закрыл дверь. Тишайший Михаил, на вид и мухи не убивший, лупцевал по физиономии пузатого, наголо обритого человека, привязанного к стулу ремнями, кровь стекала из разбитого носа на грудь. Призадумался, вернувшись в кабинет еще раз просмотрел все материалы, почитал Ника Картера до трех, затем уехал домой на дежурной машине.

В десять утра явился на доклад к шефу, дабы поставить на делах его высочайшую подпись, но получил от ворот поворот: маловато материалов, где данные о здоровье, отзывы соседей по квартире, каково политическое лицо «Дуни»? Как относится к генеральной линии партии? Не состояли ли родственники в буржуазных и мелкобуржуазных партиях?

На сбор информации потребовалась еще одна неделя и помощь агентов-дворников по месту жительства Даши. Здоровье оказалось нормальным, соседи жаловались, что иногда ссорится с братом, к тому же по воскресеньям ходит в церковь, естественно, из-за своей дремучести. На политическое лицо чекист решил не тратить времени, и написал, что «Дуня» линию партии поддерживает. А тут еще подоспела сенсационная информация: Даша уже целый год состояла в официальном браке со скромным служащим юридической конторы Василием Малько, старше ее на двадцать лет, с университетским образованием. Правда, супруги не жили вместе, ибо Малько ютился у своих родителей, а его проживанию у Даши сопротивлялись отец и брат. В общем, не лучший моральный облик, о котором клубное начальство и не подозревало.

Казалось бы, простейшее дело, а закручивалось крайне неприятно и ничего хорошего не сулило... Дело «Дундука» выглядело гораздо перспективнее: из богатой семьи (отец – владелец завода оставил наследство), шотландец, значит, настроен против английского владычества, за плечами Имперский колледж, открывающий двери в лучшие фирмы,

служба в авиации. Аполитичен, живет в имении недалеко от Глазго. Дополнительная информация: добряк, верит всем на слово, порядочный, отзывчивый, не рвач и человек меры (читать все это Бровману было даже противно, бывают же на земле такие капиталисты!). Что ж, просто идеал в разрываемом противоречиями буржуазном обществе, где, как писал великий Чарльз Диккенс, «устрицы шагают под ручку с ницетой». Станный, воистину странный англичанин, в любом случае – находка для органов: с честными и добрыми людьми приятно сотрудничать, хотя некоторые идеалисты не понимают, что повсюду идет ожесточенная подковерная борьба и люди гибнут за металл. И влюбился, дурак!

Даша платила англичанину взаимностью и однажды после конспиративной встречи с Бровманом во время прогулки по Тверскому бульвару сообщила:

– Ты знаешь, Крис, меня вызывали... интересовались тобой и просили за тобой присматривать.

– Кто вызывал?

– НКВД, – ответила она.

– Это кто? – заинтересовался Крис.

– Ну, вроде милиции...

– А что они хотят?

– Они считают, что ты ... английский шпион, – она вспомнила большую крысу с вытянутым носом.

Тут Барни все понял и удивился.

– И ты поверила?

– Нет. Но что делать?

– Что делать? – он задумался. – А что делать? Да ничего. Рассказывай им все, что хочешь, у меня от них нет секретов.

– А ты никому не говори о нашем разговоре...

Дура дурой, а умная. Больше к этой теме любовники не возвращались. Наступала Пасха, и Даша решила съездить на пару деньков в родимые края, давно она не видала подружек и вообще мечтала развеяться после суматошной столичной жизни. И вдруг ее осенило: а почему бы не пригласить Барни с его шикарным автомобилем? В конце концов, деревня располагалась всего лишь в трехстах километрах, что ему стоит?

«Шевроле», набитый куличами, пасхой, крашеными яйцами и разным дефицитом, сразил наповал всю деревню. Сходили в церковь, а потом в доме подружки Даши, где она поселилась с Крисом, состоялась большая гульба. Захаживали почти все, а председатель сельсовета, решивший, что Барни – чуть ли не член правительства, стелился как мог и даже зарезал по случаю праздника свинью. И все бы сошло с рук, если бы не участник Гражданской войны и секретарь партячейки Григорий Кожемяко, усмотревший в посещении церкви, которую ему не удавалось снести, чуть ли не вызов идеологическим устоям, Одно дело, когда ходит свой неграмотный народ, отравленный опиумом, другое дело – приезд из столицы, где живет и трудится сам вождь.

О своих сомнениях он осторожно сигнализировал в райком, в результате вся история достигла ушей НКВД, и товарищ Левинский наложил на входящей бумаге резолюцию: «Тов. Бровману. Разобраться и доложить». Еще бы: ведь иностранцам без уведомления соответствующих органов за пределы столицы выезжать возбранялось. Как снег на голову. Нарушение всех правил не только иностранным шпионом, с ним все ясно, но самим агентом НКВД «Дуней!». Бровман за всю эту неприглядную историю получил строгача, однако, начальство решило использовать нарушение всех норм в будущем, когда разработка достигнет апогея и объект созреет для вербовки.

– Почему вы пригласили его с собою в деревню? – строго спросил Бровман свою агентессу на очередном randevu.

– На Пасху, – ответила она просто.

– Почему вы мне об этом ничего не сказали?

– О чем?

– О том, что пригласили.

– Я не знала. А что в этом плохого?

– Вы должны мне рассказывать и о плохом, и о хорошем, – говорил Бровман, раздражаясь. Он понимал, что бесполезно разъяснять этой глупой бабе всю опасность выезда иностранцев за пределы Москвы, где много военных объектов. – Как он себя вел? Подозрительно или нет? Фотографировал?

– Ему все очень понравилось, правда, дороги плохие. Иногда фотографировал...

– Мосты, шлюзы, другие объекты?

– Меня в основном и как все за столом пели...

– Ну, а муж ваш что? Как он мирится с этим?

– Он и не знает. Он же живет в другом месте.

– Значит, у вас свободный брак? – добивался Бровман.

– Мы зарегистрированы! – возмутилась Даша, не прости- тутка ведь!

Иногда Бровману убить ее хотелось...

– Я люблю тебя! – шептал Крис по-русски, и акцент делал эту фразу особенно выразительной. Она чувствовала, что он ее любит, в этом не было никакого сомнения. Как он отличался от мужа Василия! Тот сразу же после соития отключался, превращался в мумию, закуривал сигарету и совершенно забывал о ней, а ее нежность только просыпалась, она прижималась к нему, холодному трупу, а он дымил. С Крисом все проще и лучше, собственно, он видел свое мужское предназначение лишь в том, чтобы ей было хорошо сейчас и всегда, если не навеки. Букет цветов каждый день. Ужин в хорошем ресторане. Посещения выставок и театров. Дорогие ателье. Теперь она ночевала у него почти каждый день, ей нравилось ходить по гостиной в шелковом халате, который он специально выписал для нее из Лондона, сидеть за инкрустированным круглым столиком и пить из высокой хрустальной рюмки ликер, пахнущий орехами, лимонными корочками и еще чем-то незнакомым... как его? куантро!

– Я хочу жениться на тебе! – сказал Крис однажды.

– Но я замужем.

– Так разведись!

Она только улыбнулась, представив реакцию на это не столько мужа, сколько Игоря Бровмана. Впрочем, последний решил не полагаться только на информацию «Дуни», выставил за «Дундуком» плотное наружное наблюдение и обставил его квартиру техникой подслушивания. Никаких оперативных результатов, черт возьми! Один глупый любовный лепет, причем примитивнейший и на ломаном языке. Или молчали и целовались. Ну, хоть бы высказался

против советской власти или еще что... Ничего подобного, только болтал односложно, что любит Россию и Дашу. Какую Россию – царскую или советскую? Как любит и что готов сделать ради этой любви? Удивительно, что никаких контактов со своим посольством, словно он умышленно сторонился своих. Неужели он действительно влюблен в эту бабищу? Может, сфотографировать его с ней в постели и предъявить, как компромат? Ерунда! Какой компромат, если этот дурак настолько потерял голову, что сделал предложение замужней... Эврика! Может, взять его с другой стороны: мол, сожительство с замужней чревато для него последствиями в Англии? Ведь Бровман читал в «Правде», что на Альбионе развита слежка супругов друг за другом, все это потом вываливают в суде... М-да, но это только в том случае, если «Дундук» женат... Как ни поверни – все плохо.

Крис уехал в командировку в Ленинград, и Бровман каждый день читал его письма Дарье и ее ответы. «Я люблю тебя всю, без остатка, твои глаза, уши, нос, твой пупочек, твой запах...» – от этого лирического воркования Бровману становилось не по себе, он ерзал на стуле, стыдясь своего возбуждения. Если бы он знал, сколько сил потратил Барни, чтобы раскопать эти слова в англо-русском словаре! Тут под рукой оказалась уборщица Маша, приставшая к нему ночью, благо его сосед по кабинету Привалов не вышел на работу из-за гриппа. О, эти уборщицы!

Левинский торопил с результатами, снимал стружку.

– Что делать, если не за что уцепиться? – оправдывался Игорь перед шефом.

– Достоевский писал: «Если Бога бы не было, его следовало бы выдумать», – заметил начальник отдела.

Намек понят. Бровман с Приваловым начали кроить дело, складывали вместе все шпионские прегрешения: подход к сотруднице НКВД, тайный выезд в деревню и попытки распространять там антисоветскую религиозную пропаганду, в общем, вполне достаточно, хотя Левинский сомневался. Ведь отношения СССР с Англией не отличались простотой, после сговора Чемберлена с Гитлером в Мюнхене Сталин играл на два поля, каждый подобный шаг НКВД согласо-

вывался с Наркоматом иностранных дел. А вдруг попытка завербовать «Дундука» выльется в шумный дипломатический скандал? Хотя у НКВД имелась в запасе и сильная карта: если «Дундук» будет рыпаться, пригрозить репрессировать Дашу.

Но тут вся история приняла неожиданный оборот: Даша развелась. Развелась, не поставив в известность органы! Вот вам и преданная делу, хотя и недалекая агентесса! ЧП! Более того, сразу же после развода отправилась вместе с Барни в ЗАГС, где молодые пожелали вступить в законный брак. Приятной наружности дама приняла документы и после ухода молодоженов тут же просигнализировала в органы об этом экстраординарном случае. Если бы не дама, так и не узнали бы. Бровман посерел от гнева и тут же вызвал агентессу на консквартиру.

– Немедленно заберите документы!

– Почему же? Я люблю его и хочу жить вместе с ним, я беременна...

Беременна, подумать только – беременна, причем от англичанина! Только этого еще не хватало!

– Вы должны немедленно забрать документы! Разве вы не знаете, что нельзя выходить замуж за иностранцев? – Бровман не сдерживал негодования и давил как мог.

– Почему?

Ну что говорить с этой малограмотной идиоткой! Теперь дело могло выйти из-под контроля, попасть в кабинеты всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина, где формально занимались подобными вопросами. Или, не дай бог, в английское посольство...

– Забери документы и забудь о замужестве! – заорал Бровман, сорвавшись. Даша покраснела, но ответила твердо и с достоинством.

– Вы не имеете права кричать на меня и называть на «ты». Я напишу жалобу лично товарищу Сталину.

Бровман осекся: конечно, письмо тут же переправят Берии, но как среагирует он? Прежде всего возмутится, что в НКВД работают такие кретины, что даже с тупой бабой справиться не в состоянии.

Узнав о матримониальном развороте всего дела, Левинский, представив презрительную усмешку наркома, пришел в ужас, и решил принять хитроумные меры: никаких скандалов, пусть документы лежат в ЗАГСе без движения, однако, Даша обязана взять на себя роль вербовщика и привлечь своего англичанина к сотрудничеству, отобрав у него расписку. Собственно, разве все так и не задумывали с самого начала? Тем более что НКВД уже накопил богатый опыт вербовок объектов своего интереса с помощью любовниц.

С такой вполне ординарной бумагой начальник отдела и поспешил к Лаврентию Берии, другу товарища Сталина. Нарком сразу оценил всю глубину операции: ради проникновения в логово враждебного Запада не только в брак можно вступить, но и жену свою отдать другому (или даже, хоть это тяжело и невыносимо, превратиться на время в педераста). В конце концов, разве большевики не сделаны из особого материала? Однако, учитывая неопределенные отношения с Англией, нарком все же решил получить санкцию Хозяина и, положив бумагу в папку с особо важными документами, двинулся в Кремль, и попал на сабантуй деятелей культуры, которых вождь народов умел обласкать до кондиции на грани мочеиспускания.

– Товарищ Козловский, – кричал раскрасневшийся от выпивки маршал Ворошилов. – Исполни, пожалуйста, «Вдоль по улице метелица метет...»

Козловский приготовился было петь, но вмешался капризный вождь.

– Товарищ Ворошилов, зачем ты пристаешь к товарищу Козловскому? Товарищ Козловский не хочет петь твою «Метелицу», он очень хочет петь арию Ленского из великой оперы Чайковского! – Сталин повторял слова, вбивая их, словно гвозди. Не вовремя подошел Берия со своими бумагами, еще в воздухе царствовала нетленная музыка Чайковского, а он совсем нехоти о вербовке какого-то англичанина, влюбленного в агентессу.

– А не ошибаются ли товарищи? – удивился Сталин. – Неужели этот англичанин действительно любит нашу девуш-

ку? По-моему, эта нация холодна, как мацони из погреба. Не игра ли это английской разведки?

– Не только любит, но и собирается жениться, – попытался укрепить свои аргументы Лаврентий Павлович. Это была роковая ошибка.

– Жениться?! – удивился Сталин. – Зачем нам эти браки с иностранцами? Пусть она вэрбует, Лаврентий, а в остальном ведет себя как положено.

По возвращении на Лубянку Берия дал бешеный разнос Левинскому за неумение работать с агентурой, гнев рикшетировал, естественно, и в Бровмана. Линию выработали четкую: провести вербовку, но брака не допустить.

– Наступил самый ответственный момент, Дарья Петровна, слушайте меня внимательно, очень внимательно, – внушал Игорь Бровман. – Вы должны верить каждому моему слову и действовать соответственно. Вы мне верите?

– Верю, но фамилия у вас сложная, – честно отвечала Даша.

Бровман удивился – ведь раньше об этом ему никто не говорил, – подумал и расстроился: действительно, «Бровман» звучало, как удар молота или огромного колокола, хотя сам опер был худеньким, улыбчивым, с жидкими усиками и живыми блестящими глазами. Итак, вербовка «Дундука». Он тщательно проинструктировал Дашу, дабы она не наломала дров, придумал легенду, подходящую для ее простых мозгов: мол, подкатились к ней чекисты, знавшие об их знакомстве, и поставили ультиматум: или – или. Либо Барни будет помогать органам, либо прощай, любовь, прощай, Россия, и роцца, бизнес, дающий кое-что. Ну, а ее, как полагается... Все очень правдоподобно. К удивлению Бровмана, Даша к предложению отнеслась спокойно, словно вербовала каждый день.

Разговор затеяла на улице (к тому времени уже понимала, что могут прослушивать), на пути из кино домой.

– Крис, со мной говорили, они хотят, чтобы ты им помогал, работал с ними...

– Кто говорил? – Крис так и не разобрался в многогранной советской действительности.

– Помнишь, я тебе говорила? НКВД. Вроде милиции.

– И чего это дерьмо к нам привязалось? Впрочем, и в Англии его хватает. Дорогая моя, мне на них совершенно начхать, поэтому делай все, что они просят, главное – что мы любим друг друга, правда? Что им от меня нужно? И когда нас зарегистрируют в ЗАГСе? Что они тянут?

На следующий день Даша осчастливила Бровмана сообщением о вербовке англичанина, тот радостно доложил об этом по инстанции. С целью зацементировать сотрудничество Левинский поручил Бровману провести личную встречу с «Дундуком», которого теперь решили переименовать в «Ястреба» – ведь неудобно иметь агента с такой оскорбительной кличкой. Однако, для страховки Левинский доложил об успехе «Дуни» лично Берии и запросил его санкции на подход к «Ястребу».

– Надеюсь, все его мысли о браке отпали? – строго спросил Берия.

– К сожалению, нет, Лаврентий Павлович, – вздохнул начальник отдела. – Напротив, он настаивает.

Берия представил колючие глаза Кобы, снял пенсне, протер его и задумался.

– А не ищем ли мы на свою задницу приключений? Зачем нам скандал? Арестовать ее, суку! А его выслать из страны без всякого шума.

Действовали оперативно, выслали одним махом за нарушение правил передвижения иностранцев, английское посольство даже не пикнуло: закон есть закон. Дашу Смирнову арестовали, быстренько провели и следствие и суд, обвинили в разглашении государственной тайны, дали десять лет и отправили во владимирскую тюрьму, где она и томилась, пока через брата ей не удалось сообщить обо всех перипетиях своему возлюбленному. Это переполнило чашу, Барни мобилизовал всю английскую прессу и разрезвонил об этой печальной истории по всему миру.

В парламенте сыпались запросы по поводу дела Даши и ее жениха, сам Барни написал несколько писем Сталину и Калинин и самолично пикетировал советское посольство в Лондоне с хамским лозунгом «Дайте свободу моей

жене!» – все это окончательно создало ему репутацию злостного антисоветчика. Однако в кругах английской компартии его дело нашло понимание и, находясь в Москве на заседании Коминтерна, ее генсек провел мысль, что такими делами Советский Союз рубит сук, на котором сидит, и отпугивает от коммунизма британцев, считающих частную жизнь выше всяких государственных интересов. Наркомат иностранных дел тоже отмечал, что все дело пагубно сказывается на англо-советских отношениях, особенно в условиях нарастающей фашистской угрозы.

Письма любимой Крис писал каждый день: «Я думаю о тебе каждую минуту, каждую секунду, ты всегда перед моими глазами, иногда я разговариваю с тобой, иногда обнимаю тебя и целую. Я сделаю все, чтобы мы были счастливы вдвоем...» Бровман только усмехался, почитывая этот бред, который ему передавали в пачке раз в неделю (естественно, никто и не думал пересылать письма Даше), иногда на него нападала дикая злость: люди любили, как в сентиментальных романах, а он копался в дерьме, что-то выискивал, сажал, отправлял на расстрел. Господи, думал он, хотя и не верил в Бога, что же ты сделаешь со мной? Вот эта пара идиотов наверняка попадет в рай, а за что? Им и на земле – как в раю... правда, эта уборщица сидит... но ведь не расстреляли! А этот влюбленный хлыщ вообще не испытал всего смрада и грязи земной жизни, чистоплюй хренов, змееныш, льет теперь оттуда помой и уж наверняка считает себя порядочным человеком. И попадет, гад, в рай, а он, Бровман, сын житомирского врача и большевик с 1928 года, будет кипеть в каком-нибудь вонючем дерьме. Но оторваться от писем чекист не мог, читал внимательно, не пропуская ни строчки, и раз в месяц аккуратно составлял по письмам справку для досье.

Но не так-то просто было сломить Барни. После изгнания из Москвы фортуна, словно в отместку органам, заключила его в объятия: он открыл новую фирму и сразу же – крупнейший контракт с Финляндией. Вокруг появилось много людей, симпатизирующих ему и его правому делу борьбы за невесту, он купил особнячок в районе Баттерси на набережной

Темзы. Но главное – это осуществление давнишней мечты, еще детской и наивной, но вдруг ставшей совершенно реальной: Барни приобрел небольшой спортивный самолет и написал на нем белой краской: «Даша». К своим партнерам в Хельсинки он теперь только летал и об этом радостном событии, естественно, написал Дарье. Сначала Бровман удивился, но потом пришел к выводу, что идиот – совсем не идиот, а самый настоящий шпион, и совсем не напрасно его выперли из СССР, если он летает, а следовательно, и фотографирует все на земле. И вообще эту уборщицу он ловко использовал в своих целях.

Далее произошло совершенно фантастическое, грандиозное ЧП, всколыхнувшее и пограничную, и всю чекистскую братию: глубокой ночью Барни вылетел из Хельсинки, беспрепятственно пересек советскую границу и, никем не замеченный, взял курс на Москву. Так бы и долетел, и совершил бы посадку рядом с владимирской тюрьмой, если бы над Валдаем не забарахлил мотор. Пришлось приземлиться в чистом поле, усеянном васильками и ромашками, и приступить к починке самолета. За этим занятием его и застала бабка, вышедшая рано утром по грибы.

– Ты что тут делаешь, сынок? – ласково спросила она.

Барни объяснил, что потерпел аварию, летит по делам в Москву и нуждается в технической помощи. Бабку немного удивил акцент, но на призыв о помощи она откликнулась и сходила на МТС. Через пару часов подъехали молодые ребята в спецовках, живо разобрались и с самолетом, и с пилотом, сообщили куда следовало. Далее все пошло по обычному сценарию: в боевой спешке мощно вооруженный отряд чекистов выехал на место происшествия и окружил самолет, угрожая пулеметным огнем. Барни, не задумываясь, сдался в плен, но потребовал английского консула. Арест – и на Лубянку. Чем объяснить нарушение границы? Где запрятана фотографирующая аппаратура? Где снимки, карты, инструкции английской разведки? Каков план дальнейших действий? Явки? Тайники? Связи среди советских граждан? Контакт с резидентурой разведки, хитроумной «Сикрет Интеллидженс Сервис»? Как планировал вернуть-

ся? Допрашивали с пристрастием, припоминали английскую интервенцию и, естественно, отметили смехотворные объяснения о желании увидеть невесту. Какую невесту? Что это за понятие? Подача заявления в ЗАГС ни к чему не обязывает, Дарья Смирнова в Москве не проживает, куда выехала – неизвестно.

Но за граница всегда мешала спокойной жизни партии и правительства, не говоря уже о чекистах. Известие о перелете и аресте Барни просочилось в падкую на сенсации английскую прессу, разразился скандал, британское посольство мгновенно обратилось за разъяснениями в МИД, все это вызвало в НКВД суматошную панику, хотя, к счастью, к тому времени Иосиф Виссарионович успел заключить альянс с Гитлером. Но самое страшное не это: о перелете и аресте англичанина Сталин узнал из обзора прессы и тут же вызвал на ковер Берия.

– Почему не доложил?!

– Собирал материалы, – запинался Берия, дрожа от страха. – Готовим большой процесс... пусть эти англичане лопнут от злости!

Умен был Лаврентий Берия, но не умел смотреть в будущее, не представлял дальновидности вождя и его сложных дипломатических пируэтов. Глупо складывать все яйца в одну корзину, сегодня Гитлер – друг, а завтра – враг. Поэтому не стоит отталкивать проклятого Чемберлена, не надо захлопывать дверь. Ох уж этот Лаврентий! Заставь дурака Богу молиться – он и лоб расшибет.

– Подумай хорошенько, а какую политическую пользу мы будем иметь? Процесс придется проводить открыто, они своего гражданина не дадут в обиду, найдут адвоката, тут же раздуют историю с этой бабой... послушай, а она красивая?

– Я ее не видел, Иосиф Виссарионович...

– Странно, что не видел, ты у нас такой любопытный, даже слишком, да и работа у тебя такая, чтобы видеть все, – в словах вождя послышалась жесть. – Как будут выглядеть Советский Союз и товарищ Сталин, о котором и так пишут на Западе, что он придумал все процессы? А Советский Союз и товарищ Сталин будут выглядеть очень плохо. Посмотри

на это по-человечески: разве не мелко для нас, большевиков, ставить палки в колеса двум влюбленным? Разве мы не хотим счастья простых людей?

– Но он же шпион...

– Шпионом можно назвать любого... – улыбнулся Иосиф Виссарионович. – Кардинал Ришелье говорил, что дай ему только перо...

– Но... вы сами дали указание... – слабо возразил Берия.

– Что ты хочешь этим сказать? Еще покойный Ленин критиковал догматиков. Нужно извлечь из этого дела политические дивиденды, понял? Помочь Адаму соединиться с Евой. Где сейчас Ева?

– В тюрьме.

– Тюрма – это хорошо, ты поступил правильно. А теперь ее надо выпустить, его освободить тоже. Пусть женятся, помоги молодым, Лаврентий, пришли им на свадьбу ящик хорошего киндзмараули! Пусть в Англии знают, что у большевиков благородное сердце! – Сталин был в отменном настроении.

– А дальше что? – спросил Берия.

– Дальше будем тоже думать об интересах страны. Тебе ясно?

В тогдашней России все совершалось стремительно, как в волшебной сказке: сегодня сажали, завтра выдвигали на повышение, послезавтра снова сажали, затем расстреливали или переводили на другую работу. Уже через два дня и Крис, и Даша оказались на свободе, по указанию Бровмана ЗАГС форсировал регистрацию, сияющим влюбленным вручили брачное свидетельство и пожелали счастья в семейной жизни. НКВД подбросил Даше деньги на свадьбу, которую сыграли в «Метрополе», туда и доставили прямо из Грузии два ящика киндзмараули. Присутствовали Бровман, начальник клуба, отец и брат, родственники стеснялись роскоши ресторана и иностранца, пили только шампанское (зато дома надрались, как положено), от лица клуба Игорь торжественно вручил молодым серебряный самовар. Что намерена делать дальше молодая чета? Ну конечно, выехать на остров фарисеев и сикофантов, в уютное гнездышко на

берегу Темзы! Гражданство Даша менять не собиралась, и обиды на органы не таила – мало ли что в жизни бывает?

По заданию руководства Бровман встретился с англичанином на конспиративной квартире.

– Прежде всего хочу попросить вас о конфиденциальности нашей беседы. Даже жене об этом – ни слова! Международное положение в настоящее время очень сложное, – говорил Бровман, словно с трибуны съезда партии. – Не исключена война с фашистской Германией, все передовые люди должны объединить свои усилия. Согласны ли вы нам помогать?

– С большим удовольствием! – отвечал Барни. – Я сделаю все, что могу!

Тут же Игорь отобрал у Криса расписку о сотрудничестве с могущественной организацией и попросил его подписаться псевдонимом «Альбатрос» – прежний отрицательный «Ястреб» уже не вписывался в новую судьбоносную роль. В чем будет заключаться помощь, Бровман не расшифровывал, ибо, как сотрудник сугубо внутренних органов, слабо представлял заграничные условия и, главное, возможности самого Барни. Правда, предварительно проконсультировался в иностранном управлении (от него после расстрелов остались рожки да ножки), и юный опер заверил его: разведка любой сошке найдет применение, даже если это ассенизатор. Можно использовать квартиру четы как почтовый ящик для связи нелегалов. Или на случай войны, когда в дефиците любые преданные люди. Последнее – самое главное. Закреплен ли «Альбатрос» на деле? Конечно, закреплен, имелись расписки, в конце концов, на родине у «Дуни» остались родственники... в случае чего... На нее и решили сделать ставку, потом постепенно втянуть в работу и мужа.

– Вот вам условия связи в Англии, – разъяснял Бровман. – Временные. К вам подойдет по паролю: «Вам привет от Петра Игнатьевича». Ответите: «Не родственник ли это Веткина?»

– А кто такой Петр Игнатьевич? – удивилась Даша. – И я не знаю никакого Веткина.

– Да это придумано, чтобы вам не подставили другого человека, – объяснял Бровман, чертыхаясь про себя. – Нет никакого Петра Игнатъевича, это лишь ключевая фраза, по которой вас опознают, а Веткин – вторая ключевая фраза, по которой вы сразу поймете, что перед вами наш человек... – Боже, сколько можно пережевывать!

– И что он мне скажет?

– Пока я этого не знаю. Контакт мы установим не сразу, подождем, пока вы акклиматизируетесь, привыкнете к новой обстановке. Ваша основная задача на данном этапе – искать связи, которые могут быть полезны. Мужу пока ничего не говорите.

– Понимаю... – сказала Даша, ничего не понимая.

Когда она рассказала Крису об условиях связи и заданиях органов, он долго хохотал.

– Они очень хорошие ребята, и я готов им помогать! Как ты думаешь, а что если я буду им продавать сноповязалки? У меня есть приятель, который давно мечтает поставлять их в Россию. Ведь их сельское хозяйство нуждается в технике, я об этом слышал по радио... Но все это такие мелочи, самое главное – что я люблю тебя!

Крис и Даша благополучно выехали в Лондон, но вскоре продали особняк и переместились в Бирмингем, где Крис купил небольшой пивной завод, там русская красавица родила двоих сыновей, и семья жила в счастье и благополучии. Пока Даша привыкала к новой жизни, разразилась война, об «Альбатросе» и «Дуне» попросту забыли, не до этого было, и самое ужасное – по разгильдяйству сдали дела в архив.

Раскопал агентов совершенно случайно многообещающий старший опер, недавно закончивший разведшколу и мечтавший перенасытить добрую старую Англию ценной агентурой. Поднял дела из архива и возмутился глупостью предшественников. Случилось это в 1960-е, к этому времени чета переселилась в милый Эдинбург. Последовало указание в резидентуру, и в Шотландию для установления оперативного контакта направил стопы опытный разведчик Морозов, принявший меры максимальной конспирации.

Адрес Барни удалось заполучить, но не заходить же прямо в дом? Мало ли что? Разговор с «Дашей» приказали провести отдельно от мужа, поэтому пришлось организовать слежку за домом, дожидаться отъезда Криса на работу. Но и тут не все так просто. А вдруг в доме живет еще кто-нибудь? Поэтому Морозов, засевший в автомобиле метрах в пятидесяти от дома, решил установить контакт с агентессой на улице. Ему повезло, часов в одиннадцать Дарья направилась в соседнюю булочную, на ходу он ее и перехватил, огорошив паролем с приветом от Петра Игнатъевича. Сначала она испугалась, поскольку совершенно забыла о своих давних обязательствах, потом страшно обрадовалась появлению соплеменника (на ее письма отцу и брату никто не отвечал), затащила разведчика в дом, пригласила соседей, позвонила на работу Крису и сообщила о госте с Лубянки, причем открытым текстом.

Морозов чуть не потерял сознание от такой гласности и чувствовал себя, как уж на раскаленной сковородке, тем более что соседям она представила его как сотрудника НКВД и это было воспринято как хорошая английская шутка. Вскоре прибыл радостный Барни, расспрашивал о Бровмане при соседях (!), Даша организовала пышный русский стол, достала водки и солений, которые делала лично. На ломаном английском (выучила же, деревня!) с большим удовольствием вспоминала о своих любовных приключениях с Крисом в Москве, вспоминала с искренней ностальгией, и о расписке не забыла разболтать, дура! Морозову оставалось только выпить с горя: какая тут к черту агентурная работа, если у обоих языки без костей? Вернувшись в Лондон, разведчик отправил в Центр шифровку о вопиющем нарушении конспирации со стороны агентов и полной бесперспективности работы с ними.

– Правильно здесь написано, что она набитая дура, и вообще два сапога – пара! – проворчал начальник отдела, но уже не Левинский, которого расстреляли, а Гринько, из нового партийного набора. Дела агентов отправили снова в архив – нечего мараться с дерьмом, родственников Даши решили не трогать: вдруг эти психи поднимут бучу в Англии?

Любящие супруги жили долго и умерли почти в одно время в преклонном возрасте, в окружении любящих детей и внуков. Больше всего не повезло Игорю Бровману: не тронули его в самую последнюю предвоенную чистку, когда перестреляли и шефа, и Привалова, и почти весь отдел, пощадила его немецкая пуля, хотя он прошел в «Смерше» через всю войну и дослужился до подполковника. И в первые послевоенные годы судьба хранила, и он двигался вверх. Но все-таки не повезло: в сорок восьмом, во время кампании против космополитов Бровмана арестовали, обвинили в связи с крупным английским шпионом Кристофером Барни и приговорили к «вышке».

Это было обидно, но смерть он встретил достойно.

Потом тебе будет жаль меня, Джованни, но тогда я любил ее, и не просто любил! Что там твой Теodoro, влюбленный в Виоланту и чуть не попавший из-за нее на виселицу, или Джьянни из Прочиды, привязанный к колу вместе с любимой, или Чимоне, похитивший на море свою возлюбленную Ефигению и оказавшийся в заточении на Родосе! Она осталась со мной в каюте, время летело волшебным быстро. Помнишь Омара Хайама?

*Ты знаешь, почему в предрассветный час
Петух свой скорбный глас бросает столько раз?
Он в зеркале зари увидет побуждает,
Что ночь еще одна прошла тайком от нас!*

Беспечно и счастливо между поцелуями читали любимого Сальвадора: «... и я изложил ей свой новый каприз, который на сей раз представился мне совершенно неосуществимым: – Снеси мне яйцо». Или: «разве не для нее я вырядился с утра самым дурацким, дичайшим образом? Для нее – то был мой свадебный наряд. Разве не для нее я умащался козьим пометом и лавандовым маслом, разве не для нее изорвал в клочья лучшую рубашку тончайшего шелка, разве не для нее искровянил себе бритвой подмышки?»

И мы снова намазались маслом. Погода стояла жаркая, но это никоим образом не влияло на нас.

Днем я заехал к Батову и поинтересовался ходом поиска Гуся, мой приятель (кривоватый нос картошкой с расселиной на конце так напомнил мне о последнем randevу с его сестрой, что началось сердцебиение) наморщил лоб и важно сообщил, что розыск идет интенсивно, машину Гремичского

видели в районе Нижнего Новгорода, и нет сомнения, что оба будут задержаны.

– От твоего пребывания здесь ничего не изменится. Самое главное, что Гусь – жив. Советую отплыть в Макарьево, как планировалось. Осмотрите монастырь... погуляете. Кстати, Роза очень хотела поехать туда, ты не возьмешь ее?

Он был настолько любезен, что на машине заехал за сестрой и отвез нас обоих на «Ленин», там мы заперлись в моем люксе (Марфуше я запретил тревожить меня даже в случае начала мировой войны). Интересно, пользовали ли во Флоренции масло или же эта добрая традиция умерла вместе с древними греками? В тот день к нашим услугам были «Царица Клеопатра», «Тайны Нила», «Сады Шахерезады» и еще пара дюжин сортов. Никогда не жалею масла, Джованни, особенно, если у тебя волосатая грудь, выливай полный флакон, не экономь! Натерев грудь чернотюльпановой эссенцией, я нежно щекотал своей грудью набухшие соски Розы, пахнувшей жасмином, смешанным с тончайшим запахом пота (от этого аромата у меня темнело в голове!). Когда соски вырастали в твердые мизинцы, я резко прижимал их к себе, затем медленными вращениями тела втирал масло в ее грудь, постепенно набирая скорость. Руки мои жили сами по себе, играли свою игру, пальцы металась по ее телу, словно исполняя волшебные прелюды Шопена, ласкали и растирали до желанной кульминации.

Теперь о главном. Тебе не понять, какую роль в моей жизни играла конспирация, не знаю, как твои флорентийцы, но нынешние итальянцы говорливы до безумия и выкладывают секреты за тарелкой спагетти с необыкновенной беспечностью, далеко им до наших чекистов, у которых она в крови и уходит корнями в большевистское подполье. Ильич обожал гримироваться и надевать парик, скрывался от преследований в шалаше. Иосиф постоянно менял паспорта и адреса, о каналах поступления денег знали лишь единицы. Разве мы можем представить нашего нынешнего президента в рыжем парике и с замотанной повязкой щекой, якобы распухшей от флюса? Такой будет хайп, что рухнет вся страна! Правда, у нас сохранилась глухая конспирация при декларировании

доходов и имущества, тут власть имущие перещеголяли ленинцев. Что же касается «Голгофы», то тут конспирация была доведена до предела: все документы в одном экземпляре и написаны от руки, имена прикрыты кличками, операции закодированы, использованы условные фразы.

И тут со мною случилось совершенно невероятное: я, умеющий молчать, как рыба, даже под пытками, я, маг конспирации и бог секретности, на пути в Макарьево полностью раскололся и выболтал все. Как это вышло? Не знаю, но я вдруг почувствовал мучительную жажду излить душу и поведать все Розе. Так, наверное, прикикает к ручейку путник, иссохший в пустыне от солнечного пекла. Возможно, это было тщеславие мужчины, жаждущего продемонстрировать возлюбленной свои подвиги, извини за нескромность! И тут меня понесло, я вдруг почувствовал в Розе не только женщину, но и ближайшего соратника по общему делу. Как Ильич – в Крупской или в Инессе Арманд, были такие великие женщины, вошедшие в историю.

Роза схватывала мои мысли на ходу и в отличие от своего брата отнюдь не славословила правительство, хотя порой и высказывала наивные суждения: ВВ следует выполнить свои обещания (но какой же государь это делал?), правительству отдать долги гражданам и наказать шулеров и прочих преступников, некоторые заводы и банки снова национализировать, увеличить расходы на медицину и образование etc. etc. и прочие популистские лозунги. Моя «Голгофа» настолько ее потрясла, что она взвизгнула от восторга, тут же натерла меня королевской и античной амброзиями и вновь зажгла костер счастья, о котором не буду вновь писать,

Джованни, понимая, как гнусно все это выглядит из райских куш.

Я все думал, каким образом ожесточить Запад, не нарушая Конституции. Правда, когда я заговорил об этом, Роза разразилась диким хохотом и, давась от смеха, процитировала стишок времен первой русской революции «Песню о кунштукуции»: *«И с того, дитя дrochenое, Маринованномоченое, в двадцати водах промытое, насадителями битое, оттого ты и безглазое, оттого ты подприказное,*

прозывается по-разному, по-немецки – Кунштюкучия, а по-русски – фигувыкуси».

Вот какие девушки, Джованни, подрабатывают у нас в организации, это тебе не жена Гвильельмо Россильоне, которой ревнивый муж подсунил на ужин вареное сердце убитого им любовника, внесенное поваром на серебряном блюде с заявлением, что оно принадлежит кабану. Когда голодная супруга все сожрала, Россильоне открыл ей правду, и она тут же выбросилась из окна. Наши девушки никогда бы на это не пошли и особенно Роза.

Как восхитительна она была в белоснежном кимоно, на которое ниспадали распущенные огненные волосы, белесые глаза тогда становились голубыми, сохраняя прозрачность, кривоватый нос картошкой чуть вытягивался и задирался, видимо, от сознания ее превосходства. Любила играть со мной, перевоплощаться, изображать то шипящую кошку, то разъяренного льва, то воющего шакала, обожала раскинуть руки, растопырить худые пальцы, сделать страшную рожу, втянуть живот и надвинуться всем своим телом. А как ловко она умела скатывать сигары на своем обнаженном бедре! Этому она научилась на Кубе, табачные листья трепетали у нее в пальцах и вроде бы сами собой скатывались и скручивались в огромную пахучую сигару. Она бросала ее прямо с бедра в мою сторону, я хватал ее на лету, вставлял в рот, а она подходила ко мне, мягко вынимала ее из зубов и накрывала мой рот поцелуем, щекоча языком. А потом мы закуривали сигару вдвоем, тесно прижавшись друг к другу...

– Я суккуба, я суккуба! – дурачилась она, выпуская круги белого дыма. – Я суккуба!

Водились ли *suscubus* во Флоренции? Демонши блуда с необъятным сексуальным аппетитом, соблазняющие спящих мужчин? Им не важно плотское наслаждение, Джованни, они жаждут испортить тело и душу человека, сделать его восприимчивее к другим порокам. Во всяком случае в Генуе еще до нашей эры суккуба искусства святого Ипполита, и спасся он, лишь набросив на нее ризу – она тут же превратилась в труп. Ходили слухи, что один немец в присутствии жены по несколько раз прелюбодействовал с суккубой, якобы это ис-

сушает спинной мозг и ведет к деменции. Другой немец (они клюют почему-то на немцев) вызывал суккуб – любовниц Людовика XIV: Лавальер, Фонтанж, Манчини и Монтеспан, они доводили его ласками до исступления. Ты еще не понял моих намеков, Джованни, разве не странно, что все это пишет человек, с детства впитавший в себя животворные идеи диалектического и исторического материализма?

Не забывала она и о теме своей диссертации.

– Любовь у Боккаччо превращена в муку: из-за нее страдают, убивают, разрушают. Когда я жила на Кубе, то впервые почувствовала, что такое свобода любви: там половой акт так же естественен, как завтрак или ужин, там муж с удовольствием отдает свою жену на ночь незнакомому человеку, это в порядке вещей. Там никто не совершает акты тайно, секс – это радость жизни, ею делятся со всеми... Разве не идиотизм, что греки затеяли целую войну из-за Елены Прекрасной и разрушили Трои? Секс – это *joi de vivre!*

Впрочем, больше времени Роза уделяла «Государю» и «Рассуждениям о первой декаде Тита Ливия» твоего великого соотечественника Макиавелли.

– Удивительно, но твой Учитель, по-видимому, не читал Макиавелли в своих партшколах, – говорила она мне, – иначе он упростил бы свою «Голгофу!».

«ЛЮДИ ПО НАТУРЕ ТАКОВЫ, ЧТО НЕ МЕНЬШЕ ПРИВЯЗЫВАЮТСЯ К ТЕМ, КОМУ СДЕЛАЛИ ДОБРО САМИ, ЧЕМ К ТЕМ, КТО СДЕЛАЛ ДОБРО ИМ»,

«ПИСТОЙЮ НАДО УДЕРЖИВАТЬ РАЗДОРАМИ, А ПИЗУ – КРЕПОСТЯМИ»,

«НИКОГДА ИЛИ ПОЧТИ НИКОГДА НЕ СЛУЧАЛОСЬ, ЧТОБЫ РЕСПУБЛИКА ИЛИ ЦАРСТВО С САМОГО НАЧАЛА ПОЛУЧАЛИ ХОРОШИЙ СТРОЙ ИЛИ ЖЕ ПРЕОБРАЗОВЫВАЛИСЬ ЗАНОВО, ОТБРАСЫВАЯ СТАРЫЕ ПОРЯДКИ, ЕСЛИ ОНИ НЕ УЧРЕЖДАЛИСЬ ОДНИМ ЧЕЛОВЕКОМ»,

«РАЗВРАЩЕННОМУ НАРОДУ, ОБРЕТШЕМУ СВОБОДУ, КРАЙНЕ ТРУДНО ОСТАВАТЬСЯ СВОБОДНЫМ»,

«КТО ХОЧЕТ ПРЕОБРАЗОВАТЬ СТАРЫЙ СТРОЙ В СВОБОДНОЕ ГОСУДАРСТВО, ПУСТЬ СОХРАНИТ В НЕМ ХОТЯ БЫ ТЕНЬ ДАВНИХ ОБЫЧАЕВ»,

«ЛЮДИ ЛИШЬ В РЕДЧАЙШИХ СЛУЧАЯХ УМЕЮТ БЫТЬ СОВСЕМ ДУРНЫМИ ИЛИ СОВСЕМ ХОРОШИМИ»,

«ПЛЕБЕИ В МАССЕ СВОЕЙ КРЕПКИ И СИЛЬНЫ, А ПО ОТДЕЛЬНОСТИ СЛАБЫ».

М-да, Учитель, действительно, далек был от многих этих максимум, однако ВВ, выросший на мальчишеских драках во дворах, блестяще усвоил эти премудрости. Все-таки наша родная чекистская школа даст большую фору всем заграничным философам и политикам!

К вечеру вся наша компания взошла на борт, весьма довольная осмотром Макарьевского монастыря, и расположилась, как обычно, в музыкальном салоне. Захватив с собою Розу, я направился туда, на пути мне попалась Марфуша, которая знаками дала понять, что хочет иметь со мной конфиденциальный разговор.

– How are you, Петр Иванович? – вдруг спросила Марфуша, словно я был тупой янки, знавший лишь английский.

– Великолепно. А что? Я похож на больного?

– Нет, просто мне показалось, что вы нездоровы...

Совершенно идиотский разговор, просто бред какой-то.

– С какой стати вы об этом говорите? (ох уж эти бабы!)

– Как вам сказать... Иногда вы говорите так тихо, что не разобрать... и лицо печальное... глаз дергается... может, вызвать врача?

– Знаете, что, дорогая, занимайтесь своими делами, – мягко ответил я, думая, что нет ничего отвратительнее ревнивых баб, даже если они имеют задницу, зарегистрированную в Книге рекордов Гиннеса. Признаю, что тогда не оценил преданности и служебного рвения Марфуши, пошел на поводу у своих необузданных страстей...

В тот вечер вещал доходяга Грач, начал он медленно и нудно, растягивая слова, морща низенький лоб и повторяя одно и то же по несколько раз.

«**К**акое счастье, что я не родился египтянином!» – думал он, пробираясь между летящими автомобилями, они крутили носами и бамперами у самого лица, распрыгивались в разные стороны, открывая путь, сходились, обгоняли со всех сторон, тормозили и подставляли бока. Гудели и пищали отрывисто и нескончаемо протяжно, и хриплым басом, и срывающимся дисконтом.

О Боже, если Ты провел водителя через Каир, то ему ни почем любой город! В эту ревущую железную массу легко и весело, как в чистый ручеек, входили женщины с детьми на руках и просто хохочущие замызганные мальчишки. За ними прыгали трясущиеся старики в тюрбанах и с палками, казалось, что вот-вот забьются под колесами трупы, но нет! Ничего подобного не происходило, наоборот, люди весело обтекали стальные корпуса, ловко уворачивались из-под колес, вовремя замирали и, улыбаясь, пропускали мимо смертельный поток, а потом мелкими прыжками и перебежками перебирались на другую сторону улицы. Гораздо неприятнее выглядело бесконечное кладбище вдоль шоссе – там у развешанного на веревках белья копошились семьи, приспособившие склепы для своих земных нужд.

Наконец, Дэвид Смизерс прорвался в район Замалека, там все дышало благополучием западной цивилизации и мелькали знакомые с детства надписи «Park Lane Hotel»

*Ершистых кошек и собак
В конце концов поглотит мрак.
И замер я, лохматый пес,
И лапочки горе вознес,
Забывшись тихим, вечным сном.*

Т. С. Элиот

или «St. George Club», там даже существовал зеленый заповедник, несколько напоминавший Гайд-парк, с фонтанами, гольфовой площадкой, беговыми дорожками и отменным видом на великую реку Нил, подпорченную гордыми коробками Шератона и других небоскребов. Дэвид взглянул на часы: Мэри сегодня задерживалась по работе на фирме, а гордость дома – ирландский сеттер Том уже полчаса дожидался желанного променада, бедный пес, наверное, вспоминал времена, когда Мэри не работала и они вдвоем точно вовремя выходили из апартаментов на Ист-Хит-роуд и медленно шествовали напрямик в Хэмпстед-Хит, по-английски запущенный парк, где Том отводил свою собачью душу.

Конечно, у Дэвида не было никаких сомнений в безупречном джентльменстве Тома, который, как истинный британец, скорее бы умер, чем позволил себе расслабиться. К тому же он был рыжий, как и хозяин, это незримо сближало сердца. Испытывая угрызения совести (большая редкость для сотрудника секретной службы, правда, когда дело касается людей, а не собак), Дэвид, не став дожидаться лифта, быстро взлетел на третий этаж и, вслушиваясь в деликатное урчание Тома за дверью, открыл апартаменты. Оба рыжих джентльмена радостно выпорхнули на улицу и проскочили в парк, где сеттер был спущен с поводка и оросил жаждущие влаги пальмы.

Замалек населяли в основном западные люди и ухоженная местная буржуазия, Смизерс внушал себе, что район напоминает Хемстед, по которому он скучал, хотя был чистокровным йоркширцем и до сих пор не избавился от акцента, даже пройдя сквозь Бирмингемский университет и Школу восточных исследований. Просидев несколько лет в таинственной штаб-квартире английской разведки СИС в Лондоне и занимаясь арабскими странами, в начале семидесятых Смизерс был брошен на боевые рубежи в Саудовскую Аравию, а затем транспортирован в Каир в качестве резидента, имевшего в подчинении целых десять человек, изрядное число для экономных англичан. Смизерс медленно шел по аллее, бдительно поглядывая на

Тома: собак арабы не жаловали (самим жрать было нечего) и вполне могли огреть его палкой. Правда, такой дичайший случай произошел лишь один раз с женой шведского посла, болонку которой в нищем районе (как эта дама там очутилась – загадка!) попросту прибили бульжником прямо на глазах у хозяйки. Но не в Замалеке. Тут правила Европа, тут цивилизация не желала менять свой стиль жизни, тут боготворили младших братьев и даже некоторые богатые арабы переняли эту порочную привычку процветающих наций.

Было около пяти, жара спадала, начинало смеркаться, и весь осособенный бомонд медленно стекался в парк, как на званный бал со своими терьерами и мастифами. Дэвид дошел до любимой пальмы Тома, именно там на аллее он и увидел Иссама Абдель Карара, тоже с рыжим ирландским сеттером. Поскольку Иссам уже много лет верно служил Англии и ее боевому отряду СИС, Дэвид сделал вид, что не замечает агента и, движимый конспирацией – профессиональным психозом любого разведчика, свернул в сторону. Однако Карара бодро нагнал его, сияя солнечной улыбкой.

– Добрый вечер, Дэвид! Я счастлив вас видеть!

– Добрый вечер, Иссам! – хмуро отозвался Смизерс.

– Каждый раз, когда я вижу вас, я чувствую, как мое сердце наполняется радостью. Нет ничего прекраснее встречи с другом...

Дэвид промолчал, и на его лице не отразилось ничего, кроме угнетающей сумрачности. О, как хорошо он изучил сладкие речи Востока! Чем звонче поют соловьи, тем опаснее нести бремя белых – смотри под ноги! Не болото ли тут? Не сверкнул ли за пальмой кинжал? О, Восток, любовь и ненависть моя!

– Здоровы ли вы, Дэвид? – ласково поинтересовался Иссам. – Может, я могу вам помочь?

– Вы напрасно подошли ко мне. – Смизерс решил пренебречь джентльменской деликатностью. – Нельзя нарушать элементарные принципы конспирации. Тут много людей, и не в интересах дела афишировать наше знакомство.

– Но тут все собачники подходят друг к другу! – светясь неотразимой улыбкой, возразил Иссам. – Я так уважаю вас, что не могу пройти мимо, не пожав вам руку.

– Но мы же секретно – понимаете? – совершенно секретно сотрудничаем с вами, к тому же вы работаете не в цирюльне, а в каирской контрразведке. Вдруг вас увидит кто-нибудь из коллег?

Смизерс хотел и дальше продолжить свои менторские наставления, но вдруг почувствовал всю бесполезность этого: если арабу уж что-то приспичило, то отогнать его может только Аллах.

– Посмотрите на пару около теннисного корта, мой дорогой Дэвид, около нее вертится великолепный датский дог. Черный с белой грудью. Знаете, кто эти люди?

– Я забыл дома очки, – холодно ответил Смизерс, не желая раскрывать перед агентом свою осведомленность.

– Русский военный атташе Аркадий Хват и его жена Нина. А черного дога зовут Антон.

Конечно, Смизерс сразу же узнал атташе, именно у него на квартире еще полгода назад он просил Иссама установить технику, дабы подсобрать полезные данные об образе жизни и политических настроениях. Задание было исполнено, но ничего интересного, кроме мелких семейных скандалов, на свет не вышло, провалилась и затея с наружным наблюдением за Хватом: опытный разведчик раскалывал его уже через десять минут. Помнится, Дэвид довольно грубовато отчитал агента, заметив, что СИС ожидает от него более эффективной работы за хорошее жалование.

– Что значит слово «хорошее», дорогой Дэвид? – развел тогда руками Иссам. – Все в мире относительно, а жизнь дорожает. Но деньги для меня не главное. Я не выношу, когда мой лучший друг, когда мой брат пребывает в дурном настроении, и я сделаю все, чтобы на сердце у него все сияло, как в садах Семирамиды...

«М-да, интересно, какие сады он собирался раскинуть в сердце на этот раз? Любят эти полудикари (неудобно, но имперские замашки засели у Дэвида глубоко в крови) рисовать воздушные замки», – мрачновато думал Смизерс.

К счастью, два ирландских сеттера устроили шумную возню и отвлекли почтенных шпионов от продолжения диалога, чем англичанин не преминул воспользоваться (о, конспирация!) и отскочил от агента, договорившись о встрече на конспиративной квартире.

Чета Хватов беспечно прохаживалась по лужайкам, датский дог Антон отличался завидной дисциплинированностью, словно сам служил в непобедимой советской армии и имел звание: он не отрывался от хозяев даже при виде игривых сучек, крутивших у его носа своими развратными хвостами, пес был безраздельно предан семье, и супруги платили ему взаимностью.

– Ну какая от тебя польза? – ласково говорил Аркадий догу, смотревшему на него умными глазами. – Вот если бы ты был бобтейлем, то Нина из твоей шерсти вязала бы мне носки.

Пес понял шутку и играючи прыгнул на Нину, но не коснулся ее лапами, а лишь высунул на ходу язык и лизнул нежно руку, давая понять, что ради нее он готов превратиться в бобтейла и, если надо, в шерстяной носок. Военный атташе потрепал его по шее, оценив тем самым чувство юмора у животного, и сам добродушно улыбнулся. Добропорядочный муж, отец двоих сыновей, служака с великолепной выправкой, бывший чемпион по плаванию, командир полка, отличившийся во время вторжения в Чехословакию, и потому катапультированный в военно-дипломатическую академию, а оттуда в Главное разведывательное управление Министерства обороны (ГРУ), полковник, ожидавший неизбежного генеральского звания, сорокалетний красавец мужчина Аркадий Иванович Хват. Да и Нина была хороша: блондинка с соломенного цвета волосами, голубыми глазами с загадочным прищуром, наконец, легкая поступь, как у балерины, такие дамы – редкость, особенно в среде потенциальных генеральш.

В этот время с аллеи советскому атташе помахал рукой высокий худощавый человек, лучший бейсболист Йельского университета, самый очаровательный дипломат в каирском свете, резидент ЦРУ Фрэнк Ростоу, отличившийся прямым

характером и неизбывной веселостью. Портрет процветающего янки несколько подтачивала коричневая такса с раздутыми сосками, почти волочившимися по земле, у кривого низкорослого создания блестели бока, и, оно, натянув поводок, резво тянуло хозяина к высокомерному Антону. Пришлось сойтись и обменяться любезностями, свежести в них было немного: Фрэнк любил поерничать и лукаво спросил у Хвата, как идет работа по главному противнику – так на советском разведывательном сленге именовали США. Хват не остался в долгу и пожелал успехов резидентуре ЦРУ и ее симпатичному шефу.

– Почему вы считаете, что я – резидент ЦРУ?

– Об этом говорит весь дипломатический корпус...

– Честно говоря, эти слухи меня мало волнуют, – заметил Фрэнк. – Гораздо хуже, что моя Салли совершенно перестала есть рыбу и требует только мясо.

Тут в светскую беседу вмешалась Нина, заметив, что такое бывает иногда в преддверии течи, а заодно и поинтересовалась здоровьем супруги Фрэнка, писаной красавицы Файзы, притчей во языцех в высших кругах совколонии: неужели империалистам разрешают вот так запросто жениться на иностранках, причем азиатках? Или это ход зловещего ЦРУ, своего рода приманка? А американцам разрешается принимать ислам?

– Мне всегда интересно, как американец может ужиться с арабкой, – материализовал любопытство коллектива Хват.

– А почему русские не женятся на иностранках? – огрызнулся американец. – Даже ваш прекрасный дог уживается с котом, – хохотнул Ростю.

Истинная правда, сибирского кота тоже привезли из Москвы, не жили его и холили, превратили в хозяина дома, которого боялся даже Антон. Но Хват сдержал себя и не стал поддаваться на провокацию, ну его к черту, этого Фрэнка, в конце концов разведчики должны заниматься не дискуссиями, а вербовками, к тому же с Ростю в ближайший четверг предполагался ланч в Шератоне.

Расстались, растащили псов, и тут очередная приятная встреча: полный, лысый мужчина, несущий за пазухой жир-

ного угольно-черного кота, причем с ошейником на шее, сановная походка и отнюдь не случайно: сам резидент КГБ в Каире Василий Петрович Осоргин.

– Добрый вечер, Василий Петрович! – с лица Хвата сошла степенность и в голосе появилась неуловимая заискивающая нотка. – Прочь! – вдруг закричал он так визгливо, что Осоргин вздрогнул, словно это относилось к нему, а не к догу, учуявшему дичь. Только еще не хватало орать на резидента! Слава богу, ГРУ, в котором трудился Хват, хотя и не находилось в прямом подчинении у КГБ, но довольно плотно им контролировалось на предмет безопасности от враждебного проникновения и инакомыслия, естественно, с помощью агентуры, к славной когорте которой принадлежал и сам военный атташе еще со времен учебы в ВДА.

– Привет, Аркадий Иванович! Твой Антон просто превратился в огромную корову. А где твой кот? Бойтесь выводить его вместе с догом?

Обсудили кое-что от Бисмарка до насморка, не забыли и о сложных взаимоотношениях кошек и собак и об их соперничестве за хозяйскую любовь. Черный кот между тем спесиво поглядывал на Антона, распустившего язык, и всем своим видом оскорблял: хоть ты и датский дог, но шавка паскудная, моська жалкая и, если мой Вася пожелает, он тебя вместе с твоим вонючим атташе и его котом в бараний рог свернет, разотрет и выплюнет! Датский дог всей своей черной шкурой чувствовал унижение, но сдерживался ради хозяев и даже притворился, что интересуется лукавыми птичками на кустиках.

Выходных у разведки не бывает, на войне не отдыхают, поэтому Аркадий Иванович отвел резидента в сторону и поспешил доложить ему, что только что встретил зловредного Ростю – исчадие ада, доложил не просто из страховки, а потому что работал с американцем по заданию КГБ, оплачивающего все оперативные расходы. Бесспорно, такая разработка являлась скорее исключением из правил во взаимоотношениях КГБ и ГРУ, и больше всего на свете Хват опасался, что о его работе на конкурентов узнает

начальство. Конечно, никто за это не вызовет на ковер, никто не выдвинет обвинений, однако, зарубежку сделают, попридержат на поводке и могут даже отвести от причитавшегося генеральского звания. Да еще, не дай бог, пустят слушок, что мол, Аркадий Иванович не американца разрабатывает, а выполняет функции сексота, капая на сослуживцев, – тогда хана!

Собственно, свои тревоги Хват высказывал на каждой встрече с резидентом, и каждый раз тот его уверял в повышенной секретности сотрудничества. Заложив одну руку в карман (другая покоилась на коте, который вообще отвернулся от Антона, видимо, поглощенный оперативной дискуссией), Осоргин выслушал хватовскую оценку американского резидента.

До глубины Шекспира тут было далеко, но вырисовывались некая экстравагантность и склонность к открытой провокации, необычные для серых мышей – цэрувцев. Зацепка ли это? Возможно. Очень часто на крючок попадают именно такого рода характеры с чуть сдвинутой крышей. Разве совершенно нормальный хомо сапиенс возжаждет трудиться на чужую разведку? Под угрозой 300–400 годков тюрьмы, как в оазисе западной демократии, или полновесной «вышки», как в оазисе развитого социализма.

Нет, нормальные люди сторонятся шпионских пут, им ближе семейный ужин с сырокопченым датским окороком, помидоро-огуречным салатом с толсто порезанным луком и острой брынзой, им дороже роман-кирпич Стивена Кинга или глас битлов. Зачем, черт возьми, шпионить на чужую разведку, где, между прочим, и платят хреново и не вовремя? Нет, Ростоу бесспорно не шиз, но штучка необычная, орешек крепкий, вполне допустимо, что он корчит из себя немного чокнутого Гамлета. А Гамлет-то был не лыком шит, лицедействовал под безумца и в результате преуспел: нанизал на кинжал старика Полония и отправил на тот свет короля Клавдия. Так что бдительности по отношению к Ростоу терять не следует, а надо держать ухо востро. На этом и сошлись, и каждый пошел своим путем со своей живностью...

Арабский Восток всегда был лакомым куском для разведок: черное золото и прочие дары природы, простор для геополитических интриг в игре Востока и Запада, последний холодел от одной мысли, что Советы вдруг настолько укрепятся в регионе, что отрежут, сомнут, взорвут, выльют к чертовой матери все нефтепроводы, посадив мир на голодный паек. Остановка заводов, транспорта, потухшие города, замерзшие голодные скелеты, о ужас! Для страховки американцы уже создали у себя нефтяные склады, англичане больше уповали на старые связи среди арабских шейхов – в свое время прославленный разведчик полковник Лоуренс настолько обольстил шейха Фейсала, что вместе с ним добил проклятую Оттоманскую империю.

Конспиративная квартира резидентуры СИС помещалась тоже в Замалеке, в многоэтажном доме с различными фирменными офисами, между прочим, умный ход: попробуйте выделить агента среди входящих и выходящих толп. Дэвид Смизерс, проверив еще раз, не бредут ли за ним отряды сыска, открыл дверь своим личным ключом и, метнув еще раз натренированный взор на лестницу, ступил на мраморные полы. Доступ в это святое место принадлежал лишь ему и уборщице – жене шифровальщика резидентуры, иногда забегали туда заезжие англичанки (и на солнце бывают пятна!).

До встречи с Иссамом оставалось десять минут, и Дэвид проследовал в ванную, где образовал строгий пробор меж своих по-юношески буйных кудрей, протер очки в золотой оправе, несколько раз провел по подбородку, оценивая качество выбритости, и даже прыснул слегка на щеки любимым одеколоном «Дракар». Собою он остался доволен: аккуратно сложен, хотя и не спортивен, в сером льняном костюме с галстуком в крапинку (жена утверждала, что именно такой расцветки была юбка у ее бабушки – фермерши с острова Мен), до безумия начищенные бордовые ботинки, обожал отдавать их во власть местным чистильщикам – Моцартам своего дела. Смизерс растянул рот, осмотрел зубы в коронках, скривил физиономию своему двойнику в зеркале – подкупающая детскость солидного человека. Достал из бара

бутылку виски «Тичерс», плеснул немного в стакан и погрузился в свежий «Плейбой».

По выработанной годами привычке он приходил на любую встречу за пять-десять минут, дабы осмотреться и адаптироваться к обстановке, его же счастливая клиентура не наблюдала часов, словно существуя вне времени и пространства, и бессовестно опаздывала, доказывая тем самым, кому нести бремя белых. Так и с Карарой, разгильдяем до мозга костей, хотя и контрразведчиком, впрочем, что такое египетская контрразведка? Одно время СИС считал ее своим филиалом, правда, после Суэцкого кризиса и наглого воцарения Насера в отношениях наступили морозы, и пришлось запрятаться в кусты, дергая за ниточки уцелевших энтузиастов.

Тридцать пять минут, бесцеремонное опоздание, Смизерс раздраженно оперся руками о подоконник, наблюдая в окно, как Иссам Карара подъехал к дому на белом «форде», и сразу ринулся в подъезд, даже не оглянувшись. Чего еще ожидать от этого самоуверенного бонвивана в расшитой золотом галобее? Ему бы модельером работать, а не в спецслужбе.

– Как я счастлив видеть вас, мой дорогой Дэвид! – Карара, как всегда, лучился солнечным диском. Впрочем, ледяную физиономию Смизерса растопить не удалось: принципы есть принципы, агента постоянно надо воспитывать, и Дэвид молча постучал отполированным ногтем по своему «Лонжину».

– Извините, что я опоздал, сэр, но в Каире такие пробки...

– Кстати, я много раз просил вас не подъезжать к конспиративной квартире на своей машине! – Тверд, словно дувские скалы, сколько не продувай их ветром.

– Тогда бы я опоздал на целый час, дорогой Дэвид! – юлил агент. – Я так ценю ваши замечания, ведь слова искреннего друга – это бальзам на сердце, и я каждый раз радуюсь, слушая вас. Извините, Дэвид, но сейчас время намаза, и я должен помолиться.

Иссам достал из портфеля маленький коврик, вышел в соседнюю комнату, положил его на мраморный пол и на-

чал молиться. Заглянув туда через стеклянную дверь, Дэвид увидел торчавший толстый зад, обтянутый галобеей. Отвратительное зрелище жирной задницы, женщине это еще можно простить, но мужчине и тем более контрразведчику... Тот наконец оторвался от пола и вышел в гостиную. Низкорослый, с тщательно подбритыми усами, масляными глазами мелкого жулика, сальными гладкими щечками... Нет! Смизерс терпеть его не мог, он вообще не любил агентов-неангличан, считая их жуликами, стремящимися урвать у короны. К тому же этот мерзавец, словно в пику Смизерсу, тоже приобрел рыжего сеттера, будто не мог выбрать другую масть! Может, и не в пику, а в подражание, на что еще способны эти обезьяны?

– Может, выпьете виски?

– Мой дорогой друг, разве вы не знаете Коран?

Лжец! А ведь пьет, глушит тайно, потребляет наркотики, воруя первостатейный.

– «Вино – есть мира кровь, а мир наш кровопийца, так как же нам не пить кровь кровного врага?» – блеснул Смизерс познаниями, почерпнутыми в Школе восточных исследований. – Между прочим, это написал великий Омар Хайям, поклонявшийся исламу не меньше вас.

– Хайям был великий грешник, к тому же он много получал при дворе и мог позволить себе хорошее вино. Что же касается бедного Иссама, то даже ваша помощь позволяет ему лишь сводить концы с концами. Налейте мне настой каркаде – напиток нищих.

Смизерса чуть передернуло от отвращения, нет, не из-за упоминания целебной национальной бурды – каркаде. Тирада пованивала вечной склокой вокруг размера вознаграждения. Он достал из бара графин с красной жидкостью, ее готовила уборщица Патриция, между прочим, не скрывавшая своих чувств к рыжему начальнику и пару раз безуспешно посягавшая на его плоть. Однажды, жарко дыша бедрами, она ляпнулась ему на колени, когда он читал в кресле план предстоящей встречи с агентом, и наткнулась на скалу: консерватор Дэвид не признавал романов на службе и с женами коллег.

– Да... нищих, – вздохнул, как ожидалось, араб.

– Когда я буду в Лондоне, то попытаюсь поднять вам вознаграждение. Но, естественно, должны быть налицо результаты вашей работы.

– Дорогой друг, то, что вы сейчас услышите, знаменует новую эпоху в нашей работе – эпоху викторий!

Он достал из портфеля портативный магнитофон и вставил в него извлеченную оттуда же кассету. Послышался диалог по-русски, после паузы – шуршания, скрипы, глухое урчание пса и нарастающие сладострастные стоны женщины, они становились все громче и громче, все нежнее и несдержаннее. Завершились несносным оргастическим вскриком, от которого Смизерсу стало не по себе, словно он смотрел изощренный порнографический фильм. Иссам блаженно улыбался, сверкая всеми зубами, словно наслаждался божественной симфонией.

– Что это за чертовщина? Чей это голос? – спросил Дэвид с искренним возмущением. Он не терпел порнографии и осуждал даже кумира английской живописи XIX века Томаса Роулансона, не говоря уже о создателе «Леди Чаттерлей», хулигане Дэвиде Лоуренсе и педофиле Набокове (последнего он, правда, не читал, но верил прессе), вообще в своих интимных привычках Дэвид был на редкость традиционен, что не находило отклика ни у его жены, ни у немногочисленных любовниц.

– Это голос Нины, жены русского атташе. Муж в тот момент на работе.

– Ничего не понимаю. Что она делает?

Неискушенность патрона вызвала у Иссама кривую улыбочку? и он с явным удовольствием объяснил:

– Мой дорогой друг, разве вы не слышали ласкового урчания ее огромного датского дога? Он стал ее партнером... – видя растерянность начальства, агент старался выражаться деликатно.

О такой мерзости неиспорченный Смизерс только однажды слышал еще в юности (и то не поверил!), причем речь шла о козе одного изобретательного йоркширского фермера.

– Не может быть! – Дэвид покраснел от смущения, словно его самого застали за постыдным прелюбодеянием, краснел он ярко и легко, как все рыжие.

– Мой дорогой друг, пути человеческого наслаждения неисповедимы. Об этом говорит вся история. Разве вы не помните, что Леду, мать прекрасной Елены из Трои, обольстил белый лебедь?

Тут Иссам счел нужным привести несколько вопиющих примеров из собственного контрразведывательного опыта: оказалось, что хомо сапиенс обоюбого пола не только привязывают друг друга ремнями к кровати, хлещут по телу кнутом, предаются греху втроем и более, проделывая чудеса, упиваются счастьем наедине с бутылками, огурцами, свечами, морковью, в расщелинах дубов, но и обожают котов, коров, кобыл, жеребцов и, конечно же, породистых псов. Компромат на жену атташе, компромат весомый, беспроигрышный, вербовать можно и ее, и мужа. Дама и датский дог. Смизерс представил страшную сцену: чудовищный пес навис над распростертой женщиной. Откровенно говоря, Дэвид слабо представлял, как технически могло выглядеть все совокупление, возможно, глаза у него горели, как у собаки Баскервилей, лапы судорожно царапали... Да нет! Куда же он девает лапы? Черт побери, какая гадость! От волнения Смизерс глотнул немного виски и раздумчиво прошелся по комнате. Дело, действительно, выглядело весьма заманчиво, однако, материалу не хватало солидности, на сладостных звуках далеко не уедешь, объект может сразу же откеститься от криминала – другое дело визуальные доказательства, как бы отвратительно они ни выглядели.

– Это не так просто, мой дорогой друг, – затянул Иссам обычную песню. – На это потребуются деньги... много денег.

Игра стоила свеч, к тому же съемку провести было несложно: через тех же соседей Хватов, завербованных египетской контрразведкой. Необходимо оживить разработку и ввести в семью Хватов умного агента, желательного араба. Идея Дэвида не возбудила Иссама, он вдруг обнаружил поразительную застенчивость и неспособность познакомиться с неизвестным человеком вне соответствующей

обстановки. Только перспективы большого куша переломили настрой, причем негодяй сопротивлялся и корчил из себя невинную девицу. «Сукин сын, – думал Смизерс, когда агент покинул консквартиру, – типичный прохиндей! Ведь если нужно что-то продать, то каирец может познакомиться с самим дьяволом, ему ничего не стоит пройти несколько миль за потенциальным клиентом или подойти на улице и протянуть визитную карточку. Или по нескольку раз появляться перед ошеломленным европейцем, обегая кварталы, пожимать ему руку и радоваться, что на земле существует необыкновенный, добрый человек, который немедленно пройдет в изумительную лавку с уникальными ароматическими маслами или столь же уникальными коврами». О, арабы, уж что-то, а их продажные души Смизерс изучил досконально...

Появившись на лужайках Замалека со своим ослепительно рыжим сеттером, Иссам тут же заметил Аркадия Хвата и Нину, рядом с которой шагал невозмутимый черный дог. Тут и раздумывать было нечего, никаких сложных комбинаций.

– Какой удивительный пес! Он напоминает бога Солнца Ра. Я никогда в жизни не видел такого удивительного пса! Какая эта порода? (вопрос идиота, разве можно такой задавать, придерживая собственного породистого пса?)

– Датский дог, – улыбнулась Нина, потряхнув своими роскошными волосами, глаза ее сощурились.

– И как его зовут? – тут уже Иссам повернул лицо прямо к военному атташе.

– Антон. А у вас, если не ошибаюсь, самый настоящий ирландский сеттер? – Хват снисходительно относился к прилипучим арабам. Далее как-то само собой разговор потек о собаках, Иссам представился как владелец небольшой ювелирной фабрики, всегда к услугам, и протянул специально подготовленную на этот случай визитную карточку. Военный атташе достал свою, чем привел араба в экстаз: оказалось, что Иссам всегда души не чаял в русских, построивших Асуанскую плотину и бескорыстно помогавших бедной стране. Речи эти не явились новостью для военного

атташе, местные повадки он усвоил хорошо, из-за завесы слов всегда рано или поздно выступал коммерческий интерес, и поэтому Хват любезно принял приглашение на ужин вместе с женой, заранее зная, что все закончится торгашескими беседами.

– Мы пойдем к нему? – поинтересовалась Нина, когда Карара отошел, уже прикидывая, как он распишет всю эту незамысловатую комбинацию Смизерсу и во сколько ее оценит.

– Да на фига он мне нужен?

– Мы можем купить у него хорошее золото по скидке. Не отказывайся, Аркаша! – она поцеловала его в щеку, он обнял ее за плечи и прижал к себе. Черный дог радовался счастью супругов и подпрыгивал на ходу.

Англичане координировали свою работу в Египте с американцами, хотя это было непросто: зачастую интересы сталкивались, СИС выходил на людей, работавших на ЦРУ, и, наоборот, американцы вербовали английских агентов, вызывая возмущение СИС. Координационные меры обеих резидентур находили свое материальное выражение в регулярных ланчах Росту и Дэвида в отеле «Шератон», славившемся сносной европейской кухней.

Местные изыски давно опротивели обоим резидентам. Фрэнк, как большинство американцев, страстно следил за своим здоровьем, бросил курить, перешел на сухие вина, бегал по утрам рысцой и регулярно проверял норму холестерина в крови. За трапезой в «Шератоне» вкусы резидентов, как обычно, кардинально расходились.

Смизерс не обходился без черепахового супа или простого минестроне, на второе заказывал недожаренный бифштекс с кровью, быстро съедал его (опасался, что остынет), а затем неторопливо приступал к салату. Десерт не брал и сразу же переходил к кофе, пропуская с ним не больше двух рюмок арманьяка, причем под черную бразильскую сигару. Стартовал он обычно с двойного виски, с 12-летнего молта «Хайлэнд парк» или, на худой конец, с 12-летнего смешанного скотча «Димпл», к вину был совершенно равнодушен.

Американец начинал с грейпфрутового джуса, первое вообще пропускал, а на второе брал отварную рыбу без соуса, зеленые бобы и шпинат, который он считал источником здоровья. Как правило, к рыбе он заказывал бокал шардоне, от кофе воздерживался. Эта несовместимость создавала неудобные паузы: когда Дэвид поглощал свой суп, Фрэнку ничего не оставалось, как наблюдать за этим процессом, аналогичная ситуация создавалась за кофе и в глубине души и желудка Смизерс испытывал мало удовольствия от совместных трапез.

Резидентура КГБ в Каире имела честь являться объектом проникновения обеих разведок, под колпаком держали прежде всего резидента Василия Петровича Осоргина, впрочем, так и не собрав никаких утешительных материалов: твердокаменный коммунист, осторожен, как лис, аккуратен в связях, в Каире третий раз и страну знает как свои пять пальцев, великолепно владеет местным языком (у американца с этим делом было туго), оперативные темы дома не затрагивал, а на работе стены были надежно защищены от чужих ушей. Конечно, широко была известна любовь Василия Петровича к своему черному коту, однако, их отношения носили целомудренный характер, во всяком случае, подслушивание ничего пикантного не выявило. Все это в очередной раз и констатировал Ростоу, пока Смизерс жевал свои яства. Дошли и до военного атташе Хвата, которого Фрэнк находил ограниченным и даже глуповатым. Смизерс кровопускал свой бифштекс и молча слушал, не желая выкладывать карты на стол по поводу грешков жены Хвата, впрочем, американский резидент тоже не распространялся о своих контактах с Хватом, хотя Смизерс об этом знал от Иссама.

– На Востоке русских гораздо легче вербовать, чем в Европе или США, – вещал американец. – Тут они чувствуют себя свободнее, спекулируют, иногда путаются с проститутками, не боятся контрразведки и наружного наблюдения...

– Да... у нас, в Англии, они осторожны, – заметил Смизерс. – А как они идут на контакт в Москве? Вы же там работали.

– Не вспоминайте об этом аде. Круглые сутки слежка бампер в бампер, почти все знакомства – подставы КГБ, в официальные учреждения не пробиться. Собственно, мы там даже не пытаемся вербовать – лишь встречаемся с агентами, которых удалось завербовать в других странах. Однажды на встречу с агентом меня вывозили в багажнике...

Ростоу вздохнул с облегчением, словно только что вылез из багажника, и глотнул шардоне.

На вечер в том же «Шератоне» у Ростоу была назначена встреча с Хватом, оба интенсивно и безуспешно разрабатывали друг друга. Если бы не настояния Василия Осоргина, вряд ли бы Хват пошел на контакт с резидентом ЦРУ, это было совершенно не его епархия, к тому же, пахнувшая порохом. Но Василий Петрович давил, и Хват, сидя за столиком в любимом всеми шпионами «Шератоне», задумчиво смотрел на величественный Нил и выслушивал рассуждения Ростоу о несовершенствах социалистической демократии, порочности однопартийной системы, нерешенности национальных проблем и прочих составных частей пропагандистской обоймы для обработки советских граждан.

– Ваша жена уже вернулась из Штатов? – сменил неприятную тему Хват.

– Видимо, она задержится там надолго. Вы же знаете всю историю с моим сыном...

Конечно, Хват об этом знал: сам Ростоу сообщил ему, что у сына врожденный порок сердца, требовавший серьезной операции. Эта весть глубоко заинтересовала Василия Петровича, который тут же направил шифровку в Москву с просьбой, выражаясь канцеляритом, изыскать возможности для операции сына цэрувца в Москве, что могло радикально продвинуть его разработку к заветному исходу. Центр поддержал предложение резидента, и Хвату вменялось довести идею до сведения цэрувца.

– Если вы хотите, Фрэнк, я могу организовать такую операцию в Москве. У хирургов, которые лечат политбюро нашей партии. И совершенно бесплатно! – Хват внимательно следил за реакцией Ростоу.

– Большое спасибо, Аркадий. Но боюсь, что мне за это придется платить, разве не так? – и Фрэнк радостно заржал.

Аркадий сделал обиженную физиономию оскорбленной добродетели.

– Я предлагаю вам это как друг, а вы реагируете, как циник.

Оба расхохотались, дело тихо распалось на куски и накрылось, не такой уж идиот был Ростоу, да и кто разрешил бы ему лечить сына в СССР? Сделать это тайно? Это все равно, что самому прийти на Лубянку и завербоваться. Грянул оркестр, и на сцене начался традиционный танец живота...

Дэвид Смизерс немного нервничал, ожидая агента, о деле Хвата он уже направил депешу в Лондон, и начальство взяло его на личный контроль: все-таки не каждый день происходили такие из ряда вон выходящие события, как преступная связь с датским догом. Пришлось даже направить фотографии Нины, сделанные скрытой камерой во время прогулок с Антоном, более пикантные еще не подоспели.

Дэвид открыл ключом буфет, где стояли коллекционные бутылочки молта – почти единственная слабость сотрудника СИС, весьма осуждаемая его супругой Мэри. Поэтому хранить их приходилось на конспиративной квартире и запирать на ключ подальше от глаз страстной уборщицы, тоже стража морали. Иногда в минуты душевной тоски Дэвид изрядно подрывал свою коллекцию, потом ее пополнял, что было еще приятнее, но чаще всего созерцал бутылочки, как картину Рафаэля или белесые развалины Парфенона. Так они и стояли рядком: крошечные гленливеты, гленфидики, гленморанджи и прочие глены, особенно хорош был Dalwhinnie, напрягся и никак не смог припомнить его вкус. Пришлось попробовать и, как назло, именно в самый сладкий момент раздался условный звонок в дверь, знаменующий о прибытии Иссамы. По его солнечному лику уже было ясно, что операция прошла успешно.

– Мне кажется, вас можно поздравить? – на всякий случай спросил Дэвид, сдерживая ликование, ибо знал, что это сияние обойдется недешево.

– Разве ваш друг Иссам может подвести?

– Поздравляю, поздравляю! Может, отойдете от Корана и выпьете виски? Все-таки это важный повод!

– Конечно, Аллах простит мне все, что делается для английской разведки! – Иссам принял из рук англичанина стаканчик с коллекционным гленливетом. – Можно лед?

– Истинные ценители никогда не бросают лед в молт, это же не смешанный виски.

– Учиться нам и учиться у носителей цивилизации... Вы заставляете меня грешить...

– *«Не бойся, о Хайям, что ты заслужишь тут мученья страшные в аду за хмель и блуд. Тому, кто не грешил, не будет и прощенья, лишь грешники себе прощенье найдут!»* – процитировал Дэвид любимого Хайяма.

Агент допил виски, достал из кармана пачку фотографий в конверте и протянул их Дэвиду.

– Я пойду в соседнюю комнату помолиться, а вы пока посмотрите. Только не упадите в обморок.

Дэвид выпил еще виски, удобнее устроился в кресле и начал рассматривать фотографии. С порнолитературой он впервые познакомился лишь несколько лет назад во фривольном Копенгагене, где ее выставляли прямо в обычных витринах. Порнолавки он брезгливо обходил, а тут просто пал жертвой датской вседозволенности. В Лондоне такие безобразия полностью исключались, порно строго отводилось свое место, в Лондоне блюли нравы, и даже шлюхи не тянули назойливо за рукав, не зазывали, поглаживая бедра, а деликатно позванивали ключами в подъездах Сохо.

А тут эти фото... В сравнении с ними датское порно выглядело детским лепетом, такого Смизерс и представить себе не мог, лицо его покраснело, как у впервые солгавшего школьника, губы мгновенно пересохли, и пульс неожиданно быстро набрал высокие обороты. Это было нечто. Пес своим грозным обличьем явно походил на собаку Баскервилей, возможно, он даже читал Конан Дойла – настолько осмысленный и умный был у него взгляд, да и Нина была красивей и притягательней вдвойне, Смизерс поймал себя на том, что фотографии не вызывают у него никакого отвращения, наоборот, жгучий, даже постыдный интерес.

– Потрясающе, шеф? – Иссам, появившись после намаза, с улыбкой наблюдал за куратором.

– Отвратительно! – скривился Дэвид, изображая на лице последнюю стадию омерзения.

– Все англичане – лицемеры! – хмыкнул Иссам. – Держу пари, что на самом деле все это вам очень по душе.

– Не говорите глупости! – вспыхнул Дэвид.

– Когда я учился в Лондоне, я читал и «Фанни Хилл», и всю вашу викторианскую порнографию. Нет в мире более сексуально извращенных людей, чем англичане. А гомосексуализм в частных школах? А садистические порки мальчиков? – радовался Иссам, словно застал Дэвида на месте преступления.

Нахал, пришлось прочитать ему небольшую лекцию о том, что, увы, большинство представителей уважаемого третьего мира несколько своеобразно понимают английское гостеприимство и проводят время не в Британском музее, а в грязных кабаках, куда джентльмены не ходят. Упрек Иссам принял достойно и тут же перевел разговор на вознаграждение: жизнь в Египте дорожала, да и не было такой яркой разработки, наверное, никогда в истории.

– Ну, а как развиваются ваши отношения с Ниной? – решил в контратаку Смизерс.

– А вдруг она предпочитает только Антона? – посмел засомневаться египтянин.

– Учитесь у английских легавых. Знаете, чем они отличаются от континентальных? Основательностью. Не аппортируют, не работают по следу, да и злобы у них не так много. Но зато они работают тщательно: выслеживают дичь и делают стойку, ожидая охотника. У них потрясающее чутье и громадная выдержка.

Несмотря на крохоборство агента, Смизерс остался им доволен: умело завязал контакт с Хватами, на лету собрал компроматы, поставив технику, проявил исполнительность и смекалку...

Ужин в честь Хватов Иссам закатил на корабле, курсирующем по грязноватому Нилу. Сквозь густую темноту прорывались мигания маяков, огни суматошно плясали,

растягиваясь на километры. Вода мелко плескалась о борт, дул свежий ветер, и хотелось вечно стоять на палубе, всматриваясь в темноту, словно ожидая знака судьбы.

Спустились в ресторан. Столик был подобран наилучший, рядом с окном, арабских закусок было великое множество, козырной картой выпало быть бараньему шашлыку, таявшему во рту леденцом. Мужчинам предложили кальян, и оба принялись за дело, напоминая джазистов, лениво дующих в трубы. Хваты стойко выдерживали водопад комплиментов Иссамы вместе с обвинениями в адрес американцев, англичан и прочих, разлагающих целые нации. Нет, Россия лежит на стыке Европы и Азии, она соединила в своем сердце христианство и ислам, и поэтому сердце ее переполнено любовью. Россия – это надежда бывших колоний, которых и сейчас грабят до нитки, Россия благородна и всегда остается другом.

– Друзья мои! Великая честь выпала мне, великое счастье! В знак моих братских чувств позвольте, милая Нина, отблагодарить вас за приход на этот скромный ужин...

Иссам достал из пакета серебряного скарабея, отделанного драгоценными камнями, и с такой же серебряной цепочкой, и торжественно повесил его на шею засмущавшейся Нине.

– А это вам, Аркадий! – тут он извлек и развернул папирус. – Это бог бальзамирования, у него собачье лицо и весы в руках. После смерти он кладет сердце человека на одну чашу, а его деяния – на другую. Если сердце перевешивает, то этот бог – хет его съедает и лишает человека бессмертия, ибо даже фараон не может обрести новую жизнь без сердца. Я уверен, дорогой Аркадий, что ваши подвиги всегда перевешивают ваше сердце, и потому вы счастливый и бессмертный человек!

Приятно сознавать себя счастливым и бессмертным. Особенно, за превосходным шашлыком со вкусом горького дымка и с видом на эстраду, где в пляске святого Витта арабка исполняла танец живота. Хват терпеливо ожидал, когда же наконец Иссам перейдет к просьбам, скорее всего, о посредничестве в контактах с непростой советской

торговлей или о покупке какого-нибудь ювелирного чуда или – самое ужасное! – целой партии парфюмерных масел, дабы разводить их всю жизнь дистиллированной водой, заменяя тем самым дорогие герлены, шанели и диоры. Но просьбы отсутствовали. Оркестр заливался, живот наконец отпрыгался и уступил место аргентинскому танго. Тут двинул свои батальоны и Иссам, следуя инструкциям мистера Дэвида Смизерса. Танцевал он осторожно, боясь, не дай Бог, коснуться Нины на глазах ее супруга, вел себя чрезвычайно корректно, мысленно напрягая мышцы, где-то вычитал, что таким образом создается поле из обольщающих флюидов...

Дэвид Смизерс наслаждался солнечным Лондоном – нечастое и упоительное зрелище! – и фланировал по Сент-Джеймс парку, куда прибыл за час до аудиенции у шефа, сидевшего в отделе исследований на Даунинг-стрит. Суетливые туристы, как обычно, замороженно смотрели на королевских конногвардейцев, увековечивая их на фото и видео, худой негритянский юноша старательно обстригал машину лауны, на которых взрастала Британская империя, бородатый бомж на скамейке смачно жевал гамбургер, выпуская изо рта ярко-красный кетчуп. Ничего не менялось, все было как всегда.

Сэр Хамфри Браун сидел за столом, заваленным бумагами, однако, взор его был отвлечен от государственных дел и устремлен в нижний ящик стола, где лежал последний номер «Пентхауса» с весьма выразительными фотографиями. Сэр Хамфри был человеком жизнелюбивым и считал, что любовь составляет единственный смысл человеческой жизни, философские рассуждения на этот счет он категорически отменял и сводил это высокое слово к нормальным половым отношениям, гомо- или гетеросексуальным. «Пентхаус» отставал от жизни и не разнообразил сюжеты, все одно и то же, назойливо и угнетающе невыразительное. Слава богу, под «Пентхаусом» таился более смелый порножурнальчик, там радовали глаз приключения онанирующей девицы на лошади и несколько монашек в белых шляпах, в компанию которых залетел со спущенными штанами

здоровенный солдат. Раздался гудок селектора, секретарша (старая ведьма, которую он опасался уволить из-за ее склочного характера) доложила о прибытии Дэвида Смизерса. Это было скучнее, чем игры монашек, и сэр Хамфри с грустью задвинул ящик, придав своему лицу выражение служебной озабоченности.

– Что там стряслось, Дэвид? Почему вы настаивали на командировке в Лондон? Неужели мы не могли обсудить все дело с помощью шифровальной связи? – говорил он мягко и без раздражения, одной рукой пододвигая Смизерса к кожаному дивану, рядом с которым на низком столике старая карга уже сервировала кофе. Недолго думая, Дэвид вынул пакет с фотографиями и положил их перед шефом. Сэр Хамфри небрежно засунул руку в пакет и несколько минут, наморщив лоб, молча рассматривал фото. Смизерс чутко следил за выражением его лица, на нем прочитывалось любопытство, и только наивному Дэвиду было невдомек, что в черепной коробке шефа развернулся целый спектакль, куда, кроме себя и двух своих нежных подружек, он втянул и датского дога, решая одновременно и сложные финансовые вопросы: во сколько обойдутся аренда дога и согласие его партнерш.

– Кто это? – спросил сэр Хамфри, очнувшись от своих мыслей.

– Это жена военного атташе Хвата и ее кобель Антон. Все получено нашим человеком в каирской контрразведке, который нацелен на разработку этой четы.

Это радикально меняло дело, вообще одно упоминание о русских напрочь выбивало любой романтизм, особенно в компании с кобелем и двумя лесбиянками. Дело совершенно экстраординарное, сверхсекретное.

– Не надо говорить открытым текстом даже в моем кабинете. Давайте сразу же дадим всем клички. Значит, Антон? Может быть «Чехов»? Неплохой псевдоним.

– Уж лучше «Антони Иден», – слегка пошутил Дэвид.

– «Антоний и Клеопатра» ... – шеф задумался, он не пропуская ни одного спектакля в Королевском Шекспировском театре, где у него была масса друзей. – Впрочем, псу можно

не давать клички, ведь не заводите же на него дело? Хотя... для конспирации это необходимо. Итак, пес «Антоний», она «Клеопатра», а муж пусть будет «Цезарем».

Обеспечив полную конспирацию, приступили к делу. Вся история выходила за обычные рамки, и в любом случае ее требовалось доложить премьер-министру, дабы продемонстрировать мощь и старательность героической службы сэра Хамфри. Пикантность ситуации заключалась в том, что пост этот занимала женщина с твердым и беспощадным характером. В каких тонах вести разговор, дабы не смутить чувств железной леди? По команде шефа подняли архивы и обнаружили там недавний запрос из ЦРУ по поводу Хватов. Смизерс даже покраснел от негодования: значит, Ростю тоже активно его разрабатывал, а не просто поддерживал официальный контакт с военным атташе, как сообщал Иссам.

Вечером Смизерс вместе с приехавшим из Йоркшира двоюродным братом отвел душу на собачьих бегах, сидели в застекленном ресторане со скудной кухней (гороховый суп, полусырой ростбиф с пресным йоркширским пудингом), собаки яростно вырывались из своих клеток и мчались наперегонки под улюлюканье зрителей, возвращая Дэвида к мыслям об «Антонии» и «Клеопатре»...

Впервые в году на Каир упали легкие капли дождя, небо смилостивилось, и покрытая пылью вечнозеленая зелень вмиг отряхнулась ото сна и ожила. Держа на поводке ирландское великолепие, Иссам вошел в парк и начал поиски резидента Василия Осоргина, который вскоре обнаружился на освещенной фонарями аллее вместе с важным котом, тоже на поводке. Осоргин не любил засиживаться на работе и, к облегчению сотрудников (бывший резидент не уходил раньше десяти вечера, чем он занимался в своем кабинете, никому не было известно, злые языки подозревали, что разгадывал кроссворды, отдавая роковую встречу со своей половиной, которая его иногда поколачивала), здание посольства покидал ровно в шесть. Заприметив приближающегося рыжего сеттера, Осоргин поднял с земли кота и посадил его себе на грудь, прямо за серый льняной пиджак,

успокоительно погладил по голове (кот уже грозно завыл), и попытался быстро миновать незнакомца. Однако Карара придержал шаг и, обезоруживающе улыбаясь, обратился к Василию.

– Господин Осоргин?

– Совершенно верно.

– Добрый вечер, господин Осоргин, я счастлив вас видеть...

– С кем имею честь? – поднял седые брови резидент.

– Разрешите мне пока не открывать своего имени, господин Осоргин. Но я работаю в египетской контрразведке и имею деловое предложение.

Упоминание о контрразведке не смутило Осоргина: наверное, будет напрашиваться на вербовку, подумал он, но на фига он нужен, если у нас там с полдюжины агентов, не солить же их в бочке, как огурцы?

Тем временем Иссам достал из кармана фотографию и протянул ее Осоргину, тому пришлось достать очки, придерживая другой рукой кота, урчавшего на груди, хотя сеттер Иссама отбежал покопать норку у могучей пальмы. Он несколько секунд рассматривал фотографию с деланно скупающим видом, словно созерцал изображение надоевших пирамид или саркофагов, лицом своим и настроением резидент владел в совершенстве, суть проблемы он понял сразу: дело хреновое, лучше бы оно и не появлялось вместе с этим подонком, возни много, еще больше неприятностей.

Жаль Хвата, конечно, не повезло атташе с женой. Впрочем, у каждого свои проблемы: жена Осоргина страдала язвой желудка и многими другими сложными болезнями, постоянно лечилась в СССР, а тем временем резидента, как святого Антония, искушали то нежная продавщица из посольского магазина, предлагавшая привезти ему на дом новые ткани, то юркая секретарша торгпреда, однажды подлетавшая к нему в парке. Однако Василий Осоргин был тверд, как кремь: он высоко ценил репутацию КГБ, сконцентрированную в его персоне, резонно считал, что любой романец тут же станет достоянием всей колонии и бросит пятно на вверенный ему коллектив.

– Ну и что вы предлагаете? – спросил он равнодушно, мысленно калькулируя, какой же бакшиш запросит за эту информацию араб.

– Дело в том, что английская разведка планирует провести вербовку господина Хвата и его жены.

– Кто именно из англичан? – спросил Осоргин.

– Разрешите мне передать вам все необходимые данные после того, как мы договоримся о вознаграждении?

Обычная скучная история. Люди гибнут за металл. Осоргин неожиданно вспомнил, как в десятом классе его тренер по волейболу Костя Пеленкин нагло потребовал отдать ему деньги за проведенное им, Осоргиным, судейство – первый нырок школьника в омут капитала.

– Сколько вы хотите? – сухо осведомился резидент.

– Русские – благородные и добрые люди... – начал свою арию Иссам, но Василий перебил его.

– Я давно работаю в Египте, и не надо прелюдий. Это стоит не больше пятисот долларов, – Осоргин сознательно занизил цифру, зная, что уважающий себя араб не может обойтись без торговли.

– Да простит меня Аллах! – искренне вскричал Иссам, – но эта информация стоит двадцать тысяч!

Началась бешеная торговля со взаимными уверениями в уважении. Осоргин получал удовольствие от этой игры, душа его отдыхала, голова работала хитро и четко, как компьютер, и он ловко крутил Иссамом, суля ему в будущем золотые горы, резко снижая и умеренно повышая ставки. Для начала договорились о двух тысячах аванса (фотография – в ответ на воздетые к небу руки Иссама резидент заметил, что хватит валять дурака, негативы никто не просит, и даже негативы ничего не стоят, ибо их всегда можно размножить), еще две тысячи – при передаче копии секретного дела на Хватов и характеристики на сотрудника СИС, остальное, – тут Осоргин не скупился! – при успешном развитии сотрудничества совершенно иная, повышенная такса.

Удачную сделку омрачил внезапно подлетевший сеттер, перепуганный кот раздулся, как шар, хрипло завыл, захлебываясь в шипениях, изо всех сил рванулся с груди

резидента, перевернулся через голову, вырвал поводок, ощерился, брызнул слюной и, мяукая диким фальцетом, молнией взлетел на пальму. Напрасно Иссам кричал на возбужденного пса, призывая его к порядку – сеттер вырвался из-под контроля и попытался вскарабкаться на пальму. Осоргин провозился с любимцем еще целый час, пытаясь сманить его с пальмы, но ничего не помогало: ни ласковые призывы, ни раскачивание дерева, и если бы не служитель парка, принесший лестницу, он так бы и остался ночевать на пальме...

Через несколько дней Осоргин, предварительно просив начальство о командировке, вылетел в Москву для обсуждения важного дела, хотя мнение Центра считал, как правило, пустым. Кто лучше знает ситуацию в Египте: резидент или какой-нибудь высокопоставленный хмырь, излагающий мысли по справке необстрелянного сосунка или даже динозавра, которого в свое время поперли из резидентуры за бездеятельность?

По дороге в штаб-квартиру разведки он открыл огромный портфель с виски и канцтоварами (в них Центр испытывал постоянный и ненасытный голод) и, прикинув намеченные аудиенции, произвел сортировку груза по пластиковым пакетам. Колдобины окружной дороги, бесконечные грузовики, скучные коробки новых районов, вечно недостроенных, наводили на мрачные мысли о несовершенстве социализма, правда, в сравнении с Египтом все выглядело раем – там вообще жили без крыш, и даже на кладбищах. Наконец первый кордон (там лишь взглянули на пропуск за передним стеклом), огромный парк автомобилей, вывеска НИИ, уже строгая проверка при въезде в ворота – и величественные, со вкусом построенные здания, окруженные лесом. Некоторые жители первоначально считали весь комплекс правительственным санаторием, потом, когда пришлось набирать техперсонал из соседних районов, истина быстро вышла наружу.

В кабинет своего шефа Владимира Васина он вошел легко и уверенно, коллеги по-братски обнялись, Васин принял сувениры в пластиковом пакете и, не раскрывая, сунул их

в книжный шкаф. Его маленький рост печально контрастировал со статной фигурой резидента, и вообще физиономия у шефа была на редкость уголовная, благодаря сверкающему ряду золотых зубов, оспинкам и татуировке. А ведь голова! Ухитрился получить три высших образования и даже написал диссертацию об особенностях работы против США на арабском Востоке. Появился китайский чай – в нем Васин был искусник, умел смешивать и перемешивать разные сорта. Осоргин тут же взял быка за рога, выложив на стол фотографии. Васин понял все с полуслова, ничего развивать и пояснять не требовалось, это спущенному сверху партией начальнику разведки приходилось разжевывать все, как малому дитяти, убежденному, что детей находят в капусте, и выслушивать соответственно неуместные вопросы.

– Ну и дела! – гоготнул Васин. – Я такого сроду не видел. Это тебе не сраные журнальчики, которые ты не привозишь, хотя я и просил. Сделано профессионально!

Осоргин заметил, что вокруг атташе завязывается неприятная и опасная свистопляска, и единственный выход – тишайшим образом отозвать супругов на родину. Васин задумался и почесал свою живописную шевелюру.

– Нет, старик, так не пойдет. Отзывать его можно только с санкции ЦК, это же не студент, а военный атташе, номенклатура! Надо собрать побольше материалов. Интересно, что же это за мужик, если его жена... не понимаю! Может, у него тоже отклонения?

– На вид нормальный. Кроме этого сукиного сына Антона, у них персидский кот, которого он очень любит. Как-то рассказывал мне, что кот ночью спит с ним на подушке, мурлычет и иногда даже, вообразив себя снова маленьким котенком, сосет ему шею. Он даже засосы показывал, при этом смеялся. Тогда я не придавал этому значения...

– Ну и ну! Странная история, но нужен солидный предлог для отзыва. Без всяких животных. А что если пригласить Хвата в Москву, кстати, мы скоро организуем в МИДе совещание по проблемам безопасности совколонии. Конечно, военных атташе там не будет, но в принципе – почему бы нет? В порядке исключения. Прикроемся некими настораживающими момен-

тами в работе западных спецслужб в Каире, одновременно попросим пройти обычную диспансеризацию. Подключим агентуру нашей военной контрразведки в их поликлинике, все будет о'кей. Проверим его даже на гомосексуализм... У нас есть один гомик, который чувствует своего брата за километр. Дело серьезное, но спешить не будем, зачем губить карьеру честного человека из-за какой-то шлюхи?

Мудрое решение, тише едешь – дальше будешь, медленно идешь – поймаешь обезьяну, семь раз отмерь – раз отрежь, не тревожь тревоги, пока тревога не тревожит тебя, поспешишь – людей насмешишь...

На конспиративной квартире Смизерс осчастливил Иссам решением Лондона о повышении ему вознаграждения – этот жест прямо увязывался с развитием Иссамом бурного романа с Ниной. Начало было положено приглашением на танго, правда, Иссам не почувствовал безумной тяги к нему, но кто может проникнуть в сердце женщины? Ну как можно не любить красавца араба с черными усиками!

– Мне она не нравится... – жаловался Иссам.

– Перестаньте, вы же восточный мужчина, у вас горячая кровь! – глаза у Смизерса горели, словно он самолично соблазнял Нину.

– О'кей! По данным подслушивания, Хват скоро уезжает на совещание в Москву. Но я хотел бы отдельной компенсации за эту сложную операцию.

– Мы вам только повысили жалование... как вам не стыдно! За что компенсацию?! Вы же будете получать удовольствие!

– Дорогой Дэвид, удовольствие нельзя получать по приказу, тогда оно превращается в пытку...

– Хорошо, я запрошу Лондон, – сдался Смизерс.

– Вы самый умный, самый порядочный человек, которого я когда-либо встречал, дорогой Дэвид. Я был бы счастлив, если бы вы стали моим братом или отцом... – говорил Иссам, торопясь к выходу.

Проводив его, Дэвид достал миниатюрную бутылочку «Джонни Уокера», явно по недосмотру затесавшуюся в ряды чистопородных молтов, вылил в стаканчик и подумал, что он

сам никогда бы не смог ни познакомиться на улице с Хватами, ни вести разработку Нины. Познакомиться на улице! Да Смизерс упал бы в обморок или лишился бы дара речи, если бы ему поручили такое дело. Однажды он пытался познакомиться на дипломатическом приеме с пресс-секретарем греческого посольства, пышноволодой брюнеткой огромных размеров, нашел в себе силы подойти к ней и представиться, однако, пригласить ее на ланч не решился...

Стало грустно, он наугад вытащил еще бутылочку, оказавшуюся 12-летним молтом Gardhu, его он никогда не пил, где в Шотландии находится этот заводик? На этикетке виднелся грузноватый замок над озером, ах, выбрать бы время и проехать по Шотландии! Gardhu, конечно, давал фору Джонни: и мягче, и неизъяснимо обаятельнее. Выгорит ли все дело с Хватами? Положа руку на сердце, вся эта история с догом по-человечески неприятна. Может ли разведка действовать столь аморально, влезать в личную жизнь, фотографировать, а потом шантажировать? В конце концов, такие методы разлагают самих исполнителей, превращают их в циников, а зачастую и в предателей. Конечно, датские доги красивы, они хорошо украшают интерьер, растянувшись на ковре около камина, а еще лучше смотрятся среди дубов около замка, однако, они не идут ни в какое сравнение ни с пойнтерами, ни с сеттерами, особенно ирландскими, как его Дэнди. Еще он ценил чешских усачей, грифонов и веймарских легавых. С черным догом все ясно, а вот насколько надежен Иссам? Зачем выезжал Осоргин? Инструктивное совещание? Личные дела? Пробыл всего лишь три дня и сразу же вылетел обратно...

В это время Осоргин с котом за пазухой и Аркадий Хват, спустивший с поводка Антона, степенно прогуливались по аллеям Замалека.

– Пожалуй, тебе больше не стоит заниматься этим болваном Ростоу, – Осоргин получил указание вывести Хвата из разработки. – Американцы работают грубо, склонны к провокациям и могут скомпрометировать весь аппарат военного атташе, а не только тебя. Пожалуй, я возьму его на себя, мне уже сам черт не страшен, они знают меня насквозь...

Хват принял это решение с облегчением.

– Я только что получил шифровку с вызовом в Москву на совещание... Правда, не указали, какого рода.

Идиоты, подумал Осоргин, не умеют ничего организовать, делают секреты из чего угодно, а потом удивляются, что люди пугаются и дают деру.

– Мне говорили в Москве об этом, – доверительно сообщил Осоргин. – Рутинное совещание по проблемам безопасности, вызвали туда народ из разных точек, проводить будут наши ребята в рамках МИДа. Так что если у тебя что-то возникнет...

– Спасибо, – улыбнулся Хват и крепко пожал руку резиденту; последний поймал себя на том, что испытывает чувство брезгливости, возможно, это объяснялось приближением Антона, распутившего свой огромный механизм...

Резиденты дружественных разведок крепили свое сотрудничество не только в парке или «Шератоне»: на сей раз местом встречи был каирский зоопарк, переполненный арабскими школьниками. Шум там стоял невероятный, детские выкрики перемешивались с ревом животных и возгласами птиц – тут и беседовать-то было трудно из-за гама, не то что снимать разговор через «жучки».

– Вы не представляете, какие это мерзавцы! – говорил Дэвид, указывая на школьников. – Недавно моя Мэри пришла сюда в открытом платье, и они, как шакалы, налетели на нее и стали трогать голые ноги и грудь! Они сексуальны с раннего детства.

– Мэри пошла на риск, разве вы не знаете местную публику и законы ислама? Но я пригласил вас по другому делу. Я встречаюсь с военным атташе Хватом и веду его разработку. Недавно я узнал, что им занимаетесь и вы.

– Совершенно верно. Я давно собирался с вами на эту тему поговорить. Лондон просил скоординировать наши усилия, – Смизерс почувствовал, что Хват уплывает из его цепких объятий, не дай бог, ЦРУ уже прослышало об истории с догом.

– Бросьте крутить, Дэвид. Я начал его разработку гораздо раньше вас, и имею полный приоритет. Так что вам придется сворачивать удочки и заняться кем-нибудь другим.

– Извините, Фрэнк, но мы располагаем на Хвата весьма серьезными материалами... – заюлил Смизерс.

– И это я знаю. И в отличие от вас, лицемерных британцев, скажу прямо: ваш агент Карара недавно подкатился ко мне и предложил за двадцать тысяч долларов фотографии жены атташе с кобелем.

Вот сволочь! Информация – как снег на голову. Правда, история с догом уплыла не к врагу, а к друзьям (избавь меня Бог от друзей, а от врагов...), и это меняло дело. Смизерс попридержал в груди всю буйную гамму эмоций и сделал нейтральную физиономию.

– Все арабы такие! – продолжал Ростю. – Считают даже неприличным не работать сразу на несколько разведок. Дело интересное, но может сорваться. Помню, еще в Штатах мы хотели завербовать одну послицу, которая черт знает что выделывала на хребте у лошади, и от этого дела однажды свалилась на землю. Но характер у нее был строптивый, и она послала нас к черту.

– Но давайте как-то скоординируем наши усилия, – уступил Дэвид. – Давайте вести совместную разработку, мы все же союзники! Вы продолжите встречи с Хватом, а я буду использовать этого сукиного сына Карара. Заодно вы сэкономите двадцать тысяч, и мы оба будем неплохо выглядеть в глазах нашего начальства.

– Хорошо, Дэвид. Но при условии, что вы не будете хитрить, как лиса, – согласился Ростю.

Великие шпионы остановились у клетки с макаками с блестящими, вызывающими грусть красными задами – ах, как они походили на человека! Неужели все мы ведем от них свой род?

– Если бы вы не хитрили, Дэвид, мы могли бы во многом преуспеть... – повторил Ростю, словно читая мысли англичанина.

– Ваше очень английское сослагательное наклонение напомнило мне хороший анекдот: леди с дочкой пришли в зоопарк и остановились у клетки с обезьянами, которые вдруг затеяли любовь. Дама – в шокинге, а девочку не оторвать от зрелища. «Мама, я хочу посмотреть, как обезьянки иг-

рают! Не уводи меня!» Тогда негодующая дама повернулась к сторожу. «Извините, сэр, но если бы я дала этим несчастным созданиям немного орешков, они прекратили бы эту безумную игру?» Сторож выдержал паузу: «А вы бы прекратили, мадам?» Как звучит «бы»!

Оба загоготали так радостно, что макаки напружинились и растопырили круглые глаза, а резиденты, закончив принципиальный разговор, вышли из царства зверей на улицу и съели жареных кальмаров в европейском ресторанчике, запив их египетским пивом...

К приезду Хвата Центр провел солидную работу: уже в Шереметьево военного атташе ожидала целая группа сотрудников КГБ с агентом-гомосексуалистом по кличке «Индикатор», который впивался взглядом в каждого пассажира рейса Каир – Москва, проходившего через контроль. Агент работал на износ, не жалея своего биополя, и выявил трех лиц с гомосексуальными наклонностями, к счастью, среди них не было ни дипломатов, ни кагэбэшников, ни прочих облученных доверием граждан; все извращенцы, к счастью, работали на рядовых объектах и к секретам доступа не имели.

Диспансеризация не смутила Хвата, ее обычно проходили ежегодно, правда, его несколько шокировали усердие врача, прощупывающего простату, повышенное любопытство уролога, излишек вопросов у кожника, добивавшегося, болел ли атташе сифилисом и прочими неприличными болезнями, злоупотреблял ли случайными связями и вообще как складывалась его половая жизнь. О последнем допрашивали и два психиатра, посадив на полиграф и обмотав электродами, допрашивали с пристрастием, нырнув в его родословную колена на три назад. Вопросы были явно взяты из свежих американских методик, отравленных фрейдистским психоанализом, и отличались особо глупой заковыристостью: много ли водки потреблял дедушка по линии отца? Пил ли дед по линии матери?

Затем подошли ближе. Не испытывал ли Хват влечения к матери в детстве? Не нюхал ли ее ночные рубашки? Част ли забирался к ней в постель? Куда целовал? Ревновал ли к отцу? Были ли у матери любовники, и как он к ним

относился? Занимался ли онанизмом и как часто? От перекрестных вопросов и многозначительных переглядываний психиатров Хвату стало не по себе, к тому же в комнате было душно, он промок от пота, словно попал под тропический дождь, казалось, что полиграф зашкалил на индикаторах бессовестной лжи, хотя он говорил чистую правду.

Дальнейшие вопросы загнали бы в обморок даже мумию: О чем вы думаете, когда видите мусор на улице? Что испытываете в лифте, оставшись наедине с незнакомой женщиной? Всегда ли вы так потеете, как сейчас? Бывает ли у вас эрекция во время обеда или ужина? Не были ли связаны с конюшнями или псарнями? Голова пошла кругом, потрясенный военный атташе с трудом выполз из кресла полиграфа, так ничего и не поняв. Однако Хват был настолько безгрешен, что ничто не могло испортить ему настроения, и он списал все на перестраховки, авралы и прочие глупости организации.

Тем временем вражеские разведки не дремали, и отсутствие мужа было активно использовано для фронтального наступления на неустойчивую половину.

– Добрый день, дорогая Нина, это Иссам. Могу я поговорить с Аркадием?

– Его нет дома, – Нина была любезна, но сдержанна.

– А когда он будет?

– Дело в том, что он в командировке в Москве.

– У меня срочное дело, Нина, я сейчас недалеко от вашего дома. Есть партия превосходных ювелирных изделий, которые идут за очень низкую цену. Золото высшей пробы и в кредит. Другого случая не будет. Могу я зайти и показать вам товар?

Нине и в голову не приходило, что Иссам может за ней ухаживать, танец с ним она восприняла без всяких эмоций, правда, ее раздражал слишком сладкий запах духов, исходивший от араба. Ювелирные изделия? Для Каира дело обычное, золото тут дешевое, почти все семьи покупают, а в Москве сдают в комиссионные или продают через знакомых, такой шанс упускать нельзя, не прибудет ли Иссам часа через два?

Нина встретила его в глухом английском костюме, белая блузка под пиджаком закрывала горло, великая грешница очень напоминала выпускницу института благородных девиц. Антон без удовольствия рассматривал пришельца, пришлось на всякий случай вывести его в другую комнату и закрыть дверь. Словно добрый Санта-Клаус, Иссам вытянул из сумки целые груды украшений и аккуратно разложил их на столе. Нина глядела на драгоценности, словно завороченная.

– Вы разрешите мне примерить вам это ожерелье? – он чуть прижался к ее спине, застегивая сзади серебряное украшение, он брал со стола новые и новые изделия и, сладко улыбаясь, прикалывал к груди и надевал на руки. Нина чувствовала себя неловко, от запаха его одеколона подташнивало, но что делать, если все арабы одинаковы в своих глупых ухаживаниях? Неожиданный поцелуй в шею сзади. Отодвинулась, а он вдруг схватил двумя руками ее соломенного цвета волосы и словно засунул их в рот. Прекратите! Но он, дурак, ухватил и потянул на диван, покрытый оленьей шкурой, прильнул к ней горячим телом – тут запах кислого пота затмил одеколон, и Нина ответила мощной контратакой с криком.

Тут стеклянная дверь затряслась от сильных собачьих лап: Антон сначала бил по ней лапами, потом стал царапать по стеклу, неистово воя, словно ему отрубили хвост, затем начал оглушительно рычать и лаять. Вдруг стекло расколосось под ударами, и огромный дог на высокой скорости ворвался в комнату, одним прыжком взлетел на диван и вцепился Иссаму в его жирный курдюк. Иссам заорал так, что пес замер от неожиданности, перепуганная Нина схватила Антона за ошейник и выволокла на кухню, а герой-любовник со стонами и проклятиями быстренько сунул в сумку все драгоценности и бросился вон из квартиры, забыв пощаться с хозяйкой.

Вечером Смизерс ужинал с Ростом, выбрали пригородный ресторан и американец любезно заехал за ним на своем открытом белом «бюике». Медленно пробирались через суетливый, беспорядочный Каир, дул холодный

хамсин, и пришлось поднять брезентовую крышу. Ужинали легко: немного хумуса с питой, жареный халибат и шпинат, от вина и пива отказались, довольствовались «перье» и сугубо служебным разговором. Делать ли подход с компрой к жене? Оба не считали прекрасный пол кладезем ума, сошлись на том, что вербовать ее «в лоб» крайне рискованно, она – человек неискушенный, может подумать бог знает что, устроит истерику и, самое главное, ничего не поймет. Итак, остался сам Хват. Почему бы не бросить на него Иссама?

– Провал гарантирован, – холодно заметил Ростю, смотря на Дэвида, как профессор на глупого ученика. – Во-первых, ваш Иссам сдрейфит, во-вторых, белый человек никогда не поддастся шантажу со стороны араба. Тем более русский офицер. Для него это унижительно. Вербовать должны вы!

Это не лезло ни в какие ворота, держи карман шире! Если перехватил дело, то сам и вербуй! Или один будет глотать с Хватом устрицы в «Шератоне», а другой размахивать у его носа компроматами? История разведки полна случаев, когда в такой ситуации вербовщику выбивали зубы или огревали по голове бутылкой, особенно это свойственно непредсказуемым русским варварам.

– Нет, – поморщился Смизерс. – У меня вся эта история вызывает чувство омерзения. Я вербовал русских, но чтобы предъявлять такие постыдные фото... Это противоречит кодексу джентльмена, – он с удивлением почувствовал, что говорит чистейшую правду.

– Вы случайно не родственник королевы и член палаты лордов? – захохотал американский нахал. – Даже смешно слышать такие рассуждения от профессионала. Вся разведка – это шабаш ведьм и торжество безнравственности. Хорошо, вербовать буду я!

Итак, на авансцену вышла американская разведка, с ее страстием к лобовым атакам и мгновенным победам. Ростю особо и не раздумывал: что может быть проще, чем пригласить старого знакомого в ресторан и там сделать ему вербовочное предложение? О компромате на данной фазе ни слова, пусть

это проходит подтекстом, вроде бы между строк. Но ведь Хват бесспорно не осведомлен о наклонностях жены, он не поймет подтекста. О кей, тогда придется в общей форме намекнуть на деяния половины. Но как лучше это сделать? На следующее утро Фрэнк набрал телефонный номер военного атташе.

– Добрый день, Аркадий, это Фрэнк. Могу я пригласить вас завтра на ланч?

– К сожалению, я занят, – чувствовалась сдержанность и напряженность.

– А послезавтра?

– Тоже занят.

– А как у вас следующая неделя?

– Вы знаете, Фрэнк, я очень перегружен. Когда освобожусь, то позвоню вам сам. До свидания!

Нет ничего хуже в разведке, чем уплывшая инициатива, когда лелеемая личность обещает позвонить сама, дав тем самым понять, что лучше ее не тревожить, возможно, никогда. Личность не позвонит, она просто хочет отделаться, она не ищет на свой хвост приключений. Иногда меняют номер телефона, адреса, уезжают из страны, делают пластическую операцию...

В Москве дело Хватов пошло по начальственному кругу, вызывая и изумление, и возмущение. Начальник разведки не рискнул нести материалы к председателю КГБ и перебросил все на плечи Васина. Тот тоже не первый день работал в КГБ, тут же раскусил маневр шефа и решил заручиться личной поддержкой резидента, а заодно в случае неблагоприятной реакции использовать его в качестве громоотвода. Осоргина снова вызвали в столицу, вдвоем разработали тонкую тактику доклада председателю: сначала резиденту следует красочно обрисовать агентурно-оперативную обстановку в Египте, а затем вроде бы между делом доложить о нестандартной истории.

Председатель любил принимать резидентов. Умудренный опытом, до неприличия интеллигентного вида (рядом с другими членами политбюро он смотрелся, как Сенека на фоне дворовой футбольной команды), осторожный, как лис, он умел произвести впечатление. Осоргин обрисовал ситуацию в Египте, сделал это выразительно и коротко, зная,

что председатель не терпит, когда размазывают кашу по тарелке. Когда он перешел к заговору англичан против Хвата, председатель сам бросил ему спасательный круг.

– На какой основе англичане планируют вербовать этого Хвата?

Осоргин посмотрел на Васина, но тот всем видом показывал, что дополнять доклад не имеет желаний.

– Мне даже неудобно говорить, но они добыли фото его жены, которая... с черным догом... – Осоргин засмутился и покраснел, словно сам имел несчастье попасть в историю с этим проклятым кобелем.

– Что с черным догом? – не понял председатель, воспитанный в духе аскетического большевизма и считавший вершиной разврата так называемый оральный секс.

– Ну, он... это самое... я могу показать фото... – мялся Осоргин и вдруг ляпнул: – Да она живет с черным догом!

Сообщение застало председателя врасплох, такое ему и в голову не приходило, он поморщился, словно съел целый лимон, и упавшим голосом молвил:

– Какая мерзость! Неужели это возможно?

– Вот фото... – лицо у Осоргина стало блевотным.

Но председатель резко отбросил от себя фотографии и скривился еще больше.

– Мы предлагаем срочно отозвать военного атташе! – бодро заявил Осоргин.

Наступила пауза.

– Но я же должен согласовать это с министром обороны, которому он подчинен. Интересно, что я ему скажу? И неужели мы будем писать об этой гадости в ЦК партии?! – одна мысль, что честные партийцы, включая секретарей ЦК и членов ПБ, будут читать такую вульгарную докладную записку привела председателя в ужас.

– Можно придумать что-нибудь другое, – вставил Васин. – Найти иной предлог для отзыва. Кто нас проверит?

Тут он совершил ошибку: такие предложения вносят один на один и совсем на другом уровне.

– Я никогда не обманывал партию, и вам не советую! – нахмурился председатель и задумался.

Присутствующие почтительно молчали, следя за вызреванием оптимального выхода из тупика.

– Вот что: этого негодяя надо ликвидировать! – решительно сказал шеф.

– Хвата? – перепугался Васин.

– Нет. Этого мерзкого кобеля! Как писал Уильям Блейк, «червь рассечённый плуг не клянет», – председатель сам писал стихи, и любил блеснуть эрудицией. – И сделайте это побыстрее.

Он уже забыл о блестящем докладе резидента, кобель все смазал, внес душевную боль. Махнул подчиненным рукой, даже не пожелал успехов в работе.

Как убить кобеля? Пришлось обратиться за помощью к технарям, там пообещали быстродействующий яд...

Вернувшись в Каир, Осоргин первым делом пригласил к себе в кабинет военного атташе.

– Сам председатель вызывал, – заметил резидент, никогда не упускавший случая, чтобы поднять свой престиж. – Был я и у тебя в управлении, высказал высокую оценку взаимодействия наших коллективов. О тебе там очень хорошего мнения.

– Большое спасибо! – отвечивал благодарный Хват. – Жаль только, что вам они говорят одно, а мне присылают только втыки.

Тут Осоргин объявил, что привез большие запасы черной икры, настоящего балыка из цековского буфета и даже добытой там же любительской и сухой колбасы производства Микояновского комбината. О, если бы жена была в Каире – проклятая болезнь! – он тут же закатил бы пир на весь мир...

Хват понял с полуслова проблему и тут же предложил организовать все у него на квартире. Возможно, еще кого-нибудь пригласить? Зачем? Посидим втроем, потолкуем...

Запятав в карман пиджака ядовитый порошок, Осоргин прибыл в гости точно вовремя (он патологически не выносил любое опоздание), прогулялся по комнатам и задержался на кухне, прикидывая свои дальнейшие действия. Средних размеров миска, из которой питался дог, была пуста:

Хваты кормили его в определенные часы. Однако что мешало гостю взять кусок со стола и угостить собаку? Обычное дело, кто из нас не испытывает добрых чувств к животным? Нина делала последние приготовления, Осоргин и Хват выпили водки (никаких виски, никаких креветок, все русское), датский дог и его приятель персидский кот сидели рядом и не обращали друг на друга никакого внимания.

– Ростю мне звонил раз пять, все приглашал на ланч, – докладывал Аркадий. – Как мы договорились, я деликатно отказывался.

– Тебе не надо с ним связываться. Все-таки ЦРУ это наш объект проникновения, у тебя хватает и своих дел...

А сам все думал, что придется травить пса, – противно было боевому офицеру, заслуженному разведчику совершать такую мерзость. Что за идиотизм? Интересно, а что если бы кто-нибудь отравил бы его кота? Он даже задохнулся от гнева, да он убил бы негодяя, задушил бы собственными руками! Чокнулись, выпили, чокнулись, выпили. Нина чуть прихлебывала из рюмки и часто выходила на кухню, боясь, что переварятся пельмени. И тут конфуз: пес обхватил ногу резидента и сделал ее объектом своего патологического вожделения, пришлось его выставить на кухню. Приняли еще по несколько рюмок.

– Что-то я перепил, – заметил Осоргин, приготовившись к решительному броску. Закусил ветчиной, но дожевывать не стал, а сделал озабоченное лицо и направился в туалет. Достал порошок и вдруг стало безумно жалко пса, брата меньшего, даже сердце сжалось, словно родного человека убивать собирался. Да ну его к черту, идиота председателя! Пусть сам травит, а не указания дает! А как же долг? Ведь это не личное, а государственное дело. Приказ следует выполнять... Нет, не буду, не хочу быть мерзавцем! Душа разрывалась, но Осоргин все же сыпанул на изжеванную ветчинку, сыпанул чуть-чуть, самую малость для утешения чекистской совести, вышел на кухню и сунул псу кусок, тот жадно сожрал его, крутя благодарно хвостом. Выпили кофе с коньяком, и резидент мирно отправился домой, пожелав хозяевам спокойной ночи...

Хват проснулся рано утром от дикого крика жены, он бросился на кухню и увидел ее рыдающей над Антоном, лежавшим на боку и беспомощно моргавшим глазами. Срочно вызванный ветеринар констатировал паралич конечностей – гуманизм Осоргина сыграл злую шутку... В семье Хватов наступил траур, все разговоры были только о датском доге, Нина потеряла за неделю килограммов десять...

– Хорошо, что мы успели сделать фотографии, – докладывал Иссам на конспиративной квартире Смизерсу. – Вы не представляете, что происходит на квартире. Оба плачут, Хват ходит сам не свой, бедная женщина даже перестала есть...

– Все это совсем некстати, – говорил Смизерс. – Я должен сделать вам замечание, Иссам. Зачем вы рассказали об этом деле Фрэнку Ростю?

– Но вы же союзники, вы же товарищи по оружию! – искренне удивился Иссам. – Я не знал, что у вас секреты друг от друга...

Какая сволочь, думал Смизерс, продажная арабская скотина!

После явки объект английских проклятий отправился на автомобиле на другой конец Каира, где в своем «опеле» его ожидал Осоргин.

– Вот вам деньги, – начал он деловито. – Когда англичане планируют вербовку Хвата?

– Не знаю. Сколько тут?

– Пять тысяч долларов.

– Но вы же обещали восемь! – улыбка впервые сошла с его лица.

– Мы – пролетарское государство, и экономим деньги рабочих и крестьян. К тому же эти фотографии большего не стоят. Где гарантии, что это – не монтаж? – Осоргин говорил жестко и безапелляционно, он знал, как работать с арабами.

Лучше пять тысяч, чем ничего, и Иссам безропотно взял конверт...

Союзники бились над другим вопросом: как вытащить Хвата на контакт, если от встреч с американцем он отказывался?

– Сделаем так, – говорил Ростоу, – вы пригласите Хвата к себе домой на ланч, а я неожиданно появлюсь к десерту. Ваша Мэри в это время будет на работе, а вы по моему сигналу выйдете в другую комнату. Только подпоите его хорошо...

– Не устроит ли он скандал? – забеспокоился Смизерс.

– Не беспокойтесь, в молодости я был боксером...

Нашли хороший предлог: Смизерс звонит Хвату как собачник собачнику. Весть о тяжелой болезни черного дога уже облетела весь дипкорпус, англичанин высказывает свое сочувствие и предлагает лекарство, которым он лечил своего сеттера, у которого однажды отнялась нога. Если Хват заедет к нему домой, он готов передать лекарство...

Так и сыграли на следующий день. Военный атташе несколько удивился, но, узнав о прекрасных свойствах лекарства, не колеблясь, пообещал прибыть на квартиру. Резидента КГБ он решил не информировать: опять начнет свое о готовящихся провокациях, в конце концов, он только возьмет лекарство, за это подарит англичанину пару бутылок водки, и точка. Здоровье собаки превыше всего, да пусть хоть весь КГБ встанет заслоном, черт бы его подрал!

На квартире у Смизерса все было готово к бою, Ростоу сидел в машине недалеко от подъезда и хорошо видел, как у дома запарковалась машина Хвата. Раздался звонок, и Смизерс, подавляя волнение, изобразил живую добродетель и впустил Аркадия в дом. Ирландский рыжий сеттер мирно лежал на ковре, выпили по виски, закусили сыром.

– Чудесный стилтон! – хвалил сыр военный атташе. – А я-то думал, что англичане едят только овсянку и яичницу с беконом.

– Все это было давно, но Англию испортил континент, – шутил Смизерс. – А сейчас в любом лондонском супермаркете вы можете купить даже котлеты по-киевски... Надеюсь, вашему прекрасному псу поможет лекарство.

– Вы даже не представляете, как я вам благодарен! – расчувствовался Хват, считавший Смизерса серой мышью и скользкой змеей, ему было приятно, что ошибся, нет

ничего прекраснее общения с добрыми и отзывчивыми людьми!

Англичанин тем временем взял вазу с цветами и переставил ее на подоконник – сигнал, знакомый всем школьникам, бегающим на шпионские фильмы. Ростоу тут же выскочил из машины, позвонил в дверь. Смизерс сделал удивленное лицо, но пояснил, что перед отъездом в отпуск к нему заезжают попрощаться друзья. Хват настолько размягчился, заполучив лекарство, что вообще не обратил внимания на звонок, наконец Нина обретет покой, а через месяц-другой пора и в отпуск, в санаторий имени Климата Ворошилова – полное воздержание от спиртного, диета, подъем в семь, утренняя пробежка, морские и солнечные ванны, гуляние по терренкурам, черт побери.

– Извините, что без предупреждения, Дэвид, – гудел в коридоре Ростоу, подкрепляя легенду, – но я случайно оказался в этом доме у своего приятеля и решил пропустить у вас молта. О, у вас гость! Мой старый друг! Здравствуйтесь, Аркадий, очень рад вас видеть! Я вам не помешал, джентльмены? – Ростоу нервничал и несколько суетился.

– Что мы можем сделать с натиском представителя супердержавы? – горько заметил Смизерс, пытаясь оживить атмосферу весьма бледным английским юмором.

– Разве Штаты супердержава? Одна видимость. Все государства переживают триумф, а потом умирают. Как и мы, смертные. Все мы на вид мощны, а внутри – труха. Вспомните Тутанхамона: он держал в узде весь Египет и был грозой женщин. А недавно в национальном музее я видел его презерватив. Размером в мизинец! Вот вам и гигант секса! – Ростоу неестественно захохотал, приглашая всех участвовать в этом пире веселья.

– Я пойду вымыть руки, – скромно сказал Дэвид, выскользнул из комнаты, и тут же прильнул к замочной скважине.

– Как странно, что я вас тут застал, – продолжал свою роль великий актер. – Почему вы отказываетесь от ланча? Неужели русские подозрительны в отношении американцев?

Хват уже кожей профессионала почувствовал заговор и напрягся.

– У нас заболел датский дог и приходится за ним ухаживать. Извините, я уже засиделся, и мне пора... Где Дэвид?

Ростоу с удивлением констатировал, что совершенно обессилел от этой игры, все варианты мягкого перехода от светского разговора к вербовке мгновенно улетучились, в голове стоял туман. Он вытащил фотографии и дрожащей рукой положил их на стол.

– Мы предлагаем сотрудничество, Аркадий, – сказал он хрипло, почти теряя сознание от волнения. Больше он не смог вымолвить ни слова, и прильнул к стаканчику виски, с ужасом слыша, как стучат о него его зубы. Боже мой, какой пассаж! Неужели он трус? Слава богу, что этот английский заморыш сидит в соседней комнате, как мышь под веником!

Военный атташе глянул на фото и смертельно побледнел. Несколько секунд он сидел молча – Ростоу казалось, что он слышал удары его сердца. Затем встал (американец подумал, что если Хват ударит снизу вверх, то придется вставлять новую челюсть), сунул фото в карман и твердым шагом, словно при смене караула, вышел из комнаты. Резко, как в дурном кино, взревел мотор и завизжали колеса. Хват медленно прорывался через автомобильные пробки, собственноручно, руль сжимал робот, мысли военного атташе были совсем далеко, вспоминался бал в суворовском училище, на котором он впервые увидел Нину, скромную школьницу с легкой походкой и обволакивающими голубыми глазами, ее соломенного цвета волосы, пахнувшие то ли сиренью, то ли геранью. Не может быть! Наверняка это монтаж, умело сделанный мерзкий монтаж! Не внушай себе ерунду, полковник, все это правда, разве ты сам иногда не чувствовал по глазам дога, что он влюблен в твою жену? Разве тебе не было противно, когда она иногда ласкала его пузо? Руки до боли сжимали руль, пиджак и рубашка насквозь промокли от пота...

Смизерс влетел в комнату, дрожа от волнения:

– Поехали к нему! У меня дурное предчувствие!

– Успокойтесь, Дэвид, это обычная работа! – Ростоу уже оправился после потрясений и старался держаться, как Джеймс Бонд после прыжка на парашюте из горящего само-

лета. – Дайте ему подумать, он оценит ситуацию и согласится. Это азы разведки, никто не соглашается сразу! Дайте ему пережить шок!

– Поехали к нему! – заорал Смизерс. – Немедленно! Я слышал и видел, как вы клали в штаны, хватит играть героя!

– Подумайте об интересах дела! – тоже повысил голос Ростоу. – Надо выждать! Мы же с вами разведчики!

– Мы с вами говно, говно, говно! – Это была истерика. – И наши службы полное говно! Если вы не поедете со мною, я отправлюсь один! – Дэвид буквально вытолкнул Ростоу на улицу и посадил рядом с собою в машину...

А Хват все гнал и гнал, никак не мог добраться до дома, в голове – Нина, дог, казармы, плачущие чехи в Праге, обступившие танки, снова Нина, соломенного цвета пышные волосы, падающие на плечи, пахнувшие... чем? Прекрасные голубые глаза, как они смотрели на дога! Не стал ожидать лифта, забыл о нем, помчался вверх по лестнице, перепрыгивая через ступени. Нина открыла дверь, отшатнулась в ужасе. Постаревший, бледный человек с остекленевшими глазами, он молча бросил ей в лицо фотографии, прошел в комнату, достал из письменного стола револьвер и решительно направился на кухню.

Антон молча глядел на него грустными глазами, словно предчувствуя конец.

– Не надо! – закричала Нина, вцепившись в плечо мужа, но Хват уже выстрелил прямо в грустные глаза, он стрелял и стрелял, пока не разрядил всю обойму, слезы бежали по его лицу. А потом стряхнул Нину с плеча, больно схватил ее за руку, вывел в коридор, выбросил на лестницу, она упала, но тут же вскочила с разбитых колен и заметалась, натываясь на стены, побежала вниз по лестнице, пока не ударилась о дверь, выходившую на общий балкон...

Около съезжившегося комочка быстро собиралась толпа, появился дворник-араб, он что-то кричал и объяснял. Василий Осоргин вышел из подъезда и застыл. На полной скорости подлетела машина со Смизерсом и Ростоу, они вышли на тротуар, но подходить к трупам не стали. Оглушительно сигналя, подъехала скорая помощь, тело погрузили

на носилки, волосы соломенного цвета выбивались из-под простыни и развевались на ветру. Машина рванула, помчалась по улицам, не переставая сигналить.

Дворник-араб уже успел сбегать за тряпками и водой, собрал в кучку мозги, накрыл их газетой, тщательно смыл кровь с асфальта, бормоча что-то под нос. Толпа устала наблюдать и разошлась, солнце быстро высушило асфальт, и он заблестел, словно ничего не произошло, все в мире продолжало жить, как и прежде: пробежал мальчишка, жуя на ходу; пролетел изящный фиакр с хохотавшей европейской парочкой. В банановые листья дунул ветерок, и они нежно зашуршали. Взгляды Ростю и Осоргина пересеклись, сошлись воедино, разбежались и встретились снова. Американец подошел к резиденту КГБ.

– Какое несчастье! – сказал он, чуть заикаясь от волнения. – Давайте поедем куда-нибудь и выпьем, Базиль!

– Давайте! – сказал Осоргин, и все трое прошли в машину.

Я отдыхал. В каюте одуряюще благоухало маслом «Царица Хатшепсут», говорят, это была красавица фараонша, выдававшая себя за мужика, ходила она с искусственной бородой и приказывала чеканить монеты с ее изображением. Поймал себя на том, что уже скучаю по только что ушедшей Розе, словно она исчезла навсегда или, не дай бог, умерла и я обречен на тоску до гробовой доски. А тут не просто тоска, тут осознание, что ты – лишь затерянный в океане островочек, одинокая пальма в бескрайней пустыне. Я взял со столика Сальвадора Дали и раскрыл его, некоторые абзацы были отчеркнуты карандашом явно рукою Розы. «Пук есть искусство, и, следовательно, как утверждали Лукиан, Гермоген, Квинтилиан и прочие, суть вещь весьма полезная. Так что умение пукнуть кстати и ко времени куда важней, чем об этом принято думать». Или (отчеркнуто красным карандашом!): «В одном приходе некий тип, пользуясь правом феодала, долгое время требовал и, возможно, продолжает требовать и по сей день полтора пука в год от каждого. А египтяне сделали из пука божество, фигуры которого и поныне еще показывают кое-где в кабинетах. Древние из того, с большим или меньшим шумом выходили у них пуки, извлекали предзнаменования относительно ясной или дождливой погоды... Пуки дифтонговые, полувокальные, чистые, с придыханием, средние, немые, или самые вонючие, провинциальные, домашние, девственные, пуки мастеров ратных подвигов, юных дев, замужних дам». Боже ты мой! Не смейся надо мной, милейший Джованни, тебе еще предстоит узнать всю страшную подоплеку этого невинного на вид чтения, представляю, как ты ахнешь и пожалеешь меня, когда узнаешь все.

Раздался стук, по спертому дыханию и колыханию комбинезона за дверью я определил: Марфуша.

– В чем дело? Я же просил не беспокоить меня!

Откровенно говоря, Джованни, я предполагал, что, зафиксировав уход прекрасной Розы, она решила восстановить свои утраченные права. Сочная грудь выпирала из сарафана так, что, казалось, сейчас затрещит и лопнет ситец, но лицо несло печать озабоченности и даже сострадания.

– Вы кричали во сне... очень громко...

– Что за чепуха, я давно проснулся и читаю.

– Это было два часа назад или раньше...

Хитрая бестия, придумала эту бодягу и думает, что я повею. Боялась. Но не меня, а Розы. Возможно, кто-то и кричал, дело обычное в любовных утехах, процесс ведь болезненный.

Я позавтракал и позвонил Батову, заверившему меня, что поиск Гуся проходит успешно и в моей помощи нет никакой необходимости. И чудесно. И пускай. Теплоход стоял на рейде в Макарьево, все мои подопечные, еле-еле продрав очи к завтраку, собирались побродить по этим богоугодным местам.

Но где же Роза? Боже, как я к ней привязался! Интересно, что бы сказал Юрий Владимирович, если бы узнал о том, что я посвятил ее во все тонкости «Голгофы»? Наверняка расстрелял бы дорогой Учитель. Но хватит каяться, думай о работе! Какую же свинью подложить Западу? Как воспримет это народ? Как они втянулись в эту треклятую за границу. Помнится, как толпами штурмовали «Макдоналдс», самую низкопробную столовку, как неумело рвали зубами тошнотворные бургеры. Нажрались под завязку, но не остановились, устремились на пляжи дешевых Египта и Турции, будто нельзя позагорать на берегу Москва-реки! Как возмутить эту публику? А что если инспирировать передачу всех недр с ископаемыми в руки международных транскорпораций? Или отдать Сахалин? Но не японцам, а китайцам. Нет, всем это уже до фени, некоторые даже возликуют.

В разгар моих мудрствований явилась Роза, одетая в купальник РОЗОВОГО цвета. Боюсь, что кисть моя просто не

сможет описать два крохотных лоскутка, прикрывавших ее бюст, и трусики, вздымавшиеся от избытка волос. Оказалась, что с утра она впитывала в себя солнце на берегу матушки Волги, тело ее покраснело так, что в загаре померкли веснушки, темная рыжина выгорела и блестела, словно только что начищенный медный самовар. Когда я поделился с ней мыслью о продаже недр, она лишь развела руками.

– Ты оторвался от народа, Петруша! Веками людям вбивали в головы, что недра принадлежат государству и не имеют к ним никакого отношения, с какой стати возмущаться из-за продажи их на Запад?

– Допустим, ты права. А если инспирировать оккупацию страны НАТО? Это нетрудно сделать – ведь вокруг масса людишек, дети которых женаты или замужем за детьми генералов НАТО или членов западных правительств. Вспомни гнев народный в подобных случаях: Ивана Сусанина, Минина и Пожарского! – я заходил по каюте, словно уже возглавил народное ополчение.

– Твоя наивность, извини меня за грубость, граничит с глупостью. Когда ты прекратишь жить в мире иллюзий? Сусанин вообще был дураком и заблудился сам. Минин и Пожарский не прочь были захватить власть, и сами создали бучу.

– Разве наш народ не выступит против иностранцев?

Тут она захохотала, налила в бокал «Синглтона» из Очройска, поцеловала меня в лоб и, сбросив купальник, принялась скатывать на бедре сигару. О, эти худые, подвижные бедра! Эти изящные повороты кисти! Хотелось слиться с ней, но он воткнула в рот гигантскую сигару и с наслаждением задымила.

– Существуют, конечно, психи, считающие, что от русских ведет начало все человечество, – продолжала Роза. – Помнишь гипотезы о поселениях руссов в Арктике и Якутии, где в каменном веке якобы было жарко, как на печи. После наступления льдов – уход руссов в другие края. Везде руссы, даже немцы – это племя северных руссов. Ведические книги, культ богов и идолов, затем Владимир, затянувший народ в православие... Ерунда все это! Можно придумать еще сотню

таких парадигм. Не будем ходить так далеко, начнем с Петра Великого, были ли после него русские цари? Существовал ли русский двор? Все русские цари либо немцы, либо помесь немца с варягом, как последний император Николай. Правила Россией разные лефорты, бироны, витте, клейнмихели... кто угодно – только не русские. После Октябрьской пришло время евреев от Троцкого и Зиновьева до Кагановича, главные русские, вроде Молотова, женаты были на еврейках. Может, Иосиф Виссарионович был русским? Или Никита, отомстивший России передачей Крыма Украине? Жена Леонида была еврейкой, извини меня, но даже у твоего любимого Юрия Премудрейшего такие уши, что только недотепа примет его за русского... Есть ли русская нация вообще?

Во время этого монолога сигара потухла, она выхватила из коробка спичку и чиркнула о свою желтоватую пятку. Представь, Джованни, спичка воспламенилась, с таким феноменом я не сталкивался никогда в жизни! Пожалуй, нечто подобное умел проделывать лишь Учитель, открывавший пиво ногтем мизинца, пяток своих из приличия он даже в сауне не показывал.

– Так что же делать? Может, отменить деньги вообще? – сказал я. – Это создаст хаос, породит недовольство...

– Нонсенс! У большинства денег давно нет. Или хранятся за бугром. Наоборот, это воспримут положительно, как своего рода снижение цен... Народ до сих пор вспоминает многократные снижения цен при Иосифе Грозном, о репрессиях давно забыл, а об этом помнит.

– Так что же делать? Прости за этот вечный вопрос.

– Ты помнишь пятую новеллу Боккаччо об Андреуччио из Перуджи? – и достала «Декамерон».

«Испытывая естественную потребность, он открыл дверцу, где в узком проходе на двух перекладинах, шедших от одного дома к другому, прибито было то, что мы часто видим между двумя домами, несколько досок, и на них устроено сидение; одна из этих досок и свалилась вместе с Андреуччио».

Поверь, Джованни, что я был настолько изумлен организацией туалетного дела во Флоренции (в то же время этому

опыту стоит поучиться нашим муниципальным властям, обречь граждан на подъезды и дворы), что не сразу вник в положение Андреуччио, барахтавшегося... как бы сказать поделикатнее?... ну ты понял.

– Дело в том, Петюня, что вся мотивация дальнейших действий этого итальяшки определяется пребыванием в вонючей яме, и он не может пережить этого даже после того, как его вымыла и уложила с собой одна вдова.

– К чему ты клонишь?

– А ты не понимаешь?

– Не совсем.

– Это плохо. Хорошо, представь себя на месте Андреуччио. Будешь ли ты возмущен или нет?

– Еще бы! Но какое отношение все это имеет к «Голгофе»?

– Самое прямое, – она помолчала. – Необходимо забросать население экскрементами. Вот тебе ответ на этот вечный русский вопрос!

– Ты что, шутишь? – у меня даже сперло дыхание от возмущения.

– Ничего подобного. Народ не реагирует на лозунги, обещания, реформы, он уже привык к своему жалкому положению. Но внутри его еще живет гордость гражданина великой державы. Ты обратил внимание, что можно покрыть человека последними словами (когда ты последний раз ездил на троллейбусе?), но он по-настоящему озлится и начнет реагировать, лишь когда дашь ему по харе. Слова – одно, они эфемерны, физическое воздействие – другое, оно материально. Это особенность национального характера. Поверь, когда народ начнет захлебываться в дерьме, когда оно потечет по телу и провоняет все вокруг ad pauseam, только тогда он всколыхнется и вернется в коллективное общество.

Признаюсь, Джованни, что лишь только Роза выдвинула свою смелую идею, я сразу же вспомнил ее отметки о пуках в книге Дали, которые глубоко запали мне в мозги. А что если она права? Учитель всегда призывал к нестандартным решениям.

Чайки мельтешили за окном и мешали сосредоточиться. Вдруг я почувствовал, что по спине у меня ползет что-то скользкое, я резко повернулся и увидел Розу с фаллоимитатором в руке, она водила им по моей спине так нежно, что я тут же задрожал от вожделения. Судя по твоим монашкам и монахам, дружище, дальше огурцов и моркови их воображение не заходило, поэтому поясню, что в нашем веке некоторые фаллоимитаторы технически совершеннее «мерседеса», имеют несколько скоростей и разные частоты колебаний. Убежден, что с такими новинками значительно уменьшилось бы число самоубийств у твоих вечно влюбленных и страдающих женщин, а какой-нибудь Габриотто не умирал бы в объятиях своей возлюбленной Андреолы, а счастливо жил бы с искусственным влагалищем, приобретенном в секс-шопе.

Я впился в ее губы... Грудь ее колыхалась и гудела, будто это мотор, который вот-вот вознесет нас к небу!!! Дрожь была такой сильной, что я боялся рухнуть с нее на пол!!! Дикая крик пронесся над матушкой-Волгой, напуганные чайки ринулись в стороны, испуская мелкое дерьмо на лету... Третий удар! ГОЛ!!!

Я очнулся, Роза исчезла, в каюте одуряюще пахло горькой лавандой, дымом сожженного лавра и засохшими гелиотропами – в этот раз мы натирались маслом «Ночь перед Рождеством».

Уже наступило время наших интеллектуальных забав, и мы направились в музыкальный салон. На сегодняшний вечер на байку был брошен славный Орел, по этому поводу он надел на себя голубой блейзер с красной гвоздикой в лацкане и белые брюки (в Сызрани такой наряд произвел бы фурор!), его аккуратно прикрытая лысина светилась, как волшебная лампа Аладдина.

О ТОМ, ЧТО ПОСЛАМ ПРИЛИЧЕСТВУЕТ ВРУЧАТЬ ВЕРИТЕЛЬНЫЕ ГРАМОТЫ, А НЕ БЕГАТЬ С ДЫМЯЩИМСЯ НАПЕРЕВЕС

*...Где пышных бедер полукруг,
Приподнятых в любовном раже,
Упругий зад, который даже.
У старцев жар будил в крови,
И скрытый между крепких ляжек
Сад наслаждений и любви?*

Франсуа Вийон

*Целуем, щупаем смазливых,
И харкаем в лицо каргам.*

Александра Полежаев

Осенний ветер, урча и погоня обрывки газет и желтые листья, выпорхнул из-за угла улицы Горького на Тверской бульвар и насмешливо дунул в юбку Шахназ, только лишь затворившей дверцу своего бежевого «пежо». Роскошный агрегат и его не менее роскошная обладательница, словно магнитом, притянули к себе взоры всех бабушек и мам с чадами, расположившихся на скамейках бульвара.

Москва пятидесятых в чреве своем выглядела отнюдь не убого: оптимистично высились «Известия», переглядываясь со скульптурой на крыше здания с «Арменией». Барские особняки слабо сопротивлялись новой архитектуре и выглядели приживалами, Пушкин еще на Тверском навевал лирику, в «Елисейском» торговали слабосоленой семгой и крабами, которые тогда не котировались у населения. По улице Горького редкой струйкой текли «Победы» и трофейные «опели», кособокие костюмы с накладными плечами и фронтальные шинели...

И тут бежевое «пежо» с элегантною турчанкой в белых, по локоть перчатках. И не просто элегантною, но и умопомрачительно красивой и без всякой чадры и прочих азиатских выкрутасов. Богачка, вкусившая Сорбонну по совету папы – бывшего премьера, чуть не ставшая феминистской, если бы не брак с Кемалем Тюркменом, тогда заместителем

министра иностранных дел, вскоре назначенным послом Турции в Москве.

Конечно, Москве ох как не хватало парижского лоска и раскрепощенности, однако Большой, Третьяковка, постоянные банкеты и – что немаловажно для эрудированной турчанки – эмансипированные нравы делали жизнь в холодной столице вполне сносной, а порою даже великолепной. Вот и сейчас Шахназ добралась на грохочущем лифте до седьмого этажа, испытывая вполне приятные ощущения, ибо ей предстояло примерить платье у портнихи Марии Николаевны, великой русской искусницы, рекомендованной ей женой одного министра.

Искусница уже ожидала высокую гостью, лучась от счастья: в те славные времена к редким иностранцам относились трепетно и считали их друзьями первого в мире государства рабочих и крестьян. Растягивая наслаждение, Шахназ любовалась собой в зеркале, поворачивалась и разворачивалась, крутясь на каблуках, Мария Николаевна, словно Гойя, завершающий портрет короля Фердинанда, наносила мелом последние мазки на картину и манипулировала булавочками, радушно улыбаясь всем своим открытым русским лицом.

Лишь только дверь за прелестной турчанкой затворилась, как лик портнихи мгновенно приобрел пинкертоновские черты, она подлетела к телефону и сдавленным голосом выдохнула: «Она уже вышла». Сей важный сигнал был принят человеком на втором этаже того же дома, который тут же помахал из форточки газетой, знак этот привел в боевую готовность молодого человека. Он уже минут пятнадцать, профессионально спустив колесо у «пежо», болтался неподалеку, разглядывая щебечущих актрис, выбегавших после репетиции из служебного входа театра, разжалованного сталинскими культуртрегерами из дегенеративного Камерного в «имени Пушкина». Молодой человек выделялся из народной массы беретом – признаком принадлежности к интеллектуальной среде – и белым, явно заграничным плащом, не говоря уже об исполненной дум физиономии с не спившимися чертами и густой шевелюрой.

Взгляд темных очей турчанки, вышедшей из подъезда, тут же упал на спущенное колесо, она растерянно открыла багажник, сняла белые перчатки и разыскала насос. Гораздо сложнее дело обстояло с домкратом, о необходимости которого прекрасная дама слышала, но никогда не видела его в глаза. Уже решила вернуться обратно и по телефону поднять на ноги посольскую обслугу, когда услышала за спиной бархатный баритон:

– Могу я вам помочь?

– Что вы! Нет-нет! зачем? – Шахназ засмушалась и замала руками, но баритон не отступил, энергично сбросил белый плащ, обнажив рыжий вельветовый пиджак, достал домкрат и насос и опытной рукой за пять минут восстановил статус-кво колеса. Все это время супруга посла мучилась в сомнениях: каким образом отблагодарить неожиданного спасителя – ведь в посольской инструкции для служебного пользования отмечалось, что загадочные русские денег от иностранцев не берут и вообще бегут от них, как от огня, опасаясь железной пяты КГБ. Как увязать все это с традициями бакшиша? Тем не менее в душе Шахназ победил Восток, и она взрылила содержание своей сумочки, мурлыча слова благодарности.

– Нет-нет! – вскричал молодой человек и театрально замахал руками, словно ему, как Иуде, предлагали тридцать сребренников. Пришлось сунуть смятые бумажки ему в карман, но по лицу его бродила такая печаль, что турчанке стало неудобно: в конце концов он действовал бескорыстно и, судя по внешнему виду, совсем не нуждался в лишних рублях. Шахназ порылась в сумочке и достала свою визитную карточку, молодой человек принял ее, внимательно изучил, вздев свои смолистые брови, еще больше засмушался, поняв, с кем имеет дело, и суетливо вырвал из записной книжки листочек, на котором и начертал свои координаты.

– Меня зовут Дмитрий Колосков, я художник...

– Очень приятно. Надеюсь увидеть вас на одном из приемов в нашем посольстве... Муж и я будем очень рады.

Размен улыбок, поклонов и прощальных помахиваний. Прилетевшая из сказки, помчалась дальше на «пежо».

«Живут же, сволочи!», – подумал Колосков, быстренько поднялся туда, откуда махали газетой, и предстал перед волкообразным (до такой степени, что однажды, когда он заболел флюсом и обмотал щеки, дочка приняла его за серого волка) мужчиной, явно родившимся со знаком руководителя на лбу. Геннадий Коршунов им и был, возглавляя английский отдел второго главного управления КГБ, – за этим невинным названием скрывалась советская контрразведка.

– Что ж, старт дан... – довольно сухо заметил Геннадий Николаевич, остудив Колоскова, рассчитывавшего на поздравления по поводу успешно проведенной комбинации.

– Она обещала пригласить меня на прием, – сказал Колосков, все еще не теряя надежд на похвалы. – И сунула какие-то рубли.

– Есть повод, – заметил немногословный Коршунов. – Сбегай в «Елисеевский».

Колосков не заставил себя упрашивать, тем более что желание начальства – это закон.

...Восточные женщины уважают мужчин и не бросают слов на ветер, подобно их западным эквивалентам: через месяц Дмитрий Колосков обнаружил в почтовом ящике нестандартный узкий конверт с приглашением на прием в турецкое посольство – еще один маленький успех. О приеме Колосков был наслышан через агентуру в Министерстве культуры, именно это почтенное заведение явилось виновником торжества, подготовив проект соглашения с маленьким соседом, которого можно было разнести в порошок одной атомной бомбой – вот бы порадовались предки, натерпевшиеся от янычар и в защите Балкан, и в Крымской войне.

Посол и Шахназ приветствовали гостей недалеко от входа. Зал уже наполнился тонким духом культуры, особенно хорошо пахли артистки в самых немислимых нарядах, одна даже сжимала в руках сумочку из серебряной кольчуги, наследство прабабки; мужчины как на подбор надели темные костюмы и такие же галстуки. Колосков позволил себе явиться в вельветовом пиджаке, как подобает вольной богеме. Подошел к послу с Шахназ и был обласкан. С чисто восточной любезностью посол обрушил на художника, точ-

нее, скромного майора КГБ, целый водопад благодарностей за вызволение жены из беды и даже пригласил в Стамбул на уикенд, что привело художника-майора в страшное смущение. Светская Шахназ, взяв Дмитрия под руку, повела его к другим гостям. Что может быть приятнее представлений, улыбок, расшаркиваний и соединения бокалов в едином аккорде?

В свете рампы лучились от счастья знаменитая чета Ивановских: классик советской литературы Николай Иванович в строгом костюме со значком лауреата Сталинской премии и Звездой Героя Социалистического Труда и Римма Николаевна, стареющая, но вполне съедобная актриса Малого театра в черном платье со смелым декольте и в бриллиантах с головы до пят. Друг турецкого народа и его литературы Николай Иванович, кстати, не прочитавший ни одного турецкого автора, но хорошо знавший многие имена, как вице-председатель общества советско-турецкой дружбы, развивал эту дружбу с другом-послом.

– Как работаете, дорогой мой? – спрашивал Кемаль, тоже не читавший ничего советского и тем более Ивановского, но осведомленный, что Россия дала миру Толстого и Достоевского. – Надеюсь, ваш следующий роман получит Нобелевскую.

– Ради Бога, Кемаль, не накликайте беду. Неужели вы хотите, чтобы меня постигла судьба этого бездарного Пастернака? Вы читали его «Доктора Живаго»? – небольшого роста, худощавый Ивановский очень напоминал постаревшего пестушка с хохолком.

– Увы, не успел. Говорят, что хороший роман...

– Что вы! Типично антисоветская стряпня! Ни композиции, ни художественных образов, вообще ничего! – Ивановский не читал запрещенный роман, однако уже не раз выступал в «Правде» с его острой критикой, попробуй, не выступи: отрежут не только от третьесортного турецкого посольства, но и от всего Запада и особенно от Парижа, который так любила чета. Серьезный разговор о литературе несколько затянулся, на рукопожатие к послу устремились новые гости.

– Скоро мой вечер в Колонном зале. Надеюсь, вы почтите меня своим вниманием? – с этими словами Римма Николаевна, кокетливо изогнувшись, утянула супруга в сторону, да и бриллианты заслуживали показа самой широкой публике.

На прощание Колосков любезно пригласил чету Туркмен к себе в мастерскую, на скромный бал бедных художников.

– Вас не будет смущать присутствие иностранцев? – деликатно поинтересовался посол, неплохо знавший советские нравы. – Ведь власти, если я не ошибаюсь, не поощряют контактов с иностранцами.

– Боюсь, что эти слухи преувеличены, господин посол. Власти, естественно, не поощряют тех, кто борется с советской властью. Меня же политика не интересует, есть проблемы жизни и смерти, искусства и любви... вот это моя стихия.

Тут Колосков говорил истинную правду, не до политики было: он держал на связи дюжины две красивейших и умнейших актрис, служивших Отчизне не на живот, а на смерть, если, конечно, последнее не понимать буквально, а рассматривать, как жертву в виде визита с иностранцами в ресторан, а иногда и в апартаменты. Работа, между прочим, адская, Колоскову иногда приходилось проводить по четыре-пять встреч в день – нагрузка колоссальная, если учесть дамские капризы, опоздания, вечные жалобы, стремление что-нибудь урвать и даже горячие неподдельные слезы.

Через пару недель посольский «мерседес», тяжело переваливаясь в арбатских переулках, въехал во двор с голубятней посредине, куча битого кирпича перекрывала подъезд, и посол еще раз проверил правильность адреса. Сливкам турецкого общества были невдомек изощренные вкусы московской богемы: сначала нечто вроде ада – воющий подъезд, исхоженные со времен Рюрика ступени, лужи мочи, возможно, собачьей, заплеванная лифт, разрисованный ругательствами, обшарпанная дверь... И сразу же сущий рай, пир красок и запахов, музей антиквариата, что и в Лондоне не сыскать!

Потрясенная чета Туркмен проследовала через хаос скульптур и картин, мимо стола времен Петра Великого

и гладильной доски того же периода. Турки и вообразить не могли, что в строго регламентированном социалистическом обществе могли существовать раскрепощенные бородачи в заграничных и модных одеждах, не говоря уже о разодетых и полуголых дамах с американскими сигаретами в зубах, и все в «диорах» и «карденах», с ума сойти! Веселы и пьяны, но не забудьжно и тяжело, а словно на пленере в «Завтраке на траве» Эдуарда Мане, копия этого шедевра присутствовала на стене и, благодаря изысканной раме, выглядела оригиналом.

Кемаля и Шахназ закрутили, дамы общались с послом особенно нежно, в доказательство потрагивая его бюстом, оного было в избытке, и все хотели. Любезный Колосков подвел к нему надменную, тонкогубую, с серыми глазами.

– Мария Бенкендорф-Лобанова, заслуженная артистка РСФСР, звезда Большого театра... – представил он игриво.

– Ну полно, полно, Димочка, не то сглазишь... – прервала она, блеснув зубами.

– Позвольте, но это старинная дворянская фамилия (посол тщательно изучал русскую историю), а говорят, что коммунисты всех... – он лишь сделал неопределенный щелчок пальцами, тут же испугавшись своей смелости.

– Как видите, я уцелела, – улынулась она, вызвав у него некую томительную сладость в животе. – Я хорошо стреляю из пулемета.

Юмор сей был неожиданно смелым, и посол подумал, что турецкий МИД сильно преувеличивает страх советского народа перед правительством, идея эта созревала у него давно, и он даже поручил военному атташе составить на этот счет справку в нейтрально-осторожных тонах и направить ее в Анкару.

Колосков не только знакомил, но и забавлял анекдотами:

– Француз, англичанин и русский заговорили о женах. «Когда моя Мэри садится на лошадь, ее ноги достают земли, – хвалился англичанин, – но не потому, что в Англии низкорослые лошади, а потому, что у англичанок самые длинные в мире ноги». Француз парировал: «Когда я танцую с Николь и держу ее за талию, то мои локти касаются друг

друга, но не потому, что у французов длинные руки, а по той причине, что француженки имеют самые тонкие талии в мире». Дошла очередь и до русского: «Когда я ухожу на работу, то хлопаю свою Таньку по жопе, а когда возвращаюсь домой, жопа еще трясется. Но это не потому, что все русские бабы имеют жирные жопы, а потому, что у нас самый короткий в мире рабочий день!»

Апартаменты взорвались от хохота, шум медленно перекатывался в звон бокалов. Шахназ тем временем обволакивал добродушный великан с белой кудрявой шевелюрой до плеч, предлагавший прогулку на яхте по восхитительной Москва-реке, обнимал очень осторожно за спину. Шахназ уваливалась, ссылаясь на морскую болезнь мужа, а великан настаивал и соглашался вместо мужа принять ее на борт с подружкой и устроить настоящий спортивный праздник.

– Я подумаю...

К полуночи гости начали расходиться, кое-кто надрался и тоскливо блевал в туалете, ванную оккупировала влюбленная парочка, и отправлять естественные потребности приходилось во дворе. Вечеринка пришлась Кемалю по душе – вот именно там нужно познавать национальный характер, быт и нравы! Не по книгам, не по отчетам, а именно с помощью обыкновенного человеческого общения! Утром он вызвал в кабинет военного атташе Назыма Денизджиева.

– Нам следует активнее общаться с русскими, особенно с интеллигенцией...

– Согласен, однако боюсь, что все они связаны с КГБ, – отвечал атташе.

– Опять этот КГБ! – нахмурился посол. – Иногда мне кажется, что этим мы оправдываем свою пассивность... Кстати, мою жену пригласили в поездку на яхте, и мне хотелось бы, чтобы ваша супруга составила ей компанию.

– Может быть, и мне поехать с ними? – военный атташе был гораздо бдительнее посла.

... И снова бал, и снова блеск бриллиантов, на этот раз в Колонном зале в честь бенефиса Риммы Ивановской.

В черном бархатном платье с розовой камеей на груди она читала Блока под музыку Грига, волшебная зажигатель-

ная смесь, слезы на глазах, непрерывные аплодисменты и «браво!». В финале хлопали до умопомрачения, Ивановская, утопая в розах, сдержанно раскланивалась с публикой, ее голубые глаза, чуть загрязненные временем, блестели от счастья. Затем пышный фуршет, где собрался цвет нации, друзья дома и сам министр культуры.

Николай Иванович честно сотрудничал с органами безопасности еще с тридцатых годов и честно освещал настроения коллег-литераторов. Сотрудничество это он считал естественным гражданским долгом и настолько им гордился, что на узких встречах друзей (между прочим, тоже агентов КГБ, о чем он не догадывался, веря в свою исключительность) поднимал тост за героев чекистов, скромно добавляя, что считает себя тоже чекистом. Это производило впечатление, и в литературных кругах ходили слухи, что он давно произведен в генералы и иногда, выезжая в святую обитель на Лубянке, надевает форму и ордена.

Римма тоже помогала органам чем могла, однако как самостоятельная единица котировалась невысоко, поскольку не обладала оперативной хваткой и не могла похвастаться высокой политической подготовкой, мешала ей и артистическая сумбузность – так что использовали ее лишь в паре с мужем как своего рода декорацию.

Комплименты в адрес великой актрисы великолепно пережевывались вместе с осетриной и молочными поросятами, трупки которых устилали длинный стол.

– Я начал изучать русский и скоро буду читать ваши романы... – радовал Кемаль великого писателя.

– Русская культура затягивает, Кемаль, не боитесь ли вы, что, полюбив наш язык, вы захотите остаться в Москве навсегда? – опытный Николай Иванович без особого труда вел политический зондаж объекта разработки.

– Я слишком люблю рахат-лукум, – засмеялся посол и отправил в рот кусок осетрины.

Вдруг Ивановский засуетился, задергался, превратился в сплошную выходящую за все горизонты улыбку и затряс (двумя руками! – как еще выразить свою любовь?) короткую толстую руку наголо обритого человека, затем галантно

поцеловал руку его молодой спутницы в алом костюме, судя по пресному выражению лица – супруги.

– Я хочу сделать вам приятное, дорогой Кемаль, и познакомить с Григорием Бесединым, ответственным работником Совета министров и личным помощником премьер-министра.

Учтивые рукопожатия, банальные восторги по поводу бенефиса. Товарищ Беседин оказался отнюдь не тупым саванником и тут же процитировал стих Есенина «Никогда я не был на Босфоре, ты меня не спрашивай о нем...» Кроме того, он еще сказал несколько теплых слов об Ататюрке, которого приветствовал сам Ленин. Тут подошла Шахназ с красавцем Колосковым, сменившим по случаю бенефиса незамысловатые вельветы бедного художника на гладкий, мышинового цвета костюм (сшитый по заказу в ателье КГБ за государственный счет, ибо использовался в оперативных целях).

– Надеюсь, вы не абстракционист? – снизошел Григорий Петрович, словно никогда и не видел мастера живописи на утренних совещаниях в своем кабинете. Колосков в ужасе замахал руками, конечно же, он твердо стоял на позициях соцреализма и честно отражал торжествующую реальность, точнее, пытался, ибо слишком высока тема домн, вечно блестящего потом человека труда, недостижима красота березок и бескрайних полей, на которых хочется торжественно исполнять гимн.

– Абстракционизм – это все равно, что окунуть в краски хвост осла и мазать им по холсту! – дал он боевой залп по всем этим малевичам и шагалам.

Беседин кисло улыбнулся, вспомнив, что то же самое Колосков говорил на партучебе (сам Григорий Петрович вел семинар), посол же поддержал беседу.

– Я тоже предпочитаю ренессанс или Коро, – заметил он, хотя лишь смутно помнил и то, и другое. И правильно делал: куда приятней покупать по дешевке ковры в Бухаре, а затем сплавлять их в Стамбуле, благо, это позволяет дипломатическая почта. – Доброе старое вино всегда лучше американских коктейлей.

– Это относится и к американской политике? – сквозь молочного поросенка Беседин тоже не упускал случая ненавязчиво позондировать. Чекистская болезнь: вербовать и ночью, и днем, вербовать всех, чем больше, тем лучше.

– Мы – союзники, но не слепцы, бредущие за богатым поводом, – мягко ответил посол.

Гибок и умен, подумал Григорий Петрович, дурак сразу бы начал честить американцев в хвост и гриву, лишь бы потрафить представителю советского правительства. Колосков не ошибся: явно охоч до баб, зыркает по сторонам, в основном по задницам. Ну ладно, пора двигаться, кроме бенефисов и пьянок существуют и серьезные дела на Лубянке.

От Колонного зала пара по Кузнецкому прошла пешком прямо до грозного здания. Григорий Петрович, поднимаясь, пружинил ноги, стараясь дать им побольше нагрузки (сидячий образ жизни требует физкультуры, не забыть и об эспандере в кабинете!). Вошли через второй подъезд дома номер два, шефа контрразведки, известного в лицо охране, пропустили беспрепятственно, а вот его спутнице пришлось предъявить удостоверение (порядок есть порядок, даже если идешь рядом с шефом!) на имя Аллы Проскуриной, секретарь-машинистки.

Быстро прошли в просторный служебный кабинет, там Беседин сбросил парадный пиджак, провел Аллу в примыкающую комнату отдыха с диван-кроватью, телевизором и баром. Чекистка привычно разделась и приняла душ в примыкавшей к комнате ванной. Осетрина, поросята, холодная водочка способствуют.

Освобожденный от стресса Григорий Петрович выдал звонок домой (Алла деликатно ушла в ванную на новое омовение): сын совсем отбился от рук и приносил ужасные отметки. И все почему? Нет заботливой отцовской руки, да разве можно заниматься воспитанием ребенка, если приходишь домой в 2-3 ночи и не имеешь выходных? А при Сталине вообще являлись под утро, когда вождь засыпал. Жена плакала: опять принес двойку! Надо вразумить, может, даже выпороть, без папы тут не обойтись. Пришлось закруглиться и отбыть в домашний круг.

Утром ровно в десять Григорий Петрович, облачившись в генеральскую форму (ношение ее на работе не было обязательным, однако в ней он себе нравился гораздо больше: обритая голова становилась значительней, да и ростом он казался выше), провел оперативное совещание. В кабинет осторожно, словно боясь побеспокоить больного, вошли Колосков, одетый в серый, без всяких штучек-дрючек костюм, и худой волк Геннадий Коршунов. Процессию завершила Алла, молчаливая, как уставший призрак, с блокнотом и карандашом в руках – помимо всех прочих достоинств она еще и стенографировала. Беседин уже не походил ни на доброго дядюшку, похотывавшего на банкете, ни на отрешенного от служебных дел любовника, ни на другие маски, которые он менял с величайшим умением, – теперь он был в главной роли: Начальник, Голова, Мастер. Докладывал Коршунов, волчьи глаза поблескивали, словно предвкушая удушение ягненка.

– На сегодняшний день «Осман» (кличка посла) имеет контакты с тремя нашими агентами и тремя агентессами, их ввод в разработку не вызвал у него никаких подозрений, более того, по данным подслушивания, он считает, что Анкара склонна серьезно преувеличивать роль КГБ...

– Ну и умница! – заметил Беседин. – А как он по части клубнички?

Мужчины одобрительно хохотнули, а Алла сдержанно улыбнулась, вспомнив татуировку на животе шефа, не дававшую ей покоя: точно такая имела у ее собственного мужа, причем и тот, и другой уклонялись от разъяснений, это раздражало. И вообще ей нравился лейтенант Пурник из хозяйственного управления.

– Псих, как и все турки, – категорически заметил Коршунов, набивший руку на южных соседях. – При виде женщины у него уже сперма в глазах. Однако он сдерживает себя, понимая, что мы можем подсунуть ему свою девку. Агентура продолжает собирать информацию о его политических настроениях...

– Интересно, какую политическую информацию могут собрать ваши бляди? – прервал его Беседин. – Ведь они даже газет не читают и считают, что Турция – в Аргентине.

– Кесарю кесарево, Григорий Петрович... – оскалился своей волчьей улыбкой Коршунов. – У них свои задачи.

Что верно, то верно, каждый должен тянуть свой воз, совсем не обязательно быть семи пядей во лбу, как Сократ. Как там воз Колоскова, посллица Шахназ? Особого прогресса пока не наблюдалось, хотя в принципе согласилась показаться на яхте, правда, с подругой.

– Восток есть Восток! – заметил Колосков.

– Очень удобно! – зло сощурился Беседин. – Восток есть Восток, телега есть телега – и точка! И работать ни хера не надо! А я вам скажу другое: человек есть человек во всем мире. Везде любят, везде изменяют, везде жадничают... И хватит вам прикрываться востоком или западом! Работать надо! Уконтрапупить – и точка!

Приняли как указание, хотя и не неожиданное, встали, стараясь не греметь стульями, осторожно вышли. Алла держалась и выжидающе смотрела на шефа, прижав к груди блокнот, словно голову возлюбленного: тонкая женская душа чувствовала настроение и оказалась права: Григорий Петрович запер дверь и увел секретаря-машинистку в комнату отдыха. Живем в спешке, думал он, живем, словно коты, правда им легче, их не гложет мысль, что именно в эти счастливые четверть часа позвонит председатель КГБ. Почему никто не подходит? Где Гриша?! Куда исчезла правая рука? Он прислушивался к прямому телефону, это отвлекало и мешало любви.

...Прогулочный катер летел по Москва-реке, играя фейерверком брызг на хвосте. Идиллические берега с сосновыми лесами, уютные поляны, бабочки над ромашками, государственные заборы, как хорошо в стране советской жить, и как она широка, родная! Дмитрий Колосков и богатырь Марат, овевавший кудрями посллицу в мастерской, соединяли во едино красоту и интеллект. Дмитрий упирал на последнее, рассказывая о глубине реки и ее исторических истоках, Марат работал с шампанским, между прочим, пропуская для души водочки.

– Шахназ, если вы не выпьете, я обижусь! Ну как вам не стыдно! Вы не хотите выпить за нашу дружбу?

Не пили проклятые мусульманки, прикрывались Кораном. Восток суров, хотя и не до фанатизма: Шахназ позволяла Колоскову целовать ей руки, а тот страдал и готов был утопиться.

– Как вы красивы! – шептал он, вспоминая почему-то бритую лысину Беседина. – Я погибну от вашей красоты! Вам не холодно? Может быть, спустимся в каюту?

– Что вы, Дмитрий! Разве здесь плохо? – отбивалась Шахназ, которой Колосков весьма нравился.

Марат держал жену военного атташе в объятиях, ему казалось, что они уже в соитии, и он блаженно покачивался, оставалось финализировать дело в каюте, он поднял ее на руки, покачнулся и рухнул, как и положено с турчанкой, в набежавшую волну. Крики, спасательные круги, любопытные рожи на берегу. Конфуз. Беседину решили не докладывать, обошли вопрос, мол, старались, но ничего не вышло.

...Новая радость: подписание советско-турецкого культурного соглашения, в том числе и о поездках в Турцию классика советской литературы и театра. Посол двинулся в Министерство культуры. Там за круглым столом в гостиной восседали заместитель министра Растегин, говоривший искренне и долго (всегда так!), переводчица Оксана – умеренная полнота, большие влажные глаза, выдающиеся бюст и зад, избыток волос, ниспадавших на первое и даже чуть-чуть на второе, она сжигала посла горячими бедром и дыханием. Тут и Римма Ивановская (супруг уже вылетел в Стамбул), которая мысленно набрасывала доносик об аморальном поведении переводчицы. Затем – скромный фуршет, старания Оксаны не прошли даром, и посол вызвался покатасть ее по столице и доставить домой, что и сделал. По дороге заскочили в «Националь», там джигит блеснул мощной и порадовал спутницу модными коктейлями. Однако, переборщил, Оксана вначале истерически хохотала, хватая посла за руки, но разом стихла и запросилась домой, что было радостно воспринято как приглашение на счастье. Но в машине совсем сдала, впала в транс – такого и в страшном сне не увидеть. Отвратительная, пьяная баба. Он высадил Оксану у ее подъезда и тут же умчался подальше от ласк.

– Вот засранка! – вопил Колосков в квартире этажом выше Оксаны, где уже была установлена техника для съемки. – Просто какой-то рок невезения! И всё пьянство! Не страна, а корабль алкашей! Понятно, что Марат набрался – он вообще не просыхает, но эта... Ведь закончила Институт востоковедения... аспирантуру, елки-палки!

Опасаясь очередного всплеска гнева Беседина, Дмитрий представил все дело в спокойных тонах: мол, посол торопился по делам службы, не успевал и потому вынужден был отказаться от тесного общения с агентессой.

И прошел бы у него этот номер без всякого труда, если бы не горячая восточная душа, которая полыхала и искала выход из тупика, бесновалась и толкала на подвиги. Отделавшись от Оксаны, распаленный посол приказал водителю держать путь к престижному и широко известному Дому на набережной, что рядом с кинотеатром «Ударник». Римма Ивановская уже завершила агентурное донесение о вызывающем поведении переводчицы Оксаны, несовместимым с моральным обликом советского человека, и размышляла, каким образом донести его до органов: лично или через супруга.

Томительный звонок отвлек от мыслей, и без всякого макияжа и в домашнем халате она задумчиво открыла дверь, думая, что это дура министрша, у которой вечно кончались спички. Окаменела, словно перед шаровой молнией. Посол улыбался, мышинный хвостик усов антрацитом чернел над белоснежными зубами. Далее шокирующий темп, от которого уважаемая актриса, хорошо побегавшая в молодости, уже отвыкла: ухватил в охапку твердыми, как ятаган, руками, сорвал халат, покрыл неистовыми поцелуями и поволок в спальню, где все и свершилось, причем быстро и без всякого согласия, до неприличия бездуховно.

Хотя... хотя это было хорошо, Римма увлеклась, правда, мешала мысль: как же так? Нет, нет, не в муже дело! Не в морали! Совсем в другом – в санкции! Ее не было, ведь даже и намек на ЭТО от Беседина она не слышала. Но гнать было неудобно – так ведь можно и подорвать нерушимую советско-турецкую дружбу. Неожиданно Кемаль безмолвно

натянул штаны, поцеловал ей руку и улетел так же стремительно, как и появился. Что делать? Наверняка все просматривали и прослушивали! Дом ведь этот особенный, всегда под окном... Что делать? Она набрала заветный номер, который хранила в памяти, как самое святое.

– Григорий Петрович, здравствуйте! Это Ивановская! – волновалась, задыхалась. – Только что у меня был турецкий посол, – замолчала, ожидая расплаты.

– Ну и что? – Беседин готовил бумагу в ЦК, и все эти бабьи причитания только раздражали.

– Муж в командировке в Стамбуле... посол был очень возбужден... вы понимаете?

– Не понимаю, – сухо бросил Григорий Петрович, не обладавший ни ассоциативным мышлением, ни артистическим чувством подтекста.

– Как вам сказать... – размазывала кашу по тарелке Ивановская. – Ну, в общем, вы должны понять, как мужчина...

Это уже было яснее солнца.

– Что вы хотите? – подавился он от смеха.

– Я просто хотела проинформировать... – Римма сидела красная и распаренная, словно выскочила из бани.

– Я занят, извините, – и положил трубку, больше не мог сдерживаться, ну и говно же у нас люди!

Он презирал агентов, работавших из-за страха, он бы их всех пришил, если бы партия приказала, именно из-за них у органов столько лишней работы: и на соседа по квартире настучат лишь потому, что он лишний час проводит на толчке, приплетут ему любовь к Би-би-си, и начальнику пришлют роман с секретаршей, черт знает что!

Тут же связался с Коршуновым.

– Так почему же сорвалась встреча с Оксаной?

– Разве Колосков вам не докладывал? – юлил волк. – Все шло прекрасно, но он был занят и после ресторана уехал по делам.

– И вы знаете, какие у него дела? – подбираясь мягкими лапками, так нежно, что Коршунов сразу понял: ничего хорошего ожидать не следует.

– Нет. Наружку мы за ним не ставили... чтобы не спугнуть.

– Дело у него было важное: он уконтрапупил старушенцию Ивановскую, вот так!

– Как это понимать, Григорий Петрович? Как шутку? – растерялся Коршунов.

– А так, что у вас не агентура, а мудаки! Один напивается на катере и чуть не тонет, от другой – уж не знаю почему – бежит, как черт от ладана, к климактерической бабуле. Елки-палки, вы будете работать или нет?!

Короткие звуки в трубке, ужасный тип, все знает, все чувствует, такого не проведешь.

...Кемаль осмелел, теперь он был уверен, что никакой КГБ его не пасет, но тем не менее решил придерживаться принципа внезапности, рассчитывая на неповоротливость секретной службы. Римма только распалила его своими старушечьими ласками, впереди был целый вечер, и он направил стопы в «Националь», где почти сразу положил глаз на скромную девицу лет двадцати, поедавшую бульон из большой скучной чашки. Подсел и не ошибся: попал на профессионалку по имени Галя, представился как богатый турецкий купец.

– Тогда давай хилить отсюда, – сказала практичная Галя. – Тут полно ментов.

С некоторой опаской она залезла в посольский лимузин с русским водителем, по дороге обсудили проблему стоимости, причем Галя заломила таксу, которая ей и самой не снилась, и правильно сделала: на Востоке любят поторговаться. Заскочили в «Елисейский», закупили шампанского, семги и прочих яств, оттуда двинулись прямо на Петровку, в огромную коммунальную квартиру, где проживала юная красотка. Явление Галины с восточного вида человеком не возбудило обитателей коммуналки, богатых грузин и армян – ухажеров Галины – там понасмотрелись, в квартире ее любили за добрый нрав и за то, что давала взаймы.

В комнате с огромным желтым абажуром и иконой Николая Угодника в углу, доставшейся от покойной бабушки, посол и провел несколько полноценных часов, омраченных лишь блужданием по коридору в поисках туалета и возвра-

щением обратно, когда он заблудился в лабиринте и попал в другую комнату. Вернулся Кемаль домой в полночь, ощущая глубокое удовлетворение прожитым днем, воистину Рубиконом в его советской жизни.

Счастье одних всегда балансируется несчастьем других: прибыв домой утром из Стамбула, Николай Иванович, взвинченный гнусными вопросами турецких студентов по поводу свободы ислама в СССР, натолкнулся на взбудораженную супругу, не пожелавшую раскрывать причин своего настроения. Слово за слово – и совершенно неожиданно разразился скандал неописуемых масштабов, с упреками и криками, со взаимными оскорблениями. Тут, дабы ткнуть Николая Ивановича мордой куда надо, Римма и рассказала мужу о своей измене, причем подала все это как мерзкое насилие и добавила, что не ждет защиты от такого подонка каким, по ее словам, является великий писатель. Он тут же начал разыскивать Беседина, дабы излить душу и прояснить отношения.

Григорий Петрович устраивал для Тюркменов дружеский ужин якобы у себя дома, а на самом деле на конспиративной квартире КГБ. Ослепительно сияли хрустальные люстры, на трофейных буфетах мореного дуба стояли фарфоровые овчарки, зайцы и слоны, на стенах висели картины немецких мастеров в мощных рамах, мерно тикали высокие английские часы, и в углу сидел огромный бронзовый Будда.

– Какой у вас дивный дом! – восторгался Кемаль хоромы.

– До революции все это принадлежало одному богатому купцу, – поясняла Алла.

– А теперь все ваше?! – удивлялась Шахназ.

– В СССР все квартиры являются народной собственностью, – равнодушно пояснил Беседин.

Настроение у него было неважное, сын продолжал приносить тройки и двойки, никакие увещательные беседы не действовали. Кроме того, на днях умерла любимая тетка, которую в свое время он вытянул из родной деревни и помог получить однокомнатную квартиру. Он вообще любил помогать ближним и перевез в Москву всех своих де-

ревенских родственников, иногда они являлись к нему на квартиру, волокли банки с вареньем и солеными огурцами, напивались и слезливо пели ему осанну, хотя про себя считали его жадным буржуем. После нескольких рюмок настроение улучшилось и в этот самый момент и затрезвонил Николай Иванович, весь день переживавший семейный скандал, усугубленный тем, что в сердцах Римма Николаевна объявила мужу, что на соитие она пошла по указанию органов, а это уже выглядело совершенно оскорбительно: как же это так? почему с ним даже не посоветовались? за кого же его считают?

Николай Иванович говорил чуть рыдающим голосом, словно Вертинский, исполнявший грустный романс.

– Григорий Петрович, здравствуйте. Это Ивановский. Я утром прибыл из Стамбула. Произошло ужасное... эта... моя супруга, простите, переспала с турецким послом... эта паскуда...

– Но это ваше личное дело... – прервал находчивый Беседин.

– Она говорит, что это вы ее заставили... это безобразие! Я этого так не оставляю... все видели соседи! – последнее особенно волновало Ивановского, ибо по соседству жил критик Гершензон, фигура злобная и имевшая влияние в высоких сферах.

– Что с вами, Николай Иванович? – как можно мягче спросил Беседин. – Разве можем мы использовать жену такого заслуженного партийца, как вы? К тому же крупного писателя? Вы же наша гордость... извините, я занят.

Брошенная трубка повергла Ивановского в полную панику, его писательское воображение уже рисовало картины суда чести, снятия со всех важных постов, запрета на выезд за границу, выселения из казенной дачи, исключения из Союза писателей. Пришлось выпить водки, разбить портрет Риммы, уехавшей навсегда к подруге, и залечь в постель...

За ужином, главным событием которого был жареный фазан, собственноручно подстреленный Бесединым в охотничьем хозяйстве Завидово, прислуживала домработница

(лейтенант КГБ), молодая блондинка с толстыми ногами. Отвалившись от стола, проследовали в гостиную на кофе с коньяком, пил один Григорий Петрович, ибо Алла спешила к больному мужу-скрипачу и боялась, что от нее будет пахнуть. В конце вечера Беседин вручил Шахназ малахитовую шкатулку из Федоскино («Я буду счастлив, если вы ее возьмете, мы, русские, тоже восточные люди!»). Посольская чета откланялась, за ними последовала Алла, которая любила мужа и не раз выбивала у Григория Петровича путевки для него в самые престижные санатории страны. Шеф грустно пил коньяк, думал о быстротечности бытия, а лейтенант-блондинка молча убирала посуду, пока Григорий Петрович, заинтересовавшись мелькавшими тут и там толстыми икрами, не пригласил ее к столу, чтобы поставить точку в меню превосходного вечера...

Несмотря на общий прогресс, разработка Кемалю Тюркмена продвигалась туго, и все потому, что шеф запретил проявлять инициативу и назойливость. Поэтому Коршунов взвился от радости, когда однажды раздался телефонный звонок Оксаны, сообщившей триумфальным тоном, что турок только что пригласил ее на ужин, а потом, по всей вероятности, зайдет к ней на кофе.

– Ты можешь перенести встречу? – спросил Коршунов, застигнутый врасплох, – техника в квартире над Оксаной была частично демонтирована.

– Никак не могу, я уже дала согласие... Вы хотите, чтобы он мне больше никогда не позвонил?

– Елки-моталки, – проорал Коршунов. – Так затяни ужин, не спеши домой! Только смотри: не дай бог, произойдет, как в прошлый раз... помнишь? Во сне увидишь тогда все свои заграничные поездки!

Это подействовало, и Оксана уговорила посла поужинать в пригородном Архангельском, куда и помчались, нежно лаская друг друга на заднем сидении. Вернулись поздно, Коршунов лично контролировал весь мониторинг. Сухой пережаренный бифштекс и избыток озона настолько обострили вкус Кемалю к жизни, что он без всяких предисловий набросился на Оксану, доставляя несказанное

удовольствие молодым фотографам-технарям, смакующим любовные сцены.

– Птичка в клетке! – захлебывался от радости Коршунов, не забывая, что по телефону требовалась особая конспирация. – Козла взяли за жабры, Григорий Петрович! – он размазывал еще влажными снимками.

– Прекрасно! – отвечивал шеф. – Приезжайте и покажите, что вы там понаделали...

Держа на весу драгоценности, Коршунов ринулся в машину, и через полчаса шеф уже рассматривал фото, думая, как скучно и одинаково проходит этот вроде бы приятный процесс у большинства людей и даже у турецких янычар.

– Как же вы предполагаете проводить операцию? – спросил Беседин.

– Очень просто: предъявить ему фото и прижать к стенке.

– М-да, очень интересно. Возможно, он будет министром иностранных дел... думаете, это не изменит его отношения к нам?

– Он уже будет нашим агентом!

– А что? Все наши агенты к нам хорошо относятся? Большинство завербованных на компромате ненавидят нас больше, чем самые злые враги!

– Зачем же мы тогда делали фото? И вообще зачем затеяли весь сыр-бор? – Коршунов даже возмутился.

– Вы рассуждаете не как чекист, а как разбойник с большой дороги. Где ваш аналитический ум? Да, посол осторожен, старается действовать быстро, думая, что обходит нас. Так было и с Ивановской, и с той проституткой, и сейчас с Оксаной. Он грешит и ждет, что последует за этим, он ожидает от нас гадостей...

Гениальная мысль Беседина сводилась к тому, что посла следовало отучить от страха перед органами и дать ему шанс развлекаться, как душе угодно, естественно, под негласным контролем. Карт-бланш – дело хорошее, и Кемаль Тюркмен, осторожно отведав из чаши греха, как и предполагал Беседин, начал пить полными глотками, тем более что его супругу домашние дела задерживали в Стамбуле. Список пополнялся ежедневно, люди Коршунова работали,

как волы, наружка проклинала объект, мотавшийся и днем и ночью по своим любовницам, которых приходилось фиксировать, устанавливать, собирать на них данные, ставить на учет.

Иногда Кемаль обсуждал дела с военным атташе, интимными подробностями жизни он с ним не делился, однако его интересовало, каким образом устраивают свою личную жизнь другие турки.

– Когда прибывает ваша жена, Назым?

– Через месяц, не раньше...

– Как жаль, что в Москве нет публичных домов... – хитрый Кемаль подталкивал атташе на откровения, но тот промолчал, не пожелал открыться.

Тем временем Коршунов, не выносивший бесконтрольности, порешил прибрать к рукам проститутку Галину и нанести визит в коммуналку. Дверь открыл одноногий инвалид, из квартиры пахло тяжелым запахом убогости.

– Вам кого?

– Гражданку Зотову.

– Откуда вы? – испугался инвалид.

– Из милиции, – и Коршунов решительно вошел внутрь.

Галина недавно проснулась, и увлеченно штопала чулок. Хотя образованием она не блистала, но интуицией обладала недюжинной и сразу определила, с кем имеет дело.

– Галина Ивановна, моя фамилия Петровский, я работаю в органах государственной безопасности (милиция не пользовалась авторитетом), – он вынул красную книжечку и помахал ею перед глазами Галины. – Нам известно, что вы регулярно встречаетесь с турецким дипломатом.

Если бы Геннадий Коршунов предполагал, какую Ермолкову потерял театр в лице Галины! Уже после первых его слов сливообразные глаза девицы начали медленно наполняться слезами и к концу монолога водопад по нарастающей уже полился через скалы.

– Не знаю я никакого турецкого дипломата! – рыдала она, холодно оценивая между тем своего собеседника, которого нашла, как ни странно, слишком интеллигентным. – Не видела я никого!

Женские слезы действовали на Коршунова самым разрушительным образом, он их органически не выносил и терялся, как малое дитя.

– Что ты валяешь дурака? – неадекватно грубо заорал он, как гестаповец в советских фильмах, допрашивающий партизан. – Будто мы не знаем, чем ты занимаешься! Елки-моталки... – он запнулся, распираемый гневом.

– Я портниха... я шью... за что вы меня? – тут шум водопада перерос в жалобное бурление.

– Да заткнись ты, елки-моталки! Хочешь, чтобы дали тебе под задницу из Москвы? На лесоповал под Мурманск хочешь? – продолжал он, вдруг почувствовав, что под ним сейчас провалится пол.

В ответ раздалось такие стенания, что Коршунову ничего не оставалось, как хлопнуть дверью, пообещав вернуться через несколько дней вместе с «воронком»...

Григорий Петрович читал справку о работе с турецким послом, полируя пилочкой ногти, – ведь даже сам Пушкин писал, что «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Коршунов почтительно наблюдал из кресла, как порхала маленькая пилочка.

– Все это довольно пошлово... – молвил Беседин, дойдя до раздела об интимной жизни посла. – Чисто механический секс! Вся ваша бабская агентура не способна вызвать любовь, это – бесполые манекены, хорошо раскрашенные, но манекены, намазанные разными там «Коти!» («Духами славится «Коти», дристать в сортире – не ахти!» – зло подумал патриот Коршунов). Они не могут достойно распалить даже турка! Так, чтобы он вдруг понял, что женщина может быть дороже родины, дороже богатства, дороже всего на свете!

Мысль поразительная.

– Извините, Григорий Петрович, но тут какой-то романтизм... Я лично никогда этого не встречал... – Коршунов уже и не знал, в какую сторону рулить.

С такой мордой и не встретишь, подумал Беседин и решил: во-первых, требовалось изолировать от посла и Оксану, и Галину, и прочих дам, напугать их так, чтобы не только встречаться, но и говорить по телефону они боялись.

Во-вторых, надо тонко стимулировать контакт турка с прославленной Марией Бенкендорф-Лобановой, именно ее после встречи у художников несколько раз добивался посол, однако, актриса, не имея санкции, отказывала ему, ссылаясь на занятость. Итак, отрезать от дамского пола и подбросить звезду Большого – легко сказать! Гигантская работа.

И повалились на бедного турка беды одна к одной: Оксана, к его великому удивлению, отвергала randevu, сославшись на затяжную болезнь, Галя же вообще исчезла с горизонта: из квартиры хмуро отвечали, что она переехала в другое место; с другими дамами тоже что-то стряслось. Шахназ задерживалась в Турции, мадам Ивановская находилась при муже (однажды они встретились на приеме, Кемаль поцеловал ей руку, а она вспыхнула, как девочка, и заморгала глазами – вот-вот заплачет), короче, посол испытывал серьезнейший половой кризис, и это бедствие продолжалось целых три недели, к концу третьей он даже похудел. С четкостью, принятой только в КГБ, именно к концу третьей недели в телефонной трубке на квартире у посла и прозвучал уверенный, но нежный голос:

– Господин Кемаль? Это Мария Бенкендорф-Лобанова. Вы меня помните?

О да, он сразу вспомнил ее! Как же он мог не вспомнить ее? Он просто не мог не вспомнить ее! Еще тогда, в первый раз, в шуме вечеринки у Дмитрия очарованный, нет, потрясенный ее красотой! А потом несколько раз он видел ее по телевидению и пару раз в Большом в свете рампы, с букетами цветов в руках и у ног, знавшую себе цену, гибкую, словно змея, с острым взглядом карих глаз. Как же он мог забыть ее, приму с мировым именем?

– В пятницу у меня премьера, я хотела бы пригласить вас с женой.

– Как любезно с вашей стороны! Жена, к сожалению, в Турции. Но я обязательно приду. Огромное спасибо.

Все-таки жизнь прекрасна! Боже, какой неожиданный звонок! С трудом дождался пятницы, собственноручно купил огромный букет белых роз и приказал шоферу принести их в Большой после спектакля. «Лебединое озеро», немерк-

нущая жемчужина русского балета, Мария танцевала вдохновенно, зал замирал и задыхался, и завывал от восторга. За кулисы его сначала не пустили, старушка с программками в руках долго его допрашивала и дала зеленый свет, лишь узнав, что он иностранец, – к последним относились ласково и уважительно, каждый советский человек чувствовал себя великим дипломатом и думал о дружбе между народами. Она еще не остыла от танца, нежная, полуголая, затягивающая запахами своего прекрасного тела, голова шла кругом, он робко вручил розы, удостоился поцелуя в щеку, чуть коснулась грудью – он задрожал и впал в транс.

– Могу я проводить вас домой? – еле выговорил, запинаясь.

– Спасибо, но за мной заедет муж... – холодный душ с улыбкой, от которой растаял бы Северный полюс.

– Не завидую мужу такой красивой женщины.

– Он не ревнив, к тому же геолог по профессии и часто бывает в экспедициях, – сверкнуло, как луч надежды в беспросветной тьме. Договорились как-нибудь отужинать, Мария проявила интерес и к турецкой кухне, и к культуре, заодно сообщив, что ее дедушка имел дом в Стамбуле после бегства из России в разгар Гражданской войны. Расстались друзьями.

Тоска смертная, что делать одному? Поехал в «Националь» – вдруг не пустили (служба уже предупредила), двинулся в «Метрополь» – та же история. Что же делать в этой пустынной столице? Вернулся домой, впервые пожалел об отсутствии жены, позвонил по телефону Колоскову и буквально напросился на вечеринку, намекнув на желательность понятно чего.

Кнут сменили на пряник: вечеринка состоялась, однако, большинство дам были при партнерах, а две одинокие красотики, которые, как казалось, уже принадлежали послу, к концу вечера неожиданно дали от ворот поворот, сославшись на какие-то невероятные дела. КГБ работал безжалостно и не щадил либидо Кемалья.

Вернувшись домой, сразу же набрал домашний номер Марии.

– Здравствуйте, Мария. Могу я пригласить вас завтра на ужин?

– Спасибо, но я занята. В другой раз.

Так продолжалось еще две недели, и Григорий Петрович радовался, как дитя, этой сексуальной блокаде.

– Молодцы! Правда, я не уверен, что вы его посадили на полную диету. Ведь почти все турки занимаются педерастией, а у него несколько слуг. Помните, что случилось с английским разведчиком полковником Лоуренсом, когда он попал в турецкий плен? Его прежде всего изнасиловали!

– Если он связался со слугами, то почему звонит Марии чуть ли не каждый вечер? – возразил Коршунов.

– Все турки – сексуальные психопаты, вам нужно глубже изучать национальные особенности! – заметил шеф. – Но я не ошибся: он, кажется, влюбился, однако она должна держать твердую линию... «а за всякой вещью в свете мы гонимся усерднее тогда, когда еще не овладели ею». Кто это написал? – шеф обратил свой лик к просвещенному Колоскову, зная, что Коршунов покончил с чтением (если и начал) еще в средней школе.

– Это не Ларошфуко?

– Шекспир. Советую и вам, и вашим подчиненным больше читать Шекспира, это лучший учебник для любого сотрудника КГБ, там изложена наука и разработки, и вербовки, и конспиративной связи. Недаром говорят, что Шекспир работал на английскую разведку. Итак, товарищи, пора готовить мероприятие, – и он встал, маленький, бритый и грозный.

О, если бы Кемаль был педерастом! Увы, он беззаветно любил женщин и бился, как рыба о лед. Пораженный бессонницей, глотал успокоительные таблетки, просыпался с большой головой и однажды раздраженно позвонил жене в Анкару, устроив ей целую сцену из-за задержки на родине.

Наконец, пробил роковой час, открыли спасительный клапан. Предстоял банкет на подмосковной даче, лучшие кадры, цвет общества, сногшибательные дамы, актрисы и модельерши, о чем Дима сообщил лично, заехав прямо в посольство. Будет и Лобанова-Бенкендорф, помнил ли ее посол? Конечно, помнил, даже недавно был на премьере.

– Чудесно. Жаль, что Шахназ в отъезде! – улыбался Кемаль. – А возможно ли пригласить господина Беседина с женой? Это мои большие друзья...

– Эта птица высокого полета, – засомневался Колосков. – Вряд ли он придет ко мне, но я постараюсь...

На оперативном совещании докладывал Коршунов.

План мероприятия: сначала по бокалу шампанского, затем купание и прогулки, в шесть – плотный обед, снова перерыв с танцами и снова перекус, затем – долгожданный разъезд. Пригласит ли турок Марию в свою машину? Уверенность была стопроцентной, но все же предусмотрели на всякий случай прямо попросить его довезти Марию, сославшись на нехватку транспорта. Ни у кого не было и тени сомнений, что янычарская душа не подведет, не даст отходную. Очертя голову, бросится в капкан.

– Фото выйдут отличные, представляю, как он задрожит, когда мы все это вывалим! – завершил свою речь Коршунов.

Беседин улыбнулся и сжал экспандер.

– Ваша беда – это шаблон! – повернулся он к Коршунову. – Не дай бог, вы станете начальником, тогда вы превратите КГБ в большое порнографическое фотоателье.

Коршунов привстал от изумления, волчья челюсть открылась и хапанула воздух.

– Никаких фото! – сказал Григорий Петрович. – В разгар их любовных утех явится муж.

– Но у Маши нет мужа! Где мы его возьмем?

– Вам когда-нибудь изменяла жена? – неожиданно спросил шеф.

– Никогда! – ответил Коршунов с таким пафосом, что все расхохотались.

– Это хорошо, – заметил Беседин. – Интересно, что бы вы сделали, если бы застали в постели жены другого мужика?

– Да морду бы ему набил! – не задумываясь, резанул Коршунов.

– Наконец-то я слышу слова мужчины, – Григорий Петрович растянул рот в такой широкой улыбке, что и лоб его, и бритая голова поехали морщинами. – Только имейте

в виду: если на нем останется хоть маленький след, я направлю вас младшим опером в город Нежин. Будете там солировать огурчики!

Молчаливая Алла, фиксирующая основополагающие тезисы совещания в пронумерованном блокноте (листки после перепечатки уничтожались по акту) радостно улыбнулась: она терпеть не могла Коршунова за грубость и настырность – очень даже неплохо, если турок наставит ему в драке синяков. Колосков закивал головой, он вообще считал, что с начальством всегда надо соглашаться и больше кивать.

– Геннадий Николаевич сделает это лучше всех! Да и вид у него солидный, только бы нашего «Османа» не хватил удар! – сказал он.

Соломоново решение.

Наконец, суббота.

Кортеж машин промчался по Можайскому шоссе на Успенское, затем через мост к Николиной горе, затем – на дорожку с запретным знаком, сторож суетливо открыл ворота, и лимузины въехали на ухоженную дачу. Колосков встречал гостей в сером льняном костюме и белой рубашке-апаш, Григорий Петрович в ностальгии по безвозвратно ушедшей юности позволил себе полотняные штаны, рубашку-сетку с короткими рукавами и начищенные зубным порошком тоже полотняные ботинки. Кемаль, считавший московское лето холодным, приоделся в синюю тройку из тончайшей овечьей шерсти, предусмотрительный Ивановский набросил на всякий случай (мало ли, кто придет?) летний в полоску костюм, купленный недавно в Стамбуле, и теперь мучился от жары и держал пиджак в руке, выслушивая тихие упреки Риммы Николаевны. Они, упреки, были совершенно справедливы: кто сказал, что будут «все свои», толком не узнав от Колоскова, кто же эти самые «свои»? Не потому ли она надеялась – о ужас! – сарафан, правда, не забыв о драгоценностях, что несколько спасало ситуацию? А вот Алла красовалась во французском костюме (числившемся, между прочим, в инвентаре КГБ для представительского использования), а надменная шляха из Большого, эта претенциозная девка

с явно краденной фамилией, об участии которой в пикнике Ивановская и вовсе не подозревала, просто блистала, просто блистала... Невыносимо. И Римма тайно страдала, прикрывая муки артистической улыбкой.

Хватало и еще разного народцу, игравшего роль листьев, окаймлявших изысканный букет, держались они тихо (между прочим, и в званиях были всего лишь лейтенантских, и потому не лезли в пекло поперек батьки), говорили, словно шуршали, и в основном смеялись над чужими шутками, довольно успешно изображая счастье от общения с природой и милыми гостями. Преотменное настроение. Начали с шампанского прямо на лужайке рядом с избушкой на курьих ножках, на дубовом длинном столе антикварного вида и без всякой скатерти громоздились закуски и выпивка.

Николай Иванович страдал от неприятного осадка после разговора с Бесединым, на следующий день его вдруг не включили в писательскую делегацию в США, с чего бы это? Улучшив момент, с бокалом шампанского в руке он мягко подплыл к Беседину.

– Я давно хотел извиниться перед вами, Григорий Петрович...

– За что? – удивился Беседин, хотя тут же все усек.

– Помните наш телефонный разговор? К сожалению, я был излишне эмоционален... Извините.

– Да я уже и забыл! – широко улыбнулся шеф.

Боже, с каким дерьмом приходится работать! И с такими хотим еще коммунизм построить! Беседин чокнулся, испытывая неподдельное омерзение: в глубине души он презирал вообще всех агентов, а тех, кто заискивал и раболепствовал, не выносил на дух.

– Хотя я и не в кадрах, но тоже считаю себя чекистом! – повторил свою любимую фразу Ивановский и успокоился.

Купание и другие радости жизни гостей не привлекли, пир на лужайке плавно и органично перешел на веранду, вино лилось рекой, шум стоял необыкновенный. Кемалю посчастливилось сидеть рядом с Марией, он обращался с ней, как с куклой, которая может расколоться от прикосновения, а балерина разошлась, наплевала на диеты – делала

она это редко и всегда на полную мощь. Тут и приятный сюрприз: цыгане в разноцветных одеждах, «очи черные, очи страстные...», все выползли из-за стола на пленер, внимая пению. Подпевали, вскинув брови, закатывая глаза и мечтая о черных очках, вернулись на веранду перекусить.

Танцевальная часть – тут уже звезда Большого взяла огонь на себя, все вокруг померкло, танцевала она виртуозно и со всеми, послу наконец довелось поплотнее прикоснуться к нежному телу примы, и он задрожал, когда она вдруг обняла его за шею двумя руками. Между прочим, с непривычки напилась. И тут дернул черт Григория Петровича попроситься на танец, забыл большой чекист о своем росте, думал, что вся сила – в холодной голове и чистых руках. Мария танцевала с ним снисходительно (ну, и бородавочка, думала она, глядя на бритую голову; откуда ей было знать, что это чуть ли не пуп земли?) и напоследок вдруг поцеловала его в лысину, оставив вульгарно-красный отпечаток. Римма чуть не упала в обморок и прошипела нечто страшное по поводу хамки, все гости были смущены, а Колосков покраснел, предчувствуя нагоняй. И не ошибся: Беседин строго взглянул на до смерти перепуганного Дмитрия, который уже летел к нему, трепеща, как осенний лист под ветром.

– Если вы не приведете ее в порядок... – спокойно сказал Григорий Петрович.

Мог бы и не говорить. Коротко, но очень доходчиво Колосков объяснил Маше, что кроме великих артистов существуют и великие государственные мужи, от которых зависят, между прочим, ордера на квартиру. От разъяснения Маше стало плохо, тут же разболелась голова, и она удалилась в покои, правда, не без мысли реабилитировать себя в глазах руководства. Мысль работала на редкость четко.

– Маша очень просит вас подойти! – подбежал к послу Колосков, и тот помчался на зов.

– Я соскучилась по вам... – сказала она полушутливо.

Боже, разве мог он об этом мечтать? Сумасшедшие касания.

– Нет-нет, не здесь... Не пора ли нам домой?

Десять часов, хорошее время, гости начали разъезжаться, разумеется, посол пригласил Машу в свой лимузин и заключил ее в объятия как только выехали за ворота, она слабо сопротивлялась, разжигала до предела – пусть сходит с ума, влюбленный антропус!

– Хочу купаться! Мне жарко... – он весь в ее власти!

Свернули к речке, разделась догола, заставив отвернуться посла и водителя, и минут пятнадцать с наслаждением побарахталась в воде. Хорошо! Любила дразнить еще с детства. Наружное наблюдение, тянувшееся за ними, засело, чертыхаясь, в лесу. «На крыши дома ржи не сеют. Несчастливым туркам яйца бреют», – пошутил один остроумный филер. Коршунов и вся команда уже давно ожидали во всеоружии, нервничали, кляли опаздывающих последними словами.

– Муж сейчас в командировке и должен на днях вернуться, – нервно объясняла Маша. – Давайте не будем останавливаться у дома, я не хочу, чтобы нас видели соседи.

Вполне понятно, в Турции посягательство на чужих жен заканчивается ятаганом в живот.

– Следуйте за мной. На расстоянии, – инструктировала Маша, вошедшая в роль отчаянного конспиратора. – Я войду в подъезд отдельно от вас. На десятый этаж поднимайтесь пешком, моя соседка открывает дверь при каждом стуке дверцы лифта. И лучше снять туфли, чтобы не было слышно шагов.

Посол занервничал, но это его подстегнуло. Он шел сзади и представлял ее обнаженной. Рот заполняла сладковатая слюна. Исчезла в подъезде. Он выждал, осторожно вошел, придерживая дверь и с туфлями в руках, бесшумно, словно крадущийся кот, начал подниматься по лестнице. Без тренировки появилась небольшая одышка, да и нервы шалили: вдруг проклятая соседка что-нибудь услышит и вылезет на лестницу. И вот – заветная дверь, сердце колотилось, как у спринтера на финише.

Он тут же ухватил ее в коридоре, буря страсти, палящий огонь желания, наконец (о наконец-то!) двуспальная кровать! Одинокий попугай с удивлением взирал из своей золоченой клетки. Мария безумно устала, никаких эмоций посол у нее

не вызывал, тем более что она была лесбиянкой, мужчин считала грязными и вонючими животными, а турок и разных азиатов вообще презирала. Два часа ночи, сладкое время, посол блаженствовал и даже не услышал брэнчания ключа во входной двери и хмельные мужские голоса.

– Боже мой! Муж! – вскричала Мария, радуясь, что мучения с неутомимым мужиком подошли к концу. – Вернулся раньше времени... Что делать? Что делать?!

И она заметалась в отчаянии, напяливая на себя белье и заламывая руки.

– Как ты там живешь, Машенька? – затынул волк Коршунов в коридоре игривым фальцетом. Только тогда посол осознал всю трагичность момента: действительно, что делать? прыгать в окно? прятаться в шкаф? под кровать?

Сияющий муж с букетом лилий в руке торжественно появился в спальне в сопровождении амбала зловещего вида, его он подобрал лично в соседнем отделе для оказания психологического воздействия на развратника. Воздействия хватало, посол, как заяц, прыгал по кровати в поисках трусов – куда они подевались? Не сбросил же он их в коридоре!

Далее действие разыгралось по всем законам сценического искусства.

– Сука! – заорал Коршунов и добавил несколько многоэтажных выражений. – Сука! – и он налетел на полуголого посла, только что обнаружившего трусы и уже вдевшего в них одну ногу. Удар по физиономии (открытой ладонью, как велел шеф), еще несколько ударов. Старался, вкладывал в них всю ненависть ЧК–ОГПУ–НКВД–КГБ к иностранным шпионам. Амбал тоже не отставал и запустил в посла бутылкой с водкой, естественно, она пролетела мимо, но брякнулась о стену, осыпала всех осколками, и это изрядно драматизировало действие. Жертва не сопротивлялась и даже не закрывала лицо, принимая все, как расплату за грехи, – все силы были брошены на поиски рубашки и штанов.

– Что ты делаешь? Это же турецкий посол! – с надрывом кричала Мария контральто, вдруг почувствовав себя оперной дивой.

– Пусть хоть президент! – брызгал слюною чекист. – Уйди, сука!

Коршунов, почувствовав себя великим актером, вошел в раж и двинул ей в глаз вполне натуральным образом, она вскрикнула и, не раздумывая заехала ему в нос своим миниатюрным кулачком, совсем озлившись, добавила еще, и из разбитого носа потекла кровь. Вид крови придал всей сцене не только безобразность, но и величайшую натуральность, актеры играли на полную мощь.

– Развожусь! – орал Коршунов, устав бить посла. – Ты, мразь и распутник, на суде у меня ответишь за все это! Я во все газеты напишу, я в Верховный совет пожалуюсь!

Кемаль старался держаться достойно, натянул наконец пиджак и бросился к выходу, однако Коршунов ловко перехватил его на ходу, дотянул до двери и, крепко дав ногою под зад, отправил разрушителя семьи вниз по лестнице, бросив ему вдогонку забытую летнюю шляпу. Немного прихрамывая, побитый любовник добрался до ожидавшего его лимузина, плюхнулся на заднее сидение и зарыдал.

Этот восхитительный спектакль имел своих благодарных зрителей, наблюдавших сверху через крошечное отверстие в потолке, имевшее увеличительное устройство и именуемое на профессиональном наречии таинственным словом «визир». Среди команды находился и прибывший на зов Беседин, любивший животворный запах пороха прямо на поле боя, он следил за сценой, как Кутузов, наблюдавший с горы за ходом Бородинской битвы, он тут же простил Марии все ее вольности – это была настоящая работа!

Сразу же после бегства посла вся группа с водкой и закусками, прихваченными с дачи, бросилась вниз. Мария с огромным синяком во весь свой прекрасный глаз и хлюпавший кровоточащим носом Коршунов походили на артистов, которым только что принародно вручили по ордену Ленина, они сияли, оживленно размахивали руками и с радостью бросились в отеческие объятия Григория Петровича. Успех, черт побери, успех! И не топорная, а филигранная операция!

– Молодцы! – Беседин обнял и поцеловал главного волка. – Если операция выгорит, получишь орден!

– Это все Мария Николаевна, – скромничал Геннадий Николаевич. – Это она молодец!

– Поздравляю вас, Мария Николаевна! – торжественно сказал шеф и пожал руку главной героине спектакля.

– Извините, Григорий Петрович, за мою наглость на пикнике... я вас не знала...

– Все это ерунда! Хотя... хотя... – он добродушно улыбнулся. – Вам следует вести себя скромнее в мужском обществе.

– Но я же актриса!

– Советская актриса! – поправил агентессу Беседин, всегда придававший большое значение воспитательной работе, и аккуратно поцеловал ее в щечку. Отметим победу, быстро разъехались по домам.

Избитый Кемаль еле доволоч ноги до постели, мгновенно уснул, но под утро был разбужен телефонным звонком. Сумасшедшая ночь! Фантазмагория!

– Кемаль, это я, Галя! Я звоню из телефонной будки недалеко от посольства. Ты можешь на секунду спуститься ко мне? – храбрая женщина бежала из Каширы, куда ее на время отправила милиция по приказу КГБ.

Посол быстро оделся и выскочил на улицу, там уже занимался рассвет, и худая фигурка женщины в светлом платье казалась призраком.

– Кемаль, ко мне домой приходил тип из КГБ, они все знают о нас, они меня выслали из Москвы! За тобой следят! Ты не православный? Не крещеный?

– Я мусульманин, – еле вымолвил он.

– Все равно Бог – один! – она несколько раз перекрестила его. – Дай Бог тебе счастья! А их я проклинаяю, я ненавижу их! – выполнив свой христианский долг, экзальтированная Галина скрылась за домами.

Бред. Вернувшись домой, он неожиданно успокоился, отключил телефон и мирно уснул. И снилась ему Мария Бенкендорф-Лобанова во всей ее красе, она крутилась на сцене в бешеном фуэте и тянулась к нему, она вертелась волчком, она подбиралась все ближе и ближе, прекрасная, нежная, единственная в мире Мария. Он проснулся, простыня была мокрой, как у юнца, которому пригрелась во

сне первая женщина. Встал и придирчиво осмотрел себя в зеркало – никаких следов, и вообще выглядел отлично. Принял ванну, побрился, выпил кофе по-турецки и позвонил Беседину.

– Григорий, у меня к вам одно очень важное дело. Не могу бы я к вам подъехать?

Беседин даже домой не заезжал, а прямо поехал на работу, прикорнув немного в комнате отдыха. В десять уже, как штык, за служебным столом, ожидаемый звонок от Кемаль переводили из Совмина в КГБ. А вдруг не позвонит? Вдруг наложит на себя руки? Такое случилось с одним французом...

– Я сегодня очень занят... – сыграл Григорий Петрович.

Но посол настаивал, подчеркивая важность дела, и Григорий Петрович уступил, назначив randevu на три часа дня, и к этому времени переместился в кабинет в здании Совета министров. Все было ясно: посол попросит замять дело, Беседин разыграет сомнения, отметит сложности, уступит, намекнет, что можно уладить, если посол... Вот тут самое главное! Важно не спугнуть птичку, у которой завяз коготок, обставить все мягко, по-дружески.

Начал Кемаль, как обычно, с любезностей и заверений в вечной дружбе, затем приступил к делу.

– Дорогой Григорий, вчера у меня было свидание с одной женщиной... Не буду скрывать от вас, что это балерина, которая вчера была на даче у Дмитрия. Ночью вдруг явился муж, – и Кемаль честно, не особенно вдаваясь в детали, изложил все драматические события ночи.

– Очень неприятное дело... – нахмурился Беседин. – Особенно, если он подаст в суд.

– Это не самое главное, я готов заплатить большие деньги в качестве компенсации, – сказал посол. – Я люблю Марию и готов на многое. Не могли бы вы на нее воздействовать?

– Каким образом? – искренне удивился Беседин.

– Я готов взять ее на постоянное содержание. Снять квартиру.

– Не вызовет ли это скандала в турецком МИДе? – настоялся Беседин.

Оказалось, что руководство МИДа Турции сплошь состоит из родственников Кемалья, и вообще у МИДа много дел, чтобы заниматься такими мелочами.

– Как будет реагировать ваша жена? – продолжал Беседин.

– Не беспокойтесь, дорогой Григорий. Традиции гарема у нас, слава Аллаху, остались. Если вы мне поможете, то получите очень большой бакшиш, уверяю вас, я не поскуплюсь!

Беседин вдруг почувствовал слабость, он прошел в контрразведке через огонь, воду и медные трубы, но о взятке, тем более от презренного иноземца, он даже подумать не мог! Более того, как истинный коммунист золото и частную собственность он презирал, а полученные государственные блага считал заслуженными. Странное дело! На компромате ломали и неподкупных англичан, и наивных американцев, подкладывая и женщин, и мужчин, а тут все наоборот...

– Я не поскуплюсь... – повторил посол, по-своему расценив молчание собеседника.

– Это невозможно, Кемаль, – ответил он сухо. – Тут я не смогу вам помочь.

– Но я вас хорошо отблагодарю, – не унимался посол.

– Это невозможно, Кемаль, – Беседин уже закипал от гнева – подумать только: предлагать взятку вождю контрразведки, прославившейся своими горячим сердцем, холодной головой и чистыми руками.

– Тогда маленькая просьба. Мне сообщили, что за мной наблюдал КГБ. Могу ли я получить фотографию в постели с Марией? Мне очень дорого это воспоминание.

– Сомневаюсь, что за вами наблюдали, – сказал Беседин твердо, это уже выходило за все рамки. – И вообще какое отношение я имею к КГБ?

Расстались трогательно, обнялись, коснулись друг друга щеками.

В кабинет на Лубянке, где сидела в ожидании вся команда, вкатилась разъяренная шаровая молния.

– Кретины... дебилы! – пыхтел Беседин отрывисто. – Прежде чем работать, надо изучить национальный характер! Не

мерить всех на свой аршин, дураки, елки-палки, ненавижу этих турецких раздолбаев! Помнится, в Стамбуле толпятся они у окон бардака, где шлюхи трясут буферами и черт знает чем, толпятся, но не заходят: дорого для этих жлобов! А у самих руки в карманах штанов и счастливые лица! Мало им своих гаремов!

– Что же они делают? – осторожно спросил неиспорченный Коршунов.

– А вы не понимаете, эти вашу мать?! Учиться надо, товарищи, как завещал Ильич! Изучать национальные быт и нравы, их специфику, а не водку дуть в подворотнях!

Больше вопросов не последовало.

Л ианы царапали мне лицо и грудь, ноги вязли во мху, и казалось, что вот-вот меня затянет болото, иногда я проваливался с головой, захлебывался, тонул, бешено разгребал руками ил и снова уходил вниз. Неожиданно горло обвил светло-желтого цвета питон, я пытался оторвать его руками, но он не поддавался. Но самое страшное, уважаемый Джованни, что все, даже питон, состояли из НЕГО, да, да из экскрементов! Из того самого продукта, который можно встретить в моей стране на каждом углу: и в подъезде прямо у двери, и у скамейки во дворе, и на фонтане, не говоря о бескрайних полях, лесах и берегах. И тут началось самое ужасное: тропический ливень, самые настоящие лавины дерьма, сбивавшие с ног и катившие меня вперед и вперед, пока я не упал. «Молния, молния!» – услышал я, и почувствовал, что кто-то трясет меня за плечо. Я раскрыл глаза и увидел Батова, неизвестно каким образом проникшего в запертую каюту. Сон сняло как рукой.

– Что случилось?

– Нашли твоего Гуса и Гремицкого!

– Они здесь?

– Нет, их засекли в нижегородском аэропорту.

– ?

– Они вылетели в Египет... в Хургаду! Это курортное местечко на Красном море.

– Что за чепуха?

Впрочем, я мгновенно успокоился, с Гусем ничего не случилось, собственно, так я и предполагал.

– О чем «молния»? (Сначала я решил, что речь идет о природном явлении, но теперь понял: это шифровка.)

– Центр приказывает мне лететь к ним и довести дело до конца... все-таки было подозрение на диверсию...

– Но это плод твоего воображения!

– Такое впечатление, что ты никогда не работал в нашей организации. Пусть это и плод, но начато расследование, по всем правилам его нельзя оставлять на середине.

Тут он был совершенно прав: любое оперативное дело, пусть даже самое пустячное, во время размотки обрастало деталями, словно снежный ком, ставилось на контроль в Центре. Оно жило само по себе, не имея никакого отношения к реальности. Роза уже проснулась и закурила сигару, которую скатала еще ночью, после нашего возвращения из салона.

– Ты возьмешь меня с собой? – спросил она у брата.

– Конечно.

Горький дым кольцами вился вокруг ее медно-рыжей головы, создавая соболиного цвета нимб.

– Поезжай со мной, – она дотронулась до моей правой руки, – очень тебя прошу. Ведь я там родилась, совсем недалеко от Карнакского храма. Под знаком Розы и Креста.

При чем тут братство Розы и Креста? При чем тут розенкрейцеры, к которым, Джованни, принадлежал твой друг Данте Алигьери, запечатлевший в Песнях Рая тройной поцелуй принца Розового Креста, пеликана, белые одежды и три теологические добродетели масонских капитулов – Вера, Надежда, Любовь. Ах, эти начитанные ленинградки, обожают навесить лапши на уши!

– Когда самолет?

– Завтра утром.

– Прекрасно! Я лечу.

Они ушли, а я обдумывал свой сон, все более склоняясь к операции, которую уже закодировал как «Манна небесная». Собственно, она совершенно не противоречила акциям по обострению отношений с Западом и вырुливала на прямое возвращение к коммунизму путем честных и свободных выборов. Операция выглядела не так сложно, как показалось мне впервые: «манны» требовалось не слишком много: ведь глупо ориентироваться на все необъятные

пространства России, реальнее сосредоточиться на столице и на Петербурге, родине президента. Правда, встал вопрос: а удивится ли население? Ведь вокруг городов гнили целые залежи отбросов и другого дерьма, мусор высился горами, вокруг дымили целые болота «манны», и еще не спившиеся граждане использовали ее для удобрений. Правда, существовал один нюанс: от времени «манна» теряла запах и вкус, засыхала и при сбросе на землю могла не произвести никакого впечатления на народ. Мало ли что падает с неба? Требовалась свежая «манна» и в приличных количествах. По негласным правилам нынешнего государства, требовался соцопрос. Наладив свое шифровальное устройство, я установил связь с несколькими ценными агентами и обсудил с ними «Манну небесную».

ИСТОЧНИКИ ИЗ ДУМЫ: операция вызовет в Думе положительную реакцию. Несомненна поддержка либеральных демократов, обожающих все экстраординарное и яркое, они вместе с коммунистами сразу же припишут акцию проискам НАТО. В стане несистемной оппозиции (ее по какой-то странной причине прозвали «либералами»), скорее всего, произойдет раскол, одна часть (чистоплюи) сочтет неприемлемым даже обсуждение такого позорного феномена, другая – самая глупое крыло – увидит в происходящем кару небесную за то, что народ столько десятилетий терпел большевиков.

ИСТОЧНИКИ ИЗ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ: армия вместе с ЕР и президентом осудит действия НАТО, угрожающего России, всегда поддержит президента! Самыми радостными для меня были СООБЩЕНИЯ АГЕНТУРЫ ИЗ МЭРИЙ МОСКВЫ И ПЕТЕРБУРГА: они брали на себя обязательство организовать сбор свежей манны у граждан и на спецгрузовиках доставить к назначенным местам, где ее перегрузят в самолеты. Таким образом, манна не теряла своих первоначальных свойств и сохраняла полный букет. По предложениям мэрий, одновременно с расчисткой «манны» будут развернуты строительство новых зданий, модернизация дорог, появятся новые стадионы и катки, скамейки на центральных улицах для стариков, активизируется реставрация старин-

ных зданий (известно, что строительство – лучший способ стремительного обогащения). Все депеши искрились стихами вроде: *«Встали шахты, машины, заводы, Рукоплещут ему города. С нами Путя на долгие годы. И не снимут его никогда».*

Я вышел на палубу в превосходнейшем настроении, кажется, благодаря Розе появился выход из тупика, в который зашла «Голгофа». Неожиданно явилась Марфуша с томиком «Декамерона» в руке и, несколько нервничая, протянула мне книгу.

– Ваша жена забыла ее в шезлонге.

– Жена? – удивился я.

– Я уж не знаю... – помялась Марфуша, и я понял, что она просто считала неприличным назвать Розу знакомой, подружкой или кем-то еще, нравы нашей провинции чисты, как пение соловья!

Раскрыв твой, Джованни, блестящий «Декамерон» (это был первый том, издание «Academia», Ленинград, 1927 год, предисловие критика П.С. Когана. Помнишь у Маяка? «Чтобы врассыпную разбежался Коган, встречных калеча пиками усов»), я обнаружил в нем листок с текстом от руки, он касался зомби, оживленных и управляемых трупов, воспроизвожу его в оригинале: *«ЗОМБИ. ЗОМБИ. ЗОМБИ. Первые – в племени вуду в Л.А., в Конго и на Гаити. Маг ночью едет к жертве на лошади лицом к хвосту, прикладывает рот к дверной щели и выпивает душу. Человек умирает (сохраняю орфографию, друг мой!), его хоронят. В полночь маг идет к могиле, раскапывает труп. При этом душу держит в руке или засовывает в бутылку. Машет душой у носа трупа и стучит по черепу. После этого трупом можно манипулировать. Некоторые маги превращали зомби в камень или в животное, мясо которого продавали. Не случайно на Гаити в свинине часто находили человеческие пальцы. Мясо зомби быстро портится и при варении дает пену. Чтобы избежать этого, родственники душат труп, отрубая голову, вскрывают тело ножом, стреляют в мозг, протыкают иглами. Или сажают труп в кресло, вставляют в рот трубку, одевают в костюм, ставят перед ним пищу».*

Если раньше под зомби подразумевался лишь труп, который оживлял и контролировал маг, то в наши времена понятие «зомби» расширилось: это мог быть и живой человек, попавший под контроль другого человека или даже организации. Ты не представляешь себе, старина Джованни, сколько людей в мире обращаются в суды и другие инстанции, требуя прекратить облучение и зомбирование их спецслужбами! Этим несчастным людям чудится, что по всему миру бродят зомби-убийцы, зомби-осведомители, зомби-курьеры, которых затем превращают в нормальных людей и с помощью постгипнотических блоков стирают у них память о прошлом. Полная амнезия. Окультистские науки никогда не привлекали меня, мистики-философы вроде Петра Успенского или Карлоса Кастанеды не шли ни в какое сравнение с Адамом Смитом или Марксом, однако я не хотел бы, мессер Джованни, выглядеть в твоих глазах узколобым ретроградом. Архивы нацистов, захваченные Красной армией во время войны, показывают, что этим мистическим наукам они уделяли первостепенное внимание. В 1933 году был создан институт «Аненербе» («Наследие предков»), где разрабатывалась тема братства Креста и Розы. Темы символического значения: отказ от арфы в музыке Бени Бриттена, мистицизм готических башенок, загадка цилиндров Итонской школы.

Я бросил листок обратно в книгу. Почерк был Марфушин, пахло бабской интригой, глупой ревностью. А вдруг это не так?

Роза появилась на «Ленине» за полчаса до начала нашего ритуального сборища в музыкальном салоне. Одета она была в атласное платье золотистого цвета, на голове сиял белый парик, приблизительно такой, Джованни, какой носили в твои времена богатые флорентийцы.

– Что это такое? – удивился я.

Она сняла парик, и я увидел совершенно обриту голову, словно у заурядного качка. Боже, как жалко мне было ее роскошных волос!

– Зачем ты это сделала?!!

– Потом узнаешь...

– Удивительный ты человек: такая умница, а увлекаешься разной чепухой. Это твой «Декамерон?»

– Мой. Где ты его нашел?

– На палубе. А что это за идиотский листок про зомби? Он лежал в книге.

Тут я увидел растерянность и нервность на ее лице, словно я обнаружил нечто преступное или раскрыл тайну за семью печатями.

– Это не мое! Как это могло сюда попасть?

– Очевидно, чайка принесла в клюве...

– Нет, это не мое, клянусь тебе! Подумай сам, разве я написала бы «умирает» через «е»?

Резонно. Я провоцировал. Признаться, не было у меня ни времени, ни желания на выяснение разной ерунды. Никаких новелл сегодня, хватит! Я заказал отменный ужин, не слишком пышный, но со вкусом. Семга с медом и укропным соусом, так называемый *gravadlax of salmon*, баранья нога с розмарином, брюссельской капустой, петрушкой и жареной картошкой, яблочный пирог с ванильным мороженым и, конечно же, *Chardonnay des Rives de l'Argent Double 1994* и *Champagne Laytons Brut*. Печально было покидать моих милых дам – Курицу, Сороку и Сову и отличных компаньонов – Тетерева, Грача и Дятла. И, конечно, улыбчивую Марфушу, душу всего декамерона, соратника по Делу, делившую со мной и счастье побед, и горе поражений. Тебе, наверное, тоже было грустно, Джованни, когда ваша компания рассыпалась и ты вернулся во Флоренцию... Никогда не думал я, что обритая голова Розы буквально перевернет меня, превратив в пылающий факел, встряхнет настолько, что даже масла потеряют свою прежнюю притягательность. Не исключаю, что дело не только в обритости, но и в гениальности идеи манны – ведь именно идеи подвигают на страсть, и не случайно старого Дали обожали нимфетки.

В ночь перед отлетом Роза предложила предаваться любви, не касаясь друг друга, а через дырочку в простыне. Это оказалось вершиной блаженства, и я совершил все подвиги Геракла. Пробовал ли ты когда-нибудь через дырочку, Джованни? Я лично использовал этот способ второй раз

в жизни, первый случился в Сызрани. Дырочка была в стенке, разделявшей женский и мужской туалеты, возможно, тебе это трудно представить, но в этом смысле наши деревянные туалеты, похожие на охранные будки, совершенно уникальны.

Рано утром в Макарьево прибыл Батов с водителем, за завтраком мы выпили десертного вина «Южная ночь». Такое уж было у меня настроение, иногда такая наваливалась ностальгия по прошлым временам, что жрал по полкило любительской колбасы под пластинку с танго «Не уходи, побудь со мной еще минутку!».

В самолете я сидел, прижавшись к Розе, она нежно гладила мою правую руку. Обсуждали все варианты проведения «Маннны небесной», Роза даже предлагала добавить в манну красной икры, дабы придать лавинам с неба мистический и роковой характер, это воздействовало бы на население как красная тряпка на быка. После бессонной ночи я сладко задремал в кресле и вдруг почувствовал, что кто-то осторожно потрогал меня за локоть. Нет, это была не Роза, рядом сидел сухонький старичок в ковбойке и домашних клетчатых тапочках, сквозь роговые очки смотрели внимательные, умные глаза. Самолет был совершенно пуст, словно мы летели вдвоем. Это был Учитель.

– Что это вы затеяли, Мисаил? – начал он с места в карьер, причем несколько резко, что было ему несвойственно. – Я на вас удивляюсь! (Этот малокультурный оборот несколько насторожил меня). Что за эксперимент над своим народом вы задумали?! Это же негуманно!

Говорил он строго, без всяких любезностей, и даже не поздоровался за руку, что он делал обычно в любом настроении. Чтобы проверить его материальность (довэрай, но провэрай!) я осторожно потрогал его за колено, он с неудовольствием скосил глаза на мою руку, явно не понимая, с какой стати я проделываю столь фривольные движения.

– Что значит негуманно, Юрий Владимирович? Извините меня, но я впервые слышу от вас этот термин. А разве подавлять венгерскую контрреволюцию, вешать премьер-министра Имре Надя было гуманно? Или направлять танки в Прагу

в августе 1968-го? А высылать за границу Солженицына? Или в Горький – Сахарова?

– Это совершенно разные вещи, Мисаил. И в венгерской контрреволюции, и в Пражской весне участвовало ничтожное меньшинство, а не весь народ. Как писал Ильич, «тонкий слой», как нынче говорят, тусовка. Солженицын и Сахаров – всего лишь единицы, о которых мало кто слышал. Вы же своей манной заливаете весь народ... Это совершенно не лезет ни в какие научные ворота! Это кощунство!

– Но позвольте, Юрий Владимирович, мы же сбрасываем манну только на крупные города!

– Это же миллионы! Это целые миллионы! По большому счету, можно оправдать Иосифа Виссарионовича: он репрессировал в основном тот самый «тонкий слой», большая часть народа даже не знала об этом, до сих пор старики вспоминают, как славно жилось до войны! Но народ! Народ – это святое, вы покушаетесь на самое святое, вы подрываете основы нашей теории и практики!

– Что же делать? Вы же сами видите, как затянулась «Голгофа»...

– И вообще вы забыли о задаче озлобить Запад! Кому нужен райский коммунизм с этими гниющими, прозападными скотами? До сих пор не сожгли «Макдоналдсы», до сих пор восторгаются Венецией, словно родной Суздаль хуже! Писают от счастья в каком-нибудь жалком испанском городишке с узкими улицами, у нас такого добра в каждом городе, а уж развалин более чем достаточно! Правильно, что наконец французы сожгли Нотр-Дам, ведь это просто уродина по сравнению с Василием Блаженным! Следуйте за мной!

Не говоря ни слова, он встал, поправил ковбойку и долго не мог попасть ногой в тапочки. Я тоже поднялся и проследовал за ним в хвост самолета. Затем в туалет, а оттуда вышли в длинную трубу, в точности напоминавшую подземный переход от Охотного Ряда до ГУМа. Звуки скрипок оглушили меня, казалось, играют целые оркестры, играют восторженно и пылко. По бокам стояли люди со скрипками, инвалиды с грязными собаками, седовласые бабули торговали из ведер солеными огурцами, заливались диким плачем

младенцы и их мамы! Скрипки играли и играли, сердце сжималось от всепроникающей вселенской тоски. Тут появилась милиция–полиция и стала их разгонять. Мэрия благоустроивала город. Из глаз моих полились слезы жалости, но я не старался их унять и смело шел за Учителем, пока мы не добрались до круглого шара, напоминавшего космический корабль.

Заработал мотор. Полет продолжался минут десять, все это время Юрий Владимирович хранил молчание, а я рассматривал его краем глаза. Что делает с нами время! Куда исчезли оживленность, блеск глаз, сияние неожиданной улыбки? На их место пришли величественная скорбь и усталая непроницаемость. Но все равно это был он, человек, за которого я готов был отдать жизнь, самый гениальный политик XX века!

*Мы бренны в этом мире под луной.
Жизнь – только миг, небытие – навеки.
Кружится во Вселенной шар земной,
Живут и исчезают человеки...*

Это были его собственные стихи, я не раз слышал их за кружкой пива в сауне на его государственной даче. Именно человеки, в этом были и нежность, и снисходительность, и мечта о новом человеке – в этом был весь Учитель! Тем временем наш воздушный корабль мягко приземлился, мы вышли и спустились на вполне земную поверхность. Было холодно для лета, минус 5–6 по Цельсию. Прямо перед нами простирался огромный кратер.

– Что это? – изумился я.

– По-моему, в разведшколе вы проходили Данте...

И только тогда я понял, незабвенный мессер, что мы стоим у края Дантова Ада или Inferno, уходящего под землю страшными кругами.

– Идите за мной, Мисаил! Только смотрите под ноги, а то наступите... (во что, не сказал, но его лицо брезгливо сморщилось, и я все понял без слов).

Мы начали спускаться в пропасть, откуда неслись крики младенцев, как ты уже догадался, мы вошли в круг первый,

именуемый еще Лимбом, предназначенный для военачальников, поэтов и других творческих людей, а также для некоторых верующих нехристианских конфессий. Я сразу узрел там до ужаса скучных Гомера, Горация и Лукана, мирно сидел на камне Сократ, держа Аспазию на коленях, беседовал с Алкивиадом и пил из чаши, возможно, эта была та самая чаша с ядовитой цикутой, к которой его приговорила демократическая общественность Древней Греции, очень похожая на нашу отечественную тусовку. Поразительно, но в этот круг попал и Казанова, страстно занимавшийся сразу тремя дамами, причем все четверо смотрели на площадь de l'Hotel de Ville: там четверо коней тянули и разрывали на части тело Дамьена, имевшего несчастье пырнуть перочинным ножиком Людовика XV. И тут надпись: «Министерство любви»... Ба! знакомые все лица! Я чуть не встал во фронт и не отдал честь. Начальник Третьего отделения граф Бенкендорф, французский филер Видок, совсем исхудавший Феликс Эдмундович, волочивший на спине размахивающего Библией грозу церкви, атеиста из атеистов Емельяна Ярославского (точнее Иеремию Губельмана, по традиции разоблачаю еврея!). Пьяненький Ежов в белой гимнастерке с гармошкой, похожий на сатира Лаврентий Берия, у которого вместо мужской гордости торчал кактус. Гениальный борец КГБ с диссидентами, генерал Филипп Бобков с шефом жандармов Дубельтом, банкиры Березовский и Гусинский.

– Что же вы так плохо работали, Леонтий Васильевич? – напирал Филипп Денисович на Дубельта. – Допустили разбудить Герцена, а он стал будить других, пока дело не дошло до революции... Проглядели Ленина и Троцкого.

– А вы тоже хороши. Зачем осудили Сталина? Затеяли высылки и психушки... срам! Стрелять надо было, голубчик, стрелять-с!

– Такова была линия партии!

– Что же вы тогда, Филипп Денисович, работаете в «Мостбанке» у капиталиста Гусинского, если до сих пор любите коммунистов?

– Ладно, ладно, Леонтий Васильевич, жизнь сложна, вы тоже сначала были крикуном-либералом, а потом их же

сажали. Да и вообще вам ли судить, батенька? На царской службе были пайщиком игорных домов, имели гарем из учениц театральной школы, брали взятки... словно в нынешних органах!

– Володя! – вдруг позвал Учитель, и я увидел своего начальника Бухгалтера, в миру Владимира Крючкова, сидевшего над толстой стопкой бумаги. Но Владимир Александрович никак не реагировал на зов, видимо, он писал третий том своих воспоминаний, второй был посвящен жизни в тюрьме после ГКЧП, как оказалось, эти месяцы пробудили его к осознанию смысла жизни.

– М-да! – сказал Учитель. – Бывало, лишь мигнешь, и он тут как тут. А я его тянул и тянул, вытянул наконец и до сих пор люблю, трудолюбивый он человек, хотя и без озарений, как Филя Бобков. Увы, все люди, пробившись наверх, быстро забывают о тех, кто их двигал, – вздохнул Учитель. – Возьмите хотя бы Сашку Коржака, ему бы до конца дней своих на Бориса Николаевича молиться, даже если бы тот его в дворники разжаловал, а он... эх! И в мемуарах его много лишнего: то пес шефа администрации, почтенного Юмашева, у одного начальника чуть фаллос не оттяпал, то президент синеват и плачет, то сатирик Задорнов квартиру в президентском доме выпрашивает, то пресс-атташе с парохода в Ангару выбросили...

Учитель горько махнул рукой и замолк.

– Извините, Юрий Владимирович, – нарушил я тяжелую паузу. – Я обычно не задаю вопросы, но сейчас... Ведь это загробное царство, а некоторые товарищи, насколько мне известно, в добром здравии, и даже иногда вещают по телевидению. Разве их уже расстреляли?

– А вам никогда не приходило в голову, Мисаил, что царство земное и небесное – это одно и то же? Мир состоит из живых и мертвых, причем последних гораздо больше. Разве у вас не встречается ад? Даже в сияющей Москве его достаточно много. А уж насчет живых мертвецов не мне вам рассказывать, самое ужасное, что все они рвутся в политику! Все зависит от ракурса... измерений во Вселенной очень много... – это прозвучало неопределенно, но убедительно.

– Тогда второй вопрос, Юрий Владимирович. Круг первый считается самым комфортабельным в Аду, обычно тут деятели интеллигенции, писатели... при чем тут Третье отделение и чекисты?

– А разве наши славные силовики – не писатели? Многие даже члены Союза советских писателей, царство ему небесное! Чем отличаются честный донос от какой-нибудь замумной, толстенной монографии о ритме и метре в поэзии? Коротко и ясно! Никакой болтовни! Разве вы сами, Мисаил, не строчили всю жизнь прекрасные донесения, отчеты, ориентировки? Я почувствовал гордость за ведомство, которое одинаково эффективно могло работать при любой общественной системе. «Гвозди бы делать из этих людей!» – писал поэт, прежде чем пустить себе пулю в лоб.

– Володе мягко намекните, чтобы он больше не писал, – заметил Юрий Владимирович, – это нескромно и раздражает других. У Сократа, например, еле-еле наберется на один том.

– А где же представители героической, вечно страдающей русской интеллигенции? – спросил я. – Гордость нашей литературы? Прорабы перестройки?

– Их рассосали по другим кругам... не спешите... – отозвался Учитель. – В Аду вообще нет строгого распределения по кругам, тут нет номенклатуры, как у нас в партии и ныне в «Единой России», иногда одна душа мучится сразу в нескольких... И вообще Данте все напутал.

Тут я начал понимать, что времена перемешались, прошлое, настоящее и будущее соединились в одно целое. Мы начали спускаться на второй круг. Публика там была повеселее – сладострастники! У входа нас ожидал судья Преисподней, греческий полубог Минос, который обвинял каждого своим змеиным хвостом, определяя номер круга. Собственно, народу тут нашего набилось, как в бане! Почти все ответственные товарищи из правительства и президентской администрации, непозволительно называть их персонально, у нас разрешают упоминать только иностранцев вроде Маты Хари, Казановы или жертвы озверевших феминисток продюсера Вайнштейна.

Тут я увидел голых Кеннеди и Клинтона, которых зацеловывали обмазанные медом девицы. Оба президента были пьяны в доску, развязная толстая дама с утиными лапами, похожая на Хиллари Клинтон, щекотала каждому язык страусиным пером, помогая им освободиться от выпитого и съеденного. Но самое интересное, что вместо раба, как это было принято в древне-римских вомиториях, медный таз держал бывший министр Андрюша Козырев. Тут я вдруг услышал не очень приятный голос, и увидел рядом с собой кудрявого человека. Боже мой, это был сам Александр Сергеевич Пушкин, чуть навеселе и с гусиным пером в руке.

– «Незнакомый ни с Европой, ни с родною стороною, он берет свинцовой зорој и чугунной головой!» – кричал он задристо.

– Во-первых, не читайте чужие стихи, Сашок, у вас и своей мурлы хватает, – обрезал его Учитель. – Во-вторых, сейчас в стране годы примирения и стабильности, не разжигайте политических страстей, вы же не в «Завтра» и не на «Эхе» работаете!

Мы сделали несколько шагов – опять родные лица, казалось, что я попал на прием в Кремлевском дворце, всех я знал и с большинством даже выпивал: и почтенные думцы, и ребята из охраны и администрации, и члены правительства, и снова те генералы, коих я лицезрел в круге первом. Боже мой, оказывается, все мы, грешные, сладострастники! Были там и Клеопатра, и Елена Прекрасная, и Ахилл, и даже скромные Паоло и Франческа, предававшие страсти во время чтения невинной книги о рыцаре Ланселоте. Оказывается, рассасывают, это интересно.

Хряпнув по рюмке, мы спустились в круг третий, к чревоугодникам, там по голове лупил тяжелый град, валил снег и лился на головы мокрый гной. Трехзевый Цербер с багровыми глазами и вздутым животом, лаял, вытянув когтистые лапы. Тут в основном вертелись звезды кино и театра от Щепкина до Миронова и Машкова. Сара Бернар, похудевший Паваротти, наша Пугачиха с юмористом Галкиным, окруженные уже десятью детьми, Вильям наш Шекспир. Пробылась вся попса, с ними и классики Макаревич, Якубо-

вич, Ярмольник. Их уже начинали грызть и сгонять со сцены Шнуров, Дудь, короли рэпа. Мой взгляд наткнулся на яростно жующих диссидентов-правозащитников Ковалева и Буковского (того самого хулигана, которого обменяли на чилийского коммуниста Луиса Корвалана), они наяривали щи из одной тарелки в компании Троцкого и многих других членов большевистского правительства. Под джазовую музыку из «Эха Москвы» и «Дождя».

– Насиделись в тюрьмах, наголодались, пусть отъедятся... – добродушно заметил Юрий Владимирович. – Хотя... хотя чем больше я думаю, тем чаще прихожу к выводу Бернарда Шоу: «Мученичество – единственный способ прославиться, если нет способностей».

Мимо пролетел худой, как жердь, адвокат Макаров, задыхаясь от одышки, за ним мчался, сжимая чемоданы с компрматами, генерал Руцкой.

– Руцкой подвел меня в 1993-м, – заметил я. – Иначе бы мы гораздо раньше сбросили Бориса...

– Вам не хватает широты мышления, Мисаил, – заметил ЮВ – И вообще, что вы привязались к Борису из-за обстрела парламента? А разве 13 вандемьера, то бишь октября, Бонапарт не расстрелял толпы народа, идущие на конвент, да так это сделал, что паперть кафедрала Святого Роха была покрыта кровавой кашей! Ничего, проглотили и сделали императором! А разве Николай Первый не подавил мятеж декабристов, вешал, между прочим! Не то что у нас! О Ленине и Сталине уж не говорю! Так зачем же это глупое лицемерие? (В это время вдруг встрял этот бандит Пушкин: «Шатались трона все столбы, и яйца хлопали по попе!» Какой пассаж!)

В круге четвертом, где мучились скряги и расточители, обстановка напоминала казино, где резались в карты и играли в рулетку министры финансов и банкиры всего мира, было среди них много и знакомых из правительства. Среди них я разглядел уважаемого профессора Медведева, он сидел в одиночестве и грустил, жулики обчистили премьера до последнего рубля. Так при нем обчистили всю страну.

– Зря он бросил кафедру и занялся практикой. А ведь мог стать великим теоретиком, как незабвенный Карл Каутский.

Пусть радуется жизни... В чем я до сих пор не разобрался, так это в деятельности банков. Зачем они? Я понимаю, что все они не просто воруют, а очищают, как липку, понимаю, что они прокручивают огромные деньги, которые принадлежат обнищавшему народу... Но как?! Какова технология? Как умело все это сделать, как обналить, не оставляя никаких концов? Помнится, в нашем спецфонде я читал сэра Уинстона Черчилля и запомнил его гениальную мысль: мошенничество играет огромную и, безусловно, благотворную роль в жизни великих народов! Слава богу, наши власти прониклись этим лозунгом, это способствует «Голгофе».

– Papе’ Satan’, papе’ Satan’ alерре! – заорала волчья морда прямо у моего уха, это оказался бог богатства Плутос.

– Неплохо, Мисаил, включить его в наше правительство, а то без него оно недостаточно плутократично, – заметил Юрий Владимирович, ежась от холода в своей ковбойке. И немудрено было замерзнуть: мы уже вступили в Стигийские болота круга пятого, плыли на челне, приближаясь к самой главной части Ада – трем нижним кругам.

В вонючих болотах жили гневные Тут вдруг за край челна ухватилась грязная рука, и я увидел молящие глаза... их было так много, что не перечесать.

Пушкин был тут как тут: «Видал я много рож, а этакой не выдумать нарочно: улыбка злобная, глаза – стеклярус точно; взглянуть – не человек, а с чертом не похож...»

– Ну зачем вы декламируете Лермонтова, Шурик? Опять не себя! – мягко осадил поэта Учитель. – Вообще я буду жаловаться на вас графу Бенкендорфу, вашему другу. Не любите вы людей, вот что! Всех критикуете, а сами... Ну разве прилично было писать «Гавриладиу», а потом отречься и взвалить вину на своего приятеля Горчакова? Придумать же такое: плотник Иосиф – импотент, Мария – фригидка и зачала от архангела Гавриила, а не от Святого Духа. Позор! Тут бы и наш патриарх Кирилл вознегодовал бы! Да только за это вас следовало бы вместе с декабристами!

Он сжал кулаки от негодования.

– Заметьте, что среди гневных типов – большинство маленького роста, обычно низкорослые страдают наполео-

новским комплексом, и не допускают даже мысли о своем уходе в тень Вообще маленький рост – признак непомерного тщеславия. Хотя бывают и исключения вроде нашего Бориса.

Я непроизвольно вытянулся, стараясь казаться выше, Учитель мягко улыбнулся.

– К вам это не относится, Мисаил, у вас все амбиции ушли не в голову, а в другое место. Ха-ха, иначе бы я на вас не полагался.

Тут я увидел прораба перестройки Гавриила Попова, его топили бесы, знаменитая седая шевелюра то всплывала молчалкой, то исчезала в трясине, лицо потеряло обычную философскую невозмутимость, на нем читалось страдание.

– А не болтай зря! – строго заметил ЮВ – То выступит с предложением сделать Ельцина Героем Советского Союза, то призывает оставить его на третий срок или провозгласить царем, основав династию. В любом случае он даст сто очков вперед попу Гапону, – заметил Юрий Владимирович. – О, да тут почти вся наша Дума, весь Конституционный суд! Кстати, идея коронования нашего президента вполне реальна. В конце концов, даже Романовы вылезли из грязи: папаша будущего царя сидел в польской тюрьме и поддерживал их короля, а будущий царь мыкался в монастыре...

Кто только не кувыркался в Стигийских болотах! Мелькали лисьи лапы минского профессора Шушкевича, пытавшегося утопить несгибаемого президента Лукашенко, который в свою очередь бил его по голове бороной. Мелькала рыжая грива Трампа, убегающего от скелета Импичмента с косой, тонула фрау Меркель, но не сдавалась. Где же главные вершители наших судеб? Этот вопрос не переставал меня мучить. Среди мучеников я увидел массу известных исторических лиц: симпатичный Фома Аквинский, каявшийся из-за того, что однажды украл несколько яблок в соседском саду, генерал Франко, одолевший славных республиканцев, некоторые советские маршалы, изменявшие женам. Поэт Александр Блок бежал и рвал на ходу свою блестящую поэму «Двенадцать», сибиряк Александр Казанник каялся, что в свое время уступил место

в Верховном совете Борису Николаевичу. Как я ни всматривался в бегущих грешников, не увидел я ни Гитлера, ни Отто Скорцени, ни Сталина, ни Хрущева, ни Брежнева, ни Горбачева с Ельциным..

– Что вы все время выискиваете вождей, дорогой Мисаил? Вождь – это символ, он, по сути, не управляет, он лишь бросает идеи и лозунги, часто глупые. Вождей надо лелеять, ласкать и всегда почитать. Как Ильича! На них все сваливают, но ведь они реально не управляют, они бессильны! Разве не был прекрасен хрущевский призыв взять на вооружение кукурузу? Все изгадили исполнители, да еще прозвали Никиту «кукурузником». Разве не хотел наш любимый Михаил выволочь забулдыжный народ из пьянства? Увы, бюрократы исполнители превратили этот призыв в полную муру! В результате отменили монополию на водку и наполнили карманы жульня! Так и со стратегическими планами ВВ, с разными премудрыми концепциями на сто лет вперед. Хорошо, что они способствуют нашей «Голгофе».

В круге шестом, где мучились еретики, царила явная неразбериха: сталинский идеолог Жданов играл на пианино в четыре руки с поэтессой Ахматовой, Ян Гус пил пиво со своими мучителями, всю эту идиллию нарушали бывшие и нынешние экзархи разных конфессий, кричавшие друг на друга: «еретик!», «анафема!»

– Самый запутанный круг, – пояснил Юрий Владимирович. – Ведь еретик – понятие растяжимое и относительное, все зависит от того, с какой кочки смотреть. В сущности, все люди друг другу еретики, все выпячивают себя и осуждают другого. Видите высокого худого человека в кепке, к руке которого прикован испанский инквизитор Торквемада? Это душа нашей идеологии, член политбюро Михаил Андреевич Суслов. Как он сюда подзалетел? Да просто его считает еретиком отец Флоренский, который тоже здесь по наговору папы римского. Кстати, тут много наших талантливых товарищей, которые работали над идеологическими документами на Кунцевской даче, тут и нынешние журналисты, и политики... Ах, Мисаил, и вам этого круга не избежать!

Тут к нам подлетел огромный монстр с туловищем человека и головой быка, из пасти его текла слюна и вырывалось пламя. Он бросился на нас, но Учитель ловко вытащил из верхнего кармана ковбойки нечто миниатюрное (именно с помощью этого устройства мы в свое время ликвидировали украинского националиста Бандеру), дотронулся до пасти, и ужасный Минотавр захрипел и рухнул на землю.

Мы вошли в круг седьмой. Шипели и пенились воды Флегетона, река закипала кровью, и в ней живьем варились тираны, убийцы и грабители. Дикие крики оглашали все вокруг, сердце мое застыло от ужаса. Внезапно холод сменился палящей жарой, и нас обрушился ливень пламени. Во Флегетоне я заметил физиономии и Джека-потрошителя, и насильника Чикатило, и американского гангстера Эль Капоне, и выдающегося киллера Солоника, но напрасно мой жаждущий глаз искал крупных истребителей человечества, угробивших миллионы чужих и своих. Зато кровавый кипяток заливал обольстительный рот Шарлотты Корде, зарезавшей в ванне деятеля Французской революции Марата, зато торчали из кипятка бледные ноги Фанни Каплан, ранившей пламенного Ильича. Все это изрядно запутывало, но я шел за Учителем, помня, что всех нас рассасывают под разными ракурсами по разным кругам, что в общем вполне соответствовало законам диалектики.

«Летят перелетные птицы...» – услышал я вдруг неувядаемый баритон своего любимца Иосифа Кобзона, который всегда и везде был вместе со своим народом. Мы подняли головы и увидели целую стаю птичек: летел выдающийся полководец Грачев так и не выигравший ни одного сражения, кроме расстрела Белого дома, его пытался утянуть за ноги в «мерседес» беспощадный редактор Гусев, не простивший убийства журналиста «МК» Холодова. Очень уверенно, но с одышкой летел банкир Гусинский, шея у него отвисла от тяжелого жернова, сделанного из газет, журналов и НТВ, рядом порхали давно всеми забытая серая пташка член политбюро Воронов, знаменитый спикер всея Руси Селезнев. Неожиданно я увидел секретаря Совета безопасности

Рыбкина, он тоже летел, хотя не имел никакого отношения к пернатым.

– Он и по воздуху может, и даже землю носом роет, если прикажут, – пояснил Учитель. – Хочет и рыбку съесть, и на сосну залезть...

– За границу много летают! – вдруг вмешался Пушкин, вивавший над нами. – Деньги казенные тратят!

И запел мерзким голосом: «Садко мой собирается в дремучий океан. Берет кондомов дюжину и книгу «Мопассан».

Но это отвратительное кривляние заглушил своим басом генерал Лебедь, он тоже был в стае пернатых, хотя я его не узнал: от собственного величия шея его так вытянулась, что, хотя он и замыкал процессию, длинный клюв оказался впереди всех.

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказал Учитель. – Но не следует выносить этим почтенным птицам суровый приговор. Нужно мыслить шире. Ну чем Грачев или Шойгу – не Ермолов или Суворов? В конце концов, людей нужно оценивать не по результатам, а по трудолюбию, которое слишком часто не дает плодов. Так и с преступностью. Наш министр Колокольцев старается вовсю, но разве возможно полностью избавиться от преступников? И как можно оценить гениальность министра Шойгу, если не было войны? Скорее бы грянула война, тогда он проявит себя!

– Я отнюдь не жесток в своих оценках, Юрий Владимирович, – возразил я мягко. – Но не все товарищи всегда эффективны! А Шойгу можно простить все, ведь это он спасал Отечество от наводнений и ураганов!

– В конце концов, если вам кто-то не нравится, вызовите на Лубянку и поговорите!

Я промолчал, видимо, Учитель не знал, что творилось на Лубянке, первоначально каждый год переживавшей реорганизации, а ныне увязшей в коррупции. Больно об этом говорить, но я вырос на Лубянке, я боготворил ее, я чуть не расстрелял шантрапу, уничтожившую памятник Железному Феликсу.

Руки и руки в кипящем Флегетоне, руки дающие, руки берущие, руки, направляющие оружие на соперников, руки

душащие, руки просящие, руки, сжатые в кулаки, – иногда в пене появлялись сваренные части тела. Наш челн медленно плыл по Флегетону, мимо леса, бесплодного и ядовитого.

– Это лес самоубийц, – разъяснил мой Вергилий. – Именно в деревья их превращает Сатана.

Всплыл Береза, Борис Березовский с насаженным на уши лозунгом «Если вы украли булку, вас посадят в тюрьму, а если «Логоваз», то выберут в сенат» – этой максимой мы упивались еще в сызранской школе, вытягивая мелочь из шинелей на вешалке. Тут я увидел кругленький пенек с толстыми губами и голубыми глазками, он мило улыбался огненно-рыжему хитроватому кусту, подмигивающему всеми своими листьями. Боже, как было не узнать этих знаменитых мужей!

– Юрий Владимирович, почему здесь Гайдар и Чубайс? Какое отношение имеют к самоубийцам эти достойные люди?

– Тут ведь, Мисаил, самоубийцы политические, – пояснил Юрий Владимирович сладким голосом, *sotto voce*. – Чубайс практически принес себя в жертву, взвалив на свои плечи бремя приватизации, Гайдар отпустил цены и всех обобрал, это был предельно мужественный, но самоубийственный шаг. Бедняга Борис Абрамович их поддерживал, а потом бежал в Англию и запутался. А ведь талант, хотя и беспартийный! Он тоже здесь, по совместительству с другими кругами. Вообще наша молодежь в правительстве быстро учится, даже в мелочах. Помнится, в свое время я чуть не рыдал, когда возлагал венки у могилы Неизвестного Солдата, долго учился изображать скорбь, бережно разглаживать ленты на венках. А посмотрите, как искусно, как умело все это делает наш Володечка! Молодец! Как элегантно он целует руку у канцлерши Меркель! А ведь парень вырос в хулиганском дворе, в жуткой бедности, а держится, как настоящий аристократ!

Мы уже спустились почти в самый низ кратера, в круг восьмой, так называемые «Злые Щели», забитые сводниками, льстецами и прорицателями. Тут я вдруг увидел коротышку с набухшими спереди штанами, удивительно похожего

на меня. Боже, за что?! Всех лупили хлыстами бесы, тела грешников были скрючены, точнее, свернуты так, что лица упирались в места, откуда росли ноги. И опять все те же знакомые лица, которых мы видели на других кругах. Из новых я увидел лишь еще кудрявого Явлинского, Григорий Алексеевич грыз огромное яблоко, и на его утонченном лице было написано страдание.

– Обманули! – пожаловался он Учителю. – Сказали, что если я съем его за пятьсот дней, то переведут в рай! А оно оказалось из стали!

– А не надо было обещать конкретно, работали бы без концепции, без плана, как Михаил Сергеевич или Борис Николаевич! Поменьше цифр, разве вы не знаете классика Черномырдина: «Хотим как лучше, а получается как всегда»?

Тут появился и сам классик, выглядел он обиженным, вокруг него образовалось море слез.

– За что меня выслали послом на Украину?

– А вы не лезьте в пекло поперед батьки, не подсиживайте президента! – посоветовал Учитель. – К тому же на Украине вы важнее как специалист по развалам! Помнится, в свое время мы с Леонидом тоже дали по шапке молодым шустрякам вроде Семичастного или Егорычева! А разве не за чрезмерное усердие Иосиф Виссарионович отстрелил Вознесенского и Кузнецова? Самое потрясающее у Виктора Степановича это то, что он добился невиданной невнятности, за которой скрывает все свои мудрые намерения и даже целый политический курс.

В этот момент грянул гром, и на нас пролились слезы «Газпрома», они сразу же образовали целых три реки Ада: Ахерон, Стикс и Флегетон. Тут снова высунулся непоседливый Жирик, как всегда, красноречивый, остроумный и убедительный.

– А почему меня не берут в президенты, товарищ председатель?

Непосредственность Жирика умилила ЮВ, он обнял его и трижды поцеловал в губы, как Брежнев немца Хоннекера.

– Служу Советскому Союзу и России! – вытянулся полковник Жирик.

– Служи, Вольфыч, но не переусердствуй! И, пожалуйста, больше не бей баб! А то не дадим генерала! – «Полу-фанатик, полу-плут...» – хамски завизжал над ухом Пушкин, тут даже воспитанный Учитель не выдержал и сдунул его с плеча.

– Зря многие придираются к Жирику, – сказал Учитель. – Вольфыч хорошо учился, много работал над собой. В конце концов, он рос без отца и в коммуналке. Это вам не этот прилипчивый Пушкин, зажавшийся в своем лице и собственном имении! Вот кому нужно вклеить за женщин! Вы читали его донжуанский список? А Вольфыча со временем следует направить послом в Индию, пусть там омоет свои сапоги в Индийском океане! Вообще, Мисаил, уходя от Запада, нам следует укреплять влияние на всех континентах. Например, на острове Пасхи.

– А нужно ли там наше влияние? Зачем? – усомнился я.

– Это вопрос не политика, а ребенка! – рассердился Юрий Владимирович. – Вообще забудьте об этом идиотском «зачем?». С такими вопросиками Бонапарт никогда бы не взял Тулон, Кутузов не разгромил бы Наполеона, маршал Жуков не овладел бы Берлином, Михаил Сергеевич не начал бы перестройки, а наш ВВ не заменил бы Бориса!

Тут многие выползли из Злых Щелей, встали и зааплодировали, как на съездах партии, обратив в нашу сторону сияющие лики. Азербайджанский вождь Гейдар Алиев, растилавший ковер под плетью беса (тот самый ковер, что он положил на перрон в Баку, когда из поезда вышел Леонид Ильич), и все члены сталинского политбюро, даже убиенные Зиновьев и Бухарин, и Коржак, непрерывно открывавший и закрывавший дверцы машины, в которой никого не было. Правда, присмотревшись, я увидел, что при закрытии у него отскакивают и падают на землю фаланги пальцев, они дергались, вытягивались и застывали, словно испустив дух.

– Без лесты не бывает политики! – хмуро заметил ЮВ. – Мне тоже приходилось подлаживаться под Леонида, ужасно я мучился, когда мы жили в одном доме. Он выпивал и меня заставлял, а я ведь этого не люблю, мне бы Теофиля Готье почитать... Но ведь делал все не ради себя, а ради высоких идеалов! Я и Володю, точнее, Владимира Владимировича,

наставлял учиться гибкости и умению работать с начальниками, иначе карьеры не сделать! Ведь только такие дурачки, как поэт Николай Языков, писали: «Виновный пред судом парнасского закона, он только неуч, враль и вздорный журналист, но попу лижущий у сильного шпиона, он подл как человек и подл, как пополиз!»

Некоторые товарищи грешники, вроде бывшего премьера Касьянова, зарубежных критиков России шахматиста Каспарова или украинских президентов Кравчука и Порошенко, варились в смоле, и, когда всплывали, бесы топили их баграми, а иногда шутки ради вырывали багром кусок мяса из тела. Российских взяточников было в таком изобилии, что они не умещались в Аду и стояли в очереди у ворот под присмотром Святого Петра.

Грешников из одной щели перебрасывали в другую – там вился огромный ком черных змей, которые скручивали мученикам за спиной руки и пронзали их хвостами и жалами. Бегала масса безголовых грешников, в основном чиновников, державших свои головы в руках, космы у них развевались, у многих были разверзнуты грудь и живот, меж колен свисали копны кишок, видно было, как судорожно и жалко бьется сердце, оно страдало: мало брали! Но где же наши лидеры, черт возьми?! Где отцы нации?

И вдруг тонко запел хор (не кастраты ли?): «До свиданья наш ласковый Миша, возвращайся в свой сказочный лес!» Боже, горло у меня сжало от волнения... как я соскучился по уже позабытым лицам любимых членов политбюро. Они стояли в аэропорту и махали руками отлетающему самолету. Впереди был Егор Лигачев, затем Шеварднадзе, Яковлев, Гришин, Зайков, Кунаев, Романов... Милые мои, как я счастлив снова вас видеть! А где же главный? Вдали блестело нечто, напоминавшее самолет. Неужели Михаил Сергеевич там? Наконец-то я раскрою тайну загробной жизни первых лиц государства!

Я взглянул на Юрия Владимировича: лицо его не выражало ничего, тут неожиданно мы вышли на стройплощадку, где царил трудовая атмосфера. Прямо перед нами в футбольной форме и в любимой кожаной кепочке стоял мэ

Москвы Лужков, в руках у него была лопата, на плечах бревна еще со времен первых субботников. Мэр был прикован цепью одной рукой – к памятнику Петру Великому, выполненному скульптором Церетели, другой – к храму Христа Спасителя.

– Настоящий ленинец и крепкий хозяйственник, – заметил Юрий Владимирович. – Пока еще ни один политик, кроме него, не подтвердил свои достоинства делом. Приятно, что любит культуру, как Луначарский, и сам выступает на эстраде не хуже Гены Хазанова. Всегда бился за наш Крым. А какой у него вкусный на пасеке мед! Товарищ Собянин достойно продолжает его дело, и скоро он так отстроит Москву, что все жители из нее слиняю!

Неожиданно я увидел двух прекрасных ленинградок, припаянных друг к другу: одна – пафосный борец за свободу времен Бориса (перед ней лежала ее кандидатская диссертация «Борьба с пережитками мусульманства у татар Ленинграда»), другая – дипломатичная, одетая по последней моде, вельможная, давно не покидающая сановные кабинеты.

– М-да, – заметил Учитель, задумчиво разглядывая дам. – Давайте тут без комментариев! Помнится, поэт Миша Светлов по пьянке ляпнул, правда, не о политическом деятеле, а о режиссере: «Если бы у нее было столько таланта, сколько задницы, она была бы Чарли Чаплиным». Так знаете, что с ним случилось? Угодил в самый мерзкий котел, причем без сортира! Страшно сказать! Женщина остается женщиной и в Аду. Тут свои интриги.

А тут новая страшная картина: лидер КПРФ дедушка Зю, раздираемый на части вождями малых ортодоксальных компартий, доблестными генералами Макашовым, Ачаловым, Варенниковым, претендентами на лидерство партии, раскольниками и неофитами вроде дипломата Платошкина.

– Прекрасный работник, энергичный завсектором ЦК, хотя и приложил руку к развалу, создав российскую компартию, – заметил Учитель. – А с другой стороны, ему очень хотелось стать вождем. Ну и что? Кому не хочется? Он и пляшет отменно, и совсем не враскоряку, как Борис! Если бы он научился управлять самолетом или подводной лодкой,

красиво забрасывать шайбу, как наш дзюдоист ВВ, то давно бы стал президентом!

Вдруг дедушка Зю схватил гармошку и запел: «У моей милашки в попе разорвалась клизма. Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма».

– Увы, он стал совсем ревизионистом и путаником, – нахмурился Юрий Владимирович. – Смешал Иисуса Христа с атеистом Сталиным, всех хочет под свое крыло. Но *Vexilla regis prodeunt inferni*. Близятся знамена царя Ада.

Ледяное озеро – центр Вселенной, последний, девятый круг... Сердце мое билось, как заячий хвост, я волновался, ожидая увидеть Цезаря, Атиллу, Гитлера, жестоких царей и королей, генеральных секретарей, с которыми довелось работать, и, конечно же, наших президентов. Какие же несчастья приготовил для них Люцифер? Я грезил увидеть тела грешников, наполовину вмерзшие в озеро, перевернутые тела на крюках, отрезанные головы, произносящие зажигательные речи. Сейчас, сейчас я увижу Владимира Неистового, Иосифа Грозного и, конечно же, Михаила Сергеевича и Бориса Николаевича! Боже мой, какие же страдания уготовил им Сатана! Каково же было мое изумление, когда в трех пастях Люцифера, я увидел лишь Иуду Искариота и убийцу Цезаря – Брута! Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

– Простите, Юрий Владимирович, а где же наши лидеры?

– Уж больно вас избаловала гласность, – заметил Учитель сухо. – Неужели вы думаете, что наша высшая номенклатура существует в Аду по тем же правилам, что и все остальные? Или вы сторонник уравниловки и враг народа?

– А что с ними делают? – сердце мое замерло от тяжелых предчувствий – ведь я работал с ними, я любил их и продолжал любить.

– А вы догадаетесь... – улыбнулся Юрий Владимирович и поправил тапочки – они явно были ему велики. – Возможно, это наведет вас на размышления.

И он аккуратно положил мне в руку записочку, сделал это очень ловко, словно провел моментальную передачу где-нибудь на базаре в Багдаде. Что ж, тонкую шутку Учителя я оценил: не суйся со свиным рылом в калашный ряд!

И вдруг я разглядел грешников, вмерзших в лед озера последнего круга. Изумлению моему не было предела: там возлежал весь цвет русской культуры: Толстой, Достоевский, Булгаков, Мандельштам. Ножожданно я увидел Солженицына, которого лично вывозил на самолете в ФРГ и передавал Беллю, там же и Сахаров, и фигуры поменьше, хотя не менее уважаемые: Евтушенко, Окуджава, Белов и Распутин, много, много мелькало знакомых и прекрасных ликов.

– За что же?! – возопил я. – Это же наша гордость, это самые наши смелые и чистые умы!

– В этом-то их и беда! – ответствовал Учитель. – Если бы они гребли под себя, лицемерили и врали, им бы повезло и они попали бы, возможно, даже в круг первый. Но они были искренни и смелы, народ им верил и шел за ними в порыве лучших чувств. И что из всего этого получилось? Разве вам не известно, Мисаил, что дорога в Ад вымощена добрыми намерениями?

И вдруг вылез из-подо льда грозный протопоп Аввакум, борода у него развевалась, как огненное пламя, он гремел, гудел, как колокол, перепонки мои чуть не лопнули от вопля: «ВЫПРОСИЛ У БОГА РОССИЮ САТАНА!»

Я вздрогнул и повернулся к Учителю. Рядом со мной в кресле самолета безмятежно сидела Роза. *A Rose is a Rose is a Rose is a Rose is a Rose is a Rose.*

– Что ты такой взъерошенный?

– Ничего. Просто задремал.

Я уже обдумывал возражения Учителя по операции «Манна».

– Я все размышляю по поводу «Манн небесной» ... – мягко начал я спускать идею на тормозах, – не слишком ли трудоемкая задача? А что если заменить нашу манну на мочу?

– Ты с ума сошел! – возмутилась Роза. – Население просто придет в восторг, а не восстанет. Вся страна помешалась на уринотерапии, мочу пьют, ею мажут, в ней купают детей!

– Мне кажется, мы поступим негуманно! – повторил я Учителя.

– Что с тобой? – она положила ладонь на мою правую руку, но я отдернул ее. – Ты рассуждаешь, как гнилой интел-

лигент, как вшивый либерал, как жалкий правозащитник, наконец!

– Тем не менее у меня возникло много сомнений... – впервые за все время я резко возразил Розе.

Вдруг она ударила меня по лицу. Я пересел в другое кресло, и мы не разговаривали до окончания перелета, более того, впервые за все время я почувствовал к ней неприязнь.

...Такси с бедуином за рулем. Таксист, распознав в нас русских, на смеси всех языков ударился в политическую дискуссию: Россия – ноу, Америка – ноу! Русские-руссо: оружие, водка, женщины и мафия. Эти четыре пункта, изложенные бедуином, показались мне весьма значительными, безграмотный водитель провел анализ потрясающей силы, боюсь, так далеко не смотрел никто из наших руководителей, даже все мое ведомство было бессильно так точно сформулировать суть сложившейся ситуации. Голос народа, подумал я, нельзя от него отрываться. Вдруг вспомнил, как однажды в Москве, отпустив машину, не смог ни позвонить из телефонной будки, ни войти в метро: не знал, что куда совать и бросать. Работа засасывала, не давала смешаться с массами, понять их повседневную жизнь, это беда всех, кто у руля.

Отель «Нил» располагался недалеко от набережной, хорошие четыре звезды, рядом – злачные места, целый муравейник торгашей алебастровыми фигурками, расписанными золотом кошельками и прочей кожей, папирусами, сухой суданской розой под названием каркаде, которая, если заваривать по утрам и пить вместо кофе, продлевает жизнь до ста двадцати лет к неудовольствию ожидающих наследства родственников.

Четыре часа дня. Несусветная жара, по набережной мимо пыльных пальм на сумасшедшей скорости шпарили фиакры с хохочущими арабами, похожими на кочегаров. В кафе тихо щебетали черноокие арабки-студентки с незакрытым лицом и в белых платках. В нашем отеле проходил парад мод, и, дабы клиенты не слишком увлекались мелькающими задиками, старый араб с менторским обликом рассказывал,

что первая в мире обувь появилась в Египте аж за двадцать веков до Рождества Христова.

– Извини меня... – Роза стояла рядом, она улыбалась, явно заискивая передо мной.

Я пожал плечами, дав понять, что не принадлежу к категории обидчивых дураков, но и не намерен терпеть мордобой.

– Давайте пойдем в Карнакский храм, – предложила Роза. – Я посмотрю на места своего детства.

Опять этот бред. Батов охотно согласился, запрыгал эдаким живчиком, зашмыгал своей картофелиной. Замечу, Джованни, что, прибыв в Луксор, где по идее находились Гусь и Гремицкий, мой приятель не проявил никакого желания их разыскивать, впрочем, с самого начала было ясно, что он не верил ни в какие диверсии, а просто затеял развлекательную поездку за счет службы. Карнакский храм словно был создан исполинами для исполинов, многие считают, что строили его гиганты-инопланетяне. Дорога сфинксов: каменные уроды с бараньими головами по бокам, почетный караул мертвецов, колоссальный пилон, палаццо колоссов, игрушечное озеро, огромный гранитный жук скарабей, символ жизни и смерти. Храм Амона.

Роза шла рядом, крепко зажав в своей ладони мою правую руку.

– Я здесь родилась, – рассказывала она полупшепотом, словно поверяя мне страшную тайну. – В месяц Паопи жители Фив собираются у ворот Карнака на великий праздник бога Амона, они смеются, амбары полны зерном, и виноградный сок превращается в вино... появляются флаги и знамена, начинается процессия. Носильщики несут Священную Лодку с головой барана на носу... зонтики, украшенные плюмажем, под ними – корзины с фруктами и цветами... выходят лодка за лодкой, сияя на солнце, и виден бог Ра.

Фивы, обитель Бога. Я слышал ее голос, убаюкивавший меня, я засыпал, я уже забыл об увещеваниях Учителя и думал, что пора браться за «Манну», и вспоминал Сальвадора Дали: *«Следует ли измерять пук локтями, футами, пинтами или буассо? Суньте свой нос в заднепроходное отверстие,*

теперь перегородка вашего носа одновременно перегораживает и заднепроходное отверстие, а ноздри ваши образуют чаши весов, в качестве которых выступает теперь нос в целом». Манна, только манна отвратит, унизит и спасет народ!

Стемнело мгновенно, словно город накрыли черной чадрой. Выйдя из храма, мы заскочили в ресторан, старая толстуха исполняла танец живота, крутила им, словно замешивала тесто, а живот уже был разношен, как дырявый мешок, мотался мочалкой и в паузах печально свисал вниз. К ней выскочил жердеподобный турист и тоже закрутил, к ним вылетели два толстозадых араба, которым тоже не терпелось, они танцевали и любовно поглядывали друг на друга, улыбались в усы, словно коты, готовившиеся к случке. Роза сидела рядом и гладила меня по руке. Было приятно и тянуло в сон, скорее всего, сказывалась напряженность последних дней. Вскоре мы расплатились и вернулись в отель. Вечер прошел без шпионских новелл, только стонали два комнатных кондиционера, превращая в холод духоту.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Утром я вышел в сад, с Нила пованивало йодом водорослей, город, засыпавший под утро под гогот бездельников-арабов, медленно продирает глаза. По вымощенной дорожке волочился черный, как негр, араб (или обарабившийся негр) и катил перед собой адскую машину, обдававшую ядовитым дымом зеленые кусты, спасая их от москитов..

Я вернулся в номер, Роза еще не проснулась. Со стен смотрели папирусы, скопированные в гробнице фараона Сети Первого: четыре красно-желтых, с орлиными носами египтянина, четверка азиатов – узкие глаза, вероломно согнутые носы, бороды клинышком, яркие одежды. Четыре африканца – толстые красные губы и курчавые волосы и народы Севера, то бишь мы, мудаки-европейцы, – белая кожа, голубые глаза, светлые волосы с воткнутыми перьями, все четверо закутаны в бараньи шкуры. Забавно. Как изменился мир! А изменился ли он? Или все это иллюзия? Историю пишут и переписывают, развелась масса умников, перелицовывающих истину на свой собственный манер, если она, Истина, вообще существует. Я, например, не уверен, что ты, Джованни, это – не я в будущем, а я – это не ты, спроецированный в прошлое. Если призвать на помощь математиков, то этот тезис мгновенно переложат на формулы, которыми можно доказать, что Христос – это римский папа Григорий Седьмой; Батый, Чингисхан и Иван III – одно лицо, Константинополь и Самара – один город, а Куликовская битва происходила на Сретенке, и в честь нее там воздвигли церковь на Кулишках.

Никто не разгадал тайну времени и пространства. Что это? А не все ли равно? Печалит лишь то, что и великого Данте,

и тебя, и Пушкина, не говоря уж о твоём покорном слуге, вскоре никто не станет читать, и не потому, что мы – плохи. Письменность вообще исчезнет после полной оцифровки мира. Зачем писать, если можно воспринимать искусство как повседневную жизнь? В минуту создать и озеро с Бедной Лизой, и базарную толпу, и келью с монахом... Книги сгинут, Джованни, и это самое ужасное, мы сгинем вместе с книгами, и от нас ничего не останется, даже маленького обрывка памяти...

– И пусть ничего не останется! – вдруг сказала Роза, будто услышала мои мысли. Она уже проснулась и сидела на кровати в белой галобее, купленной вчера вечером. Раздался стук в дверь, официант внес кофе, наборы каких-то замысловатых арабских кушаний, тут же за ним, ступая мягко, как кот, вошел уже побритый Батов в красной рубашке с засученными рукавами. Я отпил глоток кофе и неожиданно почувствовал, что у меня слипаются глаза.

– Выкури кальян, это взбодрит! – посоветовала Роза, и тут же у меня во рту оказалась трубка сосуда, в котором яростно бурлило нечто желтоватое и гнусное. «Манна», «Манна»! – звенело в ушах. «Да нет же!» – слабо сопротивлялся я. «Начинай же!» – командовало что-то внутри. «Нет! Нет! Учитель не велел», – хрипел я.

И вдруг передо мной оказалась шифровка: *«Завтра намечены коронация ВВ, введение дворянских титулов для ближайшего окружения царя и лидеров оппозиции. Только «Манна» спасет страну!»* Неожиданно я увидел, что пальцы мои лежат на печатном устройстве шифрмашинки (как она тут оказалась? Я же оставил ее на корабле!), я давал команды, совершенно не осознавая их смысла. Хотя нет! Какой-то очень дальний кусочек моего затуманенного мозга понимал, что начиналась операция, черт побери! Я пытался протестовать, но воля моя бултыхалась где-то в животе, словно дохлая рыба в аквариуме...

Словно калейдоскоп кинокадров:

СЕРНЫЕ СПИЧКИ, ВСПЫХИВАЮЩИЕ В ЧЕРЕПЕ.

ДИКИЕ КРИКИ.

ХЛОПАНЬЕ КРЫЛЬЕВ ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ И БЭТМАНА,
ВДРУГ ВЛЕТЕВШИХ В КОМНАТУ.

БАТОВ С «МАКАРОВЫМ» В БЕЛОЙ РУКЕ С ОТПОЛИРОВАННЫМИ НОГТЯМИ.

РОЗА, РАСШИРЕННЫЕ ЗРАЧКИ, КОСТЛЯВЫЕ ПАЛЬЦЫ, СЖИМАЮЩИЕ РЕВОЛЬВЕР «ЛЮГЕР».

Я не мог оторвать взгляда от желтоватого пальца, нажавшего на курок, от серебряного перстня с изображением черепа, от сломанного гигантского КОГТЯ на ноге, которого, наверное, никогда не касались ножницы или пила. Выстрелов я не слышал, хотя потом до меня дошло, что на дулах находились глушители. Батов выпрыгнул в окно, отстреливаясь на ходу, я видел, как он побежал вдоль бассейна, но вдруг остановился, попятился и опрокинулся, картинно задрал ноги в сандалиях, в голубую воду, которая тут же порозовела от крови.

Моя пассия лежала на ковре с простреленной головой, начисто обритой, похожей на недозревший беловатый арбуз. Восхитительная родинка грустно сияла на шее, из черной дырочки в виске не вылилось ни капли крови, нос картошкой опал и заострился, щеки запали еще больше. Случайно я задел рукой ее грудь и почувствовал нечто аморфное. Взглянул и тихо ахнул: к груди липучкой были приклеены два презерватива, наполненные жидкостью, – любимый трюк трансвеститов. О Боже! Неужели? Сердце мое взорвалось от боли – ведь никого на свете я не любил так нежно, как эту странную женщину. И я потерял сознание.

Когда я очнулся, то увидел Марфушу в знакомом комбинезоне с лямками на груди, на руках у нее лежал «калашников», вокруг бегали люди в камуфляже, словно сюда высадился целый десант нашего спецназа. Постепенно приходя в себя, я разглядел среди них Гуся, он выглядел таким счастливым, словно только что обрил себе лобок, рядом стояли бодрый Тетерев с красной гвоздикой в белой чалме и сияющий Грач в форме майора. Орла я узнал по лысине, светящейся, как лампочка в паутине, Сову – по черным бровям, торчащим над платком, закрывавшим лицо. Задницеподобный Грач приветливо помахал мне рукой, Курица и Сорока вливали мне в рот сладковатую микстуру, касаясь грудью моего лица, что сразу же ускорило процесс регенерации.

– Надо уничтожить трупы, пока не появилась полиция, – услышал я голос практичного Тетерева.

Розу оттащили в ванную, голова ее бессильно свешивалась вниз, побелевшие губы полуоткрылись и, казалось, что они собирались прошептать последнюю тайну. Гусь и Грач побежали к бассейну, он уже снова голубел, словно ничего и не произошло.

– Где Батов? Он точно упал в воду?

Труп исчез. Я вскочил и бросился в ванную. Комфортно сиял кафель, аккуратно лежали шампуни, гели, запечатанные кусочки мыла, висели белые халаты. Роза исчезла, словно испарилась. Только два презерватива, наполненные водой, одиноко лежали на кафеле.

Я попытался что-то сказать, но язык не слушался меня.

– Не волнуйтесь, Петр Иванович, вам нужен покой, – сказала Марфуша, прижала меня к своим огнедышащим купалам и переложила на софу, где я мгновенно забылся.

Я проснулся от мысли: куда исчезли трупы? Рационального объяснения не было, значит... она не шутила, значит, суккубы живут среди нас и плетут свои заговоры. Сделал тридцать пять прыжков вверх, отжался двадцать раз от пола, принял ледяной душ и вызвал Марфушу. В своем комбинезоне (нужно сказать, Джованни, он весьма подходил к роялю-попе, зарегистрированной в Книге рекордов Гиннеса) на фоне красно-желтых, черных и белых портретов на папирусах она смотрелась великолепно.

– Доложите обстановку! – приказал я строго, хотя уже подумывал о крещендо на ее рояле.

Марфуша достала из рюкзака за плечами (наша провинция не чужда моде) портативный сейф с десятизначным цифровым кодом, играючи открыла его и вынула папочку с документами.

– Я провела тайный обыск на квартире у Батова. Все это обнаружено там.

– Как вы туда проникли?

Спросил и застыдился своей глупости. Эх, так называемый Петр Иванович, ты что? Задавал вопрос оперной примадонне? Преподавательнице русского языка? Девке из стриптиза?

Разве ты забыл, что имеешь дело с асом сыска и виртуозкой компры, ногтем открывающей любой замок? Марфуша раскрыла папку и вынула оттуда несколько листов.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

ПЛАН ОПЕРАЦИИ «СЫЗАРЬ».

ЦЕЛЬ ОПЕРАЦИИ: канализация в нужном направлении и локализация «Голгофы».

ОБЪЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ: «Сызарь». Краткая характеристика: работоспособен, образован, но ограничен и догматичен. В сущности, дурак. Целенаправлен, упрям, но подвержен влиянию. Не пропускает ни одной юбки, особенно для него важно место действия, словно в комедии ситуаций. Круглый год носит кальсоны, причем не снимает во время акта. Обожает падекатр. Пьет умеренно, но иногда надирается вдрызг».

Я оторвался от текста.

– Что это еще за «Сызарь?» Видимо, намек на цезаря? Не президент ли это?

Марфуша потупила глаза и даже чуть покраснела. И тут я понял: так это же я! Но почему «Сызарь»?! Ах, так это от Сызрани! Славно изучили мою биографию! Но вот насчет догматизма, умственной ограниченности, гетеромании и пьянства явно хватило... Я продолжил чтение.

«АГЕНТУРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: «Базилио» и «Алиса». Степень надежности стопроцентная.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ.

Шесть элементов:

1. Привлечение внимания.
  2. Установление контакта.
  3. Фиксация и устойчивое удержание внимания.
  4. Сужение психологического поля внимания и перевод во внутреннее медитативное состояние. Установление раппорта.
  5. Индукция трансa.
  6. Достижение цели. Завершение сценария кодированием.
- СРЕДСТВА И МЕТОДЫ:

1. Знакомство на квартире у «Базилио». Танец как первая фаза. Возбуждение либидо и исчезновение «Алисы». Токси-

ческое отравление как создание условий для углубления контакта.

2. Контакт в больнице, по возможности, яркий и запоминающийся. Психологический раппорт, как предпосылка раппорта гипнотического. Использование полового влечения. Неожиданности и внезапности в поведении. Имитация девственности, использование красной краски. Резкое изменение положения тела, звуков и цвета. (, как она орала тогда в палате, Джованни!). Сочувствие, подстройка и подсоединение к настроению. Внезапное исчезновение после пенетрации в подкорку.

3. Случайная встреча в городе. Сальвадор Дали – как эпатаж подкорки. От пучков и фекалий к идее «Манна небесной» (так вот почему она отчеркивала соответствующие гнусные абзацы!).

4. Установка раппорта на корабле. Ребенок от «Сызаря» как центральный подсознательный фактор закрепления отношений. Генерация транса, управление поведением.

5. Индукция транса: отвлечение внимания путем введения нового элемента – исчезновения Гуся. Под этим предлогом вывоз «Сызаря» в Луксор под плотной опекой.

6. Полный гипноз. Расщепление личности. Углубление сомнамбулического состояния. Внушение команд по «Манне».

Заговор. Раньше я в подобное не верил, и всегда вспоминал слова своего американского приятеля: «К несчастью, мир полон людей, готовых заподозрить худшее, когда они видят кого-то выскальзывающим среди ночи из чужой спальни». Признаться, я был потрясен, Джованни, и не столько самим подлым заговором, сколько тем, что, по сути дела, все эти методы я прекрасно знал и сам использовал в масштабах «Голгофы»! Мы сами применяли «цыганский метод», воздействуя на народ. Разве мы не разжигали его декларациями о реформах Михаила Рулевого, магическими лозунгами «примата общечеловеческих ценностей» или «судьбоносных решений»? Разве не установили раппорт с народом, обещая райскую жизнь и блаженную свободу? Разве мы не фиксировали и не удерживали эту гамму народных чувств во время августа 1991 года, когда все яростно поддержи-

вали Бориса Властолюбивого? Разве мы не закрепили раппорт и не заставили людей проглотить рыночные реформы и смириться с обнищанием? Мы провели индукцию транса, торжествуя успех, мы погрузили нацию в сомнамбулический сон, мы реализовали полный гипноз и даже добивались полной амнезии памяти. Поразительно, что я оказался бессилен распознать этот метод, это было обидно, такого позора я не испытывал никогда!

– Неужели вы ничего не замечали? – строго обратился я к Марфуше, будто бы во всем виновата была она.

– Конечно, замечала! Вы посмотрели бы на гримасы, искажавшие ваше лицо, послушали бы свою сбивчивую речь, пару раз вы даже поскользнулись на ровном месте и чуть не упали с палубы за борт!

– Что же вы мне ничего не сказали? – возмутился я.

– Как так? Я намекала несколько раз. Да вы и слушать меня не хотели, вы выставляли меня из каюты! Разве я не говорила, что вам необходим доктор? Я даже напечатала для вас справку о зомби и вложила в книгу!

– М-да, между прочим, «умирает» не пишут через «е!» – я злился, конечно, на себя, но, увы, все мы, грешные, любим сорвать свой гнев на подчиненных.

– Мы в ЛГУ не обучались! – резко парировала Марфуша, всегда ненавидевшая Розу. – Мне с самого начала все было ясно, они разыгрывали две роли, воздействуя на вашу психику. Неужели вам не казалось подозрительным, что ваша жена (еще один удар!) постоянно трогала вас за правую руку? Это же приемчик любой жуликоватой цыганки! Иногда она зевала, навевая на вас гипноз, моргала глазами, навязывая вам свой биоритм... А как возмущало меня, когда ваша жена (опять!) и ее братец заговаривали вас с двух сторон – так действуют цыганки, перед тем как обчистить. Один раз я застала ее с вашими трусами...

– Это еще что за ерунда?!

– Разве вы не знаете, что заговаривать можно и через вещи – белье, часы, цепочку, волосы, обрезки ногтей! У нее было ваше фото, она колдовала над ним, она слепила вашу крошечную статую из хлебного мякиша и вставляла ей

в голову булавки... А трусы она тоже заговаривала, обмакивая их в молоко.

– Ну ладно! Хватит! Что стряслось с Гусем?

– Батов арестовал его и держал все это время в своем особняке под охраной. Гремицкий – это фиктивная фигура, вся операция отвлекла вас от «Голгофы», перенастроила на «Манну». Они добивались полного контроля над вами, они заманили вас в Египет, отрезав от меня и других наших товарищей!

Вот так, Сызарь, несостоявшийся Цезарь! Но была и радость, Джованни: ведь ни один из моих шпионов не оказался предателем! И как единодушно они погрузились в самолет и полетели на выручку своего заблудшего шефа! И, конечно, Марфуша... Не было ей цены, вот какие женщины в русских селениях!

– Извините меня за резкость, Марфуша, я немного погорячился. Но вы молодец и заслуживаете самого высокого поощрения, возможно, даже именного оружия или другого памятного подарка.

– Нам бы с Васей отдельную квартиру... Всю жизнь в коммуналке мыкаемся... – ответствовала скромная героиня, чуть зардевшись.

«Люкс» постепенно наполнялся моими помощниками. Тихо и незаметно – особенность нашей профессии! – вошли Гусь, Сова, Дятел, Грач, Курица, Тетерев, Орел, Сорока, специально перечисляю всех, все они попадут в указ о награждении. Я любил их, я гордился ими, в такие моменты все вокруг кажется прекрасным, и хочется жить и работать, жить и работать на благо.

Разве мир не великолепен?

В Иваново все спят под одним одеялом; в Париже можно шарахнуть ногой по игральному аппарату, и оттуда выпадет сто евро – и это в тот момент, когда карманы и желудок пусты; в Бангкоке девушки заигрывают, запустив в лоб бананом, там кормят острейшей пищей, после которой «рожаешь дракона»; в Гаване можно заказать коктейль «Свободная Куба», зажать между атласными ляжками молодой красотки и помешивать сигарой; в твоей Флоренции, Джованни, можно хорошо пож-

рать в ресторане и не заплатить – полицию не вызовут, но морду начистят! Ах, как мы не умеем ценить эти мелочи!

За окном висела бархатная ночь, расшитая белыми звездами, цокали копыта жеребцов, несущих фиакры, доносился женский смех, пахло рододендронами, катил свои величавые воды Нил, в саду гремела музыка, Луксор сиял огнями, и только в храме Карнака стояла мертвая тишина. Древние Фивы. Тут она родилась. Роза есть Роза есть Роза. Двери распахнулись, и в номер вошли лакеи в белых ливреях, на подносах они несли яства и напитки, как написал бы ты, великолепный Джованни, «все надлежащее было приготовлено разумным сенешалем, весело пропев одну стампиту и одну или две баллады, все сели за стол по благоусмотрению королевы». Пили и ели, никаких шпионских историй.

Спал я безмятежно, впервые за последние дни обретая истинную нирвану. И он явился. Я знал, что он явится и не оставит меня без мудрого совета. Я тут же вскочил со своего ложа и быстренько натянул штаны.

– Как же вы так влипли, Мисаил? – на нем была белоснежная галобея (как у Розы), в ней он казался еще выше и, как обычно, чуть сутулился.

– Разве вы забыли, как в свое время цэрэушники экспериментировали на своих секретаршах, давали им таблетки, гипнотизировали и заставляли достать пистолет, правда, незаряженный, выстрелить в человека и прочее...

– Но ведь из этого эксперимента ничего не вышло, Юрий Владимирович, они сами отказались от проекта. Кстати, мне не давали никаких таблеток...

– Если не считать амброзии и прочих масел, которыми вас усердно натирали, – усмехнулся он. – Кстати, о прикосновении к правой руке знали еще древние жрецы, это порождает доверие, я сам иногда этим пользовался в беседах с Леонидом. Правая рука представлена в коре головного мозга более, чем четвертью его площади, в правом полушарии, если вы не забыли, сосредоточено все иррациональное, в левом – ум и логика. Как шутят, женщины думают ушами, поэтому нужно говорить им комплименты...

Он светло и ободряюще улыбался.

– Кстати, Мисаил, – продолжал Учитель, – вся зловещность вашей истории вполне закономерна. Знаете ли вы, что все мерзкие воплощения дьявола, вроде ведьм, появились лишь с воцарением капитализма? А у нас? С перестройкой явились Кашпировский, Мавроди, бардаки, голые бабы на сцене, эскорти с любовницами за границу, дурацкие партии, бесконечные социальные опросы, рэп, секты и прочее. Небо и ад, Бог и Сатана есть отражение земной реальности... – он вздохнул и чуть расстегнул галобею, видимо, ему было жарковато. – Вот почему при капитализме, принесшем народам ужасы нищеты, даже во времена зарождения Ренессанса, столь блистательно воспетые любимым Боккаччо, дьявол, властитель ада уже не мог быть веселым шутком, каким он был в Средние века. Вся ваша история с Розой могла произойти лишь с человеком, переживающим дикий капитализм, период первоначального накопления. Добрый милосердный Бог покинул землю. Об этом вам прокричал старик Аввакум! Вы поняли меня?

Учитель присел на козетку, потом вскочил и прошелся по комнате точно таким размеренным шагом, как у себя на Лубянке. Как обычно, он вдумчиво глядел под ноги, лишь иногда вскидывал голову и всматривался в папирусы, словно это были портреты Владимира Ильича и Феликса Эдмундовича. Но мучил меня совершенно другой вопрос: по чьему заданию действовала эта парочка? Западных спецслужб?

– Юрий Владимирович, кто же, по вашему мнению, нарушил на меня этих двух экстрасенсов?

Он улыбнулся и поправил на носу очки.

– А вы не догадываетесь?

Я только помотал головой.

– Подумайте еще, – он потер руки и хитро улыбнулся. – Это сделал я, мой дорогой Мисаил!

– Не шутите так, Юрий Владимирович! – не поверил я.

– Представьте, что я!

– Значит, вы срывали нашу «Голгофу» своей «Манной»?

Он помолчал, еще раз поправил очки и продолжал.

– Искусство политики предполагает резкие повороты, вы должны относиться к этому философски, и не обижаться. Почему наша нация столь долготерпелива? Корни таятся

в холодном климате и сортирах во дворе. Терпели столетиями и до ветру на мороз шли неохотно. Выработался ГЕН ТЕРПЕНИЯ. Вот я и подумал, что если сверху засыпать всех «манной», то все как бы смешается, терпеть будет незачем, и эта национальная особенность исчезнет сама собой. Таким образом, это не сорвет, а только стимулирует «Голгофу»...

Он вздохнул и вдруг покраснел. Я понял, что он солгал.

– Исполнителей вроде вас всегда убирают, дорогой Мисаил, – сказал он просто и прямо и улыбнулся. – Вспомните Освальда или Фанни Каплан, которую почти сразу же прикончили. Иосиф последовательно убирал своих ликвидаторов – Менжинского, Ягоду, Ежова... К тому же в «Голгофе» я решил произвести некоторые коррективы, а вы... извините меня... вы же читали документ... слишком догматичны. Я вас очень ценю, вы – честнейший и самый верный мой ученик, но даже на солнце бывают пятна. Вы – блестящий работник, великолепнейший интриган! Как тонко вы придумали орден «За заслуги перед Отечеством» трех степеней, перессорили всех, Гердту – третьей, Ростроповичу – второй, а вот первой непременно дать мерзавцу, не получившему ни второго, ни третьего! Даже Воланд, с которым я недавно пил пиво, признался, что он со своей «осетриной второй свежести» перед вами сушее дитя! Ну, а решение о прозрачности деклараций высших должностных лиц? Это конгениально, Мисаил, пусть народ почитает, какие бабки гребут его руководители! Хотя уверен, что напишет правду только самый бедный, вроде шефа налоговой службы. Боже, а ваша грандиозная мысль поселить президента Бориса и его окружение в одном доме на улице Осенней! А потом их всех – одним махом! Ежов локти кусал бы от зависти! Но нужны коррекции, и я не случайно отселил нашего фаворита ВВ из столицы в Сочи. Возможно, со временем мы перенесем туда столицу.

Он вздохнул. Видимо, жалел меня. Бедный Учитель! Что ж, обычная история. Владимир Неистовый подставил ножку Плеханову и предал анафеме своего друга – меньшевика Мартова. Иосиф Грозный перестрелял своих друзей-большевиков, а заодно и некоторых дальних родственников. Никита Беспокройный измывался над прахом учителя Иосифа,

хлопнул коллегу Берия и его выдвиженцев. Леонид Стабильный сверг своего друга и учителя Никиту, Михаил Рулевой развенчал Леонида, который его выдвигал, Борис Властолюбивый возненавидел своего друга Михаила.

Наш ВВ действовал осторожнее, самого Бориса развенчивать не стал, зато пересмотрел его политику. Посадил тщеславного банкира Ходорковского, выгнал своего коллегу премьера Касьянова, заставил убежать своего спонсора Березовского. Что ж, убирать мелких сошек вроде меня – это в порядке вещей. Такова жизнь. И все равно я любил Юрия Владимировича, и не покидала меня мысль, в какую часть неба он попал.

– Юрий Владимирович, что же делать с «Голгофой»? – спросил я прямо. – В конце концов, я готов отойти в сторону ради Дела. Я помню подвиги наших партийцев в тридцать седьмом году, когда они признавались в несуществующих грехах ради сплочения партии. Я готов.

Он присел в кресло и внимательно оглядел фигуры на папирусах, каждую в отдельности. Погода изменилась, за окном, словно хор одичавших кошек, завывал налетевший хамсин.

– М-да, план у нас был яркий, выразительный. Как писал Монтень, «Красноречие в Древнем Риме никогда не достигало таких вершин, как во времена упадка». А вообще я только сейчас понял, что наша система была вовсе не так плоха, просто мы все стали жертвами буржуазной пропаганды и поверили, что необходимы и платные образование и медицина, и обязательно 25% за квартплату и коммунальные услуги, как на так называемом цивилизованном Западе. Нас обольстила свобода, мы растеряли приводные ремни, попали в болото анархии. Впрочем, какая свобода?! Попробуйте в частных СМИ развить идею национализации без всяких компенсаций!

Юрий Владимирович замолчал, по его лицу пробежала тень страдания.

– Я иногда пытался внушить Леониду, – продолжал он, – что, имея приводные ремни, можно управлять страной даже при оппозиции. Но мешали фанатики вроде Миши Сулова.

Разве сейчас правительству приносят вред оппозиционные газеты или выступления? Не надо реагировать – вот завет. Надо учиться на ошибках прошлого. Кому мешал свободный выезд за границу? Наоборот, вся скрытая оппозиция мирно эмигрировала бы в Израиль и Америку и критиковала из-за рубежа. Зачем нужны были такая строгая цензура, это доведенное до бессмыслицы единомыслие?! Разве не гениальна цензура с помощью экономического давления или вежливых отказов в субсидиях? Сейчас в России полный бардак мнений, но разве это мешает президенту править как царю? Ну, а льгот сейчас стало так много, что я даже подумываю спуститься на Землю...

– Так как же вы намерены воплотить в жизнь «Голгофу»? – настаивал я.

Он пожевал губами и задумался. Я внимательно глядел на него, ожидая ответа.

– Сейчас бы чайку с сушками, как в Колпачном... – вздохнул Учитель, снял очки и стал протирать их, вслушиваясь в стоны хамсина. – Расскажите, какие меры приняты для ожесточения проклятого Запада, – он тонко улыбнулся.

Что рассказывать? Я и не думал что-то делать, ибо прекрасно знал ситуацию с боевиками. Да и Учитель это знал, но по обычной привычке начальников давал указания, словно тыкал пальцем в небо. По этой веской причине я внутренне усмехнулся и на следующее утро вылетел, Джованни, в твою Флоренцию. Нет, это уже была не твоя Флоренция, где прекрасные юноши и девушки искренне предавались любви прямо у ворот Джотто! Уже весь мир с подачи янки уже был отравлен гнилой идеологией, именуемой политкорректностью. Началось еще во времена канцлера Коля, когда он извинился перед евреями за страшный холокост, погубивший шесть миллионов. Представь себе Аттилу или Наполеона, извинявшегося перед повергнутыми врагами. Абсурд! Эта лицемерная политкорректность потянула за собой кары за приставание к женщине, так называемый харассмент. Я всю жизнь только и делал, что ухаживал за женщинами, склоняя их к вожделенному сексу, они были счастливы от этого, они благодарили и боготворили меня, и что теперь? Ведь любое

легкое ухаживание можно истолковать как харассмент, ибо в Библии записано: «Каждый, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».

Увы, Джованни, нынешние итальянки, хотя и намного превосходят селедочных английских леди, избегают любви на полянках и морских скалах, в такси и укромных уголках на вечеринках, они тянут в отели, предпочтительно пятизвездочные, что вгоняет меня в невыносимую тоску. Эх, это не родная Россия, где пока (именно пока!) можно оттянуться с дамой в баньке, с паром и веничками, под холодненький самогон и банку килек в томате! Даже на дереве! Зато могу тебя успокоить, Джованни, твои прелюбодействующие друг с другом монахи отнюдь не загнаны в подполье: западное общество ныне тепло приветствует гомосексуализм и лесбиянство и даже одобряет однополые браки. Правда, этот благородный род занятий не по мне, хотя в армейской молодости, помнится, я чуть не соблазнил соседа по казарме, и только геморрой этого пузана уберег меня от исключения из комсомола.

Чувствую твою улыбочку, недоверчивый Джованни, думаешь, я вешаю тебе спагетти на уши и не рассказываю правду о своих страшных деяниях? О том, как я травил полонием Литвиненко, а затем несчастных Скрипалей? Увы, чекистам верят, когда они лгут, но зато абсолютно не верят, когда они говорят правду. Конечно, я счастлив был бы кокнуть всех этих врагов народа, но есть одно важное «но», послушай об этой беде.

Исчез ресурс для проведения серьезных «эксов» – так называли большевики острые операции с убийством. ИСЧЕЗ РЕСУРС! Иосиф Виссарионович был докой в темных делах, и выпестовал целую плеяду героев, способных на все (потом почти всех перестрелял, а начальника Смерша Виктора Абакумова даже держал в камере-холодильнике, прикончил его добрейший Хрущ). Умело утопили в США помощника Левушки Склянского, бросили в Женевское озеро эффективного, но сомневающегося агента Рейсса. Душка генерал Судоплатов подарил украинскому нацисту полковнику Коновальцу коробочку конфет, которая разнесла и полковника, и весь квартал Роттердама. Отравили в Париже сына Троцкого Седова, заманили в представительство верного агента, китай-

ского губернатора, включили во дворе грузовик и кокнули. По Европе, словно в туристическом круизе, курсировал кораблик с боевиками. Выкрали и закопали в парижском гараже белогвардейского генерала Кутепова, а затем выкрали оттуда же генерала Миллера, довели до Лубянки и расстреляли. А уж как ловко раскроил ледорубом голову Левушке Троцкому наш герой Меркадер! Но убрали соратники отца родного Иосифа Виссарионовича, явился Никита, и все пошло вкривь и вкось.

Началось с убийства военного преступника Степана Бандеры, однако потом боевик сбежал на Запад, все рассказал, и начался международный скандал! И тут по инициативе Никиты мудрейшее политбюро распорядилось все «эксы» свернуть, дабы не мешать политике мирного сосуществования, глухо закрыли все «эксовые» отделы КГБ и рассосали лучшие кадры боевиков, посадили Судоплатова и лучшие боевые кадры, запретили даже говорить об «эксах»! С тех пор ни одного предателя не тронули, живут все эти гады припеваючи и пишут мемуары.

В твои времена, дражайший Джованни, убить человека – что прыснуть на два пальца, даже Цезаря простейшим кинжалом легко зарезал его дружок Брут. А скольких отравили Медичи! А в наши времена? Вокруг армии охранников, из каждого куста, из каждой задницы торчат видеокамеры, везде рентгелят и мониторят, все руководители обмотаны до яиц бронезилями, даже римского папу возят под стеклянной броней – как размахнуться руке в такой обстановке? Да еще не имея ресурсов!

Все это прекрасно знал Юрий Владимирович, вроде бы намекая на некие мероприятия для обострения отношений с Западом. Что было делать? Я и позвонил пацанам из спецназа, попросил по-дружески сделать кое-кому «козью морду». Они народ простой, любящий побалдеть за кордоном, каждый просьбу понял по-своему. Полонием баловались охранники Березовского (славный наркотик!), чего-то наворотили, чуть сами не отравились вместе с подполковником Литвиненко. В Солсбери к Скрипалям поехали прямо в служебной спецодежде, тут же надрались в отелике, причем

завали скандальную бабу с панели – и все это под плотным контролем английской контрразведки, у которой ушки всегда на макушке. Со Скрипалем разминулись, но в отместку намазали ручку его двери чем-то непотребным. Запад только этого и жаждал, тут же назвал дерьмо отравляющим газом «Новичок» и ввел против нас санкции. Не веришь, Джованни, думаешь, я вру? Но нет у нас ресурсов, наш Борис вообще хотел упразднить разведку и очень серьезно почистил органы, правда, не стрелял, а направлял работать в банки. Мы сами извели своих лучших боевиков!

...Я шел по пустыне, дорогой Джованни, я шел в тоске и одиночестве, но не сдавался: в любом случае я остаюсь верным Учителю и его «Голгофе». Вдруг песок заурчал, и я провалился вниз, летел я мучительно долго, летел сквозь годы и годы. Вдруг что-то вспыхнуло, и я почувствовал свинцовый удар по заднице. Это был конь, а на нем восседал Железный Феликс. Я помчался от него, конь гнался за мной, пот градом лил с его боков, он словно взбесился. Феликс Эдмундович лупил его шпорами, надетыми на голые худые ноги, конь летел за мной, больно ударяя меня по заднице копытами, я бежал, напуская в штаны! В руках у озверевшего Феликса свистела плетка со свинцовым набалдашником, она гуляла по моей окровавленной спине. Оглушительно гремел «Интернационал». «Вставай, проклятьем заклеяменный, весь мир голодных и рабов» смешивалось с криками «Во тебе, бля, за все твои штучки, белогвардеец сраный, сука!» и выплескивалось в какофонию ужаса.

Я вылетел из дыры совсем старым и седым, я очутился снова в пустыне. Вдруг грянул мороз, полил ливень, зацвели яблони и груши, вспламенилось солнце. В крошечной ночи в такт солнечным лучам подмигивали звезды, вот одна из них прошла шаркающей кавалерийской походкой по тучке – небесному страннику, запрокинулась, словно опохмелилась на ходу стопкой, и, подобно Офелии, бросилась в омут вихря.

Жара стояла невероятная, огромные, величиной с пивную бочку, хлопья снега накрывали одинокие звезды, застревавшие в морях и океанах, лед надвигался на берега

и ломал шашлычные вместе с дымящимися мангалами. Ливень хлестал, словно сто тысяч братьев, а от грома барабанные перепонки лопались и ключьями взлетали в воздух. Все смешалось, как в доме Облонских. Игра испорченного нами климата.

Учитель прыгнул прямо с крыши космоса, он был облачен в скромный китель с плеча то ли Сталина, то ли телеведущего Соловьева. Мы оказались в шатре, в Серебряном Бору, место уютнейшее, очень напоминавшее наш партийный санаторий «Барвиха». Публика вокруг дружелюбная: члены ЦК, патриарх, деятели науки и искусства, космонавты – почти все отдыхали в креслах-качалках на зеленом лужке, где стояла одинокая швейцарская корова. Как никогда был серьезен Юрий Владимирович, напряжен, сосредоточен, весь погружен в себя. Последний раз я видел его таким в сауне близ Лубянки, где мы пили импортный «Редебергер» и закусывали, как обычно, сушками и плавленым сырком «Дружба». Начал он свою речь издали.

– Мы неплохо освоили Маркса и Ленина, но совершенно забыли известный завет великого дипломата Талейрана: «Et surtout pas de zele!» – «Прежде всего не усердствуй!». А что мы? Вот Ельцин пил бы себе тихо в удовольствие, а ему захотелось подирижировать оркестром или выбросить в речку своего пресс-атташе! Явно перегнул палку. Вот мэтр Собянин прекрасно благоустроил Москву, но увлекся и не оставил вонючих дворишек и милых бабушек, торгующих на углах солеными огурцами. Милая Ксюша Собчак повыпендривалась на президентских выборах, но этого показалась мало: развелась, вышла замуж за скандального режиссера Богомолова, да еще на венчание прибыла на катафалке! Перебор, явный перебор! Или возьмем ситуацию Украине. Кстати, там всегда весело! Помните, когда случился несчастный Чернобыль, все танцевали и пели: *«Горбачев чететку пляшет, а Щербицкий гопака. Загубили Украину два веселых мудака!»* Конечно, грубовато насчет Горби и хозяина Украины секретаря обкома Щербицкого, но по делу!

Но вернемся к Украине. Блестяще запустили фильм «Слуга народа», выбрали по фильму красавчика Зеленского, напоми-

нающего мне молодого Хазанова. Все вроде бы великолепно! Но как это отозвалось в России? Уже поступают агентурные донесения о формировании правительства России исключительно из актеров. Сама идея хороша, и народ ее поддержит всей душой! Однако я стал смотреть предложенный состав правительства, а там одна эстрадная попса! Хотя я боготворю Любу Успенскую. «Люба, Любочка, целую тебя в губочки!» Нет в правительстве ни бесподобного Жени Миронова, ни великой Алисы Фрейдлих, даже Лещенко и Винокура не включили! Это же явный перегиб в пользу попсы!

Даже идеальнейший Владимир Владимирович, наша гордость, наша креатура, явно пересидел свой срок. А ведь это наш лучший правитель! Единственный вождь после Ильича, калякающий на иностранных языках. Кто еще в истории столько летал и ездил по необъятной России?! Никто – от Ленина до Ельцина! А ведь нашей страной иначе невозможно управлять, везде требуется президент с кнутом! Остановил войну в Чечне, успешно вытягивает нас из пасти вероломного Запада. Худенький, гоняет в хоккей, как юноша, а у нас все вожди только охотились ради последующей пьянки. Правда, Ленин гулял по Альпам, катал на велосипеде свою любовницу Инессу Арманд, а Сталин вообще после ночных застолий с политбюро просыпался в десять утра, не делал даже зарядки и пил натошак привозную хванчкару. А наш ВВ вообще не пьет, видно, завязал, активно поощряет спорт, растит страну здоровяков, как в Древней Спарте, правда, среди них многовато дебилов. И не зябнет по глупости в Кремле, как я с большими почками или Мишка со своим пятном, а предпочитает Бочаров Ручей в благодатном Сочи! Умница, но пересидел, ох как пересидел!

– Но какой выход? Снимать Володю? А как же «Голгофа»?

– «Голгофу» мы обязаны радикально пересмотреть! Все это пепел и алмаз, звук и ярость!

– Отменить? – перепугался я и поперхнулся сушкой.

– Коммунисты никогда не отказываются от главных целей, но они не догматики. Слушайте меня внимательно и с холодной головой, как подобает чекисту. Недавно мы собрались на дружеское совещаньице у Карла Генрихови-

ча и его друга Фридриха. Пили потрясное вино из приюта семьи Марксов, родного Трира, любезничали с супругой, достойнейшей Женни фон Вестфален, и даже с экономкой. Пригласил он, естественно, всех ведущих единомышленников, включая Ильича с Надеждой Константиновной, Георгия Валентиновича Плеханова, Эдуарда Бернштейна (помните этого основателя презренной социал-демократии?), естественно, всех советских вождей. Пригласил даже Сталина и Троцкого, правда, с совещательным голосом.

Началось все с того, что Карл угостил Леонида Ильича искусственным бифштексом и таблеткой водки с селедкой и развил идею, что очень скоро все человечество перейдет на искусственное питание, на одни таблетки, причем один раз в день. «На хрена мне нужен такой коммунизм? – возмутился наш непосредственный Леонид Ильич. – В чем тогда радости жизни? Не читать же вечно ваш «Капитал»?» Тут и пошло. Заспорили об ужасающих изменениях климата, о достижениях в космосе и скором переселении туда части населения нашей планеты и, конечно же, о нашей «Голгофе», которая у них на контроле.

– Неужели отменить, Юрий Владимирович?! – снова перепугался я. – Ведь столько затратили трудов! Столько ухлопали денег!

– Не дергайтесь, дорогой мой друг, вы уже далеко не мальчик и даже серьезно перешагнули через пенсионный возраст, однако... Однако, Мисаил, вы еще не нюхали Вечности. Признаюсь только вам, что ныне в моих глазах мировой кризис, диалектика, исторический материализм, рыночная экономика, Сократ и Эйнштейн, курсы валют, расценки на шлюшек, наши споры в политбюро и даже ежегодные майские призывы в газете «Правда» представляются мне полной мурой. В свое время партия и товарищ Хрущев изрядно измутили поэта Андрей Вознесенского, а ведь у него правильно сказано: «Оза, Роза ли, стервоза? как скучны метаморфозы, в ящик рано или поздно... Жизнь была – а на фига?!»

Вот я всю жизнь трудился как вол, жертвовал собой, не разводился с женой ради дела партии, в конце концов, именно я укрепил и сделал могущественным наш Комитет

государственной безопасности! А чем я запомнился в народе? Лишь тем, что чуть-чуть снизил цену на водку. И все! Все забыли эти сукины дети! А через год забудут и о водке. Как писал поэт, «Все лишь бредни, шерри бренди, ангел мой!» К чему я веду, дорогой мой Мисаил? А к тому, что человеческое существо, так называемый хомо сапиенс, грешно с тех пор, как легкомысленный Адам преступно совокупился с давалкой Евой.

В человеке вечно сидит и гадит бес, выворачивает наоборот самые лучшие намерения и поступки. Посему человек никогда не станет настоящим коллективистом. А это означает, что наша «Голгофа» без радикальной коррекции обречена на провал даже при самом благополучном исходе. Ведь всегда найдется какая-нибудь диссидентская мразь, которая все поломает и вернет на гнусные буржуазные рельсы. У них же пустые головы, не зря отец либералов Джон Стюарт Миль говорил о таких, как о «конгломерате посредственностей»!

Это неожиданное признание потрясло меня, и я заплакал. Слезы ручьями текли у меня по лицу и замерзли под морозным ветром. Юрий Владимирович обнял меня за плечи и по-отечески прижал к себе.

– Успокойтесь, Мисаил, всегда помните, что даже в самые тяжкие моменты истории наш Железный Феликс думал о беспризорниках! Слушайте внимательно: мы войдем в светлое будущее совсем иным путем. Совсем недавно я через вашу голову дал указание Воле развивать цифровую экономику, сменить правительство, вы понимаете, к чему это приведет? Появятся роботы. Они заменят дворников, водителей, шахтеров, нефтедобытчиков, продавцов, официантов, силовиков и политиков, даже Думу и Администрацию. Высвободятся огромные производительные силы, и что они будут делать? Сначала будут только хлебать водку и трахаться, но это надоест, тем паче что к тому времени пища и алкоголь будут в таблетках, а секс будет тоже оцифрован и овиртуален.

Тогда и наступит время, о котором мечтал Маркс. Человек, наш любимый хомо сапиенс, наконец-то сможет само совершенствоваться, наслаждаться природой, литературой и искусством, читать в оригинале Гегеля и ловить рыбу це-

лыми днями. Появится масса совершенно новых профессий, люди будут много путешествовать, перелетать с планеты на планету. Отныне каждый будет оцифрован и подключен к умным докторам-роботам, которые совершенно объективно смогут замерять его здоровье (и тут же излечивать), а также политические взгляды и умственные способности. Таким образом, образуется новая политическая система: суды роботов, избирательные комиссии всех уровней, состоящие исключительно из роботов, – никаких подтасовок при голосовании, никаких откатов при судействе. Конечно, не обойдется без диссидентской сволочи, но они будут отправлены на Марс, на вечное поселение.

Многие считают, что в результате роботизации при коммунизме будут жить одни дебилы. Кстати, а где это записано, что общество должно состоять из интеллектуалов, сплошных Галилеев и Львов Толстых? Пусть будут дебилы, счастливые и здоровые дебилы! Пусть все играют в хоккей! И мы отдохнем! Мы увидим все небо в алмазах! Вот так, Мисаил, вот такие, брат, дела...

На нашем застолье обсуждение прошло в целом спокойно. Идеи оцифровки приняли. Ленин тут же начал писать под них новые Апрельские тезисы, Плеханов и Бернштейн согласились, но при голосовании по меньшевистской привычке воздержались, наши Леонид Ильич и Борис тут же с горя надрались. Михаил Сергеевич предложил включить идеи оцифровки в новые общечеловеческие ценности. Иудушка Троцкий тут же призвал распространить новую систему на всю Вселенную, а Сталин все одобрил, но предложил расстрелять всех создателей цифровой революции, дабы они не передали свои идеи антикоммунистам. В конце концов, все жутко поддали, увлеклись молодым трирским вином, забыли об идеях и стали приставать к присутствующим бабам...

В общем, мой дорогой друг, теперь во главе новой «Голгофы» будет у нас Вова. Он хороший исполнитель, и правильно считает, что у подчиненных руки растут из попы. Вас, дорогой Мисаил, я оставляю при себе в качестве первого советника, вот и новые условия связи: когда поплывете по

Флегетону, попросите старика Харона причалить у песчаного пляжа, где я вас буду ожидать. Оповестительный знак – в правой руке газета «Правда».

Председатель взмахнул крылами и воспарил ввысь.

Не могу сказать, что я был очень расстроен отставкой. И здоровье уже начинало шалить, да и в цифровой революции я особо не кумекал, компьютер использовал только как пишущую машинку, уступающую любимому «Ундервуду». В Сеть выходил редко, всегда восхищался обилием предложений перевести на мой счет крупные суммы и отправлял в ответ все данные моих кредитных карт. Каждый раз удивлялся, что в результате карты обнулялись, что совсем не вязалось с моими представлениями о порядочности.

Нет, не отставка меня поразила, а условия связи. Почему Юрий Владимирович прямо не пригласил меня к себе домой? К чему эта явка на пляже у Флегетона и конспирация? Значит, он скрывает свое местонахождение в Раю? Значит, номенклатура и там обосновалась в особо комфортабельном местечке? Значит, опять неравенство, опять нарушение принципов научного коммунизма! От этой несправедливости заболело сердце.

Жить не хотелось.

Я шагал по пустыне, продираясь сквозь беспощадный хамсин, я шел и шел, а мимо пролетали тени, знамена, мантии, коляски, жернова разбитых мельниц, слышался плач младенцев и несчастных женщин. Грязь на коленях, осколки черепов, свист и слова команд, взрывы ядерных бомб. Выли и выли шакалы, заглушая все музыки мира.

И вдруг наступила мертвая, гнетущая тишина. Я шагал один, совершенно один, до безумия один в глухой пустоте. Страх навалился на меня, сжал сердце, страх толкал меня вперед, в бездну пустоты. Мама, мама! Я вспомнил, как во время войны вышел с мамой на московские улицы и потерялся. Я шел мимо огромных аэростатов, мимо домов с окнами, перевязанными газетными полосками, я шел и плакал от ужаса. Мама! «...и что я скажу, как сын, устыдившийся срама: «Ну вот и приехали, мама». И что я могу сказать? Что?!

И дальше звенели стихи покойного юного поэта Дениса Новикова:

*«Мы ехали шагом, мы мчались в боях,
мы ровно полмира держали в зубах,
мы, выше чернил и бумаги,
писали своё на рейхстаге.*

Своё – это грех, нищета, кабала.

*Но чем ты была и зачем ты была,
яснее, часть мира шестая,
вот эти скривили листья...*

Подумаем лучше о наших делах,

Налево – Маммона, направо – Аллах.

*Нас кличут почившими в бозе,
и девки хохочут в обозе.*

Поедешь налево – умрешь от огня.

Поедешь направо – утопишь коня.

Туман расстилается прямо.

Поехали по небу, мама».

Мама, мама, родина моя! Я шагал и шагал, тумана не было. Была ненависть, она нарастала и захлестывала меня. Для чего я жил? Ради чего трудился? Ненависть сгущалась, разлетелись вдрызг все «измы» и «голгофы», провалились в болото Ильич и все вожди, даже любимый ЮВ превратился в нудного старикашку. Роза? Какая на хрен Роза?! Осталась только выжженная пустыня, только жаркий воздух, кости дробились, и я слышал, как хрустит моя голова. Ради чего я жил?

Снова невидимые шакальные скрипки, завывающее одиночество.

Гудел хамсин.

Опускалась ночь.

Михаил Любимов

Михаил ЛЮБИМОВ
ДЕКАМЕРОН ШПИОНОВ
Записки страстотерпца

Сатирический роман

Выпускающий редактор и корректор
Елена Соеолова
Верстка
Людмила Ряховская

АО «Издательский дом «Аргументы недели»
125167, г. Москва, Авиационный пер., д. 4а
Тел.: +7(495) 980-45-60
www.knigi-an.ru

Подписано в печать 00.00.2020.

Формат 84x108/32.
Объем усл. печ. л.
Тираж 000 экз.
Заказ №

??? Отпечатано в ООО «Издательско-полиграфический
комплекс Парето-Принт»
170546, Тверская область, Калининский район,
Бурашевское сельское поселение,
промышленная зона Боровлёво-1,
комплекс № 3 «А»